

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Роман ВЫГОВСКИЙ

ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ

У тебя есть сила и могущество,
и смерть ходит за тобой по пятам

Причудливо тасуются карты в колоде госпожи Судьбы, меняя жизни людей, народов и даже целых вселенных. На протяжении тысяч лет существуют те, кто, возжелав тайно править мирами, позарился на карты этой колоды. Карты, которые дают Силу, Власть и Могущество, возможность разрушать и творить, обладать и наслаждаться. Внешне обладатели карт ничем не отличаются от нас, но в их жилах течет иная кровь. Чудовища, вампиры и оборотни, некроманты и чародеи. Они называют себя Архонтами, магистрами Черной ложи. Маркиз Анри де Ланьяк, стал невольным обладателем одной из таких карт и по воле случая оказался в центре борьбы между могущественной Черной Ложей, и таинственной Белой, о которой никто не слышал уже много столетий. Теперь жизнь маркиза висит на волоске, вместе с судьбой его родного мира, за который ему предстоит бороться. В этой жестокой игре он поставит на кон всё, не имея выбора и не зная правил. Его будут сопровождать самые верные союзники, а противостоять ему будут самые опасные враги. И как знать, возможно, чтобы стать победителем в этой игре, ему придется пойти по самой тёмной дороге?

Роман Выговский
Игра без правил

Часть первая. La reine des glaives (Королева Мечей)

Глава 1. Честное предательство

Замок де Ланьяк. Южная Франция. Графство Тулуза

Во дворе слышится тревожное ржание лошадей, лязг металла. Но это там, по ту сторону каменной кладки, а здесь — все иначе, тишина и покой. Лишь оживленно подрагивает пламя в камине, дрова потрескивают, искорки веером взлетают в воздух.

Просторные залы замка утопают в рассветном пурпуре, весеннее солнце с триумфом пробивается сквозь витражи, цветные тени медленно скользят по дорогим коврам и шкурам медведей. Утренний свет падает на обагренный кровью кинжал, отблески бегут по лезвию как вода, алые капли сверкают, словно осколки рубина, неспешно стекают по кромке.

Анри сидел на обитом бордовым бархатом кресле, у стены. Казалось, дремлет, не замечая страшной раны на груди. Тело маркиза налилось неподъемной тяжестью, лоб и щеки блестели от капелек пота, темные круги перед глазами лихо выплясывали танец смерти.

Кровь толчками изливается из раны, жизнь уходит хоть и медленно, но безвозвратно. Гаснет, как пламя в камине: жаркие языки обращаются в тление, дрова в пепел. У ног маркиза неподвижно лежит человек, лицом вниз, из шеи, почти у затылка, торчит узкая рукоять мизерикорда. На эфесе радостно поблескивает крупный изумруд, его не страшит кровь, а тем более смерть.

Анри прокручивал в памяти картинки, все произошло так внезапно, но запомнился каждый миг. Вот, убийца перед ним, смотрит неотрывно, в блестящих глазах холодное спокойствие, губы сжались в тонкую линию, но рука с оружием вздрагивает, будто боится не рассчитать удар, видно по усилиям.

Он, Анри все мгновенно понял, рука проворно скользнула вниз, к ножнам, пальцы ухватились за рукоять мизерикорда. Блеснуло лезвие, широкое, страшное, боль стеганула по всему телу, хотя кинжал торчал из груди, перед глазами поплыло. Убийца выдернул оружие и замахнулся снова, догадался гад, что мимо сердца.

Следом послышался глухой звук удара, хруст костей, Анри разжал ладонь. Не успел совсем немного, изнутри распирала обида, злость, как же так! Они смотрели друг на друга, со злобой и отчаяньем, как два израненных хищника, оба уже понимали что умрут.

Глаза убийцы остекленели, из шеи наружу торчал острый стальной клюв. Незнакомец побледнел, отшатнулся, из уголков рта вниз побежали тонкие алые струйки. Кажется, даже сказал что-то, или захрипел. Анри видел, как кровь хлынула потоком, на бежевом ковре появились темные пятна.

Убийца рухнул, ухватившись руками за шею. Будто пытался закрыть страшную рану, струйки крови брызгали из-под пальцев, словно шампанское из горлышка бутылки. А он, Анри улыбался: Кровь за кровь, жизнь за жизнь. Теперь умирать не так обидно, правда, мертвый убийца жизни не вернет...

Хриплое дыхание вырывалось из легких маркиза со свистом и тяжестью, руки намертво вцепились в деревянные резные поручни. Сил не осталось и капли, ни встать на ноги, ни вскрикнуть. Прикрыв глаза, Анри увидел исполинскую воронку. Темные кольца вращают безвольное тело, затягивают как магнит в кровавый туннель, ведущий вниз, в бездну. Сразу вспомнились картины страшного суда в Соборе Парижской Богоматери. Туннель

отсвечивает дьявольским пламенем, со стенок вниз стекают густые потоки алого, похожие на лаву или загустевшую кровь.

Анри открыл глаза, взгляд скользнул вниз: незнакомец уже не дышит, алое пятно на ковре становится все больше. Внезапно в ушах зашумело, черный саван колыхнулся перед самыми глазами, он потонул в том непроглядном мраке, а когда снова вынырнул на поверхность, за круглым столом, у окна, уже сидела Леонор, его жена.

Отрешенно и холодно блондинка наблюдала за ним с другого конца зала. В ее серых глазах Анри уловил затаенную злобу: черты лица заострены, на скулах играют желваки, челюсти плотно сжаты, губы почти исчезли.

Взгляд мимо воли скользнул дальше. Голубое платье расстегнуто на груди. Даже сейчас, при смерти, маркиз залюбовался ее красотой: стройные плечи, белоснежная кожа, соблазнительные полушария груди. Нежное создание, но под бархатной кожей тугими нитями плетутся натренированные мышцы. Леонор лучшая фехтовальщица в Тулузе, быстрая и смертоносная словно змея. Даже он, маркиз де Ланьяк, чьи отец и дед возвращены войной, не мог с ней сравниться.

— Ты еще жив? — сладким голосом спросила Леонор, напряжение вмиг исчезло с лица, уступив место притворной улыбке. — Ах, Анри-Анри, ты всегда удивлял меня.

Веки маркиза наливались свинцом, взгляд угасал. И хотя звуки знакомого голоса вынудили открыть глаза, веки отчаянно сопротивлялись, бледная кожа покрылась синюшными прожилками. Глаза напоминали тлеющие угли в камине, живой блеск, таял как мартовский снег за окном. Маркизе казалось, что из кресла на нее взирает само отчаянье.

— Я еще жив, — донесся до Леонор сдавленный шепот. — Не знаю почему, но я еще жив.

Леонор встала, затмив свет солнца, бьющий из окна. Яркое сияние ореолом обьяло ее лик, засветились золотом роскошные волосы, она напоминала ангела. Анри слабо улыбнулся. Маркиза подошла вплотную и посмотрела сверху вниз. Голос сладкий и густой изливался, словно карамель из кондитерской турочки:

— Анри, милый, это я наняла его, — прошептала Леонор на ушко.

— Что?

Леонор пожала плечами, вишневые губы разошлись в обворожительной улыбке, обнажив два ряда белых как жемчуг зубов.

— Я наняла убийцу, дорогой. Я могла бы и сама тебя убить, но так ведь интересней, — улыбка исчезла с лица, — и безопасней, если учитывать что ты сделал с бедным Бертраном.

— Твой любовник, — проговорил Анри глухо. — Да?

— Нет, с чего ты взял? — Леонор игриво приподняла бровь. — Он, не в моем вкусе, милый. Ты же знаешь, мне нравятся крепкие мужчины, такие как ты, как твой брат Жан.

— Тогда зачем, Леонор? — прошептал маркиз печально. — Что я сделал тебе?.. Чем обидел... Я ведь любил тебя, ты знаешь.

Леонор приложила палец к губам, пушистые ресницы опустились на щеки, аккуратные ушки просвечивались на солнце, как тонкие листья яблони. Она была, как всегда, обворожительна и изящна, настоящая маркиза. Красавица, кровь и снег, все такая же, как и семь лет назад, когда впервые встретились в Париже на карнавале. Тот же водопад золотистых волос, Анри помнил их нежный запах, осиная талия, высокая грудь и стройные бедра...

Леонор застыла в задумчивости.

— Ты ведь ничего не знаешь, мой бедный Анри. Мой наивный и преданный Анри, — маркиза нежно обняла лицо мужа, кожа умирающего становилась холодной и сухой.

— Я ничего не понимаю, Леонор, — прохрипел Анри.

— Смерть — это не самое худшее, что может произойти с человеком, милый.

— Платон, верно? — прошептал маркиз.

— Верно, дорогой. Жаль, что так вышло, ты мне нравился, — Леонор поджала губы, — пойду, извещу слуг, что моего любимого мужа убили. Наверняка кто-нибудь из де Пуатье, они ведь тебя ненавидят. Не скучай.

Анри тихо застонал, тело вздрогнуло, будто под ударом плети, а в только что сухих, как зола, глазах звщипало:

— Я ничего не понимаю! Зачем? Зачем ты убила меня, Леонор?

Кованая дверь со скрипом отодвинулась, маркиза покинула покои мужа, так и не удостоив его ответом.

В груди пылало жаркое пламя гнева, солнечные лучи, танцевали на лице и плечах, разбрызгивая искры света. Как и его брат Жан, Анри высок, кожа загорелая, коричневая, на широченные плечи ниспадают черные как смоль волосы. Подбородок выбрит начисто. Анри де Ланьяк красив, величественен, и молод. Слишком молод, чтобы умирать.

Карие глаза маркиза смотрели в пустоту без привычной строгости, гнев и печаль заняли место прежних величия и достоинства.

— Господи, — прошептал он с горечью, — Леонор..., лучше бы ты заколола меня спящего. Ты не только убила, но и унизила меня. Как можно видеть собственную жену, пирующей над твоим умирающим телом? Сколько же ненависти в тебе, Леонор, сколько яда.

С кочергою в руке, в покои вбежал взмыленный слуга. На помятом лице застыло беспокойство, глаза навывкате. Потертый камзол слуги местами запачкан жиром и грязью, полы подлатаны мешковиной. Плечи согнулись под тяжестью лет, но Этьен, не смотря на преклонный возраст, по-прежнему шустр как крыса. Худое жилистое тело кажется прокаленным на солнце, лицо иссечено глубокими морщинами, кожа грубая и коричневая, что не удивительно, для уроженцев юга. Гораздо реже в Тулузе встречаются бледные северяне, такие как мадам де Ланьяк.

— Мсье, святая Мария, мсье! — воскликнул жалобно Этьен, сломя голову бросился через зал. — Как такое могло случиться, мсье?

— Убийца был здесь, когда я вошел, Этьен, — прошептал едва слышимо Анри, — меня предали..., самый близкий человек.

Слуга с болью и страданием смотрел на окровавленного маркиза, могучая грудь вздымается еле-еле, куда и девалась та сила, что еще недавно играла в каждой мышце мессира. Этьен с детства прислуживал маркизам Де Ланьяк, знал покойного отца и деда Анри. На простом бесхитростном лице Этьена отобразились все те терзания души, которые мог испытывать преданный слуга. Сердце старика обливало кровью.

— Мсье, я сейчас же бегу за лекарем, — слуга с молодецкой прытью, быстрее стрелы рванул к дверям.

— Боюсь уже слишком поздно, мой верный Этьен, — мертвым голосом проговорил Анри, — я уже не чувствую тела, мое зрение гаснет.

Преданный, но наивный старик не догадывался, что подписал себе смертный приговор. Человеческая жизнь, как свеча, чем ярче пламя, тем быстрее плавится воск. Этьен проживал жизнь тихо, никогда не совал носа, куда не следует, его огонек едва тлел, потому наверняка

и удалось пережить и войну, и годы послевоенного голода и моровое поветрие. Но сегодня кто-то решил подлить в огонь масла.

Пламя факелов испугано дрожит и потрескивает, отбрасывает на стены длинные уродливые тени, те тянут черные пальцы вверх к потолку, будто стараются ухватить. На лестнице сырость ощущается острее, чем в зале, где с ней борются лучи солнца, мокрый воздух неприятно холодит ноздри. Каменные ступени узкие и опасные, ступать следует осторожно, глядя под ноги, а не-то оступишься и свернешь шею. Но старый слуга знал замок, как собственные пять пальцев, поэтому, вслепую мог бежать по темной лестнице.

В углу шелохнулась широкая тень, Этьен не успел и ойкнуть. Сталь холодным злым светом блеснула в пламени факелов, узкое лезвие стилета проткнуло грудь легко, как мешок соломы. Старик удивленно вскрикнул, зажмурился от боли, из блеклых обветренных губ по подбородку побежала струйка крови. Он поднял взгляд и вздрогнул всем телом, большие серые глаза убийцы не спугать ни с чем.

— Мадам? — прохрипел, оседаая наземь слуга, — за что, мадам?

— Не в том месте, и не в то время, старик — зло прошептала маркиза, отирая стилет о камзол жертвы, — вечно эти слуги пугаются под ногами.

Леонор жила в замке не первый год, и каждый обитатель знал, насколько скверный у нее нрав. В отличие от мужа она капризна и падка на лесть. И хотя женщины прекрасней в Тулузе не найдешь, а может, и во всей Франции, всякий обязан раскланяться в ноги, осыпать комплиментами. Иначе красивые, серые как утреннее небо, глаза маркизы наливались закатным багрянцем, лицо превращалась в маску гнева. И тогда белокурый ангел сменялся — настоящей мегерой, а та могла и шкуру плетью со спины спустить, и избить до последнего вздоха. Мадам де Ланьяк обожала подобные игры, невзирая на запреты мужа. Анри знал о ее выходках, но все прощал по любви.

Леонор всегда хотела быть лучшей во всем. Перфекционистка, даже в фехтовании, стремилась обогнать и мужа, и начальника охраны. И удалось! В изысканных руках Леонор шпага лишь выглядела игрушкой. Мало кто из фехтовальщиков смотрел на молодую очаровательную маркизу без опаски. В бою Леонор двигалась красиво и естественно, прирожденная воительница, схватка у нее в крови. Анри мог часами смотреть за ее грацией и изяществом, с замирающим сердцем ловил каждый филигранный выпад.

Леонор нравилось, когда ею восхищаются, но еще больше — когда дрожат в страхе, опускают глаза. Боятся не только как маркизу, носительницу титула и особу знатных кровей, но и как личность, как Леонор де Ланьяк, женщину на которую следует смотреть с восторгом и опаской. Как смотрят на змею, что несмотря на изящность, смертоносна и ядовита.

Бесшумно, словно тень, Леонор поднялась по лестнице и проскользнула обратно в покои мужа. Солнце уже поднялось высоко, хотя воздух еще холодный, цветные отблески витражей коснулись бледного лица красавицы. Сладковатый запах крови облаком завис в зале. Огонь в камине окончательно угас, багровые прежде угли почернели, укрылись серым покровом пепла, тонкая сизая струйка дыма поднимается от пепелища вверх. Леонор взглянула на распростертого в кресле Анри с нескрываемой ненавистью и злобой.

— Куда же ты ее спрятал, простофиля, куда? — процедила маркиза сквозь зубы.

Анри не ответил: голова лежит на груди, лица не видно, черные волосы перепачканы кровью, руки плетью повисли вдоль тела.

Леонор отвернулась, прекрасное лицо стало страшным от ярости, глаза сосредоточено

искали хоть какую-то зацепку. «На сердце тревожно: А вдруг он так спрятал, что не найду? Ведь вчера я держала ее в руках, а теперь на прежнем месте лишь пустота». Внутри охладело, по всему телу побежали мурашки. «Только после смерти ее сила перейдет ко мне, по праву крови, а до тех пор она может быть где угодно, дьявол ее раздери! Только он ее чувствует».

— Придется с тобой повозиться, муженек, — Леонор придала лицу обеспокоенное выражение и громко воскликнула:

— На помощь! Умоляю, на помощь! Маркиз при смерти!

* * *

Анри долго приходил в себя, веки поднимались тяжело, словно чугунные. Яркий свет резал глаза, в глазницы будто по горсти песка насыпали, и моргнуть больно и смотреть нет сил. Засохшая кровь коркой покрывает могучую грудь, края раны опухли и потемнели. Уродливый струп червем тянется от сердца вниз к солнечному сплетению. Анри шевельнул рукой, тугие веревки врезались в плоть.

Над головой перекрещиваются деревянные балки стропил, древесина свежая, не потемневшая от времени, на краях досок белеют срезы. В помещении пахло смолой и свежестью, такой запах стоит в лесу после дождя. Противно скрипнули несмазанные засовы двери. Анри осторожно повернулся на звук.

С плеч Леонор ниспадает алый плащ, перехваченный на шее золотой цепочкой. На ней ее излюбленное платье, черная полупрозрачная ткань спереди едва-едва скрывает наготу, половинки не сходятся почти на ладонь, так что ее прекрасная высокая грудь едва не выбивается наружу.

Леонор небрежно бросила плащ на тумбу у двери, на лице сверкнула самодовольная улыбка. Анри так и застыл, не мог отвести взгляда.

Волосы жены напомнили маркизу пшеничные поля Шампани, перед сбором урожая, такой же искристый цвет и живость, локоны сливаются в золотистый покров, что маняще поблескивает в лучах солнца. В ушах Леонор сверкают изящные серьги, увенчанные бриллиантами золотые цепочки, вытянулись вниз, касаясь обнаженных плеч. На шее — ослепительно блестят крупные, чистой воды алмазы, свет озорно играет на многочисленных гранях камней, стреляет искорками, от них у Анри закололо в глазах.

Леонор, замечает внимание мужа, кокетливо поворачивается: Глубокий вырез на спине открывает взгляду соблазнительные ямочки в самом ее основании, такие нежные и аппетитные, что их хочется коснуться губами. А на бедрах... Анри обомлел, по телу пробежала волна возбуждения, маркиз отчаянно сопротивлялся, но предательский взгляд все тянулся к прекрасному, рассматривал ангельское личико, аккуратный носик, чувственные губы, бездонные как море глаза.

«Она хотела меня убить, так почему же я до сих пор жив?».

Холодный взор Леонор уколол Анри прямо в сердце.

— Как твое здоровье, милый? — сухо спросила маркиза.

— К чему эта игра, Леонор? — облизав пересохшие губы, ответил Анри, — ты чего-то не нашла? Чего?

В глазах маркизы вспыхнули зловещие огоньки, полные губы сжались в тонкую алую

линию, взгляд обжигал оголенной ненавистью и гневом.

— Я рада, что ты выжил, Анри, — после длительной паузы сказала Леонор и отвела взгляд — ты не голоден?

— Чем я заслужил твою благосклонность и любовь, я знаю, но ненависть? Что стало причиной такой... такой лютой ненависти?

— Ты человек слова, Анри.

— Да, я всегда им был, остаюсь и по сей день, — прошептал Анри, и устало прикрыл глаза.

— Тогда дай мне свое слово, слово маркиза, — голос Леонор перешел на шепот, в глазах отразилось пламя алчности, — нерушимое слово, что отдашь мне то, о чем попрошу, взамен на ответ.

— Только если я обладаю этим, — невозмутимо ответил Анри.

— Только если обладаешь.

— Я даю тебе слово, Леонор де Ланьяк, нерушимое слово маркиза.

Маркиза улыбнулась, лукаво и плотноядно. В ее потемневших, фиолетовых, как вечернее небо глазах вспыхнули радостные звездочки. На лице появилось оживление, бледные щеки налились румянцем, губы стали пурпурными, зовущими, чуть раздвинулись в улыбке, блеснул жемчуг зубов.

— Замечательно, Анри, — низким, грудным голосом проговорила Леонор, зажмурившись от удовольствия словно кошка.

— Сначала ответ, дорогая, — напомнил маркиз, преждевременная радость супруги тотчас улетучилась, лицо вернуло прежний мраморный вид.

— Ты хочешь знать ответ, Анри. Он тебе не понравится, — маркиза кокетливо надула губки, — совсем-совсем.

Анри понимал: Она играет со мной как кошка с мышкой. Теперь, когда цель близка, она немного расслабится, и я смогу узнать правду, а быть может и...

— Дорогой, ты меня не слушаешь? — Леонор пристально рассматривала лицо маркиза: брови нахмурились, нос сморщился, лоб покрылся морщинами задумчивости.

— Боль, — соврал Анри, прикрыв глаза. Голос упал до шепота — Да, я хочу знать.

— Ты мне всегда нравился, дорогой, — Леонор тяжело вздохнула, — но я вышла за тебя по расчету. Холодный расчет и не более.

— Значит все это ради наследства. Но ты же знаешь, что я бесплоден, Леонор, мой брат погиб, ты единственная кто унаследует все, и замок, и земли и титул.

— Нет, — Леонор сосредоточено закусила нижнюю губу, — нет. Мне не нужно твое состояние, Анри. Ни лошади, не земли, ни замок. Только одна вещь, мелочь, которую дал тебе отец, перед смертью, семнадцать с половиной лет назад.

— Он не давал мне ничего, — при воспоминаниях об отце у Анри екнуло сердце, — хотя, нет, постой. Карта? Он дал мне карту таро, сказал что маг должен быть во главе. Отец часто ездил в Марсель, там у него был собственный клуб. Он верил во всю эту чушь.

— Так и сказал? — глаза Леонор напоминали голодную бездну, — ты уверен?

— Да, вроде бы так, — Анри посмотрел на жену с горечью, губы разошлись в презрительной ухмылке — так ты хотела убить меня ради куска замшелой бумаги? Я бы отдал тебе его, если бы ты попросила. Леонор ты сошла с ума.

Блеск в глазах маркизы напомнил Анри о стали клинка, искрящейся в лучах солнца. Такая же острота и опасность. Леонор присела на простую деревянную табуретку у

изголовья, развела руками:

— Может и сошла, но это уже не важно, дорогой. Отдай мне карту, и я оставлю тебя в покое.

— У меня ее нет, Леонор. Нет карты, — тихо рассмеялся маркиз, грудь обожгло болью, — но ты можешь забирать ее, она мне не нужна, я не верю во все эти сказки и предсказания.

Глаза Леонор сузились, превратились в щели, из которых наружу прорывалось пламя ярости, ноздри же, напротив, расширились, вздулись желваки на скулах. Красивое лицо превратилось в уродливую маску гнева.

— Ты дал слово! Где карта! Отвечай!

Анри не успел и глазом моргнуть, холодное острие стилета уперлось ему в подбородок, Леонор надавила на рукоятку, тонкая алая струйка потекла по шее вниз.

— Леонор, ты сошла с ума. Убери оружие, — в горле Анри стоял комок, — я тебя умоляю, убери.

— Ты ничего не знаешь, Анри. Ни обо мне, ни о том, чем владеешь, — злобно прошипела маркиза, — не испытывай моего терпения, отдай карту или я покажу насколько глубоко мое сумасшествие.

— Я оставил ее в библиотеке, на столике. Отец любил сидеть там, — ответил Анри, сглотнув. — Ты ведь все равно убьешь меня, Леонор. Но ты не можешь найти карту без меня, верно? Это не просто кусок старой бумаги?

Маркиза поборола всплеск ярости и убрала стилет от шеи мужа:

— Ты догадлив, несмотря на глупость, — отметила Леонор.

Анри задумался, величественное лицо дышало сдержанным мужеством. Происходящее не укладывалось в голове: как могла Леонор притворяться так долго и оставаться незамеченной? Все свободное время Анри проводил с женой, в то время как многие дворяне находили дела поинтересней: просиживали в трактирах, тайно, а иногда и открыто встречались с любовницами, предавались разврату на всевозможных балах и симпозиумах. А кто и попросту занимался грабежом, соединяя распутство и пьянки с насилием. Анри считал себя выше этого, а потому имел репутацию почитаемого во всем городе человека. Но проколоться вот так? Пригреть на груди змею...

— Ты не сумасшедшая. Ты ведьма, Леонор? — сдавленным голосом сказал Анри. — Ты ведьма...

Глава 2. В логово зверя

Лес. Северо-восточная Франция. Герцогство Эльзасское, графство Эгишейм.

Карета стрелою несется по желтой глинистой дороге. Храпят в пене кони, устало пытаются перейти на рысь, но конюх не позволяет, безжалостно стегает кнутом, лихо присвистывает. Фарамонд ухватился обеими руками за край дверцы, с беспокойством смотрит наружу, тошнота подкатывает к горлу, в глазах рябит от проносащихся мимо кустов и деревьев. Смертельный холод пронзает каждый нерв, и от него не укрыться даже в теплых одеждах из плотного и дорогого меха.

Высокие, в два, а то и три обхвата дубы, величественно раскинулись над дорогой, угасающий солнечный свет не осмеливается проникнуть сквозь плотные ряды густо-зеленой листвы, тени ложатся на землю зловещими саванами. Тихо шелестит ветер в кронах, пытается развеять суровый нрав леса, но ветвистые исполины не обращают на него никакого внимания.

Фарамонд поднял уставший взгляд, потемневшее небо охвачено алым пламенем, раскаленное солнце неумолимо скатывается к горизонту, тени становятся лишь длиннее. Длинные перья небесных странников залило янтарное зарево, а сами их края, яростно пылают багрянцем.

Ослабевшие пальцы барона разжались, в глазах потемнело, он рухнул с сидения на пол. Уставшие мышцы свела судорога, Фарамонд стиснул зубы от боли, и только неугасающая в сердце надежда придавала сил.

«Я выдержу, я должен выдержать, она успеет».

Издали донеслось истошное ржание. Справа и слева к карете неслось по всаднику. Ив и его брат Блан де Монтестье, баронеты, родственники известного Шарля Луи, сильные и немногословные воины. Фарамонд во многом полагался на них, по пути рассылал братьев далеко в стороны, чтобы все видеть и замечать, Фарамонд опасался вражеской засады, но теперь дорога сужалась, вскоре покажутся стены злополучного замка, теперь следовало ехать вместе, не разделяясь.

Карета замерла у обрыва. Стремительные воды реки гудят меж острых валунов, поднимая в воздух тысячи пенных брызг, воздух пахнет свежестью. Сырость ощущается даже на вкус, пыльный воздух стал прозрачнее, чище. Барон обеспокоенно посмотрел вниз. Обветшалый подвесной мост провисает, словно брюхо старого пса, хлипкие доски раскачиваются на ветру, скрипят и повизгивают.

Уставшие кони жалобно ржали, поглядывая на живительную прохладу реки. Пена кусками срывается с удил, конюх выглядит не лучше, разве что пены нет, и глаза сверкают как звезды на вечернем небе, на изможденном лице блестят капельки пота, одежда покрылась толстым слоем желтой пыли.

— Дальше пойдем пешком, мессир. Кони по мосту не пройдут, — сказал Ив, — лихо соскочил с седла, на суровом бледном лице прорезалась улыбка, — а нам придется.

Кожаная охотничья одежда баронета пропиталась потом и дорожной пылью, мех также утратил блеск, весь желтый от глины, на широченных мускулистых плечах — словно шлем сидит голова. Волосы длинные вьющиеся, цвета древесной коры. Квадратный волевой подбородок нагло выпирает вперед. Лицо жесткое, словно из камня рубленое, хотя и

бледное, но белизна кожи лишь подчеркивает строгость и суровость характера Ива де Монтестье.

— Я могу преодолеть этот мост хоть на руках, — хохотнул младший из Монтестье, Блан. В отличие от брата, он невысок и поджар, но ловок как мангуст.

Лицо у Блана живое, улыбочивое, волос густой, черный как смоль. Младший Монтестье больше напоминает музыканта или поэта, чем хладнокровного убийцу, пальцы на руках длинные, словно не ко шпаге привыкли, а к струнам лиры. Женщины всегда симпатизировали Блану, и он отвечал им взаимностью. Но легкость и несерьезность младшего Монтестье лишь поверхностная маска. В минуты опасности улыбочивый юноша превращался в холодного и расчетливого убийцу. Многие встретились со смертью по вине Блана, в этом младший брат ничем не уступал старшему.

— Тебе бы все в игры играть, — рявкнул Ив, — дело серьезное, соберись.

— Братец не в духе, — отмахнулся рукой Блан, — видно Эльзасские девы были холодны как трупы.

— Шельма!

Баронет размахнулся широкой, как весло ладонью, но изворотливый Блан предусмотрительно отскочил к карете.

— Ты злишься, братец, а значит, я угадал.

— Пойдешь первым, Блан. Ты легче и проворней, — вяло сказал Фарамонд, рука легла на эфес шпаги. — И проверьте оружие, нас ждет горячий прием.

Ив рывком выдернул из ножен клинок, сполохи угасающего светила бегут по лезвию, словно вода. Сталь переливается оттенками алого, свет касается искусной гравировки у самого основания клинка. «Honoris causa» — ради почета, буквы вспыхнули багряным. Де Монтестье самодовольно улыбнулся и лихо забросил палаш в ножны.

— Не вижу улыбки на твоем лице, Блан, — хохотнул Ив, — не рад предстоящему делу?

— Отчего же? — Блан выставил руку со шпагой вперед, прищурил глаз, любуясь игрой света на кромке острого, как бритва лезвия. — Просто мой брат, как всегда, перепутал радость дворянина со щенячьим восторгом.

— Ану, иди-ка сюда! — проревел Ив, словно горный лев. Желваки вздулись на его широких скулах, подбородок угрожающе выпятился вперед, глаза налились кровью, вот-вот лопнут.

— Извини, братец, но я должен выполнять приказ мессира. Оставим детские игры на потом.

— Чертов, шельмец! — Ив гневно сплюнул под ноги. — Ты у меня еще попляшешь.

— Уймись, вы оба, — проворчал Фарамонд, — мы все устали, в замке нас ждут женщины и вино. Но прежде всего, нужно закончить начатое.

— Как ваше здоровье, мессир? — глухо спросил Ив.

— Не лучше чем прежде. Нам нужно поторапливаться, времени осталось мало.

Расседлали лошадей и двинулись вперед. Холодный ветер рассвирепел. Старался продуть путников насквозь, сбросить с моста в пропасть, но Ив не обращал внимания, гордо вздернул подбородок и даже не запахнул куртку. Блан напротив, потуже затянул шнуры на груди, чтобы сохранить тепло. Ослабевший барон ковылял сзади, придерживаясь одной рукой за веревки, а вторую — прижал к груди, словно пряча или ища что-то под колетом.

Вечерело, солнце быстро скрывалось за горизонтом, на холме, над темнеющим вдалеке замком повис густой туман. Молочного цвета призраки проступали из ниоткуда,

воображение рисовало зловещие картины, уродливые фигуры рожденные мглой напоминали ожившие трупы. Иногда слышались крики и всхлипывания, тускло поблескивали окна твердыни, пропасть под ногами казалась бездной, туннелем напрямиком в преисподнюю.

— Этот ваш герцог, мессир, сущий дьявол. Он не мог найти более достойное место? — покачал головой Блан.

— Благо ты не видел того склепа, в котором он обитал прежде. Помнится тамплиеры сожгли ту клоаку дотла, — ответил, вздохнув Фарамонд, — И смотрите внимательно под ноги. Бриан любит подшутить над гостями, некоторые из досок могут быть подпилены.

Блан осторожно переступал через прогнившие доски. Сапоги прощупывали раскисшую от дождя и туманов древесину. Скользкие веревки напоминали гадких жирных червей, но держаться нужно, иначе порыв злого ветра непременно сбросит в пропасть. Иногда доски, хрустели под ногами: и тогда только врожденная ловкость спасала Блана от падения. Туман скрывал окоченевшие трупы тех, кто сорвался вниз, в бездну, но Ив ощущал злой дух проклятого места.

Шаг за шагом они приближались к темнеющему на холме замку. Взгляд уже различал очертания грубых каменных изваяний у ворот. Уродливые горгульи держат в лапах изувеченные тела людей, каменные рты разинуты в беззвучном крике, когти терзают плоть жертв. Вода ручейками стекает вниз по прорубленным в камне канальцам, словно действительно кровоточат раны растерзанных бедолаг.

Ив сжал кулаки, закрипело так, словно треснуло полено под ударом топора.

— Старый извращенец!

— Черт, тебя дери, Ив! Я уж думал доски трещат под ногами!

Старший де Монтестье гулко рассмеялся:

— Что, в штаны наложил, братец?

Блан обижено поджал губы. Он перехватил брошенный в его сторону глумливый взгляд, ответил ядовитым голосом:

— Я не знаю, что погубит тебя раньше, Ив. Твой глупый язык, или безалаберная работа шпагой.

Ив с силой стиснул зубы, заскрежетало, словно металл о камень. Могучая грудь расширилась так, что едва не лопнули ремешки на куртке. Кожаные шнурки жалобно затрещали.

— Зря я пообещал нашей матери, что буду присматривать за тобой, — он злобно сверкнул глазами, но ладонь отодвинулась с эфеса. — Одним дурнем стало бы меньше.

Блан первым соскочил с моста на долгожданную твердь. Трава приятно чавкала под подошвами сапог, липкая грязь норовила засосать ноги. Ловкач лихо подскочил, как акробат перевернулся в воздухе и приземлился точно на ноги.

— Фигляр, — Ив презрительно сплюнул в пропасть, — жаль, что не поскользнулся.

— Соберитесь, — сурово подметил Фарамонд, — мне понадобится вы оба. Бриан Де Рец не тот человек с которым можно шутить. Мы забрались слишком далеко.

Фарамонд запахнул подбитый мехом плащ и направился к воротам.

Блан переглянулся с Ивом. Старший широко улыбнулся, в глазах играет озорной огонь. Блан тоже радовался возможности обнажить шпагу. Для обоих братьев смертельная схватка, всего лишь еще одна возможность проявить себя. Фарамонд же, наоборот, отлагал встречу с герцогом так долго, как мог. Но больше ждать нельзя! Если Леонор оплошает, или попросту не уложится в срок, барона ожидает горькая участь.

Похоже, что герцог ждал незваных гостей, потому что ворота оказались наглухо забиты досками, запоры крепко перехвачены цепью. Фарамонд подошел к воротам вплотную, коснулся затянутой в перчатку рукой металлического острия:

— Гвозди свежие, даже не проржавели. Кажется, Бриан несказанно рад нас видеть.

Ив громогласно рассмеялся, от чего у Фарамонда стрельнуло в ушах. Монтеские испытывал глубокое презрение к мужчинам, которые подобно слабым бабам прячутся за каменными стенами крепостей.

— Он боится вас, мессир. Он слабак.

— Не стоит недооценивать противника, мой юный друг, — покачал головой Фарамонд, — герцог де Рец хитер и коварен как змея, и столь же мудр.

— А где же стрелки, мессир? Первым делом я бы изрешетил пришедших из карабинов, — Блан повел бровью, — у герцога нет стражи?

— Нет, — без особого желания ответил барон, голос звучал сдавлено и глухо — и вскоре вы сами поймете почему.

— И пули нам не помеха, — Ив похлопал кулаком по могучей груди, загудело, словно ударил по стальному панцирю, — ружья оружие трусов, и убить ими можно только труса.

Блан перестал улыбаться, сказал серьезно:

— Это значит, что герцог знает кто мы, и зачем пришли, братец.

Стены твердыни казались несокрушимыми, словно не из камня сложены, а вырублены из монолитной скалы, высокие, широкие без единого уступа. На черном камне кое-где видны укусы осадных орудий, горная порода раскрошилась, растрескалась. Но трещинки узкие, что паутина, пальца не всунуть. И хотя замок не велик, но взять такой осадой — дело не простое. Подобраться можно только со стороны реки по ветхому как завет мосту, «Наверняка прогнившие доски прогибались еще под стопами Каролингов», — Блан удивленно присвистнул:

— Есть идеи, мессир?

— Без них как без ног, Блан, — на изможденном лице барона прорезалась улыбка, — думаю, герцог не удивится, если мы попадем внутрь так же, как он сам.

— Доска? — глаза Ива стали с золотой луидор, — ненавижу эту чертовщину.

— Столько лет прошло, братец, а ты все никак не привыкнешь, — Блан похлопал старшего брата по плечу, — или ты боишься?

— Думай, что мелешь! — буркнул Ив, грозно нахмурил брови, — не люблю я просто чертовщину всякую.

Фарамонд тем временем достал из кожаного мешочка темный гляцевый предмет. Тяжелый квадрат оттягивал ладонь, словно вылит из чистого золота. Грани квадрата остры как бритва, и черны настолько, что свет попросту тает в этой густой тьме, как снег на раскаленной сковороде. Барон осторожно поднес предмет к губам и подул. Квадрат дернулся, завис в воздухе, словно бумажный змей, затрепетал. Он разворачивался подобно конверту, раз за разом все увеличиваясь в размерах. Спустя мгновение в воздухе перед Фарамондом висела широкая, напоминающая шахматную доска. Только клетки темные и нет ни единой фигуры.

Ив поморщился, бросил неприязненный взгляд на доску, процедил сквозь зубы:

— Чертовщина.

Барон вскинул руку, доска соприкоснулась с кончиками пальцев. На черном поле возникла миниатюрная фигура Фарамонда, одинокая среди пустых клеток, как пограничный

столб среди степи.

Холодный ветер назойливо дул в ухо, развевал длинные волосы барона. Баронеты стояли рядом, застыли в оцепенении, лица суровые и надменные.

— Теперь я? — спросил дрожащим голосом Ив, — я, мессир?

— Да, — кивнул Фарамонд, — не медли, я и так едва удерживаю ее.

Сердце Ива стучало все чаще. Рука сама потянулась к проклятой доске. Тело трянуло, он ощутил озноб, холодный пот потек по спине, затем огненное острие пронзило грудь, прокололо сердце. Из легких вырвался болезненный хрип. Ив пошатнулся как подрубленный дуб, обрушился на землю всей тяжестью.

Исполинская темная рука подхватила Ива, потянула к черному квадрату. Проклятая доска стала громадной, словно океан. Баронет извергал проклятия и грубую ругань, молотил воздух мускулистыми руками. Будь перед Ивом сейчас противник, он бы разорвал его в клочья голыми руками. Громадный француз, у которого лицо искажено гневом, смешавшимся со страданием, мог повергнуть в ужас даже бывалого вояку.

Темная рука двигалась все медленнее, доска напротив, становилась ближе. Ив попытался освободиться, но призрачные пальцы впились намертво.

— Мессир! Отпустите меня, мессир! Черт вас дери!

Пальцы разжались, и де Монтескье упал на черную клетку рядом со стоящими там Фарамондом и Бланом.

— Что я вижу, мой бугай братец перепуган словно ребенок, — ехидно усмехнулся Блан, — помочь тебе сменить подгузник?

Не успел младший брат рассмеяться, как в кадык ему уперлось острие палаша:

— Еще одно слово, Блан, и я проткну тебя насквозь! — проревел, бешено вращая глазами Ив. — Ну, скажи же хоть слово!

— Не нужно, Ив, — Фарамонд ухватил баронета за рукав куртки, — он того не стоит. И я напому тебе, что все это не по вине твоего брата.

— А кого же?

— Герцога де Реца.

— Да, проклятый герцог... Ведите нас, мессир, давайте поскорее закончим с этим. Я соскучился по вину и женщинам!

Ив неохотно убрал палаш обратно в ножны, наградив брата испепеляющим взглядом:

— Хоть одно слово, Блан. Хоть одно.

Младший баронет застыл. Фарамонд взял его за руку, но тот даже не шелохнулся.

— Все в порядке, Блан, он успокоился.

Блан не ответил, впился взглядом в некую массу, клубящуюся в глубине черноты доски. Он не знал, что происходит, мир застыл, время остановилось. Собственное тело казалась похожей на огромный безвольный кусок глины.

— Там..., там черный туман...

— О нет! — воскликнул в сердцах Фарамонд, — не может этого быть!

— Что?! Что стряслось, мессир?! — глаза Ива едва не вылезли из орбит. Де Монтескье знал, то, что способно напугать барона, не сулит ничего хорошего никому.

Фарамонд стал мрачнее ночи, огонь в глазах угас, покрылся золой разочарования:

— Герцог... Чертов старик нас нашел.

Вилла «Ле флёр ду сор». Южная Франция. Графство Тулуза.

Соблазнительная женская фигурка плавно опустилась в мягкое кресло, Леонор бережно положила карты перед собой, на широкий зеркальный стол. В толстой потертой колоде — ровно семьдесят восемь карт. Младшие и старшие арканы сложены аккуратной стопочкой, пламя свечи отражается в зеркале, в бездонных озерах глаз Леонор. Отсыревший фитиль легонько потрескивает, огонь дребезжит и бранится, капли воска разлетаются в стороны, как мелкие осколки льда. В комнате царит тишина и сумрак.

Леонор расслабилась, плечи опустились, пушистые ресницы коснулись щек, полные губы медленно зашептали слова заклинания:

— Мать ночи, и отец мрака дайте мне знание и силу, мой ум и тело готовы к этому.

Леонор умолкла, вслушиваясь в потрескивание свечи. Слова призыва мог произнести каждый, но лишь тот, кто получил инициацию, мог воззвать к силе. «Только хозяин одного из высших арканов может открыть источник, и я должна заполучить его любой ценой!»

— О великие, ваша сила наполняет меня, направьте мой ум, укрепите мою волю, — Леонор покорно склонила голову, роскошные волосы золотистым водопадом хлынули вниз. — Пусть карты укажут мне путь.

Ответ пришел быстро, кровь в венах вскипела, в ушах зашелестело, словно шквальный ветер влетел напрямик в голову. Ноздри раскалились от горячего дыхания, а губы сразу пересохли и покрылись коркой. Глаза напротив, заблестели ярче звезд, искорки ликования играют во взгляде, хотя тело от макушки до кончиков пальцев на ногах пронзает боль. Пламенный меч вонзается в позвоночник, обжигает нервы, на глаза наворачиваются слезы.

— Спасибо, о великий, — прошептала Леонор. Горячие капли текли по щекам, падали на зеркальный стол, — спасибо за твою милость.

Дрожащая рука потянулась к колоде. Губы блондинки плотно сжались, почти исчезли из виду, черты лица заострились, на скулах проступили желваки. Бледное лицо Леонор теперь казалось совсем обескровленным, мертвым, глаза покрылись алыми прожилками.

Первая карта легла на стол. Леонор с ужасом одернула руку: старший аркан! Перевернутая карта суда. Понимала, в ее случае это означает одно: тупик, Великие указывают на ошибку.

«Страшный суд перевернут, — Леонор прошлась взглядом по картинке на карте: Ангел трубит в рог, возвещая об апокалипсисе, мертвые восстают из могил».

— О, Великий, ты знаешь, я предана тебе, почему же ты бросаешь меня! — вырвалось у Леонор против воли.

Сердце ее тревожно дрогнуло. Перед глазами Леонор вырисовывалась смутная картина: черный туман схватывает троих путников, тонкие струйки мглы проникают в разинутые в крике рты, затем в ноздри, глаза. Леонор противилась видению: трудно видеть, как любимого окутывают щупальца сумрака.

Над Фарамондом нависла смертельная опасность, а я зашла в тупик! Так хотелось счастливо и надежно покоится в его объятьях. Леонор представляла, как барон подхватывает ее на руки, вносит во дворец, на их лицах ослепительно сияют улыбки, а разум и тело преисполнены до краев богоравной силой. Ни одно живое существо не способно бросить им

вызов! Безграничная власть и могущество!

Несмотря на страх, Леонор потянулась за следующей картой, рука замерла в нерешительности над колодой, пламя свечи испугано затрепетало. Пальцы жадно схватили мягкую истертую бумагу, но глаза не выдержали, зажмурились. Леонор положила карту на стол перед собой и медленно приоткрыла глаза. Роскошная высокая грудь взволновано дернулась, веки трепетали как крылья мотылька на ветру, отрешенный взгляд метался из стороны в сторону, старался не касаться карты. Но даже не глядя, Леонор могла сказать, какой аркан смотрит на нее со стола.

«Это моя карта, королева мечей, а значит, я близка к цели».

Леонор осторожно взяла королеву в руки, поднесла к губам и легонько подула. По потертому изображению пробежала рябь, словно не на бумагу дунула, а на сосуд с водой. Белесая дымка сорвалась с краев карты, призрачным облаком зависла в воздухе над маркизой. Картинка на карте оживала, облик королевы становился все более похож на хозяйку колоды. Те же золотистые волосы, высокая грудь, бездонные серые глаза. Леонор подождала, пока королева не преобразится совсем: теперь на ней ее любимое черное платье, плечи обнажены, прозрачная ткань едва скрывает соблазнительную грудь.

— Ваше величество, — раболепно прошептала Леонор, — позвольте обратиться к вам с просьбой.

— Позволяю, — королева величественно кивнула, — говори.

— Мне нужна ваша помощь, Ваше величество, Великий Аркан сокрыт от моего взгляда.

— Игла разума. Тебе понадобится этот аркан, чтобы проникнуть в подсознание и извлечь сведенья. Но тот, чей разум пронзит игла, сойдет с ума или умрет, — ответила Королева.

Туманные обрывки энергии змеей обвили кисти ее величества, свернулись в плотный шар. Леонор покорно склонила голову, луч тотчас сорвался с пальцев королевы, молнией пронзил пространство. Сгусток темной энергии растворился во тьме комнаты, призрачное облако окутало маркизу. Мгла просочилась в глаза Леонор, как дым проникает в щели, остаток тумана вошел в ноздри, уши.

— Вы так великодушны, Ваше величество.

— Ступай, и не беспокой меня больше, — королева небрежно махнула рукой, — жертва должна быть при смерти, или без сознания, чтобы игла подействовала.

— Смирненно благодарю Ваше величество.

Королева с коварной ухмылкой подняла меч и коснулась лезвием обнаженного плеча Леонор. На белоснежной коже возник крохотный порез, алая капля побежала вниз по плечу, Леонор вздрогнула всем телом.

Карта утратила жизнь и угасла, превратилась обратно в кусок лакированной бумаги. Леонор долго стояла, держась за край стола, ноги отказывались держать ее тело. Сердце билось как у кролика, часто, испуганно, в груди разливался палящий жар. Предчувствие рока возникло внезапно, ширилось, охватывало ее всю, а потом, казалось, охватило и все в комнате, в воздухе запахло кислым ядом.

— Ты мне все расскажешь, Анри, или я превращу твои мозги в кашу, — устало прошептала Леонор, упала обратно в мягкое кресло, — все-все расскажешь.

Воздух в комнате насытился тошнотворным запахом крови и болезни, ароматы древесины и полевых цветов умолкли, растворились в угрюмой атмосфере.

Смерть холодными лапами скребла грудь маркиза. Корявые ногти впивались в кожу, сковыривали плоть и медленно тянули к себе, боль пульсировала во всем теле Анри. Искусная пытка не прекращалась. Сознание вот-вот провалится в бездну забвения, но огонь боли разгоняет мглу, не дает обрести покой. Анри тихо стонал, не в силах справиться с мукой, струп на груди почернел и распух, напоминая теперь гадкого жирного змея, который улегся вздремнуть на солнце. Кровь молотом стучала в ушах, глаза едва не лопались от напряжения, горло — пересохшее русло реки, язык казался чужеродным куском плоти.

— Воды, — прохрипел едва слышимо маркиз, — воды...

Анри в отчаянии огляделся: в комнате ни души.

Входная дверь едва слышимо скрипнула, Леонор бесшумно, словно призрак вошла в дом. Небрежно взглянула на распростертого, на кровати мужа, на лице не дрогнул ни один мускул, ледяное спокойствие. Точно королева мечей сошла с карты напрямиком в комнату к Анри.

— Я должна идти, — мертвым голосом сказала Леонор, прикрыв глаза. На бледных как смерть веках проступила синяя сетка капилляров.

Анри поднял взгляд и вздрогнул: Кожа на лице и руках жены просвечивается, тонкие синие ниточки придают облику еще большей безжизненности и опустошенности. Губы напоминают серые куски глины, под веками чернота, глаза ввалились.

— Что случилось, Леонор? Ты не здорова? — прошептал Анри.

Маркиза не обратила внимания на слова мужа:

— Не спеши радоваться. Я вернусь, и мы продолжим беседу, — голос Леонор шелестел как опавшие листья, губы едва шевелились.

Что случилось дальше, Анри не видел. Яркая вспышка залила комнату светом. Треснуло, легкий удар, едва различаемый слухом, в воздухе запахло гарью. В усталом мозгу грохотало, перед глазами мелькали обрывки случившегося за день, тошнота комком подкатывала к горлу. Внутри у Анри разыгрался шторм, израненное тело едва не свалилось с кровати на пол. Мышцы словно ковыряло изнутри. Анри кричал. Когда же наваждение спало, оказалось, что Леонор исчезла без следа.

Анри ухватился руками за голову, в ушах звучали зловещие голоса. Речь становилась все более шумной, быстрой, пока не переросла в гул. А поверх всего проступал вкрадчивый шепот, над самим ухом:

— Ты мертв, Анри, смирись. Ты мертв. Зачем мертвому карта? Отдай, отдай ее.

Хриплый голос, казался знакомым до дрожи. Первые же интонации разозлили Анри не на шутку, тут борешься за каждую секунду жизни, терпишь адскую боль, ни черта не понимаешь, а какой-то наглый голосок выдает это циничное «Ты мертв, Анри, смирись», будто не маркиз лежит на смертном одре, а осел какой-то.

— Пошел к черту, — злобно процедил Анри, — сам сдохни, тварь.

Маркиз, сообразил быстро: Пока Леонор нет, можно бежать. Ползти — поправил себя Анри, — попытаюсь уползти подальше.

Тело лежало недвижимо, как медная статуя, тяжеленная, не поднять, даже шея не поворачивается, лишь глаза живо-живо бегают по сторонам. Руки не сгибались, точно бревна лежали вдоль тела. Анри напрягал волю, лоб покрылся крупными бисеринами пота, лицо исказила гримаса боли.

— Да шевелись же! — выкрикнул в сердцах маркиз, — ну же!

Лицо Анри напоминало раскаленную сталь, на лбу и висках червяками набухли вены, зубы скрежетали от напряжения, на скулах вздулись желваки. Тело бедолаги тряслось, как в лихорадке, рана на груди треснула, распахнула алый рот, кровь ручьем хлынула на могучую грудь. И хотя страх все сильнее въедался в сердце, Анри не обратил внимания, из последних сил напрягал волю.

Ладони Анри судорожно сжались, вцепились намертво в края кровати, побелели косточки на кулаках, древесина под пальцами жалобно затрещала. Острые щепки впивались в кожу, но он лишь ухмылялся: Главное тело слушается, а занозы — ерунда! Нога медленно соскользнула с кровати, гулко ударила по сосновому полу. Колено предательски хрустнуло, Анри выругался, но занятия не бросил, стал осторожно стягивать с постели вторую ногу.

Тело мешком шлепнулось на пол, боль нахлынула новой волной, беспомощный Анри лежал как рыба, выброшенная на берег, жадно хватал ртом воздух. Кровь быстро окрасила свежие доски, алое пятно стремительно расплзлось по полу. Маркиз понимал, что долго не протянет, сил всего капля осталась, и рана вновь открылась. О побеге не могло быть и речи, обессиленный он вряд ли мог доползти даже до порога.

Загуманенным взором Анри пробежался по комнате: картина перед глазами смазанная, точно акварелью по мокрой бумаге, очертания предметов расплываются. Но колоду на столе маркиз все же увидел. Толстая аккуратная стопочка карт, на самом краюшке столешницы.

Повинуясь интуитивному порыву Анри потянулся к столу. Рука словно мертвая, налитая свинцом, каждое движение кажется чудом. Дрожащие пальцы соприкоснулись с гладкой лакированной бумагой, и руку пронзила незримая молния. Ладонь судорожно сжалась, карта, лежащая сверху, оказалась у маркиза в руке. Анри поднес карту к лицу, поморщился: В черепе все громче перешептываются голоса. Боль загоралась в затылке, пламя переползало на левую сторону головы, а затем охватывало все тело.

— Маг? Это же та карта, что дал мне отец! — сорвалось с растрескавшихся губ. — Маг должен быть во главе, во главе чего?

Анри тяжело вздохнул, струя воздуха вырвалась из раскаленных легких со свистом. По изображению на карте пробежала едва заметная дрожь, словно ветер поигрывал шелковыми шторами. Анри не придавал значения: итак перед глазами все плывет. Рисунок затрепетал, краски на карте напитывались дыханием жизни. Лицо мага на картинке обрело живую четкость, в изумрудных глазах блеснул разум.

Анри дернулся, словно не карта в руках, а раскаленное докрасна железо, но пальцев не разжал и глаз не отвел, лицо на картинке притягивало взгляд: Такие знакомые черты, разрез глаз, нос... Спустя мгновение с бумаги на маркиза смотрела точная его копия.

— Не может этого быть — сдавлено прошептал Анри.

Тонкие молнии брызнули из глаз Мага, жадно вонзились в живую плоть. Боль копьем пронзила руку, маркиз стиснул челюсти так, что затрещало в висках. Губы разжались сами. Анри закричал, громко и страшно, так, словно шкуру живьем сдирают.

Пальцы, повинуясь чужой воле, потянулись к ожившей картинке. Изображение протянуло руку навстречу, ладони сомкнулись. Анри пробрала дрожь, касание оказалось ледящим, в мозгу загрохотало.

Взгляды двух маркизов, настоящего и иллюзорного скрестились, словно мечи в битве, едва искры не полетели в стороны. Анри из последних сил напряг волю, взгляда не отвел: В темных глазах Мага играют синие языки пламени, брови сдвинуты на переносицу. Маркиз

же оскалился, словно загнанный в угол зверь.

— Что же ты за тварь! — гневно прорычал Анри, изумившись той силе, что закипела внутри. Казалось не он лежит со страшной раной на груди, в луже собственной крови.

Ответа не последовало. Лишь озорная улыбка на миг касается напряженных губ Мага, во взгляде читается твердая решимость.

— Что ты задумал? — пытаясь высвободить руку, спросил Анри. Волнение скрутило внутренности в узел, но виду не подал, говорил, как и надлежит мужчине, уверенно и смело.

Только сейчас маркиз заметил что стены и пол покрылись мелким отверстиями, так словно муравьи древесину изъели: мелкие дырочки располагаются плотно друг другу, как поры на коже, сквозь них проникает едва видимое испарение. Воздух то загустевает, как свежесваренный клей, то плавится, а то и трепещет как пламя свечи. Анри ошарашено зажмурился, встряхнул головой, а когда открыл глаза, то едва не разинул от удивления рот, глаза округлились, брови поползли вверх. Отверстия в полу размером с мышинные норы, сквозь прорези бьет алый свет, точно там внизу пылают огни преисподней. Злой огонь причудливо играет искрами, сполохи фейерверком разлетаются в стороны, разбрасывая пылающие головни.

Одна из головешек упала прямо на грудь Анри. Тело испугано дернулось, перевернулось на спину, боль тотчас вонзилась когтями в оголенные нервы. Анри с силой стиснул челюсти, заскрежетало, словно камни трещат под ударами молота. Раскаленная головня жадно шипела, вгрызалась в рану, пламя расплавленным воском разливалось по груди, подбираясь все ближе к горлу.

Анри не знал, верить происходящему или нет? Может все лишь сон, бред умирающего? Но почему все такое яркое и четкое, даже четче чем обычный мир. Образы красочные живые, и боль... до чего же правдивая боль.

Карта пропала из рук Анри, словно ее и не было вовсе, пальцы сжимали лишь обожженный кусок лакированной бумаги. Со злостью маркиз швырнул бесполезную бумажку в сторону, ухватился руками за охваченную пламенем грудь. Красные языки миглом перекинулись на кисти, поползли вверх по предплечьям. Так при пожаре коварное пламя бежит по шторам, затем перекидывается на ковры и мебель. Только вместо деревянных шкафов — живое тело и боль, от которой едва не разрывается мозг. Анри не выдержал, закричал.

Смотреть на охваченное огнем тело не было сил: холодеет в животе, а в груди рождаются страх и бессильный гнев. Анри не испугался бы сцепиться с врагом лицом к лицу, кучей врагов, с целой армией, да что там — даже самим Дьяволом, но — чтобы видеть, с кем дерешься. Чтобы понимать с кем или чем имеешь дело. А как драться когда ты один на один с невидимым? Тет-а-тет со страхом? Чем сразить такого противника? Волей? Какая воля! Все силы уходят на то чтобы не сдохнуть!

Боль в теле адская, но кожа на груди и руках не покрылась уродливыми пузырями, не лопаются от жара, в комнате не запахло жареной плотью. Да что там! Даже покраснения нет. В карих глазах маркиза застыл изумленный блеск.

— Колдовство, — прошептал Анри, поднося пылающую, точно факел руку к лицу. Боль медленно откатывалась назад, как волна, разбившаяся о скалистый берег.

Огонь угасал, длинные багровые языки становились короче, пока совсем не исчезли. В груди у маркиза ухнуло, руки судорожно дернулись к ране, и замерли. Под пальцами липко от крови, но раны нет! Здоровая упругая кожа, жесткие волосы, и никакого струпа!

Брови Анри поползли вверх, глаза округлились:

— Точно колдовство, — прошептал изумленно маркиз.

Все еще не верил своему счастью, хлопал ладонями по могучей груди, скреб пальцами здоровую кожу. Наружу рвался радостный хохот.

Увлеченный чудом, Анри не заметил как изменился интерьер. Бесследно исчез дощатый пол, бревенчатые стены и стропила, пропал и столик с злополучной колодой на нем. Не осталось следа и от кровати, на которой не так давно лежал.

Анри рассматривал здоровое тело, довольно скалил зубы. Гора свалилась с плеч: Я здоров, господь не оставил меня в беде, я здоров!

Глава 4. Связанные кровью

Замок «Блутштайн». Северо-восточная Франция. Герцогство Эльзасское, графство Эгишейм.

Падение оборвалось резко, от удара оземь голова едва не раскололась надвое. В ушах шумело, как будто лавина обрушивается напрямик на макушку, терзаемое болью тело сжалось в комок. Фарамонд понял, что лежит на земле, осторожно втянул носом воздух: затхло как в погребке, пахнет тленом и плесенью. По разбитому лицу струйками стекала теплая кровь. Под ладонями и щекой барон ощущал холод, земля скользкая и противная.

Веки поднимались тяжело, как железные заслонки, Фарамонд в сердцах выругался. В помещении темно, хоть глаз выколи. Могучие легкие застонали, барон зашелся жутким кашлем.

— Мессир, как вы? — гулким басом пророкотал Ив.

— В... по... рядке, — сдавлено ответил Фарамонд, — где Блан?

— Я здесь, — донеслось слева, — где мы, мессир?

— Мы... в за. падне, — страшным голосом произнес Фарамонд, — хо. зяин по. близости.

Ив поднялся на ноги, похожий на мифического минотавра, глаза налились кровью, ноздри расширились, из них наружу рвется жар. Монтеские подошел вплотную к Фарамонду, ухватил под руки. Голос прогрохотал, словно раскат грома:

— Нельзя нам разлеживаться, мессир. У меня от этого места мороз по шкуре.

— Брат! — воскликнул отчаянно из тьмы Блан.

Ив поспешно разжал руки, быстрее ветра кувыркнулся влево, на звук. Изможденное тело барона, лишившись опоры, как куль завалилось назад, на пол, кости отозвались тупой болью. Фарамонд стиснул зубы, взглядом искал скрытую тьмой опасность. Ив же наоборот превратился в инстинкт: зверь сорвался с цепи и намерен растерзать врага в клочья.

В кувырке Ив машинально выхватил палаш, нанес серию быстрых выпадов перед собой. Лезвие клинка звякнуло металлом, во тьме кто-то сдавлено вскрикнул, на камень брызнула теплая кровь. Ив самодовольно оскалился, стрелой бросился на голос. Стальной клинок лихо присвистнул, но сопротивления не встретил. Палаш рассек лишь воздух.

Блан времени зря не терял, давно извлек оружие их ножен, но в отличии от брата горячиться не стал. Серые глаза оживленно бегали по сторонам, выискивали след. Ноги двигались мягко, не слышимо, словно не человек ступает, а кот.

Блан в бою часто доверял интуиции, провидение не раз спасало ему жизнь: главное верить чувствам. Глаза еще не свыклись с тьмой, баронет ощущал врага нутром: дыхание жизни, где-то совсем рядом, в темноте.

Фарамонд предусмотрительно отполз в угол: Не хватало еще чтобы Ив принял за противника. А с него станет, изрубит в клочья, а затем разбирать будет, свой или нет. Конечно, потом устыдится, но что толку? После боя кулаками, как говорится, не машут. Но старшего де Монтеские это не касается, он машет ими всегда.

Первым врага обнаружил Ив. Недалеко от него во тьме что-то шелохнулось. Ив не раздумывая размахнулся от плеча палашом. Звонко ударило железо о железо, незнакомец не сумел достаточно быстро уклониться, парировал удар клинком. Ив занес руку для второго

удара, но не успел, шпага пронзила насквозь чуть ниже груди. Он закричал страшно, выронил оружие, обе руки вцепились в шею врага. Канатами вздулись вены на руках баронета. Незнакомец не ожидал такой прыти от смертельно раненого, наружу вырвался сдавленный хрип.

Блан застыл в оцепенении: зубы Ива скрежещут от натуги, в глазах безумный огонь. Позвонки под могучими пальцами Ива противно хрустнули, шея врага неестественно согнулась, голова откинулась назад, как у тряпичной куклы.

Блан подставил брату плечо, сказал холодно:

— Чем ты думал, болван? Он почти достал сердце.

— Почти не считается, — хохотнул Ив, сплюнув кровью, — до вечера затянется.

Блан не ответил, осторожно усадил брата к стене. Тот устало уронил голову на широкую грудь, дышал хрипло, отрывисто, затем притих. Блана передернуло: Неужели умер? Но Ив поднял голову, посмотрел с благодарностью и лукаво подмигнул: Мол, разыграл я тебя, братишка!

Тишина гудела от напряжения. Фарамонд вздохнул с облегчением. Опасность миновала. После удара оземь в ушах молотом стучит, а тут еще герцог постарался, нутро выворачивает наружу. Глаза уже привыкли к мраку подземелья, Фарамонд в темноте видел не хуже чем при свете дня, нужно лишь обождать немного, чтоб глаза привыкли.

Неспешно барон подполз к распростертому телу, всмотрелся пристально в черты лица: раскосые миндалевидные глаза, с характерной красной роговицей, тонкий аристократический нос и бледные тонкие губы. В глаза бросаются блеклые, почти бесцветные волосы незнакомца, прикрывающие заостренные ушные раковины.

— Должен вас поздравить друзья, — хрипло сказал Фарамонд, — только что мы закололи альфара.

Ив посмотрел исподлобья, натянуто улыбнулся.

— Нужно заткнуть рану, а то истечешь кровью, — Блан отодрал от туники погибшего длинную полоску ткани, — силы тебе еще пригодятся.

— Видите, мессир, какой заботливый у меня брат, — Ив продемонстрировал два ряда белоснежно белых зубов с длинными хищными клыками, — это он в мать такой, та тоже за мной бегала по пятам. Ив то, Ив, сё.

Блан промолчал, лишь покачал головой и принялся перевязывать раненого.

— Альфарцы нам не впервой, мессир, а вот старшего, как герцог, я вижу впервые, — старший де Монтестье похлопал себя по бедру, — против такого наши клинки лишь игрушка. Он скрутил нас в бараний рог и бросил сюда как какой-то мусор. Не время ли повернуть назад, мессир?

Те, кто хорошо знал Ива де Монтестье, сейчас наверняка бы перепугались до смерти. Ведь никогда бесстрашный баронет не останавливался на половине пути, всегда шел до конца, не щадя ни себя ни окружающих. То, что Ив засомневался в успехе дела, говорило лишь об одном: Он не видит даже шанса на успех. Потому что даже малейшую возможность Ив превращал в результат.

— Ты больше не веришь в меня, мой отважный друг — грустно и безжизненно прошептал Фарамонд, — больше не веришь...

— Да нет же! Что вы, мессир! — проревел Ив, густые брови сошлись на переносице, уголки рта обиженно опустились — верю больше чем в господу бога! Хотя его я не видел, а вас да! И силу вашу видел, и знаю что вы из того же теста что и я. Альфаров этих я сам на

вертел насажу, а колдуна как?

— И у него есть слабые места, верно, мессир? Ободрите брата, а то он уже хвост поджал, как щенок, — Блан хитро сверкнул глазами, — похоже, ранение совсем лишило его рассудка.

Блан не меньше брата опасался колдуна-герцога, но чаще полагался на интуицию, чем на силу мышц, это и не давало спасовать перед лицом смерти. В такие моменты Блан вверял судьбу богу, и хотя понимал, что творец не благосклонен к таким чадам как он, жизнь доказывала: по вере воздается каждому. А Блан верил, верил, что жизнь настолько разнообразна, что в ней найдется место для многого. Для человека, альва, колдуна или всесильного творца звезд и неба. И эта вера спасала его не раз. Могучие враги отправились в могилу, а он — оставался жив.

— Есть у всех слабые места, тут ты прав, — ответил Фарамонд и умолк, посмотрел в сторону братьев.

Ив как всегда ничего не понял, а Блану хватило и тени намека. Младший де Монтеские от природы догадливей и проницательней брата.

Фарамонд повел глазами влево. Взор острый предостерегающий. Блан мигом перехватил взгляд, но вида не подал, лениво уселся рядом с братом. Понимал: за ними следят. В темноте он видел гораздо хуже мессира: Придется полагаться на интуицию.

Блан будто невзначай наклонился, перенес вес на правую сторону, теперь ничего не мешало проворно выхватить оружие. Пальцы правой руки готовились схватить эфес, Блан сосредоточился, позвоночник как струна, едва не звенит от напряжения.

В такие моменты скорость решает все. Альфар не успел и шелохнуться. Блан доверился судьбе, ударил наугад. Серебристый клинок молнией взмыл в воздух, острие пробило плечо альфарца насквозь, пригвоздило к стене. С блеклых губ раненого сорвался сдержанный стон.

— Не дергайся, красноглазый, а то хуже будет, — ухмыльнулся кровожадно Блан, покрутил клинок в ране. Альфар взвыл от боли.

— Тха» раса, — злобно прошипел раненый. В раскосых глазах пылает ненависть, нос сморщился, скулы напряжены, грудь ходит ходуном. Так бы и набросился, ели б не клинок в плече.

— Говорить будешь, когда мессир позволит, — оскалился Блан, провернул клинок в ране снова, — а ругательства прибереги для своей матери.

Альфарец не закричал, стиснул зубы, по лицу градом бежали бисерины пота.

— Герцог послал, да? Хочет знать, зачем пришли, верно? — тихо и совсем не страшно спросил Фарамонд, но у пленного затряслись поджилки, глаза испугано забегали по сторонам. Догадался, красноглазый, кто перед ним стоит.

— Виконт, виконт де Блуа..., - испугано прошептали блеклые губы.

— Молчи, дурак! — рявкнул Фарамонд, — называй меня бароном, а не то велю отрезать твой змеиный язык!

— Да, ваше..., барон, — со свистящим акцентом проговорил альфарец, — как вашему... вам будет угодно.

На лице пленного страх смешался с недоумением и гневом. Края рта нервно подрагивают, на лбу пролегли суровые складки, скулы кажется, прорвут кожу от напряжения. Челюсти плотно сжаты, губы совсем побелели.

Рана на плече альфара не шуточная, коричневая туника пропиталась кровью, побагровела. Раненая рука то и дело подергивается. Блан постарался на славу, расковырял

так, что заживать будет долго.

— Страшно подыхать, да, хорек, — громогласно рассмеялся Ив, поднялся на ноги, — страшно сдыхать когда впереди долгая-долгая жизнь. Это не то, что мне, да, ушастый?

— Да, — отозвался альфар, в звонком голосе прозвучали нотки высокомерия, — не то, что тебе, зверь.

— Но ты, зараза, от такой дыры, — Ив указал на кровоточащую рану на могучей груди, — копыта отбросишь, хлыщ. А я ничего, очухаюсь завтра уже.

— Если оно наступит, — огрызнулся альфар, — герцог так этого не оставит, — покосился на Фарамонда и мигом умолк.

Барон понимал: Бриан лучше других знает, что допросы против незваных гостей бесполезны. Фарамонд готов умереть, но не рассказать, а братья ничего толком не знают. Но вот подслушать, вызнать можно. Значит, старик не догадывается, зачем мы пришли, а это уже неплохо.

Фарамонд устало вздохнул, произнес безразлично:

— Тебя послали за мной шпионить. Скажи, почему я должен оставить тебя в живых? Чем ты полезен?

— Я буду говорить, — прошептал с ненавистью альфарец, — расскажу все что знаю, барон.

— А много ли знает шестерка? — рассмеялся залиvisto Блан, надавил на эфес шпаги, пленник взвыл от боли, — можно я его прикончу, мессир?

Блан намеренно подыгрывал барону, зная, как дорога красноглазому жизнь.

— Убить всегда успеем, Блан, — Фарамонд метнул в пленного острый взгляд, — Докажи мне падший альв, что я не зря оставил тебе жизнь.

— Да, барон, — отрешенно ответил пленный, — спрашивайте и я докажу вам свою полезность.

Фарамонд видел, с каким трудом далось альфарцу согласие. Переступить через гордость — подвиг для его народа, или может падение? Еще одно доказательство того, как обременяет длинная жизнь, забываешь о чести, целях. Все сводится к инстинкту: Жить, жить, жить. Фарамонд осекся: Но ведь и я делаю все ради лишь жизни. И ребята тоже... Не хочется умирать молодым, полным сил, идей, веры. И чем сильнее ты, талантливей, тем больше хочется жить. Для дурака жизнь — пустяк, но его лишь могила исправит, потому, наверное, он ее и ищет. А сильный, рано или поздно встречается со страхом смерти.

— Зачем герцог послал тебя, альфар- сурово спросил Фарамонд.

Пленный напряженно сглотнул, ответил с усилием:

— Убить вас, барон.

— Меня?! — на лице Фарамонда заиграла улыбка. — Вы слышали, друзья? Этот самонадеянный мальчишка хотел убить меня, Фарамонда. Да известно ли тебе, что дав согласие на такое, ты подписал себе смертный приговор.

— Да, — ответил угрюмо пленник, — но у меня не было выбора, барон. У герцога моя жена...

— Выбор есть всегда, — хмыкнул Ив, в глазах блеснула сталь — мне ли не знать. Ты сдохнешь тут, а твоя баба там. Вот и все. А мог отказаться и сдохнуть сразу.

— И ты действительно считал, я окажусь милостивей старого смутьяна? — Фарамонд с яростным недоумением воззрился на альфара. Тот поспешно отвел взгляд, не сказал ни слова, только запылали во тьме серебряные волосы да глаза вдруг засветились алым, как у

нетопыря.

— Зря, зря ты так считал. Я еще хуже чем он, — В глазах Фарамонда полыхнули алчные огоньки, — На много хуже.

Лицо пленника перекосило от бессильного гнева: глаза мечут искры, губы дрожат, тонкий нос сморщился. Отчаянье и злость на самого себя накрыли темной волной. Будь он свободен, набросился бы на Фарамонда как зверь, впился зубами в горло, а так лишь отчаянно дернулся. Блан тут же ударил его сапогом в лицо, придавил шпагой к полу:

— Не дергайся, щенок, мессир еще не закончил.

Из разбитого носа и губ на грудь брызнула кровь. Альфарец завалился на спину, руки потянулись к лицу. Блана возня пленного лишь разозлила. Баронет оскалился, желваки заходили тяжелые, а в глазах разгорелось пламя. Размахнулся сильно, вложил в удар всем телом. Остроносый сапог с хрустом впился под ребра, с криком альфар отлетел обратно к стене.

— Не дергайся, я сказал, — прошипел злобно Блан.

Разговор становился все нелепей и неинтересней. «А ведь я сам начал», Фарамонд недовольно покачал головой, поспешил вернуться к главному:

— Вас двое или есть еще?

— Трое, — прошептал окровавленными губами пленник, — барон сохраните мне жизнь, и, клянусь, я спасу вас от смерти.

— Ты много хочешь, но пока что ничего не предложил в замен, мой друг, — развел руками Фарамонд. Рукава колета потянулись, обнажая браслеты, изукрашенные витиеватыми рунами. Таинственные знаки блеснули холодным предостерегающим огнем.

— Третий, вы знаете его, барон, — с неохотой проговорил он. Жар охватил его, сердце застучало чаще — Дордаор, мастер клинка. Герцог нанял лучшего убийцу специально чтобы убить вас, а меня и того бедолагу послали для того чтобы ранить или ослабить. Убить, если повезет.

Ив всегда тяжело переносил подобные переговоры, предпочитал пытки, бесполезным дискуссиям. Если враг молчит, надо ему сделать очень больно — сразу все выложит. Боль развязывает языки, а не уговоры. Чего они с ним цацкаются, — негодовал Ив, потирая здоровенные кулаки.

— Дайте его мне, мессир, я одной левой из него правду выдавлю.

Фарамонд и ухом не повел, взгляд заострился, лицо приобрело каменное выражение. Произнес сухо:

— Я тебя не верю, щенок. Герцог заметил наш переход и мог убить нас тогда. Или ты скажешь правду, или Ив свернет тебе шею как и твоему напарнику. Это твой последний шанс.

— Клянусь, матерью ночи, все что я сказал — правда! — выпалил перепуганный пленник, выкатил глаза — У него на мече две змеи обвившие череп. И браслеты на руках, точно как у вас! Он прибыл в замок вчера, на закате.

«Конечно, — осенило Фарамонда, — старик хочет завладеть пластиной, убей он меня тогда, и бесценный артефакт окажется между мирами. А оттуда ох как непросто достать».

Фарамонд призадумался, окинул взглядом тесную камеру. Каменные стены поросли плесенью и бледным мхом. На стене в оковах висит полуистлевший скелет, рядом, среди костей, валяются ржавые гвозди. Наверняка выпали после того как труп сопре. На противоположной стене виднеется округлый проем, перегороденный железными прутьями

решетки. На полу и стенах многочисленные следы от ударов, камень сколот, кое-где видны следы зубила. Наверняка палачи вбивали колья в тела пленников, а может, несчастные в отчаянье кандалами долбили стену?

Дордаор, как и все альфары, умеет сливаться с темнотой, а удар у негодя быстрый, даже Блану с ним не тягаться, куда уж мне, Фарамонд закусил верхнюю губу, между бровями пролегла широкая складка.

— Если не предашь меня, я дам свободу тебе и жене, — вскинув бровь, сказал Фарамонд. Вы мне не нужны.

— Что потребуется взамен? — осторожно спросил пленник, облизал разбитые губы. Кровь крупными каплями срывалась с острого подбородка на грудь.

— Ритуал крови, мой длинноухий друг, ритуал крови..., — вкрадчиво произнес Фарамонд, во взгляде возник хищный блеск. Альфарца передернуло так, будто стегнули плетью по глазам...

* * *

Ветер развеивает длинные седые волосы, рубин в короне горит холодным огнем войны и страдания, по многочисленным граням камня пробегают алые сполохи света. Герцог от избытка сил и радости громко и страшно рассмеялся. Точно от землетрясения содрогнулись стены твердыни за спиной, огромная каменная глыба сорвалась с утеса вниз, в пропасть. Хозяин замка, как заметил Дордаор, смотрел вниз с утеса с триумфом и ликованием. Еще вчера старик выглядел как сухая тощая ветвь, терзаемая ветрами, а сегодня расправил крылья, налился грозной, гремящей силой. От худой широкоплечей фигуры веет холодом смерти, словно не человек, а могильный обелиск возвышается на краю бездны. Взгляд герцога стал пронизательней, в нем читается нетерпение и жажда, желание высвободить ту силу, что накопилась за многие века сумеречной жизни.

— Пришло время, Дордаор, — сказал Бриан де Рец, воздел руки к ночному небу. — Пришло время испить чашу до дна!

Высокий темноволосый альфар сдержанно кивнул. На лице не дрогнул ни один мускул, точно не лицо, а мраморная маска. Большие, раскосые глаза, как и рубин в короне герцога — алые и холодные. Взгляд Дордаора казался безразличным и отстраненным. Тонкие аристократические губы, нос, вытянутый овал лица выдавали в нем представителя знати. Удивительно, что знатный альфарец посвятил свою жизнь такому ремеслу. Еще более удивительно — наемному. Все из его народа известные индивидуалисты. Ни один не согласится работать по найму, а тем более мастер клинка.

В последние века альфарцы утопали в крови, могучие племена и кланы потеряли многих героев и лишь недавно условились о перемирии. Но ненависть так и не утасла, жажда крови не утолена. Мир оказался вынужденным.

Вековая война закончилась поражением для всей расы. Обескровленный народ оказался открыт набегам прежде слабых степных племен. Истощенные битвами земли становились легкой добычей молодых и проворных кочевников. Альфарцы отступали к горам, к подземным городам из которых вышли предки тысячи лет назад.

Теперь альвские степи — лакомый кусок, где только один закон... И многие воины откликаются на зов мужества, берутся за меч, отправляются в дикие места испытать судьбу,

добиться победы над противниками, отыскать сокровища альвских князей и заслужить славу настоящего героя.

Дордаор — лучший среди них, истинный мастер клинка. На его счету тысячи побед и тысячи смертей.

Альфарец стоял позади барона, обнаженный до пояса, бледный свет луны отсвечивает на широченных, блестящих плечах. Смуглая кожа блестит как отполированный металл, сверкает на мускулистых пластинах груди. Тугие мышцы буграми перекатываются под блестящей кожей.

На изукрашенной орнаментами перевязи, обоюдоострый альвский клинок. С длинным лезвием, и рукоятью в полтора хвата. Легкий и острый как бритва. Никакого иного оружия Дордаор не признавал.

Бриан жестом подозвал наемника к себе.

Даже не смотря на немалый шестифутовый рост, тот ниже барона на голову.

— Мне нужна пластина, Дордаор. Что ты сделаешь с пленниками — мне все равно. Они твои.

— Ваше высочество, для меня будет честью сразиться с самим Фарамондом. В прошлый раз ему удалось ускользнуть от меня, но теперь, — глаза Дордаора сузились, — теперь ему не уйти.

Альфарец отступил на шаг назад и поклонился, взгляд задержался на полыхающем рубине, в короне герцога.

Бриан перехватил алчный взгляд, сказал твердо:

— Ты получишь его, как я и обещал. Рубин в обмен на пластину.

Глава 5. Из огня, да в полымя

Иноземье. Хорасанский каганат. Остров Варрант.

Вода срывается с утеса, скользит по камню с тихим плеском и журчаньем, водяные брызги бисером рассыпаются на песок, светятся в лучах солнца, горят словно искры. От водопада веет прохладой и бодростью. Анри стоял на пороге ветхого бамбукового домика, разинув от удивления рот. Изумляло все: вода, бегущая меж камнями, и, стройные пальмы, и даже песок под ногами. Как и почему я тут оказался?

Над пальмами и зарослями кустов порхают, дивные, яркие как бабочки птицы. В воздухе пахнет свежестью, витает незнакомый, но приятный, сладковатый аромат. Спрятавшись среди зарослей, стрекочут насекомые, звук напоминает птичьи трели, такой же мелодичный, приятный.

Непривычные запахи и цвета опутали Анри волшебной сетью, сдавили грудь. Маркиз, прежде никогда не видевший такого великолепия, ощутил, как сердце в груди замирает, в голове тесно от изобилия красок и звуков.

— Господи, да где же я?

Анри все еще не верил в чудо, хлопал ладонями по здоровой груди, скреб ногтями кожу. Рана исчезла без следа, и следа не осталось. Сердце заполнялось мальчишеской радостью.

А может я умер, а это рай, — пронеслось в голове.

Анри переступил истертый порог, по лицу легонько ударили широкие листья папоротника, сапоги погрузились в горячий белый песок. Палящее солнце касалось лучами кожи, по телу разливалась приятная теплота, так и хотелось разлечься на красивом берегу у реки и подремать как кот.

Анри торопливо стянул с себя рубашку, подставил широкую смуглую спину лучам светила, зажмурился от удовольствия. Жара стояла невероятная, уже через минуту бронзовая кожа покрылась бисеринами пота.

— Ох и шкварит, — сказал Анри, отер взмокший лоб ладонью, — тут долго не постоишь, надо срочно в воду.

Штаны, ремень и сапоги отправились вслед за рубашкой на землю. Маркиз с озорной улыбкой на лице, пролез сквозь густые заросли папоротника, туда, где русло речушки расширилось.

Солнце высится точно над головой, небо яркое, до боли в глазах, на лазурном полотне ни облачка, солнечные блики игриво скользят по воде, искрятся, перепрыгивают с волны на волну. Анри так и замер, залюбовался игрой света. Насмотревшись вдоволь: Жарко все-таки, подошел к самой кромке воды, ступил ногой в реку: Прохладная. То что надо!

Не раздумывая Анри нырнул с головой. Громкий всплеск, в воздух взлетели тысячи серебристых брызг, вода разошлась кругами. Приятная прохлада обняла тело, кожа пошла пупырышками, проступили тугие бугры мышц. Дно речушки оказалось совсем рядом, руки уткнулись в сырой песок, еще бы немного и треснулся головой.

Анри вынырнул обратно, плеснул водой в лицо и радостно рассмеялся:

— Я жив, я жив, Леонор! Не смотря на все, что ты сделала, я жив.

В воде становилось зябко, холод пробирался сквозь кожу, кусал за нервы. Анри выбрался на берег, улегся спиной на горячий песок, с наслаждением уставился в небо. Так и

лежал, тень от раскидистых пальм прятала от жары, яркий свет не так резал глаза.

Небесная лазурь наливалась синевой, позже краски сгустились еще больше, проступили багровые тона, кровавое пламя заката. Раскаленный диск светила скатывался за горизонт медленно, не желая покидать землю.

Последний блик исчез за зеленым холмом. Потемнело, показались звезды, а Анри все не отводил глаз, смотрел в небо, радостно и свободно. Воздух похолодел, ароматы трав и цветов усилились, а песни все тех же неведомых насекомых зазвучали с новой силой, еще мощней, слаженней.

Анри провел рукой по коже. Волосы стоят дыбом, по спине пробегают мурашки. Одежда и сапоги лежали рядом, у корней папоротника, на гладком, вылизанном волнами камне. Анри торопливо натянул штаны, вытряхнул песок из сапог.

В голове роились мысли о доме, Леонор. Радость понемногу отступала под натиском рассудка. Но мысли текли вяло, как густой сироп, сон напелзал на глаза, веки становились неподъемными.

Анри громко зевнул, поднял с земли рубашку. Приятная ткань холодила кожу, пальцы пробежали по гладкому шелку, бегло затянули шнурки на рукавах и груди. На душе все оставался неведомый привкус, осадок. Чувство раньше не испытываемое, совершенно новое и будоражащее. Чувство, что мир перевернулся с ног на голову, а он сам пробудился от длительного сна. Будто ты только проснулся, тряхнул головой, протер глаза, но перед глазами все еще картины видения. Их не забыть, слишком уж яркие образы. Так и здесь — от колорита в глазах рябит. Необыкновенный мир мечты, или что это?

Запахи окутывали Анри пьянящими ароматами трав, вечерней росы, напитавшейся цветочным нектаром. От запаха во рту становилось сладко, еще больше клонило в сон.

За облаками прячется полная, круглая как тарелка луна, свет струится серебристый призрачный. Не зря прозывают месяц светилом вурдалаков, привидений, призраков да темных альвов. Как смотришь на ее бледный лик, аж мороз бежит по спине.

Пальмы выглядят неестественно, пугающе. Листья папоротников заострились точно лезвия, с одной стороны блестят первородным серебром, а другой — абсолютная чернота, таинственная, загадочная принадлежащая тому, другому миру, точно как и обратная сторона луны. Захотелось поскорее зайти в дом. А еще лучше развести костер, посидеть у огня, согреться, разогнать таинственный морок. И хоть маркиз не из пугливых, а у огня как-то спокойней.

Анри и не заметил, как опустился на бамбуковую циновку, руки разбросал в стороны, провалился в сон. Могучая грудь вздымалась мерно, наружу прорывался звериный храп, от которого едва не рассыпалась ветхая хижина. Бамбуковые прутья испугано вздрагивали при каждом вдохе. Сны новое жилище навеяло приятные, Анри всю ночь летал на диковинном звере. Такие видел на китайских гравюрах: Длинный змей, с головой как у лошади, когтистыми львиными лапами, гибкое тело покрыто как у рыбы чешуей, в глазах — ревет дикое пламя.

Не смотря на свирепый вид, зверь вел себя мирно, угодливо катал маркиза на теплой блестящей как стальной панцирь спине. Поначалу Анри боялся, что свалится со скользкого змея, намертво вцепился пальцами в густую гриву. Но страшился понапрасну, ноги точно приклеились к чешуе зверя, прилипли как магниты. Тогда Анри расслабился, стал с интересом рассматривать крохотные домики внизу, желтые и зеленые квадраты полей, синие полосы рек.

Змей лихо крутанулся, взлетел выше, к перистым росчеркам облаков. От пируэтов у Анри перехватило дыхание, воздух застрял комком в горле, глаза округлились от удивления. Оказалось, тучи ничем не отличаются от тумана, такие же сырые и непроглядные. Воздух внутри холодный и промозглый, как в горах, только еще хуже. Неожиданно холодное и острое уткнулось в шею. Анри вздрогнул, дрему как рукой сняло, сонные ресницы учащенно заморгали. Недоуменный взгляд уткнулся в красивые смуглые бедра, едва прикрытые короткой полоской ткани, которую сложно назвать юбкой. Юбки, даже нижние, доходят хозяйкам почти до колен, в то время как эта длинной всего в несколько ладоней. Яркие солнечные лучи как горячее масло бежали по лезвию сабли, вспыхивали бликами, просвечивали тонкую ткань женского одеяния насквозь. От взгляда Анри не ускользнул соблазнительный вздернутый зад незнакомки, тугие мышцы на бедрах, голених, предплечьях.

— Вы кто? — хрипло спросил Анри, вскинул бровь, — если это ваше жилище, то примите мои извинения.

Незнакомка промолчала, на красивом лице отобразилось секундное смятение. Анри поймал взгляд девушки, губы разошлись в обезоруживающей улыбке.

— Уверяю вас, мадмуазель, я не вооружен и обладаю миролюбивым нравом.

Анри продолжил разглядывать очаровательную незнакомку. Если бы не кривая сабля в руке, наряд, выходящий за границы приличного, она вполне сошла бы за аристократку. Тонкие черты лица, большие синие как океан глаза, аккуратный ротик, пухлые губы. Такие хочется поцеловать, когда долго на них смотришь. Анри представил, каковы ее губы на вкус: такие же сладкие как здешние запахи? Улыбка мимо воли блеснула на лице маркиза. Девушка мигом нахмурила брови, словно прочла его мысли, острие сабли опустилось вниз, к груди Анри.

— Вы на всех так бесстыдно пялитесь? — строго спросила девушка без тени акцента.

— Нет, — Анри удивленно раскрыл глаза, — только на тех, кто разгуливает передо мной обнаженным и с саблей в руке.

— Конечно, — кивнула девушка, — гораздо лучше спать в чужом доме, в то время как хозяина нет. Да еще и перепугать своим храпом добрую половину соседей.

— Каких соседей? — еще больше удивился Анри, — я не заметил ни души в округе.

— Это и не удивительно, — звонко рассмеялась незнакомка, — от такого храпа наверняка и жена сбежит, не только соседи.

— Как в воду глядите, — ответил Анри, тяжело вздохнул, — именно потому я здесь. Моя благоверная решила убить меня. Надеюсь, вы не станете.

— Не стану — незнакомка улыбнулась, обнажив два ряда блестящих как жемчуг зубов, сабля ловко крутанулась в руке, со звоном вскочила в ножны, — но ведите себя, как полагает гостю, мсье...

— Анри, можно просто Анри.

— А я Ситара, — девушка протянула руку для приветствия, на лице возникла игривая улыбка, — почувствуйте себя как дома.

Анри галантно взял красивые длинные пальцы девушки в свою ладонь, легонько сжал.

— Спасибо за приглашение, — в глазах маркиза блеснули игривые искорки, на лице заиграла хитрая улыбка. Анри галантно поклонился, легонько прикоснулся губами к тыльной стороне ладони Ситары. Девушка вздрогнула от удивления. В воздухе повисла тишина. Щеки Ситары залились смущенным румянцем.

— Кто вы Анри, и почему оказались здесь, — вернув лицу строгое выражение спросила

девушка, отвела взгляд — можете отпустить мою руку.

— О, просите, — Анри торопливо разжал пальцы улыбка стала еще шире, — я был очарован вашей красотой. Еще раз прошу меня простить.

— Напомню вам о статусе гостя, уважаемый, и о том, что я хотела бы знать, кто вы и как оказались в моем доме, — Ситара вернула руку на рукоять сабли. Пальцы ощутили холодную сталь эфеса, шершавую кожу рукояти. Ситара мигом вернула утраченное самообладание, взгляд приобрел прежнюю глубину, ноздри слегка расширились.

Ситара не любила терять контроля над ситуацией, а тем более над собой. Ее сложно вывести из равновесия. Но этот незнакомец смог. Поразил не в бровь, а в глаз. Сердце в груди забилось как испуганная птица, дыхание на несколько секунд замерло. Ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Ясность в голове обрелась лишь сейчас, когда рука коснулась холодной стали. Таково с Ситарой прежде не случалось. Буря эмоций. Нет не страсть, не любовь и не влечение, все это знакомо. Иное... Но что именно? Ситара не могла понять. Глубокое чувство, такое новое и одновременно с тем пугающее. Ведь как контролировать то, чего не понимаешь?

Взгляд девушки стал стеклянно-отрешенным, пушистые ресницы опустились вниз, легли на щеки. Ситара целиком ушла внутрь себя, сосредоточилась на ощущениях, старалась понять, что чувствует в данный момент. Девушка глубоко вздохнула, втянув ноздрями аромат цветущих пальм и острый мужской запах, оставленный гостем. Полушария очаровательной груди соблазнительно выпятились вперед, на стройной шее проступили жилы, пухлые губы сжались в плотную алую линию.

Анри поднял брови, отстраненность собеседницы бросалась в глаза. Ситара замерла, правая рука впилась в рукоять сабли, костяшки пальцев побелели от напряжения.

— Кто вы Анри? — холодно повторила девушка, — и почему я могу знать вас, хотя никогда прежде не встречала.

Ситара не знала как поступить, с одной стороны гость не выглядел опасным, хоть и широкоплечий, крепкого сложения но девушка знала: при надобности сможет справиться с ним. Но интуиция подсказывала: пришелец может оказаться одним из солдат врага. Возможно, этим и объяснялась странная сила в его ауре. Что это на самом деле? Его собственная боль или печать Зла?

Маркиз промолчал, только бросил на нее удивленный взгляд. Так и не понял, что она имела в виду, пожал плечами:

— Я Анри, маркиз де Ланьяк. Мое предки веками проживали на юге Франции. — ответил Анри с легких холодком, — но судя по всему, больше нет.

— Нет? — переспросила Ситара искренне. — А что, случилось?

Анри не спешил с ответом, на языке вертелись разные слова, но одни фразы казались чересчур мягкими, а другие, наоборот, колкими, обидными. Он даже удивился, насколько задело его предательство Леонор. Вздохнул полной грудью, закинув мускулистые руки за голову, начал убеждать себя, что надо успокоиться, ведь Ситара не имеет к его жене никакого отношения, пусть и есть в них что-то общее. Та же сильная личность, волевой подбородок, внимательный взгляд.

— Понимаю, можешь не говорить, — Ситара покачала головой, — но это не объясняет того как ты попал сюда. Наверняка не на лодке приплыл, верно Анри? — в глазах девушки вспыхнули опасные огоньки.

Маркиз молчал, гневно посапывал, язык будто прилип к зубам. Перед глазами сперва

быстро, а потом все медленнее проплывали картинки, как он, счастливый и смеющийся, выезжает из ворот замка на охоту, как обнимает Леонор за тонкую талию, шепчет ей на ушко слова любви, как весел и светел ее смех.

Как беспечно протекали те дни, казалось, нет больше на свете ни одной живой души, только он и она. «О, как же я был наивен, как слеп и глух...». Сердце маркиза обливалось кровью, зубы сжались с такой силой, что закололо в ушах. Хотелось закричать от горечи и гнева.

— Это все из-за карты. Дурацкие карты, будь они прокляты. Моя жена желала мне смерти из-за клочка бумаги. Не наследство, не земли, кусок старой бумаги. Господи, за что мне это..., - мрачно процедил сквозь зубы Анри, отвел печальный взгляд, — моя жена ведьма, или что-то в этом роде. Знаю, это звучит глупо, но это так. Ладони Анри со страшным треском сжались в кулаки, Ситаре показалось что лопнули кости.

— Вовсе не глупо, — кивнула девушка, убрала руку с эфеса и осторожно коснулась плеча Анри.

Солнечный свет пробивался сквозь узкую дыру в крыше, касался головы Ситары. Маркиз замер, жадно впился взглядом в агатовые пряди волос, что струились, как потоки с высокой скалы. Искры света плясали в волосах, играли, шалили, и вся эта красота сверкала, как бриллианты на золотом гербе его предков.

— Вы хотите сказать, что верите в ту чушь что я рассказал? — Анри нахмурил брови, — я сам в нее с трудом верю.

Ситара лишь загадочно улыбнулась, обнажила роскошные белые зубы, по-дружески сжала плечо. Красивая грудь девушки, едва скрываемая узкой полоской ткани, плавно поднялась и опустилась. Анри ощутил, как внизу живота у него заиграла кровь, по телу пробежала обжигающая волна желания, слова застряли в горле. Щеки маркиза будто напекло полуденным солнцем, вспыхнул предательский багрянец.

— Ты любишь рыбачить? — мягко спросила Ситара, глядя прямо в смущенные глаза собеседника. Внимание красивого мужчины ей было приятно.

— Да, — прокашлявшись ответил Анри, торопливо отвел глаза.

— Пойдем к реке, заодно расскажу тебе кое-что.

* * *

Русло реки изгибалось лентою, уходило на запад. Река в этом месте разлилась широко, до противоположного берега теперь не меньше ста ярдов. Бурное течение вод успокаивалось, превращая горную реку в тихую и уютную заводь. Хотя шум водопада слышен и здесь.

Анри улыбнулся, вода как и прежде прозрачна как стеклышко, свет с озорством играет на ее поверхности, искры и блики вспыхивают на широких спинах тихих волн, отчетливо видно пестрое дно, каждый округлый камень. Даже с берега заметны серебристые бока рыбин, проплывающих между длинными пасмами водорослей.

Анри тихо присел на песчаный берег у самой кромки. Взглядом окинул груды валунов, что торчали из воды неподалеку от берега. С таких хорошо рыбачить, когда рыба прячется в тень от назойливых лучей светила. Солнце тем временем припекало, бронзовая кожа Анри покрылась мелкими бисеринами пота, захотелось поскорее занырнуть в воду, ощутить всем телом живительную прохладу. Но делать этого нельзя — всю рыбу распугаешь.

Не смотря на солнце, что не дает покоя, возле реки не душно, дышалось легко и свободно, запах приятный свежий. Солнце не лучший друг рыбака, глаза слегка режет яркий свет, но коже приятно от тепла, на душе радостно. Анри решил что чувствует себя не так плохо как казалось поначалу. Рядом стоит очаровательная девушка с удочками в руке. Ее кожа такая же смуглая как и у него самого. Тело упругое и стройное, так и хочется прикоснуться, приласкать. Улыбка Анри стала еще шире.

— Давно я не ходил рыбачить, — Анри покачал головой, припоминая, как в детстве хаживал на озеро с отцом.

Ловить рыбу с одной стороны скучновато, торчишь у берега как пень, да смотришь на воду, охота в этом плане безусловно интересней, но с другой стороны на рыбалке можно обрести спокойствие, погрузится в размышления.

— Ничего, это не сложно, — подмигнула Ситара и передала маркизу удочку.

Анри стиснул в ладони древко бамбукового удилица, древесина удобная, гладкая. Все еще не мог понять, как относится к новой знакомой. С одной стороны Ситара манила дикой красотой. Мало где встретишь настолько соблазнительную женщину, да еще и разгуливающую в нижнем белье. Интересная манера одеваться, хотя согласен, скрывать такую прелесть было бы пороком. Правда с другой стороны она выглядит опасно. Во взгляде синих глаз есть что то острое и холодное. От такой не знаешь чего ожидать.

Одно Анри знал наверняка: С каким же удовольствием я бы прижался к ней всем телом. Ощутил ее жар, дрожь и страсть. Но такая не позволит, сабля на перевязи висит не для украшения. Как и Леонор — Ситара носила оружие не для фиглярства. Анри тяжело вздохнул и поджал губы: Все-таки мне нравятся сильные женщины. Сильные и красивые. Леонор об этом знала, точно знала, а вот знает ли Ситара?

— Ты так ничего и не понял, — сказала девушка, в ее суровом взгляде читалась боль и сострадание. — Отец, ты думал сейчас об отце.

— Да, — удивленно кивнул Анри, — но причем здесь это, я не понимаю. И как ты догадалась, я что, бормотал вслух?

— Нет, — улыбнулась таинственно Ситара, — но ты очень громко думаешь, и твоя боль еще свежа. Я чувствую ее запах, тошнотворный запах крови. И тьма...

— Святой Георг, — Анри перекрестился, взглянул на девушку глазами полными недоверия, — и ты ведьма. «Может поэтому она так и манит меня, околдовала дурака, и я растаял как воск».

— И я, и твой отец, и даже ты сам, — тихо и как то грустно ответила Ситара, — ты выбираешь, как на это смотреть, но суть от этого не изменится.

Девушка отвела взгляд, ее красивые плечи опустились вниз, она словно стала меньше ростом, будто бы кто-то взвалил на нее непосильный груз.

«Наверно я ее обидел, — решил Анри, — вон как поникла, склонила голову как увядший цветок. Надо как-то сгладить ситуацию».

— Извини, Ситара, я не сдержался. Как ты говорила, рана нанесенная женой еще слишком свежа.

Девушка подняла взгляд, в синих глазах играют отблески солнечного света, отражается его собственное лицо, и река и пальмы. Лицо красавицы умиротворенное, не дрогнет ни один мускул. Пухлые губки так и тянет поцеловать, и взгляд такой добрый, такой ласковый. Анри глубоко вдохнул, торопливо зажмурился, чтобы не видеть всей этой манящей красоты. В груди громогласно бухал молот, кровь стучала в висках в ушах, тело и без того раскаленное

солнцем запылало жаром.

Ситара с улыбкой смотрела на то, как Анри пытается справиться с собой. Взглядом пробежалась по его широченной груди: могучие мышцы выступают пластинами, на плечах вздуваются буграми, красиво играют на крепких, мускулистых руках. Взгляд остановился на гордом подбородке. Ситара еще раз отметила аристократичность черт лица, заметила и желваки, вздувшиеся на скулах маркиза. Но девушка и без внешних признаков ощущала все волнения Анри.

Ситара осторожно прикоснулась к груди маркиза кончиками пальцев. Анри вздрогнул, точно окатили холодной водой, открыл глаза. Посмотрел встревоженным взглядом, и хотел было что-то сказать, но Ситара не позволила, приложила свой палец к его губам, покачала головой. Анри поймал ее взгляд, все такой же нежный и добрый. Ему так хотелось сказать, но вдруг понял: Она почувствовала, все ощутила и она не против. Не убежала, не ушла, не обожгла холодным взглядом. Нет, она стоит рядом и смотрит ему в глаза.

— В тебе нет тьмы, Анри. Это тень, тень твоей печали. Твое сердце чисто, как воды этой реки, — произнесла тихо Ситара, приложив красивую голову к мускулистой груди маркиза. — Я обо всем расскажу тебе. Обо всем, что хотел сказать тебе твой отец.

— Спасибо, — выдавил из себя Анри и осторожно обнял красавицу за стройные смуглые плечи, — спасибо тебе Ситара.

Анри стало легко и приятно на сердце, по жилам вместе с кровью текла сладкая нега, руки и ноги налились странной силой, могучей и нежной. В голове, как снег на солнце, растаяли все мысли, и лишь один образ все стоял перед глазами. Манящие бездонные глаза, с длинными пушистыми ресницами, зовущие алые губы, агатовые пряди волос, гладкая как шелк кожа и крепкое тело. Анри чувствовал, как бьется ее сердце. Она само совершенство.

Анри улыбнулся, пальцами коснулся черных локонов, ее волосы пахнут душистыми травами, тело источает аромат цветов, что растут в округе. Сладкий запах проникает через ноздри в ум и успокаивает. Анри стоял словно очарованный, не в силах произнести и слова. Слова были лишними.

Руки сами потянулись к тонкой талии, тело под пальцами — упругое и манящее, разогретое лучами утреннего солнца. Анри зажмурился, точно кот, от удовольствия. Уже подумывал о том какова Ситара без одежды, «Конечно, ту полоску ткани, что на ней, тяжело назвать одеждой, но часть прелестей она как-никак скрывает...».

Пальцы маркиза, еще мгновение назад скользившие по шелковой коже красавицы оказались наедине с пустотой, девушка выскользнула из рук словно рыба, где-то впереди прогремел мушкет, и тотчас же над ухом Анри громко просвистела пуля, или арбалетный болт. Маркиз широко распахнул глаза, впереди — никого, Ситары и след простыл. Внутри взволновано дернулось, в животе похолодело. Не раздумывая Анри повалился наземь как подкошенный, бегло откатился к зарослям кустраника. Кем бы ни был этот незванный гость, — решил Анри, — а я ему точно не по нраву. Может это любовник Ситары, или ее муж? Что за глупости, — одернул себя Анри, — о чем я думаю! О чем, о чем — вторил внутренний голос, — о женщине думаешь, она вскружила тебе голову, Анри. Ты на волосок от смерти, а думаешь о ней.

Анри не спешил покидать укрытия, но и медлить в таких случаях нельзя. Если убийца — профессионал, то успел заметить, как он скрылся в зарослях. Стрелять по кустам конечно глупо, но кто его знает, что там за человек? Маркиз осторожно, чтобы не задеть кустов и не выдать себя, сполз на животе к реке. Сухая глинистая почва царапала кожу, засохшая глина

ничем не мягче камня. Анри закусил губу и лишь недовольно крякнул. До спасительной поверхности воды оставалось всего несколько футов, а там осторожно сползти в воду и тихо уплыть по дну, как сом. Анри улыбнулся собственным мыслям, Оборачиваться не стал. И зря.

В лицо маркизу уткнулось острие меча. Сталь угрожающе поблескивала на солнце, еще свежая, не успевшая засохнуть на солнце кровь крупными каплями сбегала по кровостоку на землю. Глина впитывала влагу, оставляя на поверхности алый след. Анри напрягся всем телом, на широкой спине проступили тугие канаты мышц, желваки на скулах вздулись, зубы закрипели. Кровь на клинке могла означать лишь одно: смерть уже настигла Ситару, теперь его черед.

— Ты заплатишь за это! — гневно выпалил Анри, покосился на меч, — дай мне оружие и я покажу тебе, на что способен настоящий соперник!

— Я не сомневаюсь, Анри, — весело рассмеялась в ответ Ситара, — ни на мгновение не сомневаюсь.

Глава 6. Смерть любит храбрых

Замок «Блутштайн». Северо-восточная Франция. Герцогство Эльзасское, графство Эггсгейм.

Сердце билось ровно и сильно, могучая грудь плавно вздымалась, тугими полосками вздувались мышцы на ребрах, отбески луны скользили по бледной мраморной коже альфарца. Жадное нетерпение жгло внутренности Дордаора, он не знал, куда себя деть. Фарамонд, именно тот противник, о котором он давно мечтал. Сильный, ловкий, хитрый и непредсказуемый.

Дордаор давно не испытывал такой радости, близился долгожданный бой, долженствующий стать иллюстрацией его славы. Его силы, могущества и мастерства. Мало кто мог выстоять в бою с мастером клинка дольше минуты, а Фарамонд смог. И не только выстоял, но и перехитрил могучего воина. Конечно, скрылся среди боя, как трус, но ведь мог подло ударить в спину, и не стал. Не убил.

Из-за того случая в прошлом Дордор не мог спать спокойно, чувствовал в себе слабость. Его гордость уязвлена, сердце опечалено. И кем? Даже не альфарцем, человеком!

Ночь стояла жаркая, несмотря на обычно холодный март. Дордаор дождался, пока облака скроют бледный лик луны, только тогда могучая рука мечника легла на рукоять родового клинка. Сегодня он снимет это проклятие, это наваждение, эту муку, чернотой залившую его честь и достоинство.

Но Дордаор не тешил себя самолюбием, слишком хорошо знал случаи, когда недооцененный противник оставлял на земле трупы крепких и сильных воинов. Это случалось чаще всего, когда в бою сталкивались прежде не знакомые противники, молодой и старик, или могучий верзила и ловкач. В итоге тот, кто имел видимые преимущества, получал такую трепку, что помнил всю жизнь. Иногда же такой бой заканчивался смертью. Сегодняшний, обязательно приведет к гибели одного. И Дордаору было равным счетом плевать, кто зальет кровью камень замка Блутштайн, он сам или Фарамонд. Альфарцем двигала оскорбленная честь, и только кровь могла смыть подобный позор. Кровь противника, или его личная, разницы нет.

Сила в крови Дордаора бурлила, наливала каждую мышцу тела могуществом. Альфарец двигался быстро и бесшумно, словно леопард. Каменная дорога под ногами не издавала и звука, тьма скрывала мечника от взглядов. Быстрее ветра неся он на встречу с судьбой.

Дордаор шагнул к узкому проему в замковой стене — тайный проход открытый герцогом. От каменных стен несло плесенью и мхами, воздух влажный, в нем запах грязи и подземных вод. Здесь альфарец собирался спуститься вниз, в сердце крепости, и выждать. Подобно тому, как лев в засаде ждет ничего не подозревающую жертву.

Из глубин крепости послышался легкий топот, в туннеле пахло тухлятиной, рядом валялось нечто бесформенное. Развитое зрение позволяло разглядеть очертания. Дордаор, чтобы не шуметь, осторожно переступил через истлевший труп, но широкие плечи нечаянно зацепили стену. На грудь и руки полетели комья слизкой грязи, альфарец ощутил гнилостный запах подземелья. К подобным ароматам Дордаор привык с детства, как и многим из рода альфар — ему приходилось жить в подземных городах, где сырость и смрад обычное дело. Но вот шум упавшей грязи его разозлил. Будто он какой-то косолапый

новичок!

Вдалеке вновь послышались тихие шаги, Дордаор напряг слух, вслушивался в темноту. Судя по всему, некто неопытный хотел прокрасться по туннелю наружу. Или может лишь привлекает внимание, в то время как второй поджидает в одном из боковых лазов?

Дордаор стиснул рукоять меча, холодный металл приятно остужал горячие пальцы. В груди альфарца разлилось приятное тепло, он чувствовал приближение жертвы, туннель наполнился запахом человеческой крови. «Кто бы это ни был — он тяжело ранен, потому и шагает тихо». С каждым мигот шум ног становился все ближе, мечник уже различал хриплое дыхание. Дордаор тенью скользнул в боковой туннель и застыл. Вскоре перед глазами возникла голова, длинные белые волосы, кожаный шлем. Жертва не успела и пикнуть, молниеносный удар пронзил голову насквозь. Могучая фигура молнией вылетела из бокового лаза и подхватила оседающее тело на руки. Горячая кровь заливала грудь Дордаора. Альфарец втянул ноздрями сладковатый запах крови, в алых глазах блеснули искорки удовольствия. Взгляд уже скользил по одежде убитого, в поисках различительных знаков.

Алая чаша на черном поле, вышитая на колете, свидетельствовала о том, что перед ним стражник герцога.

«Эта крыса залезла не в ту нору, — ухмыльнулся в мыслях Дордаор, положил бездыханное тело на камень, — значит Фарамонд не здесь, значит, он все еще ищет выход».

* * *

Фарамонд поднес испещренное рунами лезвие к побледневшему лицу жертвы. Альфарец испугано глядел широко распахнутыми глазищами на застывшее у самого носа острие. За руки бедолагу крепко держали братья де Монтеские. Для уверенности Ив ухватил альфарца за шею, чтобы не дергался. В позе и холодном взгляде барона читалась решимость, лицо напряглось, губы превратились в тонкую бесцветную линию. Серые и угрюмые стены замка знали много тайн, видели сотни кошмаров, но такое даже им было в диковинку.

— Клянешься ли ты кровью своего сердца, служить мне до своего последнего вздоха? — вкрадчиво спросил Фарамонд, глядя в глаза альфарца.

— Да, — ответил вяло пленник.

Альфарец собрался с силами, фигура перед глазами превратилась в мутное пятно. Двое сзади по-прежнему держали мертвой хваткой, он ощущал их крепкие горячие руки. Его подняли, он дал себя уложить на землю и завязать глаза. За одежду его ухватил третий, резко дернул, послышался треск, лезвие ножа проворно разрежало ткань туники: двое держались по бокам, готовые в любой момент пригвоздить клинком к земле, если вздумает брыкаться.

Ночное светило било сквозь узкое окошко им в спину, и оттого особенно страшно и грозно заблестал клинок в руках барона. Зловеще сверкали руны — тайные знаки колдунов древности, черный камень на рукоятке из красного дерева, перехваченной золотыми змеями.

Мутный лунный свет растворялся во мгле тесного тюремного помещения, где едва помещались четверо мужчин. Рядом располагались более просторные комнаты, но Фарамонд выбрал эту, смотрящую прямо на лунный лик.

Даргор боялся за свою жизнь, и не напрасно, ведь перед ним Виконт де Блуа, потомственный колдун, познавший багровое пламя Идущего. Ничего не препятствует ему вырвать живое сердце жертвы из груди и сотворить заклинание, переносящее в иные земли,

зачем такому могучему человеку ничемная помощь пленного? Гораздо проще принести обильную жертву. Сердце бессмертного хорошее подношение слугам Идущего. Зачем же тогда он играет со мной? Даргор вздрогнул от холодного касания стали в области сердца.

— Еще раз спрашиваю тебя, именующий себя Даргором, клянешься ли ты кровью своего сердца служить мне до последнего вдоха?

— Клянусь, хозяин, — покорно ответил Альфарец и тяжело сглотнул.

— И в последний раз спрашиваю тебя, Даргор, сын Хангурра, клянешься ли ты кровью своего сердца, служить мне до последнего вдоха!? — воскликнул Фарамонд, высоко воздел кинжал над грудью пленника.

— Да, мой владыка, — ответил твердо альфарец, стиснув руки в кулаки, — я именующий себя Даргором, младшим сыном Хангурра клянусь кровью своего сердца, служить тебе до последнего вдоха.

— Да будет так, — прошептал Фарамонд, сощурил глаза. — Да будет так.

Острие кинжала стрелой метнулось к груди пленника и впилося в сердце. Руны на лезвии вспыхнули грозным алым пламенем. Знаки заблестели, налились силой, казалось лезвие, всасывает кровь, как упырь. Черный камень на рукояти мигом побагровел.

Тело Даргора пронзила невыносимая боль, из глаз по щекам текли рекой немые слезы, горло перехватило так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть. Боль паутиной опутала нервы, каждую мышцу сковала судорога. Через лезвие кинжала в грудь альфарца вливалось черное и склизкое нечто. Леденящий поток металла разливался от сердца по венам. Сначала омертвела грудь затем, руки и живот, а когда острый холод пронзил мозг, Даргор провалился в темную воронку, разверзшуюся перед взором.

Очнулся от мокрого и холодного, льющегося на лицо. Даргор закашлялся, испуганно ухватился за грудь. Пальцы наткнулись на свежий грубый рубец, тянущийся от сердца к шее.

— Что это? — дрожащим голосом спросил альфарец, глядя в темноту.

— Это тебе на память — хохотнул Ив, — чтоб не забыл о клятве.

— Если предашь меня, — холодно вставил Фарамонд, — эта рана откроется, и ты умрешь. Такова плата за верность и наказание за измену. Твое сердце — теперь в моей власти.

— А теперь скажи, как отсюда выбраться, — более теплым тоном спросил барон, — нам нельзя задерживаться здесь.

— Есть туннель, очень старый проход, им пользовались мои предки.

— Герцог знает о нем? — осведомился Блан.

— Да, но, возможно, он не знает, что о нем известно вам, — ответил Даргор честно.

— Тогда веди, что-то уже лучше чем ничего.

Блан недовольно скривился, по-прежнему не доверял длинноухому, на что Ив лишь пожал плечами: Фарамонд умный, значит знает, что делает, и это не его Ива дело.

Один вслед за другим мужчины покинули тюремные залы и стали пробираться по темной каменной лестнице. Неспешно и чтобы не поднимать шума исследовали коридоры, ведущие наверх, убеждались, что все залы замка — пусты и безжизненны, двери наглухо закрыты, завалены камнями, так что попасть в темницу можно только с одной стороны. Даргор повел же их в обход завалов, к странному квадратному колодцу, расположенному в центре заваленного хламом помещения. В узком зале стоял запах мочи, гнили и сырости.

По веревке скользили, молча, лишь Ив скрипел зубами, когда узкий лаз сжимал плечи, заставлял кровить свежую рану. По узкой горловине, отряд спускался вниз, на дно колодца.

Там, с другой стороны в стене зияла длинная прямая дыра, через которую свежий ветер врывается в колодец, но сам проем находился на высоте более пятидесяти футов, точно окно на отвесной стене. От дна колодца до этой дыры карабкаться, как до звезд, да и как туда попасть — ведь стена монолитная, гладкая как зеркало да еще и склизкая от плесени.

Барон молча указал на веревку и помахал ладонью в сторону дыры. «Давайте, мол, будем прыгать» На что Даргор укоризненно покачал головой «Разобьемся».

Блан, недолго думая, оттолкнулся ногами от стены, раскачал веревку и прыгнул вперед. Кое-как нацелившись, ухватился за удобное место — ровный длинный каменный выступ, и завис. Пальцы норовили соскользнуть со склизко камня, но Блан точно кот впился в зазубрины. Баронет едва не хрипел от напряжения, руки дрожали, но нужно подтянуться отступить уже поздно.

Блан собрался и из последних сил рванул, хрустнул он натуги сустав, боль обожгла локоть, в голове потемнело, но пальцев не разжал, торопливо забросил ноги в проем и распластался в грязной жиже. На напряженном лице блеснула улыбка, из груди вырвался со свистом вздох облегчения: «Победа, это победа. Теперь нужно лишь бросить вниз веревку и тогда Фарамонд и остальные без проблем заберутся в проклятое окно».

Ив последним вскарабкался по веревке наверх, устало плюхнулся на плиту, ноги разъехались, больно ткнулся грудью, перевалился лениво на спину и застыл в грязи. Почти расползся по ней, словно жир по горячей сковороде. Тяжелое дыхание вырывалось с хрипами, грудь ходила ходуном, будто у буйвола на издохе. Ив даже глаза закрыл от изнеможения, Фарамонд смотрел на него с сожалением: Как бы не помер, бедняга, с такой раной ему сейчас только по туннелям карабкаться.

Блан лишь хмыкнул, потирал поврежденную руку, сам мол, братец, виноват, надо осторожней быть, жизнь то своя — не казенная. Фарамонд печально покачал головой, и хотел было поднять на ноги Ива, как увидел во тьме, в конце туннеля таинственную фигуру, стоящую неподвижно, точно статуя из монолитного камня. Даргор тоже насторожился, прищурил глаза, стараясь разглядеть черты лица незнакомца. Фарамонд же уже знал, кто перед ним, положил правую руку на перевязь, сказал спокойно:

— Я давно ждал этой встречи, Дордаор.

— Я тоже, Фарамонд, — со свистящим акцентом ответил альфарец и шагнул вперед, — я тоже.

Мастер клинка не торопился, шагал медленно и бесшумно как кот, широкоплечая фигура тенью скользила по грязному камню подземелья. Серебристое лезвие обоюдоострого альфарского клинка угрожающе сверкало во тьме. Рука Блана рефлекторно дернулась к ножнам, но Фарамонд перехватил ее, придержал за локоть:

— Не надо Блан, — тихо сказал Барон и указал глазами на темную нишу в стене.

Младший де Монтестье всегда был сообразителен, не подвела смекалка и сейчас, медленно, чтобы не вызывать подозрения Блан отступил в сторону, так чтобы Дордаор не мог видеть его.

Блан прильнул спиной к стене с оружием наизготовку: как только Дордаор выйдет из туннеля, он тотчас поразит его смертельным выпадом, и кем бы ни считал себя альфарец, а в скорости Блан мог с ним тягаться.

Ив, хотя и мертвецки устал, все же ощутил, как внутри у него все напряглось: значит, враг близко. Мышцы на руках и ногах великана вздулись, готовые метнуть тело вперед, ладонь потянулась к рукояти палаша. Всем сердцем Ив жаждал колоть и рвать врага на

части. В груди гулко-гулко застучало.

Одной рукой он все еще упирался в стену, но другая — сомкнулась на эфесе меча. При всей своей мужской силе Ив ощущал беспомощность, рана давала знать о себе, голова шла кругом, могучие руки словно тяжеленные гири.

В бою с мастером клинка не возьмешь верх одной лишь силой. Альфарец хитер и быстр как молния, прихлопнет в два счета, разрежет на сотню маленьких кусочков, а ты разве что пыль собьешь с его туники.

Ив со злостью ударил кулаком по стене. Под удар попался камень, Даргор не поверил глазам, булыжник до половины погрузился в стену, крепкую, хоть и отсыревшую каменную кладку.

Услышав шум, Дордаор быстрее ветра кинулся вперед, перехватив меч в обе руки, клинок со свистом рассекал воздух. Альфарец Стрелой вылетел из туннеля и тут же выстрелил выпадом в грудь Фарамонда. Барон не успел и дернуться, но вовремя подоспел Блан, бросившийся на Дордаора со стороны. Подлый удар, которого Дордаор не ожидал, обрушился точно на голову. Но изворотливый альфарец вовремя пригнулся и вместо того чтобы зарубить Фарамонда, отразил атаку баронета.

Ив только этого и ждал — враг стоял точно перед ним на расстоянии удара. Рыкнув, великан бросился в бой, вложив в удар всю недюжинную силу. От подобного удара быки падали замертво.

Страшно ударила сталь о сталь, несмотря на прыть Дордаор не сумел достаточно быстро уклониться, парировал клинком. От удара меч отлетел в сторону. Такой силы альфарец прежде не встречал, никто и никогда не выбивал оружие из его рук. Но мастер клинка не растерялся, ловко уклонился от косога удара саблей и выхватил из-за пояса длинный кинжал. Взгляд налитых кровью глаз пронзил Ива насквозь. Великан понял — альфарец вне себя от ярости.

Фарамонд ударил наотмашь, но Дордаор, крутанувшись, ушел в сторону и с невозможной прытью бросился на Ива. Великан закричал гневно, занес для удара палаш, обе руки ухватились за рукоять. Невероятно сильным удалом Ив намеревался разрубить наглого альфарца пополам.

Дордаор ударил первым, отразить такой молниеносный удар Ив не смог бы даже будучи здоровым, а израненный и уставший — тем более. Сталь пробила его сердце и великан захрипел, выронил палаш, глухо звякнула сталь о каменный пол туннеля. Но баронет не сдался, из последних сил ухватил ладонью предплечье альфарца, сдавил что есть мочи. Под могучими пальцами Ива кости треснули как сухое полено. Дордаор дико взвыл, отскочил к стене, прижимая к груди изуродованную руку.

— Это тебе на память, крыса! — захлебываясь кровью, прорычал Ив и мешком повалился наземь.

— Тебя обманули, мастер клинка, — печально произнес Фарамонд, — я тяжело ранен и не в форме. Моя смерть не сделает тебе чести. С тем же успехом ты мог бы сразиться со стариком.

Дордаор не ответил, быстро поднял оброненный меч с земли, неотрывно следил за каждым движением Фарамонда. В глазах горела холодная ненависть.

— Хочешь убить меня? Ну же, давай! — барон выбросил меч на землю и развел руки в стороны, — Заколи меня, как заколол моего верного друга. Тебе хорошо удастся добивать раненых воинов, мастер!

— Ты признаешь поражение, Фарамонд? — процедил сквозь зубы Дордаор, заноса клинок для удара.

— Да, признаю. Победа за тобой, мастер. Ни один из нас не может тягаться с тобой.

Слова задели честолюбие Дордаора, в глубине души он жаждал именно этого — признания, признания, что он лучший, звучащего из уст такого сильного врага. Дордаор ликовал.

— Хорошо, я позволю тебе выздороветь, и тогда мы сразимся на равных. Ты сам выберешь время и место. Дордаор не станет драться с полудохлым доходягой, — гордо сказал альфарец.

— Тогда между нами нет вражды, мастер.

— Нет, но это не все.

— Не все?

— Нет — покачал головой Дордаор, — Вещь. Я пришел сюда за твоей пластиной.

Барон заметил, что воинственный альфарец смотрит на поле боя без охоты, брови сдвинуты, глаза уставились в одну точку. Мысленно Дордаор уже находился в ином месте, во дворце, где ему воздают почести за славные победы, ликующая толпа осыпает золотом, прекраснейшие из женщин выкрикивают его имя. Сейчас альфарца можно брать на живца, проглотит крючок и не заметит.

— Хорошо, — кивнул Фарамонд, — я отдам ее тебе, но скажи, зачем такому могучему воину как ты какие-то колдовские штучки.

— Мне твоя вещь ни к чему, — Дордаор небрежно сплюнул наземь, — это часть уговора.

— Пластина нужна герцогу, но неужели такой гордый и независимый воин как ты будет прислуживать немощному старику? — продолжал давить на гордыню альфарца Фарамонд, зная, что самолюбие Дордаора его самое уязвимое место. Альфарец непобедим в бою, но совершенно не сведущ в том, что касается умения вести переговоры.

— Кем был тот могучий тур, что ранил меня? — проигнорировал вопрос альфарец. Но Фарамонд заметил, как сузились красные миндалевидные глаза, в них полыхнули холодные огоньки гнева.

— Ив, Ив де Монтескье, могучий воин. Ударом кулака он убивал буйвола, а мечом мог разрубить пополам бревно. Мало кто может похвастать, что пережил схватку с ним.

— С таким воином я хотел бы встретиться один на один, под луной, а не здесь в этой сырой яме. Такому воину как он нужно много места.

— Да, — кивнул Фарамонд, подав знак рукой Блану, — но все же, Дордаор, неужели ты подался в наемники? Быть может тогда я смогу предложить тебе то, что нужно, а не ту ложь, которой опутал тебя старый лис Бриан?

— Уговор есть уговор, он действителен, пока жив я и герцог, — резко ответил Дордаор, — отдавай пластину Фарамонд.

— Ты думаешь, Бриан так же честен как ты, славный Дордаор? — вкрадчивым тоном спросил барон, — он не знает о чести, он не воин, а колдун. Колдунам нельзя верить.

Дордаор засомневался, он и так не имел оснований доверять Бриану де Рецу. Герцог действительно мало знал о чести и прежде всего, стремился выжить, а значит, для него нет грязной игры, и цель оправдывает средства. Герцог мог предать Дордаора и убить, после того как получит желанное, чтобы не делить власть ни с кем. А рубин давал большую силу. «Но доверять Фарамонду нельзя, он тоже колдун. Я должен убить его. Но нет, я никогда не

поступал так, и не поступлю, я дал слово. К тому же он не убил меня, когда имел такой шанс, а значит, ему нет нужды убивать меня и сейчас».

— Я верю тебе, Фарамонд. Ты воин и человек слова, — буркнул Дордаор и спрятал меч в ножны, — что ты предложишь мне?

Барон не прогадал, альфарец проглотил наживку и теперь следовало осторожно подтягивать его к берегу. Такая крупная рыбина в любой момент может сорваться, а если заметит крючок в губе, то может и горе рыбака на дно утянуть. Шутить с Дордаором нельзя. У альфарцев чувства юмора нет, они обидчивы и мстительны.

— Твое доверие делает мне честь, — ответил Фарамонд, — я предложу тебе вариант, который не запятнает твою честь, а также даст то, к чему ты стремишься. Ты получишь камень, а я смерть Бриана.

— Да, но я не поднимаю руки на того, с кем заключил уговор, до той поры пока уговор не выполнен, — сурово ответил Дордаор, нахмутив брови.

— Верно. Но если тот, кто заключил уговор — предал тебя. Тогда ты можешь убить его?

— Да, — Дордаор поджал тонкие губы, лоб покрылся складками, — но я этого не знаю. Не знаю, предал ли герцог.

— Тогда ты получишь доказательства, мастер. Не будь я Фарамондом, если ты их не получишь.

Глава 7. Крещение огнем

Иноземье. Хорасанский каганат. Остров Варрант.

Летнее небо пропиталось темнотой, звезды блестели тускло, как чешуя сонной змеи, луна уныло спряталась за грядями угольно-черных облаков. Усталые путники уже второй час карабкались по горам, в надежде добраться до просторного плато, где смогут передохнуть и обсудить дальнейшие планы. Лицо хлестал нещадный холодный ветер, от которого по коже гурьбой бежали мурашки. Шквальный ветер завывал, метался из стороны в сторону, разъяренный и непонимающий, зачем мелкие человечки лезут по отвесной скале.

Когда луне удавалось выглянуть из-за черного покрова туч, скалы блестели в серебристом лунном свете, напоминая льдины. Свет отражался в блестящих сколах слюды, камень ломали в этих же горах, и чудилось, что на свежих сколах сверкают загадочные огоньки. Анри на секунду замер, залюбовался красотой гор, никогда прежде он, не видел такой красоты: угрюмой, но таинственной и влекущей.

Ситара не останавливалась, не любовалась пейзажем, лишь напряженно сопела, взбираясь на очередной кряж. В горах она уже не первый раз, девушка больше думала о преследователях, которые могут догадаться, что путники бросили лодку и теперь взбираются на горное плато.

Ситара первой ухватилась за долгожданные камни плато, Анри подтянулся следом, тяжело дышал, длительный переход вывел из терпения, и маркиз походил на одичавшего зверя: темные волосы взлохмачены, в глазах горит пламя, ноздри широко раздуваются, а могучая грудь ходит ходуном. Девушка бросила на него быстрый взгляд, хитровато улыбнулась:

— Устал?

— Нет, — Анри присел на громадный валун у самого обрыва, посмотрел вниз, — хотя, наверное, все же да. Высоко же мы забрались.

— Может быть они не найдут нас. По крайней мере, у нас будет время.

— Для чего? — повел бровью Анри.

— Объяснить тебе, что к чему.

Ситара всмотрелась пристально в глаза Анри. Глядела ласково и с какой-то затаенной радостью. Или, может, смешил его взлохмаченный вид? Маркиз так и не взял в толк, торопливо пригладил руками волосы и сказал:

— Буду рад послушать.

Оба и Ситара и Анри едва стояли на ногах, переход отнял все силы. Анри первым распластался на ровном камне как ящерица. Поверхность скал еще сохранила тепло, и спину не холодило, по телу разливалось приятное расслабление, каждая мышца радовалась отдыху. Ситара легла рядышком, уставилась немигающим взглядом в затянутое облаками небо.

— Ты убила его, того нападавшего? Кто он? — тихо спросил Анри.

— Нет, я его ранила. И я не знаю, кто он, но догадываюсь, кто послал отряд, — ответила Ситара, тяжело вздохнула.

— Они ищут меня, верно?

— Нет, они ищут нас, — Ситара развернулась лицом к Анри, взглянула пристально в глаза и повторила более резко, — они ищут нас. Тебя и меня. Мы нужны им оба. Потому что

в этой игре есть только два игрока и ты либо с одним, либо с другим.

— И на чьей же ты стороне? — поинтересовался Анри.

— На твоей, — коротко ответила девушка и проворно поднялась на ноги, бесцельно походила вокруг валуна.

Анри видел, что она волнуется, красивые полушария груди вздымаются все чаще, глаза оживленно бегают. Ему вновь захотелось обнять ее, ощутить жар, упругость и силу ее стройного тела у себя под руками.

— Я понимаю, извини за глупый вопрос, — сказал Анри, желая сгладить ситуацию. — На чьей мы стороне Ситара? Расскажи мне что происходит. Какие-то люди все время стремятся меня убить, я хотел бы знать зачем? Все дело в той карте?

— Может, сначала дело действительно было лишь в карте, но теперь нет. Теперь враг знает кто ты, они поняли, что за кровь в твоих жилах. Ты не осознаешь своей силы, ты еще слаб. Но они чувствуют.

— Что они чувствуют? — нахмурил брови Анри.

— Что ты не их поля птица. Что в тебе есть сила, но иная. Поэтому тебя убьют, и тогда твоя сила перейдет к ним. Такова их цель, — печально сказала Ситара, опустила взгляд.

— И зачем мне эта сила, что за сила? — недоумевал Анри, почесал затылок.

— Этого я не знаю, — покачала головой Ситара, — но я чувствую ее. Это Жизнь. Она открывает перед тобой новые миры, новые ощущения, новые взаимоотношения и таланты.

— Ясно, но тогда еще более сложно понять, зачем они хотят убить меня. В чем здесь смысл?

— Я расскажу тебе историю одного человека, думаю, в ней ты найдешь ответы на те вопросы, что ты уже задал, и те, что еще не успел задать.

Ситара помолчала, собралась с мыслями и начала рассказ:

Существует легенда о том, что силы света и тьмы создали великое количество миров вместе. В сотворчестве. Светлые создали солнце и звезды, великое количество миров, темные сотворили миры подземные и темные звезды, черные дыры. С тех времен каждая сторона имеет свою Иерархию, своих воинов, правителей и представителей. И каждый человек, предки которого соприкоснулись с одной из линий — теперь может чувствовать Жизнь, или Силу как ее называют те, кто идут путем смерти. И вот один такой человек, его имя Аллор — собрал тех, кто открыл в себе Жизнь, увидел многообразие миров. Тех, кто хотел творить жизнь, а не нести смерть. Он назвал это — Белой Ложей, в противоположность Черной Ложе, которая уничтожает всех носителей силы, не принадлежащей к ним. Таким образом, Аллор и двенадцать его последователей создали альтернативный путь. Путь Жизни.

Аллор сказал, что жизнь имеет предназначение и потому человек должен раскрыть его и понять, зачем ему то, что он имеет, зачем ему дана энергия и таланты. И нет смысла отбирать у другого то, чему ты сам не определил место. Тем более глупо и эгоистично отбирать чужую жизнь во имя власти.

Белая ложа малочисленна, в отличии от Черной, но силы их равны, и Владыка темных до сих пор не смог уничтожить, ни одного из двенадцати магистров Белой Ложи. Это еще раз доказывает, что Аллор был прав. С тех пор Темная ложа всегда разыскивает Белую, но не может найти, поскольку Аллор открыл миры будущего, куда Темные не могут попасть. Но это не мешает Черным уничтожать или обращать в свою веру всех инициированных. Любой, кого они находят, встает перед выбором — стать одним из членов Черной ложи, или

умереть.

Однажды человек в черных одеждах явился ко мне в очень странном сне. Я тогда не знала что это иная реальность. Темный предложил мне свое покровительство в обмен на преданность, и я ему отказала. На следующий день меня уволили с работы, а в мой дом вломились сотрудники безопасности, стражники. Они привели меня к человеку — его имя Фарамонд, и он сказал мне: Твоя жизнь изменится, девочка, и тебе выбирать будет это прекрасный сон, или кошмар. Я выбрала кошмар. Они пытали меня, но это не дало плодов. Я не сломалась. Затем решили убить. Но тогда случилось чудо, я увидела свет, и человека который забрал меня с собой. Я оказалась здесь, в этом мире. Это было очень давно, Анри, с тех пор прошло много времени. Много интересного произошло в моей жизни, многое изменилось. Может, мой рассказ немного сбивчив, но все рассказанное — правда, это моя жизнь вкратце.

Ситара тяжело вздохнула, оправивла руками растрепавшиеся волосы, непослушные локоны все норовили выскользнуть из ладоней. Рассказ утомил Ситару, щеки залились румянцем, синие глаза оживленно сверкали, словно кто-то зажег в них по маленькому огоньку. Анри ловил каждое движение красавицы, слова, сказанные ею, затронули струны души, до сих пор звенело в ушах.

Он заворожено глядел на ее чистое, отливающее бронзой лицо, ясные синие-синие глаза. Тонкие пальцы на руках, аккуратный носик, от мысли, что такую красавицу можно пытаться Анри становилось дурно. Маркиз ощутил, будто его кто уколол иглой в затылок, в мозгу загудело. Ситара опустила руки, тряхнула головой, роскошные агатовые волосы, длинные и блестящие, низринулись на плечи роскошным водопадом, в них как в осколках слюды заблестел лунный свет.

Анри покачал головой, сказал с хитрецей:

— Ты, наверное, устала, давай я сделаю тебе массаж.

Ситара посмотрела на него пристально, немигающий взгляд синих глаз точно ощупывал что-то внутри маркиза, четко ощущалось легкое прикосновение чего-то незримого, точно тонкая паутинка касалась кожи в области груди.

— Спасибо, это будет очень кстати, — весело ответила Ситара и улыбнулась, но не Анри, а кому-то иному, незримому.

— Ты так странно на меня смотрела, это какой-то из твоих талантов? Ты читаешь мысли? — обеспокоенно спросил Анри.

— И да, и нет, — рассмеялась незлобиво в ответ Ситара, — я же тебе говорила, что ты очень громко думаешь. Но кроме того у тебя ведь на лице все написано. Тут и читать ничего не надо.

— Что не так с лицом? — нахмурил брови Анри, принялся ладонями ощупывать заросшие щетиной скулы.

— Все в порядке с лицом, просто ты не умеешь скрывать чувств, и мне это очень в тебе нравится, — Ситара подмигнула маркизу и проворно, как кошка, перевернулась на живот.

— Мне снять одежду или помассажирешь так?

— Так, — после недолгой паузы ответил Анри, — ты кстати не замерзла, ночью то не жарко, а на тебе ткани меньше чем на моем рукаве.

Анри проворно стянул с себя рубашку и протянул девушке:

— Вот возьми.

Ситара подняла глаза, окинула его внимательным взглядом, ненадолго задержала

внимание на проступающих квадратах живота, широких пластинах грудных мускулов, могучих буграх плеч, острым и упрямо выдвинутом подбородке.

Пристальный взгляд синих глаз очаровывал. Анри почудилось, что в груди у него расцветает горячий огненный цветок. По телу волнами разбегалось жидкое пламя. Анри вздрогнул, пробрало до самого мозга кости, но и Ситара дернулась, будто волна огня и до нее докатилась, но глаз не опустила и таки взяла рубашку.

— Спасибо, Анри. А сам то не замерзнешь?

— Да куда там, — отмахнулся рукой маркиз, — у меня все внутри горит! Горячая южная кровь!

Анри шумно выпустил воздух из легких, запрокинул голову назад. «Ох уж эти женщины, голова от них кругом!». Ночное небо казалось океаном, в который он погружался по самое горло. Темнота неба втягивала в себя, успокаивала. Холодный злой ветер уже не казался таким уж свирепым, наоборот приятная прохлада словно ласкала вздувшиеся натруженные мышцы. Ситара смотрела на маркиза с удивлением:

— О массаже не забыл еще?

— Нет, — улыбнулся Анри, — просто увидел на небе знакомую звезду. Наверное, это такой талант, я слышу голоса звезд, — хохотнул маркиз. — Они сказали мне, что ты прекрасна, и они завидуют твоей красоте. Белой завистью.

— Белой? — Ситара игриво приподняла бровь.

— Да-да, белой, — губы Анри разошлись в широкой улыбке, — они ведь звезды, им иначе нельзя.

Внезапно справа полыхнуло, темное брюхо туч прорезала яркая вспышка молнии. Побежали яростные раскаты грома, отражаясь эхом от разломов в скалах. Мгновение спустя на плато обрушился ливень, двинулся косою стеной. На голые плечи, голову, спину будто плеснули ведро ледяной воды, прямо из проруби. Анри невольно вздрогнул, захохотал, вода струйками стекала по вмиг промокшим волосам, змейкой сбегала по носу. Ситара же, казалось, совсем не заметила холоднящего ливня, вытянулась стрункой, крупные капли мигом заполнили впадинку между лопатками, вода побежала по позвоночнику как по желобку вниз. Тонкая ткань одеяния Ситары прилипла к телу, стала прозрачной. Девушка проворно вывернулась накрыла грудь рубашкой.

— Вот и пригодится, — весело сказала она, накинув сорочку на плечи.

По всему плато громко барабанил капли, взлетали верх остатки пыли и грязи, но затем могучий поток смыл их и радостно захлопал по красному камню. Крупные капли клевали по макушке, точно назойливые птицы, потом все каменное поле превратилось в мелкое пузырящееся озеро.

Соседние утесы, тропический лес и даже ближняя гора исчезли за водяным занавесом, холодным и острым, как сталь.

Тучи двигались не тонкими стадами, а целой гурьбой, сталкиваясь и треща жуткими зигзагами молнии, огненные сполохи пробегали с небес к земле, так похожие на трещины в скалах, где просвечивает раскаленная магма. Вспышкам вторили грохочущие удары, земля вздрагивала, в ушах закладывало, казалось, что сейчас темная гряда туч упадет с небес и размажет по камню.

Анри кое-как отер воду с лица, подобрал вещевой мешок Ситары и забросил а плечо, мокрая холодная ткань тотчас прилипла к спине, будто между лопаток уселась крупная жаба.

Ситара стояла чуть поодаль, торопливо завязывала волосы тесьмой. Пока Анри оглядывался по сторонам, девушка исчезла за пеленой дождя. Пояс с ножнами, в которых покоилась сабля Ситары, неприятно хлопал Анри по спине и он ловко перекинул его на другое плечо, чтоб клинок свисал наружу.

Злобно полыхнул огонь над головой, и еще не успел прогреметь страшный рокот небес, как Анри заметил двух людей в черных одеждах. Незнакомцы стояли справа от того места где еще мгновение была стройная фигура Ситары.

— Ты пойдешь с нами, дружок, — фамильярно выкрикнул один из «черных», широкоплечий, но тощий и не высокий, его рука уже легла на эфес длинной шпаги.

— Твоя подружка тебе не поможет, — хохотнул в ответ второй. В отличии от первого, этот более высокий, пузатый с невероятно длинными руками и горбом на спине. Одна из рук горбуна безвольно болталась вдоль тела, точно ее недавно отрезали, а затем неряшливо пришили на прежнее место.

— Где Ситара? — резко спросил Анри.

— Она отправилась полетать, — с ухмылкой ответил первый и указал на край пропасти, — птичка упорхнула, дружок.

Анри ничего не ответил, рывком выдернул саблю из ножен и занял оборонительную позицию. Бросаться вперед на двоих противников — глупо. Но если не дать навалиться, вытягивать вперед, то одного, то другого, то можно изменить исход боя.

— Ты не понял, дружок, это не шутки. Ты либо пойдешь с нами, либо полетишь вслед за своей подружкой, — прошипел горбун, вытаскивая топор из-за пояса. — Ты умеешь летать, а дружок?

— Если нет, то мы научим! — злобно рассмеялся первый, — спрячь свою игрушку, и не глупи!

Анри не проронил ни звука, хотя «черные» все пытались вытянуть его на разговор. Маркиз знал: С врагами либо сражаются, либо ведут переговоры. Никогда не бывает и того и другого сразу. Разговаривать Анри не собирался. В груди у него все скомкалось, когда услышал о гибели Ситары, будто кто вlepил кулаком под дых. Во взгляде маркиза заблестела сталь, губы сжались в полоску, на высоких скулах вздулись желваки. Победит или нет, а драться Анри собирался до смерти.

— Что ж мальш, у нас есть насчет тебя приказ. Не хочешь идти по-хорошему, пойдешь по-плохому, — грубо сказал горбун и презрительно плюнул в сторону Анри.

— Зря ты так, дружок, — вытягивая шпагу, добавил коротышка, — зря.

Анри насторожился, поглядывал то на одного противника, то на другого, ладонь намертво впиалась в рукоять сабли. Глаза чуть-чуть прикрыл, чтоб не заливал дождь, здесь, на краю плато дождь хлестал в спину и не мешал смотреть. И не смотря на то что за спиной пропасть, здесь безопаснее, так как вожда не заливают глаза. Тучи над головой сбиваются в громадную в кучу, громоздятся одна на другую, сжимаются, становятся тяжелее, плотнее, черней.

По всему западному краю полыхнуло белым огнем, полнеба сразу вспыхнуло, черные крылья туч загорелись и погасли, а секундами позже покотился их неистовый рев, словно возглас боли от огня, что жег их тела.

— Вы оба уже трупы — прошептал Анри злобно, — вам не жить.

Не дождавшись пока враги поймут невыгодность позиции маркиз швырнул мешок в

одного из черных, горбун проворно уклонился от летящего в лицо предмета. Из полумрака блеснули его болезненно красные глаза хищного зверя, а из пасти вырвался животный рык. С топором наперевес горбун ринулся в бой. Анри ощутил движение воздуха и тяжелый запах тлена.

Быстро и умело, всего в два прыжка горбун преодолел разделяющее их расстояние, лезвие топора мелькнуло у Анри перед глазами, и если бы не быстрота реакции, лежать голове на мокром камне. Анри контратаковал стремительно, нанося удары снизу вверх, чтобы горбуну тяжело было парировать топором. Первый же выпад отрубил противнику ухо.

Горбун взвыл от боли, метнул в Анри испепеляющий взгляд, ударил себя кулаком в круглую, как бочка, грудь. Кровь ручьем хлестала из глубокой раны на голове, смешиваясь с дождем, стекала по шее.

— Ты мне за это заплатишь!

Горбун бросился вперед снова, но уже не сам, а вместе с товарищем, который подобрался к Анри слева, где его тяжело достать саблей. Длинна оружия позволяла коротышке держать противника на почтительном расстоянии, чем он и собирался воспользоваться. Прижать Анри к обрыву и куда тому некуда будет отступать, разделать как тушу на части.

Но горбун судя по всему не догадался как намерен поступить его напарник, а может не видел того за стеною дождя. Топором нацелился точно в шею Анри. Отразить такой удар саблей невозможно, даже если клинок ударит по рукояти, лезвие секиры доберется до тела. Без раздумий Анри лихо крутанулся в приседе и нанес косой удар снизу вверх. Сабля прошла точно под руку, не встретив сопротивления. Хлынула кровь, внутренности горбуна склизкой кучей вывалились из пуза на камень. Повалил тошнотворный запах, Анри едва сдержал рвотный порыв.

Коротышка гневно взвизгнул, увидев, какая участь постигла напарника. Тонкое лезвие шпаги уже летело в грудь Анри. Как и горбуну глаза коротышке заливал дождь, видел он плохо. И хотя шпага вот-вот должна была пробить грудь ненавистного маркиза, в итоге пропорола лишь пустоту.

Сабля возникла словно из ниоткуда, и вот отрубленная кисть коротышки шлепнулась ему од ноги, глухо звякнула о камень оброненная шпага.

— Моя рука-а! — завопил он, — сволочь, что ты сделал с моей рукой!

Анри промолчал, размахнулся от плеча и могучим ударом снес коротышке голову.

Только теперь он понял, о чем рассказывала Ситара. О какой Силе говорила. По венам от сердца вместе с кровью разливалось могущество, от него в теле возникала дрожь и эйфория, сладкое наслаждение. Каждая клетка тела наливалась этой мощью и гудела от напряжения, в голове становилось ясно и просторно, но это длилось лишь миг. Спустя мгновение внутренности скрутило в узел, боль змеей вонзилась в даже самый тонкий нерв. Мышцы свела страшная судорога, хотелось кричать, но горло перехватило, воздух пробкой застрял в легких. Страдание длилось, казалось, целую вечность. Когда боль отступила, то Анри заметил что дождь давно прошел, а на горизонте зажигаются первые огни рассвета. Рядом у ног лежала отрубленная голова коротышки, остекленевшие глаза глядели куда-то в небо. Поодаль валялось и тело, в странной позе. Дождь смыл все следы крови, и казалось что это не труп, а просто брошенная кукла.

Тело горбуна лежало чуть поодаль, перевернутое на спину, уродливое брюхо разрублено лихим ударом. На лице застыла гримаса боли и удивления, скорченное тело казалось грудой

мусора, а красноглазый обтянутый пятнистой кожей череп с жидкими волосами напоминал голову огородного пугала. В темноте горбун казался более приглядным.

Анри обвел взглядом все плато, ища хоть какие-то следы Ситары. В воздухе сильно пахнет свежестью, в небе не стало и следа от черных туч, под порывами дикого ветра от них остались лишь мелкие клочки. Ливень омыл и небо и скалы и теперь мокрые исполины горели алым пламенем в лучах солнца. Холодное дыхание гор пронизывало тело насквозь, кожа покрылась пупырышками. Следом за вершинами гор заблестели и лужи на плато, словно кто-то тайком поджег их края.

Прокричала вдали птица, жалобно и пронзительно. Анри поглядел ей вслед, прошелся вдоль края пропасти, присел у громадного валуна, на котором еще вчера сидел вместе с прекрасной Ситарой. Немигающим взглядом Анри следил за тем как загорается небосвод. Рождался новый день, день которого Анри не хотел, время бежало вперед, а ему надо было назад, в тот момент, когда двое негодяев сбросили Ситару вниз, с этого самого утеса.

«Но сбросили ли? Последователи Черной ложи черпают свою силу в убийстве, а значит, эти колдуны должны были заколоть Ситару, а тогда я бы почувствовал ту мощь, ту недобрую Силу, что терзала меня всю ночь. Во всяком случае я не нашел тела, а значит не должен отчаиваться, я обязан найти ее, живую или мертвую!».

Глава 8. Черным по белому

Руины Харна. Черный Океан.

Анри смотрел с утеса вниз, взгляд карих глаз становился все злее. Он на миг смежил веки и стиснул челюсти, представив, как это падать вниз с такой высоты. Смотреть вниз не хотелось, там распахнуло кривой беззубый рот ущелье, от высоты перехватывало дух, мир перед глазами начинал вращаться. Анри торопливо отступил от края пропасти, чтобы не свалится. Ноги его не слушались.

Взгляд маркиза еще раз пробежался по скрючившемуся телу горбуна. Тускло блеснули алым мертвые глаза, в них по прежнему светилось столько лютой злобы, что Анри поспешно отвернулся. Внимание привлекла уродливая рука, та, что плетью свисала вдоль тела, когда горбун еще дышал. Узловатые пальцы сжимали нечто небольшое. Анри пристально всмотрелся: в ладони мертвеца поблескивает черная как уголь вещица. И как ее не смыло ливнем, видно пальцы окоченели».

Анри наступил сапогом на уродливую кисть, ухватился рукой за холодные пальцы и с силой потянул на себя. Противно хрустнули кости, но хватки мертвец не ослабил. Держал точно живой, даже сильнее. Сломай Анри горбуну палец при жизни — наверняка уже разжал бы руку.

— Что ж ты такой жадный, а? — пробормотал Анри, — отдай, тебе это уже не понадобится.

Горбун не собирался просто так расставаться с драгоценной вещью, Анри, недолго думая, подхватил лежащий неподалеку топор и вогнал лезвие в руку мертвеца. Секира рассекла плоть как гнилую тыкву, никогда прежде не видел Анри такого острого оружия! «Хорошо что он меня не задел».

Отделив уродливые пальцы от кисти Анри наконец смог разглядеть вещь, зажатую в кисти мертвеца: Черная как ночь пластина, маленькая правильной квадратной формы.

— Это что еще за штука? — почесал затылок Анри, но брать пластинку не спешил. Мало ли что может случиться, с этих колдунов станет. Их хлебом не корми — дай кому гадость сделать.

Глянцевая поверхность пластины манила, ладони так и чесались схватить загадочную вещицу. Не удержавшись Анри протянул руку и осторожно взял черный квадратик. Гладкая поверхность пластины оказалась теплой и шершавой на ощупь, а какая тяжелая! В разы тяжелее даже свинца или золота! Маленький квадратик оказался чуть легче громадной секиры, которой орудовал горбун. «Так вот почему его рука так висела! — догадался Анри. Зачем же он таскал эту пластинку с собой? Она же мешала сражаться...

Кроваво красное солнце поднялось над горами, вершины гор объяло багровое сияние. Каменные острия зарделись, точно стальные клинки в раскаленном горне. На каменную долину полился густой красный свет, а высоко в небе все еще клубились ошметки грозовых туч, мелкие и побагровевшие от ярости.

Анри заметил что лучи солнца не скользят по гладкой поверхности пластины, не отражаются от глянцевых граней, непроглядная чернота поглощала любой свет. Тонкие ребра выглядели угрожающе острыми, но на ощупь оказались тупыми, пальцы скользили по ним как по льду.

Что же это такое? Наверняка какая-то колдовская штучка, наподобие карты, что искала Леонор. «И чернющая, чернее угля. Кажется, что поверхность квадрата горит темным огнем, даже тепло от него идет».

Анри закрыл глаза и сосредоточился, вспоминая, как у него получилось с картой. Пластина отозвалась, завибрировала, а затем стала нагреваться. Анри помнил, как жгла руку карта, точно раскаленное докрасна железо. Пальцев не разжал, как и тогда с картой, держал крепко.

Мир вокруг замер, солнце на миг померкло, выдохся ветер. Анри испугано открыл глаза и тут вспыхнул яркий свет, до рези в глазах. Ослепленный маркиз торопливо зажмурился, перед глазами плясали разноцветные круги, от боли хотелось закричать, но он терпел. Также неожиданно как появился свет и исчез.

Анри медленно поднял веки и оторопел: под ногами узка полоска суши, а перед ним на тысячи лиг вперед простирался бескрайний черный океан.

— Это что еще за..., - сорвалось с губ маркиза.

— Темное море, — ответил сзади знакомый голос.

— Ситара! — от радости у Анри внутри все запело, ведь он считал девушку погибшей, а тут вот тебе. В груди забухало, Анри чувствовал что готов перевернуть мир, даже без точки опоры, о которой говорил Архимед.

— Я думал, ты погибла, — сказал он сильным, хрипловатым голосом.

— Я тоже, — ответила девушка. В синих глазах заблестели слезы радости. Ситара торопливо отерла мокрые щеки, обняла Анри за плечи.

Маркиз сладко зажмурился, как тигр на солнце, красивая темноволосая головка лежала на его могучей груди, что все еще часто вздымалась. Анри склонился над Ситарой, быстро, как жалит змея, чмокнул в лоб, прижался небритой щекой.

— Фу, какой колючий, — вывернулась из рук девушка, нахмурила брови.

— Извините, не успел прихватить бритву, — ответил Анри, широко улыбнулся. — Кто были те двое?

Ситару будто стеганули плетью, улыбка мигом слетела с лица, взгляд заострился. Бездонные синие глаза уставились куда-то вдаль, затем на Анри, потом снова вдаль. Маркизу стало не по себе от такого пристального взгляда, в груди закололо, дернулось.

— Что это? — тихо спросил Анри.

— Зло, тьма, — прошептала печально Ситара, — ты убил их, боже мой, ты их убил.

— А что мне оставалось! Я думал, они убили тебя! — голос Анри дрогнул.

— Теперь уже не важно, — Ситара опустила глаза, на лицо легла тень печали, — теперь в твоём сердце поселилось то Зло, которое они носили в себе. Это очень плохо, но обряд не завершен.

— Что за обряд? — спросил Анри с холодным спокойствием.

— Инициация. Ты должен избрать источник Жизни, и первое что ты совершил на этом Пути — убийство. Смерть ведет к Черной ложе, всегда ведет. Сила должна была изменить твоё сознание, очернить душу. Но этого не случилось и я не знаю почему, — Ситара накрыла лицо руками, тяжело вздохнула, — я не знаю Анри.

— Я не хотел их убивать, — все так же спокойно сказал маркиз, — они не оставили мне выбора, или они или я. Может потому?

— Нет, — категорично сказала Ситара, — мотивы и побуждения конечно важны, но они не могут влиять на Силу. Если мы поджигаем стог, он стораёт дотла, и не важно, о чем

мы думали разжигая пламя. Результат всегда один. Всегда, но не сейчас.

— Вот и хорошо, — Анри добродушно улыбнулся, — я не чувствую в себе никакого зла. Да немного не по себе, но это нормально, меня ведь хотели изрубить на кусочки.

— Хорошо то хорошо, — согласилась Ситара, но вдруг наморщила лоб, в глазах появилась осторожность, — но мы должны понять, иначе Сила может изменить тебя.

— Как изменить? — сохраняя спокойствие, спросил Анри, хотя на душе уже скребли кошки, от мысли, что может превратиться в нечто схожее с убитым горбуном или коротышкой.

— Не знаю как именно, но твой разум и сердце навсегда станут иными, старая личность, память умирают, пожираются Силой. Иногда меняется облик, — приглушено ответила Ситара, каждое слова она словно выдавливала из себя. — Я видела, как это бывает. Это очень печально.

Анри горестно вздохнул, от таких перспектив даже горло перехватило. Какой же дурак согласится, чтобы вместо него в его же шкуре жил кто-то другой, с другим умом и воспоминаниями? Что же тогда остается от Я? Выходит это то ж самое что умереть. От мыслей у Анри пошел мороз по коже, в животе неприятно кольнуло.

— Остается выжженная оболочка, — ответила Ситара на немой вопрос, — но если инициацию проводит один из магистров ложи, то память и личность сохраняются, правда, лишь поверхностно. Сила все равно берет контроль над личностью. Отношение к жизни, поступкам, мотивы действий меняются навсегда. Это словно яд отравляющий душу.

Анри поморщился.

— Ясно. А ты что собиралась сделать? Как проходит инициация в Белую ложу?

— Я не знаю, — произнесла Ситара так тихо, что Анри едва расслышал, — я могу поделиться лишь тем, что пережила сама. Я хотела отвести тебя к священному месту. Там ты мог бы сделать выбор.

Анри стиснул челюсти, от досады. Некоторое время боролся с желанием громко выругаться. На кон ведь поставлена его жизнь, какой он ее знает, и как ни прекрасна молодая волшебница, но не ее дело вершить за него судьбу. У каждого собственная жизнь, свои заботы...

— Ты не знаешь, — сдержанно произнес Анри, но Ситара и так поняла что у него на душе.

— Никто не знает Анри, или ты думаешь те, кто пришел за тобой знали, зачем ты нужен магистрам? Думаешь, они знали, что произойдет с тобой? — в голосе Ситары звенела сталь.

— Так что же я должен делать? — сурово спросил Анри, — не могу же я идти вслепую?

Черный океан безмятежно спал, лишь мелкая рябь разбегалась в стороны, Анри пытался представить, что может прятаться там, в глубине непроглядной черноты, что таят в себе загадочные глубины? Мысли путались, затем почему-то зависла мысль, что не знает, с чего начать, куда идти и что икать. Но одновременно понимал, что жить как прежде не выйдет, те кто послал убийц придут снова.

— Они ведь придут, да? — холодно спросил Анри.

— Да, — кивнула Ситара, — придут. После того как ты спас меня, обязательно придут. Теперь они понимают, что ты не просто еще один ведьмак или прорицатель. Магистры поймут, какая сила зреет в тебе.

— И какая же? — с интересом спросил Анри.

— Непонятная, но могучая, раз даже Зло не смогло замутить ее источник.

— А что за место? — наконец задал Анри давно тревожащий его вопрос. Как те двое забросили тебя сюда?

— Это один из миров ловушек, — пояснила Ситара, — тот квадрат, что у тебя в руке, один из артефактов Харна. А там под черными водами, руины их городов. Нам надо поскорее выбираться отсюда, или мы застрянем здесь надолго. По сути мы сейчас между мирами.

— Согласен, пора отсюда убираться, мне здесь не нравится, — живо произнес Анри, протянул Ситаре ладонь с лежащим на ней черным квадратом.

— Я не могу взять это, — девушка вновь пристально взглянула в глаза Анри, — только Черная ложа может пользоваться Харнскими артефактами. Я этого сделать не смогу.

— Так выходит я..., - Анри запнулся, — я из этих?

— Нет! — ноздри Ситары раздулись, грудь задвигалась часто-часто, — ничего это не значит. Я вижу твое сердце. Ты не такой как они! Ты не должен думать так, это тебя погубит.

— Хорошо-хорошо, я не буду, — поспешил успокоить Ситару Анри, — ты только не волнуйся так. Сейчас я нас верну обратно, я уже понял, как эти штуки работают.

Анри торопливо зажмурился, крепко сжал в ладони теплую пластинку. Перед глазами завращался огромный черный вихрь, воронка разрасталась и ширилась, вскоре она охватила и небо и землю, всосала мертвые воды океана, тот кусочек земли, где стояли двое.

Анри продолжал концентрировать мысль, вырисовывая в воображении восходящее солнце, обрывки облаков, каменное плато на котором растянулись двое мертвецов. Вот уже кожа ощущает холодное покусывание ветра, утреннюю прохладу и запах свежести, что появляется в воздухе после грозы. На этот раз перемещение произошло быстрее и руку не жгло, как проклятую. Пластинка лишь немного нагрелась.

Когда Анри открыл глаза то увидел стоящую перед ним Ситару, девушка улыбалась.

— Получилось, — довольно произнес маркиз.

Багровый утренний свет залил каменное поле, узкие полосы облаков все стремились окутать солнце, почти касались пламенного диска, но дотянутся так и не могли. Анри вдохнул полной грудью свежую прохладу гор, жадно насытился воздухом. Взгляд скользнул по столь милым ему агатовым прядям волос, что горели в лучах солнца, как черное золото. Искорки света озорно отскакивали от блестящих локонов, играли. Ситара уловила настроение Анри, посмотрела с добротой. Глаза ее также горели, словно сапфиры чистой воды, даже оторопь берет.

— Ты молодец, ты спас нас обоих, — тихо сказала Ситара, — спасибо тебе Анри.

— Пожалуйста, — ответил радостно Анри, благодарность девушки грела душу, — всегда рад помочь такой прекрасной даме.

Ситара бегло скользнула горящим взором, Анри ощутил на обнаженной коже легкую снежную пыль: «То ли от холода, то ли от ее взгляда мороз пробежал по шкуре?». Догадаться было легко, Ситара, чувств не скрывала. Ее красивое смуглое лицо слегка дрогнуло, исчезла привычная твердость, на скулах проступили красные пятна. Девушка опустила взгляд, легко закусилла нижнюю губу. Анри расплылся в довольной улыбке: «Значит, мои комплименты ей приятны».

— Анри, нам нужно решить что делать, — сбивчиво сказала Ситара, — мы не можем тут оставаться, кроме того нам нужно закончить инициацию.

— Хорошо, что будем делать? — продолжая улыбаться, спросил Анри.

— Для начала посмотрим, что еще есть у наших гостей при себе.

Анри осторожно подошел к распростертому телу горбуна. Взгляд злых глаз по-прежнему казался живым. Анри поморщился, по шкуре побежал мороз. Холод шел от позвоночника до самого сердца, казалось, Анри очутился во внутренностях этого уродливого трупа, в ушах зазвучало негромкое злое пение, пальцы на руках охладели.

— Я слышу какие-то звуки, — сказал Анри твердо, чтоб Ситара не почувствовала дрожи в голосе, — что-то не так с этим горбатым.

Ситара быстро подбежала к трупу горбуна, окинула взглядом. Фигура почти человечья, только уродливый горб на спине и невероятно длинные руки. Если не смотреть на лицо, то можно принять уродца за старика. На груди под сердцем висел на цепочке красивый синий кристалл, лучи солнца высекали на его гранях искорки света, что живо разбегались золотистыми линиями по гладкой поверхности камня и угасал где-то в глубине. Такая красивая вещь, у столь уродливого создания. Ситара перевела взгляд на лицо горбуна. Сводящие с ума блики продолжали выплясывать в алых глазах мертвеца. Злоба и ненависть до сих пор читались в жуткой оскаленной морде.

— Это альвский защитный амулет, не знаю откуда он у этой твари. Вряд ли он мог пользоваться им. Скорее всего, носил как источник Силы. Магистры должны были отнять такую вещь у обычного убийцы.

— Может, не успели, — сказал Анри, осторожно поддел ножом цепочку, — что ж, теперь эта вещица наша. Ты знаешь, как ей пользоваться?

— Догадываюсь, — кивнула Ситара, взяла камень в ладони, вмиг от него во все стороны брызнули золотистые искры, словно кто-то ударил молотом по раскаленному клинку.

— Ты смотри! — изумился Анри, — кажется, ты ему понравилась!

— Наверное, — рассмеялась Ситара, надела цепочку на шею.

Только теперь угас недобрый огонь в глазах мертвеца, затих и злое шепот в ушах Анри, растаял ледяной столб в позвоночнике.

— Нам надо поесть, этот переход и бой наверняка измотали тебя, — сказала Ситара, — заодно решим, что будем делать дальше.

Девушка подняла с земли вещевой мешок, извлекла наружу плотную кожаную сумку со съестным.

Анри жадно втянул носом запах пищи, голова кружилась от сильных и разных запахов, волнующих воображение, в животе предательски заурчало. Так может взволновать мужчину разве что прекрасное оружие, удалой конь или хорошая песня. Или женская красота. Но настоящий мужчина на женскую красоту не шибко падок, это слабость юнцов, которые не украсили себя достойными подвигами, не стяжали воинской славы. Доблестный воин всегда сохраняет достоинство. А вот хорошо поесть — в этом слабости нет, если конечно не жрать как свинья.

— И что у нас на завтрак? — радостно потирая ладони, спросил Анри.

— А ты взгляни сам, — с хитрецей в голосе сказала Ситара.

Из вещевого мешка возник бурдюк с холодным напитком. Анри недоверчиво скривился, но бурдюк взял. Деловито выдернул зубами пробку, принялся. Пахло, честно говоря, подозрительно. Слегка кисловатый, похожий на пиво или квас запах.

— А больше ничего нет? — спросил Анри, с насмешкой, — водичкой этой я не наемся.

— Попробуй сначала, — рассмеялась в ответ Ситара, — а потом будешь ехидничать.

Анри вздохнул, еще раз недовольным взглядом окинул бурдюк, после чего поднес к

губам, отхлебнул немного. Выражение лица переменялось вмиг: глаза оживленно заблестели, уголки рта поползли вверх. Анри жадно припал к бурдюку, а Ситара тихо посмеивалась да ждала, когда маркиз оторвется и заговорит. Но Анри и не думал отпустить бурдюк, молча, вцепился обеими руками, задирая кверху дном больше и больше, но и капли не пролил на пол. Анри пил жадно и бережно, слышно лишь было как глотает. Наконец бурдюк поднялся дном к небу, но и тогда сильные руки не отпустили сосуд, схватили поперек, выдавливая последние капли.

— Вот это да! — восторженно произнес Анри, руки наконец отпустили бурдюк, — что это за напиток?

— Это отвар из местных трав, мой личный рецепт, — ответила Ситара, — очень бодрит, к тому же питательно.

— Да, — Анри похлопал ладонью по животу, — так будто сытно поел. Чудеса, да и только. Мне очень понравилось!

— Я заметила, — хохотнула Ситара, — мне и капли не оставил. Ничего перебьюсь лепешками и фруктами.

— Ой, извини, — Анри виновато спрятал глаза, лицо залил предательский румянец, — я как-то не подумал...

— Ничего, я же говорю, еще есть лепешки, — девушка по-дружески подмигнула маркизу, — но к ним и близко не подходи, я уже поняла какой у тебя аппетит. Никогда не видела, чтоб кто-то выпил больше пинты этого зелья.

— А я сколько в себя залил? — повел бровью Анри.

— Весь бурдюк, а в нем не меньше половины галлона, — сказала Ситара серьезно, покачала головой.

— И что со мной будет? — спросил маркиз с тревогой в голосе.

— Да ничего, спать будешь как убитый. А так ничего, — отмахнулась рукой девушка.

— Ну и ладно, а в сон уже клонит, — зевая, подметил маркиз, — оно и не удивительно всю ночь по горам скакать. Я вздремну немножко, ты не против?

— Нет, не против. Поспи, — кивнула Ситара.

Анри тыльной стороной ладони вытер последние капли с губ, и лишь теперь заметил, что в голове словно роятся пчелы. На лбу проступили бисерины пота. Станный гул в мозгу все нарастал, ширился. Перед глазами расплылось, мир начал вращаться. Анри издал сдавленный стон, глаза закатились. На лице застыло удивленное выражение, мышцы по всему телу вздулись, в венах вскипела кровь. Синий камень на шее Ситары заблестел ярче, золотистое сияние заиграло на гранях, отблески побежали во все стороны, сам камень налился радостным сиятельным цветом.

— Спи Анри, — этот отвар частично очистит твое сердце от злой Силы.

Место силы, о котором говорила Ситара, находилось не где-то там, а здесь, на плато. Подобные места не увидишь глазами, внешне они ничем не примечательны. Только человек с определенным складом ума, развитой чувствительностью и богатым опытом мог найти зацепки, знаки, намеки.

На горном плато прежде располагался храм, от которого теперь не осталось и следа. Ситара видела его, как сейчас: Среди скал устремлялись в небо величественные шпили башен, посередине ослепительно блещет золотом широкий круглый купол — там собирался высший совет храма. Спереди поднимались толстые каменные стены, с добротными воротами, конечно, от могучих врагов защитить такие укрепления не могли, но сила храма

не в стенах. Ситара знала, главная мощь сосредоточена под куполом, в самом сердце — там открывался портал в другие миры. Именно туда, к вратам, собиралась Ситара отправить маркиза, и сваренный для инициации отвар, должен был в этом помочь.

Сон пришел незаметно. Анри ощутил, что падает вниз с большой высоты. Поначалу казалось, что во время боя, остутился и свалился с утеса, но внезапно падение прекратилось, и он словно завис в воздухе. Под ногами виднелись темные кольца дыма, мгла вращалась по кругу, втягивала в себя. Анри стало дурно, его крепкого характера хватило, чтобы не паниковать, но держался из последних сил. Непонятный страх все норовил влечь под дых тяжелым кулаком, смять в комок. Пока не бил только прощупывал, но и от этого меж лопаток потекла холодная струйка.

Ветер становился сильнее, жестоко стегал по лицу, обнаженной коже, вышибал слезу из глаз. Анри сжал зубы, в голове раздался горестный вскрик.

Из бездны, окутанной дымом, возникло исполинское, серое как земля лицо, брови нахмурены, глаза смотрят гневно, уголки тонких губ опущены вниз. А во взгляде клубится тьма, играют языки черного пламени. От него внутри все охладело, в груди сжалось, вот-вот треснет.

Анри понял что медленно умирает, и ему не пережить этой странной встречи, с каждым мигон он словно утончается, высыхает под взглядом черных глаз.

— Кто ты! Что тебе нужно?! — прохрипел Анри.

— Я хранитель Врат Бриллиона! — пророкотало существо, — я вижу тебя насквозь, человек!

— Почему я здесь? — стараюсь говорить как можно тверже, спросил Анри.

— Ты искал меня! — проревел гневно лик, длинная струя дыма ударила Анри в лицо, он зашелся кашлем, — Выбор. Ты должен сделать выбор, или умрешь здесь!

В измученной душе Анри то и дело вспыхивали яркие картины из прошлого, вот Леонор склонилась над его телом, злой блеск в ее глазах, злобный горбун с топором в руках, и коротышка поигрывающий шпагой. Но почему-то теперь не досадно, ушла боль и обида.

Что-то в этой картине начинало казаться все более правильным и... доступным. Алые, сочные губы Леонор тянулись к нему, слышен ее сладкий шепот, а вот она медленно и картинно снимает бретельку платья, оголяя белоснежно белую, такой правильной формы грудь...

Анри охватило желание. Как вдруг слева возникли другие образы. Залитый солнечным светом лес, Анри идет к своему коню, на лице сияет улыбка, а вдалеке колышется золотая июльская степь и синее небо, чистое до самого горизонта. Маркиз посмотрел на коня, затем на Леонор, что уже разматывала шнуровку платья, и застыл в нерешимости, как вдруг на плечо легла крепкая рука. Раньше бы вздрогнул, но не сейчас, сейчас было уже все равно. «Что выбирать!?» Прошла почти целая вечность, прежде чем сообразил, что его встряхнули, еще раз, а потом дернули так, что лязгнули зубы, а во рту стало солоно от крови.

— очнись! — донеслось откуда-то издалека, — Анри очнись!

Маркиз открыл глаза, веки захлопали как крылья мотылька, не видать ни зги! Опять зажмурился, принялся руками тереть ослепшие глаза. Перед взглядом заплясали цветные пятна, сначала темные, следом появились светлые искорки и змейки. И только спустя минуты Анри увидел распухшее от слез лицо Ситары. Девушка сидела у его ног и смотрела в одну точку. Глаза напитались синевой, потемнели, аж фиолетовые, губы плотно сжаты, желваки так и ходят на скулах под кожей.

— Что случилось? — слабым голосом спросил Анри, прикоснулся пальцами к разбитым в кровь губам. — Кто-то бил меня?

— Я думала ты погиб, думала Зло забрало тебя. Ты так побледнел, боже...,- прошептала безжизненным голосом Ситара, — какая же я дура...

— В чем дело, Ситара? Я ничего не понимаю..., - выдавил из себя Анри, попытался подняться на ноги, но лишь бессильно рухнул наземь.

На него в упор смотрела Ситара, взволнованная, испуганная, но по прежнему прекрасная. Даже очень, — подумал Анри, с трудом растянул разбитые губы в улыбке. Он чувствовал, что на душе стало легче, внутри посветлело.

— Не волнуйся, — сказал Анри твердо, — я в полном порядке.

Глава 9. Магия крови

Замок «Блутштайн». Северо-восточная Франция. Герцогство Эльзасское, графство Эггшейм.

Во дворе замка светло от громадных костров, будто рассвет залил алым светом площадь. Торопливо снуют по каменной мостовой наемники, в огонь бросают все, что могло гореть: от обломков старинной мебели до дорогой одежды. Высокая фигура, позади у костров, стоит недвижимо, словно бронзовая статуя.

Издали герцога действительно можно было принять за изваяние, суровый лик, глаза смотрят в одну точку, мышцы напряжены. Рядом лежали обезображенные трупы женщин, хладнокровно растерзанных Брианом. Те, кто еще не умер, сдавлено стонали, извиваясь в лужах собственной крови.

Вдоль костров страшными пирамидками сложены отрубленные головы, Фарамонд взглянул в мертвые глаза жертв и поморщился: «Бриан никогда не отличался человеколюбием». Самая большая куча, в рост человека, громоздилась в центре огненного круга. Над нею роем вились жирные мухи. Кровь на земле запеклась, коричневой коркой покрыла камень, в воздухе витал тошнотворный запах смерти.

Позади жуткой пирамиды, на перевернутом кресте висел распятый мужчина. Одежда сорвана, конечности прибиты к доскам громадными гвоздями, волосы и часть лица обуглились, по всему телу алые полосы жутких ран. От груди до паха тянется широкая рана, сизые внутренности свисают вниз как толстые змеи. Глаз у бедолаги нет, лишь страшные черные дыры и запекающаяся кровь, облепленная крупными мухами.

Фарамонд сжал в ладони горячую как головешка пластину. Черный прямоугольник чувствовал близость герцога и его рубина.

Дордаор стоял позади, левая рука плотно забинтована, сквозь ткань проступила кровь, в правой — обоюдоострый клинок. Зарево бежит по зеркальной поверхности меча, кажется, пламя горит внутри лезвия. Альфарец мрачно улыбнулся и шагнул вперед:

— Пора кончать старика.

— Я же говорил, что он тебя предал, — отозвался Фарамонд, — Бриан использовал тебя как наживку.

— Он об этом пожалеет, — процедил сквозь зубы Дордаор. Брови нахмурил, в алых глазах холод, блестят как кристаллы льда.

Один из наемников заметил идущих к кострам. Проворно вытащил меч из ножен, стал в боевую стойку. Но не успел и глазом моргнуть, как Дордаор налетел, как взбешенный демон, ударил наотмашь. На шее наемника прорезалась тонкая красная нить, едва уловимая взглядом она становилась все толще, красочней, вот кровь уже ручьем хлынула из раны. Наемник изумленно выкатил глаза, мгновение спустя голова, словно тыква, упала ему под ноги, тело рухнуло следом. Дордаор небрежно переступил через бьющегося в агонии противника и направился к кострам. Фарамонд шагнул за ним.

— Ты быстр как молния, мастер, — с неподдельным восторгом сказал барон, — но будь осторожен, Бриан очень подлый противник.

— Я уже понял, — с каменным выражением на лице сказал Дордаор, клинки наемников смазаны ядом. Я уловил запах.

Воины герцога торопливо побросали в костер остатки древесины и развернулись в сторону альфарца. Нападать не спешили, вспомнили старые слухи, про род Альфар, об искусстве сражаться которых не знал разве что младенец. В бою даже самый слабый из альфарцев страшнее горного льва. Быстрые и смертоносные, они впятеро, а то и вшестеро раз быстрее обычного человека, а силы вовсе невероятной. Говорят, однажды альфарца утыкали стрелами как ежа, так он успел пробежать еще ярдов сто, зарубил не меньше пяти противников, у убитого отобрал лук и застрелили из него полководца. И только когда отрубили голову, красноглазый демон издох. Легенда, конечно, ничего не говорит о том, что альфарец вовсе не был обычным, а никем иным как Великим князем..., но у страха глаза велики.

Наемники медленно вытащили мечи, переглянулись, двинулись несмело вперед. Дордаор страшно рассмеялся и выкрикнул:

— Вы уже трупы!

Дордаор врубился в ряды наемников со всем неистовством, следом, за ним, но гораздо медленней двигался Фарамонд. Меч альфарца разил без промаха: срубленные головы и руки взлетали в воздух, обильно орошая все вокруг красными брызгами. Дордаор вертелся вихрем, изрубленные тела уже услали замковую площадь. И без того жидкий строй наемников дрогнул.

Альфарец пожирал их, как пламя солому. Стальные доспехи не могли защитить наемников, проклятый клинок попадал в стыки между пластинами, разил в открытые лица, шеи. Доспехи же из сырого железа и бронзы просто пропускали лезвие, точно не металл, а гнилое тряпье! Фарамонд старался не отставать ни на шаг, прикрывал Дордаора с тыла, добивал тех, кто падал под ноги.

Дордаор не унимался, молниеносно обрушивал удар за ударом. Не успевало разрубленное тело упасть наземь, как он уже разворачивался и рубил следующего. Наемники не выдержали такого натиска, и не смотря на то, что в десятки раз превосходили количеством — побежали к кострам.

В огненный круг медленным но твердым шагом вошел высокий широкоплечий старик в черной залитой кровью тунике. Пламя подсвечивает тощее лицо старика, глубоко посаженные глаза, крючковатый нос. На ветру развеваются длинные снежно-белые волосы, кожа на лице испещрена морщинами, прокалена морозами и ветрами, плечи и грудь широки, живота почти нет, тощий как скелет. Длинные руки сжимают искусной работы стальной посох. Но больше всего Фарамонда интересовали камень и карта герцога. Золотой обруч короны, как и прежде покоится на голове старика. Карты Фарамонд так и не заметил, что и не удивительно, наверняка прячет где-нибудь в тайном месте между мирами.

Герцог поднял взгляд и Фарамонд ощутил, как его пронизывает могильный холод, словно не человек, а баньши глядит ему в глаза. Взгляд герцога становился все тверже, в нем читались злоба и жажда мести, если бы мог, испепелил бы взглядом. Фарамонд понимал, что старик не так уж и далек от того, чтобы выжечь все в округе дотла. Сил камня на это хватит, но хватит ли сил у Бриана, справится с такой мощью? Ведь Бриан, как помнил Фарамонд, уже однажды высвободил ярость кровавого рубина до последней капли, теперь на его теле больше шрамов, чем на любом из воинов...

Герцог приложил ладони домиком ко лбу, прикрывая их от яркого пламени, совсем не старческие глаза внимательно смотрели на альфарца, молниеносного, беспощадного, всегда напряженного, как струна. Но Бриан знал: как бы ни был грозен Дордаор, а стоящий рядом с

ним Фарамонд — совершенно непредсказуем и оттого гораздо опасней.

Дордаор зарубил последнего наемника и торопливо оглянулся, за спиной послышался жуткий вопль, нечеловеческий, полный гнева и боли. «Бриан, больше никому!» Альфарец поспешно шагнул вперед, к кострам, за ним словно тень следовал Фарамонд. Земля под ними устлана изрубленными телами солдат. Кое-кто еще хрипел, зажимая руками страшные раны, смотрел замутненным взглядом в темное небо, кто-то бился в агонии. Фарамонд без особого удовольствия точным ударом добил беднягу, что лежал под ногами.

Некоторое время стояли, переводили дух, стараясь сквозь грохот собственных сердец и шум крови в ушах различить: Бриан собирается нападать или так и будет стоять у костров?

Фарамонд побледнел, по переносице сползали крупные капли пота, смешавшиеся с кровью врагов. Даже не искушенный в колдовстве альфарец сейчас ощущал обострившимся чутьем присутствие могучих сил. Фарамонда же и вовсе пробрала дрожь, руки едва держали клинок, сердце сдавливало дыхание смерти, глаза с ужасом смотрели в пустоту.

— Леонор... это смерть..., моя смерть Леонор...

— Что ты видишь? — буркнул Дордаор, повертел в руке меч. — Что он делает?

— Иди за мной, — страшным голосом сказал Фарамонд — ступай след в след.

Дордаор поморщился, сдвинул брови на переносицу, расправил широченные плечи. Альфарец не знал что такое страх, но от слов Фарамонда в животе задергалось.

«Бриан хитрый. Он прячет свою силу. Бойтся повторить прошлую ошибку, потому медлит, ждет, когда мы раскроем все карты. Ему нужна пластина, а значит я нужен ему живым. Неужели альфарец этого не понял? Даже сейчас, когда его люди мертвы, Бриан невозмутимо стоит в кольце костров. На лице не дрогнет ни один мускул, во взгляде — сталь. Ведь столько веков знакомы и никогда не знаешь что у старика на уме!

— Не торопись, мастер, — сказал Фарамонд более спокойно. — Не будем нападать, я думаю именно этого он и хочет.

* * *

Леонор тихонько охнула, глянула на карты и закусила губу от волнения. «Смерть!» Маркиза задержала дыхание, немигая смотрела на колоду, лежащую перед ней, на столике. Не ожидала, что судьба даст такие знаки. Леонор торопливо поднялась из кресла, взглянула на лежащую на шелковом покрывале шпагу. От стали идет алый и тусклый свет, рукоять шпаги горит, как будто не позолотой покрыта, а жидким солнцем. Всю комнату заливают это золотистое зарево, прерывисто трепещет алый свет на клинке, клеймо магии — подарок королевы мечей.

Леонор стиснула зубы так, что стрельнуло в висках. Ее любимому приходится сражаться в неприступной крепости против могущественного черного колдуна. Только глупец сунет голову в это змеиное логово, но ведь без помощи старшего Аркана Фарамонд умрет. Силы его и так на исходе, не смотря на королеву мечей. Но королева не одна из старших, ее сил на исцеление не хватит. Эх, если бы гаденыш Анри не сбежал, то сейчас Леонор уже лежала бы на мягком ложе в объятиях возлюбленного.

Чем больше смотрела Леонор на злополучную карту, тем скорей хотелось броситься на помощь Фарамонду. В груди стучало все сильнее, в горле — сухая горечь. Она должна была добраться до карты Анри! Бриана де Реца рассматривали лишь как запасной вариант, так на

всякий случай. Герцог — сам дьявол во плоти!

Леонор твердо решила: Мы теряем время, Анри скрылся, ищи его теперь... Старший Аркан так просто не отследить. Сейчас я просто обязана помочь Фарамонду справиться с герцогом. Не могу же я сидеть, сложа руки!

Леонор уперла руки в бедра, старалась расслабиться, но не получалось, тревожные мысли накатывали одна за другой. Глубоко вдохнула, медленно выдохнула. В груди продолжало дергаться, уголки рта нервно напряжены. Леонор смежила веки, плечи медленно опустились, красивые полные губы медленно прошептали слова призыва:

— Мать ночи, и отец мрака дайте мне знание и силу, мой ум и тело готовы к этому.

Леонор знала: прибегать к призыву так часто — опасно для жизни. Ведь совсем недавно призывала королеву для помощи с Анри. Покровитель может разгневаться, потребовать высокую цену. Колдунья замерла, прислушивалась к стуку крови в висках, провела языком по трещинкам на губах. «Связь с королевой еще совсем свежа».

— О, великая, мне нужна ваша помощь — Леонор безропотно опустилась на колени перед каменным столиком, склонила голову, роскошные волосы заструились по плечам. — Ваше Величество, моя кровь — ваша. Я прошу Вас, возьмите мою жертву.

Леонор уже привыкла к боли, что была неотъемлемой частью ритуалов. Но в этот раз откат оказался особенно сильным. Тонкая алая струйка побежала из ноздрей по губам, к подбородку, крупные капли сорвались вниз, упали на пол. Кровь сразу почернела, обуглилась, в голове загрохотало, потом укололо, словно раскаленное шило вонзили прямо в затылок. Слезы бежали по лицу Леонор, смешиваясь с кровью, что текла уже ручьем из носа. Она рыдала, в глазах была не только ярость, но и отчаяние, боль, страх. Маркиза страшилась, что королева попросту выпьет ее до дна.

Ноздри заливала теплая липкая жидкость, на губах — солоноватый железный привкус. Леонор терпела боль, жидким огнем разливающуюся от сердца, бьющую в мозг. Сосуды в глазах полопались, золотистые волосы, прелестная высокая грудь перепачканы кровью. Маркиза дрожала как в лютый мороз, зуб не попадал на зуб.

— Помогите, Ваше Величество..., - слабым голосом прошептала Леонор из последних сил, — прошу Вас.

— Мы потребуем кровь, много крови. Не твоей, — холодно ответил властный голос внутри головы, — твоя смерть Нам не нужна. Ты еще послужишь нам, Леонор.

— Как будет угодно Вашему Величеству, — раболепно прошептала маркиза.

— Да, нам так угодно. Мы потребуем крови колдуна, — ответила королева. — И ты дашь ее нам.

— Да, Ваше Величество, — Леонор подняла взгляд, белки глаз уже красные как у альфарца, — я сделаю, как Вы желаете.

Маркиза бережно взяла карту со столика, поднесла к губам и легонько подула. По потрепанной бумаге побежали мурашки, как по коже от мороза, гладкая поверхность покрылась пупырышками, стала выпуклой. Привычный белесый дым сорвался с краев карты, завертелся вокруг маркизы, рисунок на карте становился все четче, живей. Облик королевы постепенно обретал черты лица Леонор. Рука маркизы легла на позолоченную рукоять шпаги.

— Я готова, Ваше Величество, — сказала маркиза мертвым голосом.

Холодный ветер тотчас ворвался сквозь распахнутые окна с воем и яростным ревом. Леонор медленно поднялась, зачем-то держа шпагу в готовности для удара, второй рукой

намертво вцепилась в карту. Алый свет на лезвии вспыхнул, ударил по глазам шипящий, зловещий, будто над головой зашипели тысячи толстых, как сосны за окном, змеев. Шквальный ветер рванул шторы с такой силой, что ткань жалобно затрещала, сорвалась с карниза.

«Наконец-то, — вздохнула облегченно Леонор». Над головой полыхнуло, раздался оглушительный удар. Крыша охотничьего домика со страшным треском отлетела в сторону, словно великан снес ее громадной ручищей.

Ошарашенная и оглушенная Леонор упала на землю. В ушах стоит тонкий писк, перед глазами вращаются темные круги, и только странные алые огоньки блещут среди черноты, похожие на праздничные фейерверки.

Ковры и драпировки на стенах замелькали с такой скоростью, что слились в одну линию. Леонор почувствовала, как отрывается от земли, громадный вихрь вытягивает ее вверх, через развороченную крышу дома, свисающая со стены балка угрожающе нависла над головой. Леонор недостаточно быстро отклонилась, больно ударилась затылком о дерево.

В черепе прогрехотал взрыв. Леонор широко распахнула глаза, открыла и закрыла рот, жадно заглатывая воздух. Сознание едва не улетучилось, но острая боль во всем теле не давала отключиться. Леонор ухватилась покрепче за эфес шпаги, и наконец отпустила карту. На какое-то мгновение все вокруг замерло и затихло, а затем мощный вихрь рывком втянул маркизу внутрь живого рисунка.

Страшный ветер сразу утих, медленно, словно плывя воде, оброненная карта опустилась на пол. Ее поверхность вновь стала тусклой и мертвой

* * *

Бешенство и ослепляющая ярость полыхали в глазах альфарца ярче молний. Не дожидаясь пока старик подымет посох, он прыгнул, пальцы сомкнулись на рукояти раньше, чем герцог успел двинуть глазами.

Фарамонд прыгнул наперерез, но куда ему тягаться с быстрым как ветер альфарцем. Воздух прорезал грокий возглас Фарамонда:

— Дордаор! Стой! Не надо!

Но Дордаор не остановился, ниже воинской чести считал альфарец топтание на месте. Кровь в его венах бурлила, требовала смерти Бриана.

С жутким звоном встретились меч и посох, в воздух взлетел сноп желтых брызг. Дордаор, обезумев от гнева и боли, со скоростью молнии отскочил в сторону. И вовремя, не смотря на худобу, Бриан обладал недюжинной силой. Камень от удара посохом лопнул как яичная скорлупа. Герцог жутко рассмеялся, взглянул на ошарашенного Дордаора, сказал насмешливо:

— Не ожидал, малыш? Ну же, иди сюда, или кишка тонка тягаться со стариком?

Дордаор стоял на расстоянии прыжка от него, огромный и сильный, быстрый как молния, и умелый как никто другой. От его могучих ударов пала не одна сотня опасных и смелых противников. Но ни один из них не был колдуном. Все сражались сталью против стали.

— Дордаор отойди! — прорычал Фарамонд, — ты ему не противник, он колдун! Нет чести в том, чтобы драться с колдуном!

Альфарец не ответил, взглядом прожигал ненавистного герцога, представляя, как сухая голова отлетает от тощего тела и падает в костер. Как лопаются от жара мерзкие лукавые глаза, пузырится и вскипает кровь на страшных ранах.

— Ты умрешь, старик, — холодным и спокойным тоном заявил Дордаор, — ты умрешь от моего меча.

— Нет, — только и сумел выкрикнуть вслед Фарамонд, но было уже поздно, альфарец птицей взмыл в воздух.

Фарамонд застыл словно зачарованный, когда страшный удар обрушился на голову Бриана. «Неужели зарубил? — пронеслось в мозгу».

Дордаор уже видел, как лезвие меча разрубает плоть ненавистного врага, словно масло разрезает кости, рассекает мозг, как оседает на пол разрубленное тело. Но в последний момент старик куда-то исчез, на месте где он стоял, осталась лишь черная как сажа тень.

Удар оказался настолько сильным, что меч вылетел из рук Дордаора и глухо зазвенел о камень мостовой. Второй раз в жизни мастер выпускал меч из рук, и оба раза сегодня. Изумленный он застыл, кровь прилила к лицу, щеки зарделись от негодования.

Только теперь Фарамонд понял, какую уловку замыслил старый герцог, и что за рубин сиял в его короне. Древняя магия, старая как само время. Очень мало кто пользовался подобными артефактами, и понятно почему. Цена, какую платишь за могущество — слишком высока. Такого не может позволить себе даже монарх. А вот старый Бриан — может. В груди у герцога давно все умерло, плоть ослабела и иссохла, теперь лишь кровавый рубин дает ему жизнь. У Бриана попросту нет другого выбора. Чужая кровь заменяет ему егс собственную. И все эти растерзанные женщины, и изрубленные нами же наемники лишь придали ему сил. Он знал что, будем убивать, и использовал агонию жертв, как подношение камню.

Фарамонд взглянул на Дорадора, тот уже поднял меч, занял оборонительную позицию. Альфарец вертел головой по сторонам, могучие плечи напряжены, нервно облизывает губы — противника и след простыл!

— Ты называл меня трусом, старик! Так где же ты сам! Покажись! — проревел Дордаор.

Бриан возник так же неожиданно, как и исчез. Дордаор не видел, как длинные обрывки иссиня-черного вылезли, подобно гадким червям, из изувеченного тела женщины. Червяки сползли в кучу, раздулись, как гнойный нарыв. Все происходило так быстро, что Фарамонд не успел и рот открыть:

— Сзади! — выкрикнул он, но уже понял: слишком поздно. Дордаор не успеет обернуться.

Однако Фарамонд недооценил альфарского слуха, едва заслышав звук, мастер ловко извернулся и рубанул мечом назад через правое плечо. Острейшее лезвие меча пропороло черную тунику и погрузилось в грудь, разрезав в сухую, как мумия, плоть герцога. Дордаор ликовал, глядя на острие, торчащее из спины врага.

— Я победил тебя старик. Я победил колдуна, — сказал он с гордостью.

Тонкие иссохшие губы Бриана растянулись в зловещей улыбке, в глазах горят надменные огоньки. Костлявой ладонью, старик схватил торчащий из груди меч, крепчайшая сталь захрустела под тонкими пальцами, и, будто и не сталь вовсе, а хлипкая лучина. Глаза Дордаора широко распахнулись сначала от изумления, а затем от боли. Огрызок родового клинка торчал теперь из его груди.

— Нет, малыш, ты проиграл, — злобно прошипел Бриан, и оттолкнул Дордаора в костер.

Альфарец завалился на бок, как сноп, ревущее пламя мигом пожрало его черные как смоль волосы, перекинулось на одежду. Он не кричал, стекленеющим взглядом все смотрел на торчащую из груди рукоять, на огонь, что лизал багровым языком могучие мускулы. А затем кроваво-красные глаза лопнули...

Фарамонд вздрогнул, отвернулся от ужасной картины, по спине пробежал мороз. Альфарец не был ему другом, все время норовил отрубить голову, кроме того — смертельно ранил Ива. Но как храброго и умелого воина Фарамонд его уважал, и вот Дордаор погиб.

Фарамонд отступил назад, подальше от костров и жуткого герцога. Торопливо оглядел себя, нет ли ран, даже оцупал свободной рукой. Одежда стала гадостно теплой и мокрой, липла к телу. Фарамонд понимал, что это всего лишь чужая кровь, но все равно было тревожно. Руки ныли, а ноги била мелкая дрожь. С приближением Бриана, его недуг становился лишь сильнее. Во всем теле чувствовалась медленно сохнущая, как и кровь на одежде под жаром костров, сила. Та Сила в источнике которой Фарамонд так нуждался. Сейчас он понимал, почему белые называют силу — Жизнью.

— Ты прав, Фарамонд, — ответил на немой вопрос Бриан. — Я и сам иногда удивляюсь, насколько мы с ним схожи и насколько все-таки разные.

Длинные седые волосы герцога падали на лицо, рубин в короне едва не разрывается от бурлящей в нем Силы, холодный огонь страдания заменился ярым и ревушим, грани камня мечут тонкие, почти незримые молнии. Герцог неспешно шагал на встречу Фарамонду. В груди зияет страшная рана, через нее видно горящий позади огонь, но сухая, ни капли крови не вытекло наружу. Точно не человек шагает, а хладный труп. Взгляд герцога властный, в глазах играют икорки ликованья: вот он долгожданный триумф!

— Только не ты, Бриан, — сказал глумливо Фарамонд, — если ты и похож на кого, то только на дьявола.

— Ты смог переманить альфара на свою сторону, — более холодным тоном произнес герцог. — Ты знаешь, я даже ощутил некоторое беспокойство, вспомнил, молодость. Когда то и я, как он, был наивен и горд. И меня били, топтали, сбивали с ног, до тех пор, пока я не упаду без чувств.

— Нет, Бриан. Ты никогда не был как он. Ты всегда предпочитал бить в спину. Так чтобы наверняка, — сказал Фарамонд, метнул в герцога колючий взгляд.

— Такова моя природа, тебе ли не знать, Фарамонд, виконт де Блуа, убийца своего отца..., - Бриан зловеще расхохотался, широкая тощая грудь заходила ходуном, так что внутри забулькало.

— Замолчи! — рыкнул барон, злобно сверкнул глазами.

— Ладно, хватит шуток на сегодня, — хриплым властным голосом произнес де Рец, — отдавай скларт, и, может, я не прерву твою ничтожную жизнь.

Фарамонд нахмурившись, пробежал взглядом по жуткой площади. Вокруг него горы трупов, земля и камень залиты кровью, что как вода после дождя собралась в лужи, заполнила ямы в земле и трещины в мостовой. Совсем рядом у подошв сапог — разрубленные, переломанные, изуродованные тела. Вся земля усеяна ими, и даже он сам — покрыт от макушки головы и до самих ног алым, липким, мокрым... «Смерть совсем рядом, бродит среди этих тел. Только что она пришла за Дордаором, теперь мой черед, — мрачно решил Фарамонд».

— Зачем мне отдавать тебе скларт, если ты все равно убьешь меня? — мертвым голосом произнес барон. — Не лучше ли мне забросить его туда, где ты никогда не отыщешь?

— Ты же не хочешь, чтобы я истязал тебя веками? — повел бровью Бриан, протянул вперед длинную худую руку, — отдавай Фарамонд, не будь глупцом.

Барон понял, что выбора нет: не отдаст артефакт и Бриан действительно устроит ему личный ад, длиною в вечность. В темных застенках «Блутштайна» угасла не одна и не две тысячи жизней. Фарамонд покосился на горящий злым огнем рубин: Именно этот камешек и не даст мне умереть под пытками, именно он будет вливать в меня по капле Силу, чтобы я не испустил дух, пока Бриан, как трупный червь, терзает мою плоть.

Барон запустил руку во внутренний карман и вытащил наружу кожаный мешочек. В глазах Бриана вспыхнули алчные огоньки, он едва сдерживался, ладони тряслись от желания вырвать скларт из рук побежденного врага.

Фарамонд медлил, не хотелось отдавать артефакт, лицо старика вмиг потемнело. Он еще не понял, что случилось, следом потемнели и плечи, грудь, руки, все вокруг накрыла чернота, будто та самая зловещая тень, что убила Дордаора, ползла по телу Бриана. Но как она могла ползти, ведь та тень — сам Бриан?...

Фарамонд поднял голову. В небе над головой герцога возник громадный вихрь из обрывков туч. Черный, он напоминал око зверя, блестящее и хищное, в нем выплясывали багровые молнии, а в самом центре переплетались, создавая красный зрачок. Вихрь бесшумно завис над головами, разрастался, воронка теперь напоминала туннель, на подобие того подземного хода, по которому совсем недавно карабкался Фарамонд.

— Что за шутки? — процедил сквозь зубы Бриан, торопливо схватился за посох.

— Это не я.

— Вижу что не ты, болван, — раздраженно буркнул герцог.

Словно мириады мух выющихся над трупами, кружился черный вихрь. Края его странно дрожали, приближались к кострам. Устрашенный Фарамонд не сразу понял, что уже однажды видел такой вихрь, только намного меньше, и очень давно.

Бриан ощущал чужую Силу и благодаря камню сразу отследил источник. Злой голос внутри головы шепнул: младший аркан! Но как? Только старшие могут позволить передвигаться в пространстве.

На стыке краев вихря и земли возник ослепительный блеск. Так бьют по глазам лучи утреннего солнца, яркие, полные жара. То же алое сияние, но такое же нещадное как полуденное светило! Ритуальные костры, мигом угасли, утих их неистовый рев, даже угли почернели, укрылись серой коркой пепла. Пламя внутри рубина потускнело, охладело. В глазах Бриана мелькнули отблески страха. Сухая фигура внезапно утратила величие, согнулась под тяжестью лет.

Раскаленная шипящая полоса, возникла так внезапно, что Фарамонд, уж было подумал, что ему не жить. Повевало жаром, в стороны разлетелись снопы длинных обжигающих искр.

Он смотрел, изумленно, на этот ужас, не в силах пошевелить ни одним мускулом. Алый росчерк блеснул вблизи Бриана, тот вскинул посох, но уже поздно, не успеет. Страшный звон железа и глухой стук разрубаемых костей, во все стороны разлетелись темно-красные струи, что-то круглое взлетело в воздух. Безголовое тощее тело еще стояло, а голова с силой ударилась о камень, там остался кровавый след. Срубленная голова откатилась в сторону, прямо под ноги Леонор.

Тело рухнуло, не сгибая колен. Беззвучно как кукла герцог повалился на окровавленную

землю. Противно чавкнуло. Фарамонд с опаской смотрел на тощее тело, даже мертвый Бриан все еще грозен и страшен. От него исходит гневная Сила. Темная, почти черная кровь хлестала из обрубка шеи, голова лежала рядом, в остекленевших глазах застыло удивление. Герцога появление Леонор изумило не меньше чем Фарамонда.

Женщина стояла прямо перед ним, прекрасная, если бы не залитая кровью грудь, растрепанные волосы, не красные как у фурии глаза. «А мы сейчас стоим друг-друга, — улыбнулся Фарамонд, — я весь извалянный в крови и Леонор точно загрызла кого-то». Но это Пиррова победа, у меня не осталось сил, чтобы открыть Скларт, да что там, чтоб идти! Ив мертв. Дорого дался нам герцог, к тому же я не знаю главного: Где чертова карта?

— Идем, нет времени! — звонкий голос Леонор вырвал барона из власти размышлений.

— Мы проиграли, дорогая, — мертвым голосом произнес Фарамонд, — карты нет.

— Есть! — выпалила Леонор, стараясь перекричать гул черной воронки, — Бриан шепнул мне на ушко.

Изящные, но сильные ручки девушки подхватили под мышки тяжеленного барона и потащили к кромке вихря. Фарамонд помогал, как мог, отталкивался ногами и сгорал от стыда: где это видано, чтоб женщина тащила мужчину на руках? Мгновение спустя пара скрылась за темной поверхностью вихря, он беззвучно проглотил их, как исполинский левиафан заглатывает пищу и исчез. Все вокруг накрыла тьма, и только окровавленный рубин, в грязи, среди изрубленных тел, тускло блеснул дивным огнем.

Глава 10. Заложники страсти

Иноземье. Харшавр. Северная твердыня.

Наконец-то они остались вдвоем. Фарамонд ухватил Леонор за талию, сильным движением повалил на широкое ложе, устеленное тигровыми шкурами. Густая шерсть богато лоснится в тусклом свете ламп, по ней разметались длинные золотистые волосы. Голова кружится от пьянящего аромата духов. Сладкий запах чувствуется даже во рту. Белесой струйкой вверх поднимается дым от курильниц.

Рядом с ложем, на гладком, начищенном до блеска, каменном полу, лежит наспех снятое платье, шнуровка торопливо растянута, край лифа оторван. Узнается нетерпеливый нрав Фарамонда. Впрочем, сапоги и небрежно смятая туника барона лежат чуть поодаль у тяжелого бронзового стула, изукрашенного малахитом. Там же, с позеленевшей от времени спинки, свисают кожаные штаны.

Леонор извивалась змеей, дыхание пошло частое, обжигающее, затвердевшие соски блондинки касались широкой мускулистой груди, ее пухлые губы скользили по толстой мужской шее. Фарамонд рычал от удовольствия, словно зверь, бешено двигал бедрами. Кровь бурлила в теле, он чувствовал: от него пышет жаром, как от раскаленного в кузнечном горне стального клинка.

Женщина двигалась ему навстречу, тихонько постанывала, острыми ногтями страстно впиалась ему в ягодицы, на коже пролегли длинные малиновые полосы.

Барон находился на пике страсти, внизу живота ощутил рвущуюся на волю горячую волну удовольствия. Могучее тело содрогнулось, как ударенное плетью, каждая мышца напряглась, проступил рельеф. Разгоряченные ноздри расширились, Фарамонд громко выдохнул и замер, крепкие ладони разжались, золотистые пряди выскользнули из обессиливших пальцев. Но Леонор не спешила выпускать любовника из плена, все продолжала ласкать нежно и умело, до тех пор, пока в мутных от наслаждения глазах Фарамонда не вспыхнули яркие огоньки пробудившейся страсти.

Крепкие руки барона легли на красивую, полную грудь, жадно мяли. Он застонал от наслаждения: как же любил ощущать ладонями жар ее тела, ее желание. Рывком повалил женщину на спину. Коленями раздвинул соблазнительные бедра в стороны, вошел резко, но Леонор лишь страстно закусил губу. В серых глазах бушует и ревет пламя страсти. Ей нравилась его грубость. Блондинка откинулась на подушки, застонала. Длинные ноги женщины обвили Фарамонда сзади.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Еще, — прошептала она в сладком исступлении.

Обуянный страстью барон перевернулся на спину. Леонор оседлала его, сдавила бедрами, а широкие мужские ладони стиснули упругую и округлую как южные фрукты попку. Фарамонд ревел, вены на шее вздулись, лицо покраснелось, словно раскаленный лист металла, и глаза поблескивают как угли в горне. Довольный басовитый рык барона и ее тонкий крик наслаждения слились воедино. Громкие звуки страсти эхом отражались от каменных сводов твердыни.

— Ты зверь, — шепнула блондинка на ухо. Фарамонд довольно ухмыльнулся.

Блаженство сладким нектаром растекалось по телу Леонор, нижней половины тела не

чувствовала, зажмурилась, нежилась словно кошка на солнце. Фарамонд жадно целовал ее упругую грудь, подтянутый живот, дышал отрывисто и часто.

— Ты сводишь меня с ума. — прошептал Фарамонд.

— Ты меня тоже, — промурлыкала Леонор, как же я рада, что ты теперь в безопасности, что твоей жизни ничего не угрожает.

— Твоими стараниями, дорогая, — ответил Фарамонд, блаженно прикрыл глаза и откинулся на подушки.

Златые локоны упали на широкие грудные пластины мышц, Леонор склонилась над Фарамондом, игриво пальчиком поводила вокруг соска. Глаза оживленно блестели, так словно удумала какую-то хитрость. Уголки рта барона растянулись в улыбке, обнажая крупные белые зубы.

— Что уже удумала? — спросил он с притворной строгостью.

— А ты угадай? — кокетливо сказала она, положила голову на широкую мужскую грудь. Лежа на упругих мышцах Леонор чувствовала себя лучше, чем на любой подушке, кроме того можно любоваться соблазнительными квадратиками пресса.

Брови Фарамонда сошлись на переносице, на лбу пролегли глубокие складки. После такого водопада ласк думать сложно. В голове вертелись лишь яркие картины пространственных переходов. Черный водоворот и мерцающий свет в туннеле. И как Леонор ухитрилась зарубить Бриана? Мощи королевы на это не хватило бы. Значит, кто-то помог. Но кто, и зачем? Наверняка Леонор также подозревает об этом, а может и знает? Ее скромных навыков колдуньи едва хватает на сотворение младших заклятий, а убить обладателя старшего Аркана? Очень подозрительно. А ведь еще и магию кровавого камня вобрала. Таких магических зеркал Фарамонд никогда не видел.

— Сейчас я мгу думать лишь о тебе, — Фарамонд широко улыбнулся, погладил ладонью по золотистым волосам. Даже при тусклом свете масляных ламп, локоны сверкают как на солнце, живой блеск бежит по всей длине прядей, разве что искры не мечет.

— И что же ты думал? — спросила Леонор низким грудным голосом.

— Я думал, какая же ты умница, как ловко обставила старика Бриана. Если бы я знал, что ты способна на такое, то не стал бы лезть к нему на рожон.

— Я сама не знала, дорогой, — прошептала она задумчиво, Королева как-то изменилась, меня словно кто-то поддерживал.

«Я так и думал»: пронеслось в голове Фарамонда, даже дышать перестал на мгновение, в глазах — холодный блеск, будто льдинки на морозе сверкают.

— Нам нужно быть осторожнее, до тех пор, пока не поймем что это.

— Да, — согласилась Леонор, — но сейчас та сила ушла, ее больше нет.

Фарамонд призадумался, он чувствовал, что с Леонор что-то не так. Но в чем изменения? Интуиция к чему-то подталкивает, но слишком слабо, ей не пробираться через непроходимую чащу мыслей и топкое болото мелочных ежедневных забот. Фарамонд в задумчивости поскреб ногтями гладко выбритый подбородок, пристально всмотрелся в глаза Леонор:

— Ты помнишь, как узнала у Бриана о карте?

— Да, — спокойно ответила женщина. — Когда я вытянула из камня энергию, он жутко перепугался, и подумал о карте. Бриан хотел воспользоваться ею для бегства. Я услышала его мысли, вместе с силой образы из его ума вошли в мой.

— Но это же Игла разума! Ты понимаешь? — воскликнул Фарамонд, разволновался,

привстал на локтях.

— Да, но это не я, это все королева, — мягко ответила Леонор, медленно с наслаждением провела ладонью по громадным вздувшимся бицепсам мужчины. — А почему ты спрашиваешь? Ведь все хорошо, ты спасен. Все уже позади.

Он не знал, признаваться или нет? Рассказать о своих догадках, или умолчать? Ведь еще ничего не ясно, всего лишь предположение. Не стоит спешить с выводами, — успокаивал себя Фарамонд, — может я ошибаюсь. Я ведь тоже могу заблуждаться.

— Может, стоит спросить у Архонтов? — как бы невзначай спросил Фарамонд. Взгляд заострился, губы сжались в тонкую полосу, он ловил каждое ее движение. В мозгу гудело от напряжения, силился понять, в чем истинная причина такой перемены?

— Может и стоит, — безропотно ответила Леонор. Даже не оторвала внимания от могучих рук барона, так и продолжала ласково поглаживать. — А может и нет? А вдруг они догадаются что за сила спасла тебя, вдруг захотят изучить? Вдруг Архонты разлучат нас, и тогда ты останешься без поддержки старшего Аркана. Что тогда?

Фарамонд посерел, огонь в глазах угас, остались лишь тлеющие огоньки. Не ожидал, что Леонор способна на подобное. Сила действительно очень изменила ее. Если прежде она способна была на жестокость, то теперь не останавливалась не перед чем, даже перед их отношениями.

— Ты так считаешь? — выдавил из себя Фарамонд, брови сошлись на переносице, на скулах заходили желваки.

— Все не так просто как ты думаешь, — недовольно фыркнула Леонор, закинула ножки на мужчину. — Полагаешь, я скрываю от тебя источник?

— Возможно, — ответил барон, поиграл бровями, — а разве нет?

— Нет. Все дело в Анри. В моем муже, — голос маркизы упал до шепота. — Это все он.

— Убил Бриана?

— Да нет же! — Леонор покачала головой, посмотрела вопросительно на Фарамонда. Тот молча наклонил голову: Мол, давай, договаривай. Сказала А, говори и Б. Леонор отвечать не спешила, кокетливо надула губки.

Фарамонд, не долго думая, легко подхватил ее на руки, тело у Леонор стройное, легче перышка. Золотистые пряди волос водопадом заструились вниз, маркиза выгнула спинку, как кошка, выставив вперед соблазнительную белую грудь с очаровательными розовыми сосками. Барон не сдержался, жадно припал губами. Леонор в ответ рассмеялась, игриво приподняла грудь руками, довольно замурчала. Громко смеясь, парочка вновь улеглась на ложе.

Первые лучи солнца ударили по оконному стеклу горящими копьями, на полу, по блестящим каменным плитам заскользили багровые отсветы. Фарамонд сердито покосился на свет, наступало утро, а значит, время для утех заканчивалось, и следовало собираться на встречу с Магистром.

— Я не хочу никуда идти. Я хочу тебя, — страстно прошептал он ей на ушко.

— Я тоже, — промурлыкала сладко Леонор, — ее рука заскользила по рельефным кубикам мужского пресса, и ниже. — Я тоже...

Барон уставился в стену задумчивым взором, внимание привлекла богатая картина, с широкой золоченой рамой. На полотне — высокий мужчина в отполированной до блеска броне. Гордое лицо, волевой выдающийся вперед подбородок, крючковатый нос. Рыцарь очень походил на Фарамонда, тот же проницательный взгляд, черты лица. Могучими руками

воин сжимает двуручный меч, острие опущено к земле, где лежит обезглавленное тело врага. Длинные черные волосы рыцаря развеваются ветер, а позади, возвышается величественная Черная башня.

Недалеко от стены, на трех массивных каменных ножках, вытесанных в виде колон, лежит гранитная изукрашенная резьбой и позолотой столешница. На ней фигурные подсвечники из червонного золота, широкий поднос из старинного серебра, а на самой середине лежит пожелтевшая от времени колода.

Фарамонд остановил взгляд на толстой стопочке карт, смотрел внимательно, будто подсчитывал количество:

— Так как ты нашла карту?

— Я же тебе говорила, — раздраженно сказала Леонор, — Бриан сам сказал, где ее оставил. Мне оставалось лишь забрать.

— Так просто? Не может быть, чтобы старый упырь не поставил ловушек. Бриан все прятал, сколько я его помню, — с недоверием спросил Фарамонд.

— Если бы ты не потерял сознание, то сам бы увидел, — фыркнула Леонор, скрестила руки на прелестной груди.

— Не злись, — примирительно сказал Фарамонд, обезоруживающе улыбнулся. Сорится с Леонор он не собирался, тем более что теперь не известно кто одержит верх в схватке. Обезглавить одного из Архонтов, хранителей старшего Аркана — мог только равный им по Силе. Ему, Фарамонду, сил на такое не хватило тогда, не хватит и сейчас. Конечно, Леонор хорошо с ним, их многое связывает, они давно вместе. Но это не мешает вонзить в сердце любовника стилет, когда речь пойдет о собственной шкуре.

— Я не злюсь, — холодно ответила Леонор, надула губки, — чего скалишься? Не веришь мне? Я ведь чувствую, что не веришь. Может, ты и умеешь скрывать свои мысли, Фарамонд де Блуа, — сверкнула глазами маркиза, — но не от меня. Только не от меня.

Фарамонд опустил взгляд, провел ладонью по густому ворсу тигриной шкуры. Шерсть приятно ласкает кожу, багровый свет за окном все глубже пробирается в комнату, по полу уже тянутся длинные алые полосы, прямо как на шкурах тигров. Барон тяжело вздохнул, в груди ныло, будто кулаками по ребрам прошлись.

— Ты спасла мне жизнь, как я могу не верить тебе? — твердо сказал Фарамонд. — Но я волнуюсь, как бы Сила не навредила тебе. «И мне, — подумал он, — но вслух не произнес».

— Я смогу защитить нас, — ответила Леонор, изогнув бровь дугой, — ведь старший Аркан теперь наш. А значит, мы вправе войти в круг магистров.

— Ты вправе, но не я — проворчал Фарамонд.

— Не важно, — отмахнулась она, хотя понимала, что только хозяйка карты может присутствовать на собрании Ложи, — Владыка наградит нас обоих. Он давно хотел поменять хозяина Башни. Теперь, когда Бриан мертв, Черная башня будет служить новому хозяину аркана.

— Да, — мрачно произнес барон, — но я напому тебе, что это самая опасная карта Старших Арканов. Все знают это, даже адепты. Действие, олицетворяемое Башней, очень сильно, и ее указание сбывается тотчас же. Она не оставляет времени на размышление, на сомнение, и не прощает ошибок. Но самое страшное, что она не дает времени и на подготовку. Ее удар всегда неожиданный и мощный, как удар молнии. Бриан убедился в этом на собственной шкуре.

— Я всегда действовала интуитивно, — парировала Леонор, но Фарамонд видел как

округлились зрачки, почти заполнили чернотой серую радужку, грудь заходила часто-часто.

Барон сглотнул ком в горле, спросил тихо:

— Это еще одна причина, почему я не хотел трогать старика. Лучше бы придавили твоего мужа.

— Но он мог оказаться пустышкой, мы не знали что Анри хозяин карты. Ошибись мы, и тогда ты..., - Леонор тяжелым взглядом уставилась на Фарамонда, — тогда было бы слишком поздно.

Барон отмахнулся:

— Забудь! После боя кулаками не машут, как есть — так есть. Поздно что-то менять. Но мы должны отыскать твоего муженька, если все именно так как ты рассказывала — мы быстро найдем его и отберем Мага. А это славная победа! Ведь из двадцати двух Старших Арканов, только половина принадлежит Черной Ложе, остальные у Белых. Их никто не видел, никто не мог отнять у них Аркан. А теперь у нас появилась возможность его заполучить.

Фарамонд хищно сощурился, в глазах заблестели алчные огоньки:

— Это навсегда изменит баланс сил в нашу сторону, в сторону Владыки. Он щедро наградит нас.

— Я уже посылала за ним, — неохотно отозвалась Леонор, отвела взгляд. — Они не вернулись. Мне некогда было проверять, но думаю они погибли.

Фарамонд насторожился, пальцами нервно застучал по деревянным перилам: Если маркиз смог уйти от преследователей, или еще хуже — убил их, тогда в его руках может оказаться пластина. Скларт — редкий артефакт, только рыцарь Ложи мог носить его. Правда, для глупца-маркиза это всего лишь тяжелый каменный прямоугольник. Но в умелых руках... Фарамонд стал в задумчивости тереть пальцами переносицу. Нет, он не сможет пользоваться склартом, только темные могут. Но потерять артефакт — тоже промах, Архонтам это не понравится, ой как не понравится...

— Что скажешь магистрам? — сухо спросил барон, нахмурил брови.

— А зачем им говорить? — ответила Леонор с хитрецей, — не спросят — не скажу.

— А если спросят? — раздраженным тоном спросил Фарамонд, — а они обязательно спросят! Глазки строить будешь?

— Что ты себе позволяешь! — зашипела Леонор, сверкнула глазами, — я между прочем, теперь тоже магистр!

— Да-да, извини, вырвалось, — извинился Фарамонд, примирительно положил ладони на напряженные плечи блондинки. — Я просто перенервничал.

— Я понимаю, — кивнула маркиза, — но держи себя в руках. — А что с Бланом и Ивом?

Фарамонд вмиг переменился. Взгляд помрачнел, над переносицей проступила глубокая складка, на скулах заходили желваки, а голос стал злой и сиплый:

— Они мертвы. Это вынужденный гамбит, пешки часто погибают в игре...

* * *

Ив лежал на сыром камне, распластаный как жаба. Длинные волосы, запятнанные кровью, падали на лицо. Из уголка рта по щеке вниз тянулась багровая полоска. Ив вздохнул,

в легких забулькало. Он зашелся громким кашлем, губы окрасились алым. Пузырящаяся кровь побежала по широкому подбородку. Блан сидел рядом, на земле, пальцами без брезгливости отодвинул с лица брата прилипшую прядь. Открылось крупное, такое знакомое лицо. Скулы напряжены, подбородок, и здоровенная шея обильно окрашены алым. Но глаза с прежней смелостью смотрят вперед, нет в них ни капли страха ни сомнения. И нижняя челюсть, все так же упрямо выпирает вперед. Вот только носом сопит как раненый медведь, и в груди булькает все страшней...

Блан спросил тихо:

— Ты как?

Он не ответил, весь был залит кровью, на груди кровоточила открытая рана. Еще одна жуткая, с рваными краями, зияла на боку. Блан с легкостью видел подрагивающие сизые пластины легких сквозь дыру в теле. И кончики разрубленных ребер торчат наружу, казалось это оскаленные зубы дикого зверя. Ив застонал, двинул глазами. Блан вздрогнул от неожиданности, темно-коричневые глаза взглянули прямо на него:

— Воды... — прохрипел Ив.

— Ему же пробили сердце! Вон дыра какая! — воскликнул Даргор изумленно, — почему же он жив?

— Дай воды, червь..., - ругнулся Ив, плюнул густой кровью под ноги альфарцу. — А то придушу...

— Не разговаривай, береги силы, — нахмурившись, ответил Блан, отстегнул от пояса походную фляжку.

— Как он может жить с такой раной? — выкатив на лоб красные глаза, все повторял альфарец, — невероятно!

— Он не человек, — мрачно произнес Блан, зыркнул исподлобья, — как и я.

— Никогда не видел ничего подобного, — выпалил Даргор, восторженно, — даже не слышал о таком!

Блан поспешно вытащил фляжку с вином, приложил к губам брата, Ив жадно припал к отверстию пересохшим ртом. Альфарец с живым интересом следил за каждым движением великана, все силясь понять как ему удастся жить с такими страшными ранами.

— Фигляром был, фигляром и сдохнешь, — прохрипел Ив, — я воды просил а ты мне вино в глотку льешь.

— Тебе не угодишь, — пробурчал Блан незлобиво, видно было, волнуется за брата, на лбу пролегли глубокие складки, скулы напряжены. Исчезла с лица глуповатая улыбка.

Даргор наконец опомнился, отодрал рукава туники, бросился к раненому, торопливо принялся туго перевязывать грудь. Ив морщился, жадно прикладывался к фляжке, казалось, сейчас проглотит ее целиком. В продырявленной груди продолжало скверно булькать, из ран толчками продолжала литься кровь. С каждым мигом ее становилось все меньше, уже не бьет фонтанчиком, еле льется, стекает ручейками по широкой могучей груди.

— Брось тряпки, ушастый, все равно подохну, — Ив с трудом растянул губы в улыбке, стали видны длинные как у волка клыки, во рту красно от собственной крови. — Кто ж за тобой смотреть будет, братец-недотепа...

— Не умирай, Ив, — прошептал сдавлено Блан, взволновано тер ладонью вспотевший лоб — не умирай...

— Я обещал матери, Блан. Я ей обещал...

Великан затих. Могучие руки разжались, выпустили фляжку, та глухо звякнула о камень

и откатилась в темноту. С тихим бульканьем полилось душистое вино из горлышка, смешиваясь с свежей кровью, что залила каменный пол подземелья.

Блан поджал губы, руки сжались в кулаки до обеления. Он заставил себя посмотреть на брата, хотя так хотелось отвернуться и закрыть глаза, по щеке побежала скупая слеза. Сердце тяжелыми ударами разламывало грудь изнутри. Никогда он не думал, что увидит такое, не верилось, что несокрушимый Ив погиб. Ведь старший брат с детства защищал его от всех напастей. Он же и научил держать клинок, рядом с ним Блан вырос и окреп. Даже с первой своей женщиной он познакомился благодаря брату, хотя и пришлось отбить у него красотку....

В груди защемило, в душе чернота. Боль вошла в сердце, как огромный нож. Невидимое холодное лезвие вспоролло грудь и двинулось выше к горлу, он задышался, кричал, слезы брызнули из глаз. Он схватился за голову, и целые локоны волос остались в скрюченных пальцах, когда опустил кулаки вниз. Страстно захотелось умереть именно сейчас, отправится в ад вместе с братом! Чтоб и дальше идти вместе.

Ив лежал на спине со все еще открытыми глазами. Он выглядел как всегда свирепым, но лицо спокойное, разгладились складки на лбу, глаза смотрят в темноту подземелья напряженно, с вниманием, словно видят нечто важное, будто там в той точке открывается дверь в иной мир. Ив очень не любил таких переходов. Теперь ему пришлось отправиться в путь одному, и некому ободрить его, тряхнуть за шиворот, сказать: Эй ты, громила, что, неужели испугался!

Блан упрямо выпятил нижнюю челюсть, покачал сокрушенно головой:

— Этого не должно было случиться, не должно... Фарамонд предал нас.

Даргор стоял рядом, тихо смотрел как расползается по камню красная лужа, тонкие струйки алого бегут между трещинами в плитах, будто продолжают жить, стремятся выбраться из подземелья. Блан со злобной ухмылкой вынул из ножен острую как бритва шпагу. Склонился над телом погибшего, бережно вложил рукоять в еще теплую ладонь брата:

— Ты задал ему жару, Ив. Я слышал, как треснула кость, как ошарашено он смотрел. Если бы не рана, ты бы разрубил его пополам. Ты бы разрубил...

Блан сомкнул пальцы брата на эфесе шпаги, заботливо сложил толстые как бревно руки великана на груди. Сквозь поры на коже Ива уже начинал прорезаться темно-бурый ворс, густой звериный.

— Что это с ним? — мотнул головой Даргор.

— Он уходит, — тихо ответил Блан, прикрыл глаза.

Могуче тело Ива все больше покрывалось шерстью, удлинились пальцы на руках, громадные ладони стали еще шире, ногти пожелтели, вытянулись, теперь напоминают звериные когти. Череп с треском раздался в стороны, черты лица еще человеческие, но нос выдался вперед, раздулись скулы, густой ворс покрывает лицо почти целиком. Уже не лицо — звериную морду. Маленькие темные глаза все так же смотрят ввысь, сквозь каменный свод подземелья, толщу земли. Перед Бланом лежал уже не его брат, а огромный пещерный медведь.

— Невероятно! — воскликнул Даргор изумленно, — оборотень! Они же исчезли тысячелетия назад.

— Не все, как видишь, — Блан хищно оскалился, демонстрируя длинные белые, блестящие как жемчуг клыки.

— Вижу, — крикнул альфарец, с лица исчезла прежняя надменность, во взгляде появилось уважение.

— Нужно убираться отсюда, — бросил Блан уже на ходу, — если Фарамонд мертв нам придется не сладко, а если жив — я сам его убью!

Даргор поспешно зашагал следом, только сейчас заметил, что на поясе оборотня теперь не шпага, а массивный широколезвийный палаш, которым прежде орудовал Ив. Противно чавкала грязь под ногами, засасывала, норовила стянуть сапоги с ног. Туннель изгибался, как дождевой червяк, сначала только из стороны в сторону, а затем, и наклонной вниз, затем резко — вверх. Трудно было понять, зачем строители рыли так странно, ведь боковых ответвлений почти нет?

Блан уже не шел, почти бежал по туннелю. Даргор шлепал за ним, не отставая ни на шаг. Тут еще больше пахло сыростью и грибами, в воздухе витал затхлый запах тлена. Впереди уже виднелся узкий проем.

Альфарец с опаской поглядывал на напряженного как струна оборотня: А вдруг обвиняет в смерти брата, выместит зло на мне? Пальцами коснулся грубых краев рубца, на шее. «Он убьет меня, в любом случае, ведь я верен барону, и клятву нарушить не могу».

Блан неожиданно замер перед самым выходом, с проворством змеи выдернул палаш из ножен. Развернулся лицом у альфарцу, тот вздрогнул как осиновый лист:

— Я дам тебе шанс, — спокойно сказал оборотень, — поможешь мне, я убью Фарамонда и тогда ты свободен от клятвы.

— Хорошо, — кивнул Даргор, по горлу вниз опустил комок, — разве у меня есть выбор?

— Есть, конечно, — лукаво ответил Блан, сверкнул глазами, — но тебе не понравится.

Альфарец отвел взгляд: Из чего тут выбирать, не соглашусь — зарубит, и моргнуть не успею. Оборотень шустрый, как мангуст. Только выглядит небрежным, а в бою настоящий змей — холодный и быстрый. А соглашусь — тоже умру, барон увидит, что предал и тут же сердце лопнет.

— Пошли, — негромким, но твердым голосом сказал Блан.

Даргору показалось, что оборотень улыбнулся уголком губ, значит не зарубит, от сердца отлегло. Ветерок донес тяжелый запах смерти. Пахло свежей кровью, горелой плотью, тошнотворный сладкий запах ударил в ноздри, желудок скрутило в комок. Блан упал лицом вниз, земля задрожала. Впереди, от земли до небес тянулась громадная черная воронка. Страшные кольца дыма вращались с бешеной скоростью. У альфарца от них зарябило в глазах. Перед ним со страшным грохотом и треском обрушилась стена замка, будто исполинская дубина вдарила по каменной кладке. Один из осколков впился Даргору в бедро, по ноге побежала алая струйка.

— Падай, недоумок! — прокричал Блан, ударил палашом альфара под колено. Даргор тяжело рухнул наземь, схватился за ногу, торопливо оглядел: Цела, Блан бил плашмя.

Вихрь ревел и извивался как раненый зверь. От гула закладывало в ушах, пыль летела в глаза, набивалась в рот и ноздри. Блан сложил ладони домиком, всмотрелся вдаль. Там вдалеке, за паволокой черного дыма и пепла, двое людей вошли в вихрь и исчезли. Лиц он не видел, но догадался и так.

— Он уходит! — выкрикнул оборотень в сердцах, — уходит, падаль!

Даргор с облегчением вздохнул: смерть все норовит ухватить его за горло, но, кажется, вновь отпускает.

Черная воронка разбросала в стороны горящие головы, огонь гудел гневно, трещал, брызгался искрами и жаром. В воздух поднялись серые тучи пепла. Рядом с Бланом наземь шлепнулась отрубленная голова герцога, на камне осталось мокрое пятно, ветер тут же припорошил, накрыл пепельным покрывалом. Страшным градом падали изуродованные, изрубленные тела наемников. Окровавленные руки, ноги, внутренности. Даргора вывернуло наизнанку.

Блан чувствовал ярость Силы. Дрожала земля, разломилась, по ней паутиной протянулись длинные тонкие трещинки, будто внизу под толщей земли проснулась ревущая бездна, вулкан. Такая мощь пугала, оборотень засомневался: Что может он противопоставить такому могуществу? Старик мертв, а значит Старший аркан теперь у Фарамонда. Он — Архонт, магистр Ложи. В одиночку с ним не справится. Бросаться на рожон — глупо.

Вихрь поднялся в воздух, вытянулся в тонкую черную струну, от земли до небес. Вдалеке прогремело, обрушилась южная стена замка, лавина камней и пыли низринулась с утеса вниз. Когда пыль улеглась, то оглушенный Блан увидел, что вихря больше нет.

Посреди площади, на месте костров чернеют двенадцать вырубленных в каменной толще глубоких котлованов. Достаточно широких, чтобы сложить на дно сотни изрубленных тел. И хотя ямы сейчас пустые, в некоторых, на дне лежат обожженные кости. Ритуальное сожжение, герцог пробуждал силу камня крови, — догадался Блан, поднялся на ноги, отряхнул с одежды пыль и золу. Взгляд оборотня прошелся по округе: Впереди черной уродливой грудой возвышается полуразрушенная твердыня. Южная стена продолжает медленно раскрашиваться, осыпается в бездну. Пройдет еще немного времени, и часть замка последует вслед за ней.

Блан посмотрел под ноги: тусклое алое свечение, под толстой коркой пепла, будто там внизу горит маленький огонек. Осторожно, острием палаша баронет ковырнул землю, наружу вынырнул громадный алый камень. «Рубин крови, артефакт герцога». Блан нагнулся и взял драгоценность в руки, отер от грязи.

— Теперь ты послужишь мне, — ухмыльнулся хищно оборотень. — Проклятый камень, погубивший мой народ.

Глава 11. Путь Воина

Иноземье. Хорасанский каганат. Остров Варрант.

Анри приложил к разбитым губам флягу, медленно с наслаждением отхлебнул отвара, как ни старался, а немного пролил. Зелье зеленой струйкой побежало по подбородку, искрящимися каплями упало на грудь. Он отерся ладонью и лишь недовольно цокнул языком. Наконец пришел в себя, глаза удивительно ясные, куда и подевался прежний мутный взгляд.

— Как ты? — спросила Ситара заботливо, — голова не кружится?

— Нет, не кружится. Я в порядке. — отозвался Анри, улегся спиной на разогретый солнцем камень.

— Я так испугалась...

— Честно говоря, я тоже — сообщил Анри. — А ты-то сама как?

— Уже успокоилась, — ответила девушка, отерла красные от слез глаза. — Еще немножко времени пройдет, и снова буду улыбаться.

Ситара поднялась на ноги, оправила руками волосы, мокрые дорожки все еще блестели на щеках.

— Мне до сих пор не понятно, как ты выжил? Ведь ты не сделал выбор. Входящий во врата всегда делает выбор, и тогда одна из сторон Свет или Тьма принимают его. Я тоже проходила этим путем, видела страшный лик. Он вопрошал, являл картины из будущего и прошлого. И тогда я увидела свет, это был источник Жизни. Чем-то он напоминает восход солнца, такой же мягкий и радостный, только свет белый. Наверно я плохо объясняю, — смутилась Ситара, отвела взгляд.

— Нет-нет, я все понял, — возразил Анри, довольно обнажил крупные зубы, — рассказывай, пожалуйста. Для меня все так ново.

Ситара заложила руки за голову, потянулась вверх, к небу. Лучи светила скользили по телу, бронзовая кожа заблестела, как дорогой атлас или шелк. Она была, как всегда, полуобнажена, Анри все удивлялся, почему девушка не мерзнет. У самого маркиза от горного воздуха кожа покрылась мелкими пупырышками, а Ситаре хоть бы что, словно пропиталась теплом от жгучего летнего солнца, и теперь не мерзнет. У Анри не менее густой солнечный загар, коричневый отликает бронзой, но на ветру дрожит, как ссохшаяся ветвь, радостно ловит каждый лучик утреннего солнца. Анри в задумчивости потер подбородок, хмыкнул:

— Мне даже смотреть на тебя холодно.

— Я с детства закаляюсь, у меня отец ивановцем был, приучил к холоду, — ответила Ситара, отерла с лица последние слезинки.

— А меня трясет как в лихорадке, — с грустью сказал Анри, отвел взгляд, — даже стыдно, хрупкая девушка не мерзнет, а крепкий мужчина дрожит как осиновый лист.

— Ничего, со временем не будешь, если захочешь, конечно, — ободрила она, — по утрам и вечерам купание в холодной воде и за месяц другой привыкнешь к холоду. Даже нравится будет.

— А артефакты мы должны очистить, — Ситара с тревогой посмотрела на Анри. — Скларт и альвский камень слишком долго находились в руках приспешников черной ложи.

— Ясно, — кивнул маркиз, — а с инициацией что? Я ее прошел?

— Нет, — тихо сказала девушка, нервно закусив верхнюю губу, — это меня и беспокоит. У тебя нет ни инициации, ни оружия. Но ты по-прежнему жив, ты можешь использовать артефакты Харна, но и альвские тебе не вредят. Ерунда какая-то, я такого никогда не видела.

Анри лениво растянулся на теплом от солнца камне, руки заложил под голову, сощурился как кот. В голове ни одной мысли, гуляет ветер, как и в животе, только что не урчит. Воздух до сих пор пах свежестью, дразнил, раздувал огонь в желудке, есть хотелось все сильнее.

— Не знаю, но почему-то я голоден как волк, — сказал Анри виновато, — у нас осталось еще что съестное?

— Погоди, — сказала она тревожно. — Ты брал их оружие?

— Чье? — повел бровью Анри.

— Карлика и горбуна, — уточнила Ситара, сосредоточенный взгляд уперся в маркиза.

— Топор, я отрубил горбуну руку его топором. Но потом бросил — ответил Анри после краткого раздумья. — Это важно?

— Да что же происходит...

Между бровями девушки пролегла глубокая складка, взгляд устремился вдаль. Она ладонями накрыла виски, вздохнула тяжело: «Никто не мог касаться чужого оружия, харнских артефактов, никто не выходил из Врат не получив инициации. Говорят, только глава черной ложи мог входить, когда ему заблагорассудится. Но если бы Анри был осквернен, альвский камень искалечил бы его, если не хуже... Когда то адепт черной ложи ухватился в бою за рукоять моей сабли, как же он орал, будто заживо жгли. А Анри дрался саблями и хоть бы что. И самое главное сердце. Сердце у него чистое. Как такое может быть?».

— Я опять накуролесил? — спросил он ровным голосом.

— Нет-нет, ты все правильно сделал, — сказала Ситара, вздохнув. — Ты спас меня, и смог пройти возле Врат, хотя и не понимаешь насколько это опасно. Ведь то, что ты видел — не сон. Это очень высокий мир. За теми Вратами — порталы в другие реальности. Я подвела тебя туда, но дальше ты шел сам. Лишь когда тебя стало втягивать в бездну, я вмешалась. Инициация не закончена, ты не сделал выбор и не получил оружия.

Анри пожал плечами.

— Я не могу объяснить тебе, что делаю, и как? А оружие... Почему бы не взять то, что они принесли с собой?

— Нет, — Ситара раздраженно мотнула головой, длинные черные волосы разметались по плечам, — нельзя брать, на нем скверна. Я даже коснуться его не могу.

Она посмотрела на темное лезвие топора, не смотря на солнечное утро, по кромке не бегут искрящиеся сполохи света, не танцует огонь. Будто кто извалял сталь в смоле или грязи. Такое оружие поглощает свет, как и скларт. Его выковали харнские мастера из далекого прошлого, для того чтобы убивать светлых..., раны от такого оружия не заживали и гноились, а раненые вскоре погибали от недугов и болезней. Светлый же не мог и коснуться подобной мрази, руки тотчас покрывали гадкие язвы, иногда оставались черные следы на теле, глубокие, с рваным краями. Такие раны также плохо заживали, а уродливые сизые рубцы болели еще многие годы.

Анри так и лежал бездумно, глядел в небесную синеву, он любил следить за

проплывающими облаками, мечтать о чем-то отвлеченно. Рядом почти недвижимо сидит Ситара, обхватила колени руками и молчит, смотрит куда-то вдаль. Наверняка думает, что теперь делать. Пускай думает, у нее опыта больше. А мне бы просто хотелось покоя. Чтобы не гонялись за мной ни карлики, ни горбуны, ни полоумные колдуны... Анри вздохнул. Теплая спина девушки все сильнее греет бок, приятно, даже шевелиться не хочется. Вспоминаются вечера в замке, у камина, потрескивают тихо дрова, взлетают в воздух игривые искорки, хитровато смотрят алыми глазками из золы угольки.

В воздухе пронеслась стая визгливых птиц, чем-то похожих на гусей, крупные серые, шеи тоже длинные, но кричат иначе, как-то печально. Анри ходил охотиться на гусей осенью, со своим псами. По облетелой листве шагал тихо, за ветром, псов оставлял у заводи, чтоб не шумели..., Анри замечтался и едва не заснул, и вдруг все оборвалось.

Вдалеке тревожно взвыл боевой рожок, пронзительный звук больно резанул по ушам. Анри даже расслышал, гневные голоса, так похожие на звериный рык, втянул воздух, стараясь уловить запах тех, кто приближается. Ситара уже вскочила на ноги, сабля в руке, внимательный взгляд ощупывает каждый камешек в округе.

— Что это? — с тревогой спросил Анри.

— Хорасанци, жители Варранта, — ответила девушка, торопливо подхватила сумку с земли, — нужно уходить.

— Они нас ищут?

— Вряд ли нас, — ответила Ситара с мягким укором, — но нам не следовало так беспечно тут рассиживаться. Наверняка их шаман почувствовал Силу.

Послышался лязг стали, треск камня, но как-то странно: в такой тиши, да на ровном плато можно заметить врага за несколько лиг, но голоса и шум зазвучали почти рядом. Словно из ниоткуда появился обнаженный до пояса мужчина в пятнистой звериной шкуре. Кожа не просто прокаленная солнцем, а обожженная до черноты. Незнакомец походил на мавра или арапа, но глаза раскосые, как у уроженцев востока, и волосы длинные и прямые, чего у арапов отроду не бывает.

В длинных узловатых руках темнокожий воин сжимал гладкий черный посох, увенчанный бронзовым навершием в виде бараньей головы.

— Стой, — резко сказал незнакомец, — Тахукар пришел с миром, мы будем говорить.

Анри молчал, внимательно следил за каждым движением странного темнокожего воина, тот сложил руки лодочкой на груди и поклонился в приветствии. На запястьях и на предплечьях вспыхнули на солнце широкие золотые браслеты. Мужчина положил посох на землю, черные маслянистые глаза не отрывали взгляда от Анри. Казалось до Ситары ему вовсе нет дела.

Арап был высок, выше даже самого Анри на голову, и пускай не выпирают буграми мускулы, а в плечах — широк, могучая, черная как сажа грудь красиво лоснилась на солнце. На плечах, словно на боевом стяге, красовалась шкура пятнистого хищника, свирепого ягуара или может хитрого леопарда, Анри не знал.

— Я Анри, а это моя спутница Ситара, — ответил твердо маркиз, — о чем ты хотел говорить с нами, Тахукар?

— Я вождь и великий воин своего племени, — сказал темнокожий с достоинством, — Наш шаман сказал что здесь, на этом плато мы найдем самого могучего воина. Я хотел бы с ним сразиться, чтобы узнать, так ли он могуч, как говорят духи.

Анри хотел возразить и уже разинул рот, но Ситара больно ущипнула его за локоть.

Незнакомец небрежно бросил на землю звериную шкуру, скрестил ноги и уселся на нее сверху. Маркиз прислушался, но больше не слышал, ни лязга стали, ни звериного рыка, ни тревожного воя рожка. Словно все ему приснилось или почудилось. Не мог же один пускай и такой здоровый воин наделать столько шума? Или он действительно настолько велик, что и гул подымает как целая армия?

— Ты и есть величайший из воинов, Анри? — спросил темнокожий.

Анри молча пожал плечами, что тут скажешь?

— Да, вождь, это он, — ответила дерзко Ситара, присела на дорожную суму, как раз напротив воина.

Тахукар хмыкнул, живые блестящие глаза с интересом всматривались в спокойное лицо девушки.

— Если бы я не видел что ты женщина, подумал бы что воин, — спокойно произнес темнокожий.

Анри широко распахнутыми глазами все следил за Тахукаром, тот выглядел не то чтоб необычно, нет, ну черный как земля, мавр мавром, и раздетый до пояса, но это не удивительно, при такой жаре. Волосы пускай и жесткие, но тоже обыкновенные... Необычность разве в том, что прежде не встречал людей такого роста и комплекции. Высокий как пожарная башня и плечи широченные, хотя сам сухой. Но жилы как у коня выпирают, суставы громадные. К тому же незнакомец отмечен жестокой мужской красотой. Черное тело иссечено многочисленными шрамами. Во взгляде читается сила, ум, неутомимость, в черных блестящих как слюда глазах иногда пробегают огоньки. Такой воин многим опасней других: сдержанный и осторожный, в бою он превращается в одержимого, не знает усталости. Такого не одолеть одним лишь железом, а он в одиночку действительно может разбить небольшую армию. Охотно верится, что за таким вождем идут удалыцы, ибо у него впереди лишь победы, слава...

— Ты, наверное, проделал долгий путь, — сказал Анри.

Тахукар громогласно рассмеялся, маркиз оторопел, втянул голову в плечи. В груди забухало часто-часто, ему показалось, что в горах обрушилась лавина, и громадные валуны с треском сыплются на голову.

Солнечный свет пробежал по громадным ровным зубам воина, белизна как зеркало засверкала яркими сполохами, Анри почудилось, что во рту незнакомца пляшут языки пламени.

— Я не устал, — сказал он гулким басом, — но я удивлен.

— Чем же? — спросила хитро Ситара.

— Тем, что величайший из воинов дрожит как заяц, — Тахукар самодовольно ухмыльнулся.

Анри понял, что поступил опрометчиво, в животе напряглось, между лопатками пробежала холодная струйка пота. На этот раз он не дрогнул лицом, однако от темных глаз мавра не спрячешься, будто глядит в самое сердце.

— Ты не воин, — сказал он разочарованно. — Шаман ошибся. Ни один бог не сделает из тебя великого воина. Из нее да, — Тахукар покосился на Ситару, — но не из тебя.

Анри спросил невольно:

— Почему же?

Вождь горько улыбнулся.

— Потому что воин — не знает страха. А его сердце — чисто.

— Я это слышал, когда-то — буркнул Анри, нахмурил брови. В голове зашумела кровь, щеки залило румянцем. Кем бы ни был этот черный великан, а страх обходил его стороной. Маркизу стало стыдно за прорвавшуюся слабость.

Тахукар не сводил с него глаз, продолжал разглядывать пытливо, с живейшим интересом, как будто глядел на диковинного зверя из далеких земель.

— Анри, — сказал он почти по-дружески, — люди, которые верят в богов, но не верят в себя — глупцы. И таких — большинство. Есть и другие... Те кто верит в себя, но не верит в богов. Такие до поры много могут, но много страдают и теряют ум. Есть и те, кто не верит ни в себя, ни в богов. Это живые трупы, страх пожирает их изнутри, как червь. Любой может помереть прямо сегодня, но только тот по настоящему жил, кто глядел судьбе в глаза без страха. Такой, если выживет, может изменить многое. Ты слишком слаб чтобы быть великим воином, твой дух и ум — как ветерок.

Анри сокрушенно покачал головой, отвел в сторону тяжелый взгляд. В черепе все громче шумит кровь, лицо уже красное как раскаленный таз для углей, даже уши горят!

— И что мне делать?

— Откуда мне знать? — рассмеялся в ответ Тахукар, обнажил громадные зубы — этого не знает никто, кроме тебя самого. — Ты должен понять, кто ты есть, и тогда увидишь путь, которым идти. А я пришел сюда сражаться, а не учить тебя жизни.

Анри ответил вяло:

— Ты не знаешь, я не знаю, Ситара не знает? Кто же тогда? Не могу же я просто ждать, когда меня зарубит какой-нибудь горбун, или застрелит прихвостень жены. Не могу же я прятаться и прятаться, бежать и скрываться всю жизнь.

— Нет, не можешь, — ответил вождь серьезно. — Тебя настигнут и убьют. Я бы убил. Жизнь нельзя усложнять, иначе теряется правда. Ты или бежишь или дерешься. Ты или охотник или жертва. Третьего нет. Но только глупец сражается с тем, что неизвестно, и там, где не подготовился.

Анри, посмотрел на Ситару, та словно воды в рот набрала, спросил неуверенным голосом:

— Значит, я буду драться. Несколько уже на тот свет отправил, может и дальше судьба мне улыбнется...

За широченной спиной вождя, простиралось чистое и прозрачное как стекло небо, казалось, громадный мавр завис в воздухе на звериной шкуре, как колдун из сказаний на волшебном ковре-самолете. Игривый горный ветер развеивал густые и толстые волосы вождя, так напоминающие конскую гриву. Сверху донесся тоскливый крик, Анри поднял взгляд, над головой кружились все те же серые птицы.

— Сражаться надо уметь, — сказал Тахукар настойчиво. — Размахивать оружием, пускай и умело, не значит, что умеешь сражаться. Многие их тех, кто держит в руках острую сталь, даже не задумывались о том, что такое бой!

Анри хмурил брови, морщил лоб, каждое слово стегало, как плеть по обнаженной спине.

— И что это значит? — буркнул он хмуро. Вождь в ответ обнажил крупные зубы, громко расхохотался.

— Это значит!.. Значит, что если ты не думаешь головой, а взялся за оружие, то наверняка уже проиграл. Когда ты сражаешься с врагом, то должен знать кто перед тобой, что или кто движет им, какая сила движет и покровительствует ему. А драться как

сумасшедший зверь, лишь ради крови — это недостойно человека.

Анри спросил вяло:

— А что достойно?

— Сложно сказать, — ответил Тахукар. — Жизнь всегда намного сложнее и одновременно проще слов. Слова — лишь пыль у подножия гор. Скажу что недостойно — не достойно плыть по течению, не искать своих слабостей, не бороться с собой. Только тот, кто победил слабости в себе — непобедим для врага. Потому что настоящий враг изучает тебя, он знает тебя лучше, чем любой друг.

— Чем больше ты говоришь, тем меньше я понимаю, — сказал маркиз, устало обхватил руками голову.

— Потому что слова бесполезны, если за ними нет опыта — ответил вождь твердо. — Хочешь, расскажу о воине, которому суждено было стать самым великим на белом свете?.. Который прожил тысячу лет, создал величайшую страну и даже боги приходили к нему за советом?

— Да, — кивнул Анри.

— Тогда слушай, у матери было два сына, два брата близнеца. Оба росли сильными мужчинами, умело владели оружием, никогда не обижали слабых, не нападали первыми, но и в обиду себя не давали. Однажды братья шли домой, была ночь, а на дороге по какой шли, сидел нищий. Старый такой путник.

Тахукар умолк, взглянул на Анри пристально, тот спросил жадно:

— Что было дальше?

— Старик сказал им: Я ваша смерть. Один из вас сегодня уйдет со мной в мир мертвых. Вы одинаковы, как две капли воды, а потому мне все равно кто. А второй, который останется, тому быть величайшим из воинов, и править этими землями тысячу лет. Знаешь, как они поступили?

— Нет, — покачал головой маркиз, — как?

— Братья очень любили друг друга и не могли решить, кто из них должен погибнуть. Каждый предлагал себя. Так сильна была их любовь. Тогда смерть плюнула, и забрала их обоих.

— Как же так? — возмутился Анри, — если они умерли, кто же стал великим воином?

— Им стал я — ответил, ухмыльнувшись Тахукар, — потому что не топтался на месте, думал головой и быстро принимал решения.

Анри слушал заморожено, задумчиво кивал. Перед глазами вставали живые картины двух могучих братьев, сухого старика в длинных мешковатых одеяниях, и шустрого Тахукара...

— Пускай эта история будет тебе уроком, — сказал вождь сухо. — Ты хоть что-нибудь понял?

Анри посмотрел на него с уважением, медленно кивнул.

— Я понял, что любовь и доброта не всегда правы. Что разум часто подсказывает более верное решение.

Тахукар устало прикрыл темные глаза, легко и бесшумно, как громадный кот поднялся на ноги. Очертания тела подсвечивало солнце, отчего казалось, что его от верха до низу окутывает золотистый кокон, сияние выглядело волшебным, словно нимб.

— Это все, — сказал вождь. — Запомни. Разум это оружие воина. Сердце — его щит. Нельзя сражаться щитом и защищаться оружием.

— Постой! — воскликнул Анри. — Позволь мне хоть как-то отблагодарить тебя.

Крупные губы Тахукара растянулись в скупой улыбке.

— У нас разные судьбы, но один Путь, — ответил он загадочно, величественно вскинул вперед руку. Лежащий на камне, в пыли посох подскочил, как живой, лег в раскрытую ладонь. — Каждый сам творит свою судьбу, я и другие могут лишь поделиться опытом.

Он развернулся, рука ухватила расстеленную на плато шкуру. Тахукар ловко закинул ее на плечи, и исчез, будто пустота проглотила его, растворился в воздухе, как утренний туман. Ситара осталась сидеть на земле.

— Что это было? — спросил удивленный Анри, крутил шеей по сторонам как журавль, — куда он делся?

Маркиз вслушивался в шепот ветра, шум осыпающихся с утеса камешков, тревожное повизгивание птиц в вышине. Все как и прежде, ничего иного не услышал. Вздохнул тяжело, провел рукой по волосам, и достал из-за пазухи плотный кожаный мешочек. Птицы в небе испуганно замолкли. Даже ветер казалось, притих, затаил дыхание и наблюдает, что случится.

Но ничего не произошло, Анри повертел в руках тяжелый мешочек, крепко сжал в ладони. Он развернулся лицом к спутнице, посмотрел на нее с благодарностью. Сердце стучало гулко и часто.

Тахукар возник из ниоткуда и исчез без следа, а это могло означать только одно: он либо могущественный враг, либо последователь Белой Ложи. Во всем предстояло разобраться, ведь враг не обязательно набрасывается с топором. Хитрый злодей опутает ложью и тайной, и тогда не поймешь где истина, а где нет. Но и настоящий друг стремится помочь, дает мудрый совет, но не делает за тебя работу. Пойми тут? Голова пухнет, ум запутался, но сердце... В груди стало легко, радостно. А маркиз всегда полагался на зов того что стучит в груди. Но нужно помнить и урок Тахукара: сердце без ума — слепо.

— Я узнала его, — тихо сказала Ситара, — это действительно великий воин. Один из двенадцати магистров ложи.

— Значит все-таки друг, — произнес Анри радостно, щелкнул пальцами. — Похоже на то, что у меня есть идея.

Глава 12. Между молотом и наковальней

Иноземье. Остров Варрант. Побережье костей.

Вдалеке загорался алым край неба, там, где его купол соединяется с блестящей гладью океана. Широкая кровавая дорожка бежит по волнам подрагивает, растекается в стороны. Багровое зарево подсвечивает снизу облака, раскрашивает радужными красками, такого прежде Анри не видел. Солнце превращается с горящую точку, все глубже проседает под воду. Часть облаков уже налилась теменью, как и раскинувшийся под ними океан.

Горы и утомительный переход остались позади. Анри оглянулся на Ситару, у той в глазах озабоченное выражение, уголки губ опущены, но шагает, как и прежде резво, ее округлые бедра все так же притягивают взгляд, как и высокая грудь. Маркиз улыбнулся спутнице, игриво подмигнул.

Он и не заметил миг, когда под ногами затрещало, земля опрокинулась, удар, он грохнулся навзничь, ошарашено смотрел в зловещее кровавое небо, загроможденное страшными лиловыми тучами. Спина и ноги ныли, вымаливая отдых.

— Еще не время, — прохрипел Анри, рывком поднялся на ноги и с досадой пнул ветку, что сумела так ловко сбить с ног крепкого мужчину.

— Надо на свои ноги смотреть, а не на чужие, — рассмеялась звонко Ситара.

На берегу пахло морской свежестью и водорослями. Нос щекотали незнакомые запахи, тихо и устало накатывали мелкие волны на берег, с шумом пробегали по песку, касались исцарапанных о камень ног. Коже становилось приятно, так и хотелось остановиться, торопливо сбросить одежду, и искупаться, хотя можно и не снимать убранства, заодно пыль отстирается. Океан манил прохладой и спокойствием, в котором так нуждалось изнуренное тело. Анри лишь нахмурил брови и двинулся вдоль берега дальше, к темнеющему вдалеке лесу.

Солнце укатилось за горизонт, берег утонул в темноте. Громадные тучи так никуда и не делись, не видать ни звезд, ни луны — одна бескрайняя чернота. Анри несколько раз проваливался ногами в песчаные ямы с водорослями и галькой. Выскакивал как ошпаренный, сперва показалось, что ноги опутали змеи. Анри даже вскрикнул. Когда упал снова, то уже молча, хотя больно ударился коленом о камни.

Поднявшись, вытер кровь с разбитого колена, дальше шел, глядя только под ноги и перед собой. Даже на океан не смотрел, шум волн отвлекал, так и подмывало разбежаться и прыгнуть в воду. Хотя почему бы и нет?

— Анри! — послышался сзади требовательный голос. — Ты не забыл? После заката купаться нельзя!

— Не забыл, не забыл, — уныло ответил маркиз, пнул ногой гальку, камешек булькнул и скрылся в воде. — Хотя все равно хочется.

Ситара уже не бежала как стройная лань, шагала сзади, упираясь в землю с таким усилием, будто тащила тяжело груженую телегу. Анри остановился, дыхание частое, тяжелое:

— Все, давай передохнем хоть минуту.

— Нельзя, — ответила, поравнявшись с ним девушка, — разве не видишь что в воде?

Анри протер глаза, прищурился. Ему не чудилось, в океане действительно возилось что-

то темное. Рискнул подойти ближе, присмотрелся: длинные острые плавники иглами торчат из воды, волны тихо хлопают по ним, вот уже видны широкие ноздри и зеленые горящие холодным огнем глаза.

— Что это? — в ужасе прошептал Анри.

— Наги, морской народ. Ночью когда не видно ни луны, ни звезд они выходят на поверхность. Нам надо спешить, — бросила на ходу девушка.

Анри поспешно побежал вслед за ней, прихрамывая на ушибленную ногу.

Спасительный лес оказался совсем рядом. Издали черный и страшный он пугал не меньше холодного взгляда морских обитателей, и, лишь когда оказался под покровом теплых и влажных листьев, Анри ощутил себя в безопасности. За широкими стволами деревьев тепло и уютно, не продувает насквозь колючий морской ветер, как тут не расслабиться. Ситара бросила на широкий корень походной мешок, сказала устало:

— Ну вот и долгожданный привал.

— Ты отдыхай, а я покараулю, — предложил Анри сухим, как пересохшая трава, голосом.

Ситара не стала спорить, слишком устала для возражений, поспешно расстелила на земле мешок и скрутилась как кошка калачиком. Анри укрыл ее своей рубашкой и устроился рядом на широком и удобном, напоминающем кресло, корне. Поначалу ежился, шершавая кора неприятно скребла кожу, на обнаженное тело с листьев падали крупные холодные капли, зудели ушибы на ногах.

Воздух в лесу стоял густой и влажный, напитавшийся запахами трав и листвы, даже дышать тяжело, кажется, кисель ноздрями втягиваешь. Анри решил немного осмотреться. Идти старался тихо, но под ногами, то шуршали листья кустов, то хрустели мелкие ветки. И хотя маркиз, как опытный охотник, умел ходить тише мыши, сегодня ему не удавалось, земля под подошвами сухо пощелкивала. Хмурый как туча и недовольный собой он взобрался на поваленный ствол дерева и оттуда глядел в темноту.

Там на берегу, возле самой кромки волн, двигалась черная как уголь фигура. Песок под ней беспокойно шелестел, как опавшие листья в лесу. Иногда он слышал протяжные стоны, один из них прозвучал так близко, что Анри показалось: Наг стоит прямо перед ним! Маркиз едва не свалился с дерева вниз, больно ударился подбородком о шершавую кору, но удержался. Любопытство брало верх над рассудком, и он следил дальше, с сильно бьющимся сердцем, уверяя себя, что наги его не заметили, а просто ползают возле черты леса в поисках еды или еще чего.

Песок на пляже гладкий, укатанный волнами, словно наги специально утоптали для предстоящей битвы. Чешуйчатое воинство готовится ко дню, когда сможет выйти на сушу, вот и подготавливает поле боя. На песке ни ям, ни выбоин, вот только рассмотреть, что происходит там дальше, не выйдет — слишком темно. Может, морских созданий уже собрались могучие тысячи, а может, затаились и выжидают, стрекотания и стон поутихли.

Анри силился не заснуть, таращил глаза, вглядывался сквозь черноту под ноги, но так ничего и не заметил, веки потяжелели, в глазах жжет от усталости, так и подмывает уместиться на широком стволе, положить голову на руки, прикрыть глаза. Еще и сонная тишина вокруг, ни звука не слышно. Наги прекратили заунывно стонать, а лес молчал, будто вся живность, даже насекомые в нем вымерли, много лет назад, и так и не размножились.

Анри больно укусил себя за палец, чтоб не уснуть, слез со столба вниз, все равно ничего не видно, а наги близко к лесу подходить боятся, деревья и кусты для них чужие, вот и

обходят стороной. Хотя, кто его знает?

До середины ночи маркиз так и просидел в размышлениях о том почему наги не ходят в лес, и что же их, таких страшных и уродливых, может пугать. Додумать не дала Ситара, разлепила сонные очи, посмотрела мутным взглядом:

— Ляг, поспи немного, у нас завтра трудный день.

Анри предложение принял с радостью, итак клевал носом битый час. Тело уже не просто устало, а еле двигается, в каждый сустав, будто по раскаленному гвоздю вогнали. Думал не сможет и глаз сомкнуть, но спал как бревно, пока не шлепнуло по спине холодным и мокрым.

— Что, кто это? — сонным голосом сказал Анри.

— Вставай лежебока, — ответила Ситара, и вновь озорно стегнула длинным прутиком по ребрам.

— Ну и нравы, — проворчал Анри, перевернулся на спину, протер руками глаза.

Она быстро взглянула на его смущенное лицо, кивнула:

— Вставай, будем завтракать и в путь.

На импровизированный стол, из постеленной на широкий пень скатерти, легла широкая коврига хлеба, пара длинных желтых фруктов и тощий бурдюк. Анри посмотрел в сторону стола, облизнулся. Так и хотелось схватить буханку, прокусить хрустящую коричневую корочку, погрузить зубы в душистую мякоть, но подождал пока Ситара сядет рядом. Еды и так мало, да и воспитание не позволяло хватать как зверь.

Анри окинул скатерть взглядом, сказал досадливо:

— Тут и одному есть нечего, не то что двоим.

— Есть еще хлеб и малость сыра, но это на вечер — сообщила Ситара.

— Эх, сюда бы хорошо прожаренное мясо... чтобы без крови, с хрустящей кожицей. Лучше всего — молодого оленя. Такого чтоб не олененок, но и не стар. Да...

— Я мяса животных не ем, — ответила она, пожала плечами, — мне и так хорошо. Взяла со стола хлеб, разломала на две части. Большую отдала Анри, а меньшую оставила себе: — Ну, приятного аппетита.

— И тебе, — улыбнулся в ответ Анри и накиннулся на еду.

Некоторое время ели быстро и молча, потом маркиз вспомнил о манерах, заставил себя жевать медленнее, с достоинством.

Ситара сидела по ту сторону пня, в руке осталась лишь кожура от диковинного фрукта, глаза с интересом смотрят в сторону океана, рядом лежит открытый бурдюк, время от времени она медленно потягивает ароматный напиток, именуемый мате. Анри тоже с удовольствием пил этот дивный сок, хотя поначалу побаивался, что вновь провалится в мир видений, но когда увидел, что Ситара без опаски прикладывает к бурдюку, попробовал и сам. Вкус у мате — горьковато-сладкий, на любителя, но зато как бодрит. Мигом пропала сонливость из глаз, кровь по венам забегала с двойной силой.

— Хороший отвар, — сказал Анри, с уважением взглянул на спутницу, — ты опытный травник.

— Кое-что умею, — скромно ответила девушка.

— Я рад, что ничего не изменилось, земля из под ног не уходит, никаких видений, — рассмеялся Анри, — так мне больше нравится.

— Ничего, не переживай, — сказала Ситара хитро, — это зелье действует не сразу, а погода.

— Не может быть! — Маркиз наморщил лоб, — что опять?

— Шутка, — хохотнула она, — я тебя разыграла.

— Ах ты!

Анри игриво схватил ветку с земли, занял боевую позицию и сказал с напускной чванливостью:

— Вы нанесли моей особе тяжелое оскорбление — защищайтесь!

Ситара радостно рассмеялась, красивые синие глаза живо заблестели. Она проворно вооружилась прутиком и приняла вызов. Анри напал первым, неуклюже размахивал веткой, как примат, чем еще больше насмешил девушку. Тихий и безмолвный лес, наконец наполнился звонкими живыми звуками. Навеселившись вдоволь, путники стали собираться в дорогу. Благо вещей немного, весь скромный багаж помещался в вещевом мешке.

Анри первым направился к границе леса, руки на ходу накинули на спину слегка промокшую рубашку, пускай просыхает на ветру. Как только широкие стволы лесных исполинов остались за спиной, он вздрогнул, торопливо озирнулся. Ситара, сейчас выглядит очень встревоженной, смуглые щеки стали бледными, а в ярко-синих глазах затаилась темная, как ушедшая ночь, тревога. Даже роскошные агатовые волосы утратили ослепляющий блеск, крупные локоны выглядят тускло и безжизненно. Грудь девушки вздымалась часто, глаза неотрывно следили за дивной картиной.

Всюду по песчаному пляжу движутся низкие, но широкие вихри, похожие на струи тумана, только живые. Серая мгла кружится в мистическом танце, подрагивает. А дальше, уже в океане неспешно плыли черные пугающе огромные глыбы. Внешне напоминая скалы, они дрейфовали в разных направлениях, едва не сталкиваясь друг с другом. Издали могло показаться, что это кучи водорослей, нанесенные волнами за ночь, такие же очертания как у стога, и рыхлая поверхность. Но если присмотреться, то замечаешь, что вся глыба утыкана глубокими воронками, что угрюмо смотрят пустыми глазницами в раскаленное пылающее небо.

Солнца еще не видно, весь горизонт заложен плотными рядами туч. Объятые алым огнем они грудятся друг на друга, стараясь закрыть яркое сияние, но оно прорезает края, прорывается наружу красочными пучками.

Вершины плавучих глыб окрасились красным, теперь отчетливо виднеются дыры в их толстых боках, оттуда наружу свисают толстые как канаты водоросли, концы которых скрываются под покровом морских вод.

Анри первым заметил, что ветер с суши все усиливается, гонит уродливые кучи дальше в океан.

— Что за чертовщина? — сказал маркиз удивленно, покачал головой. — Никогда такого не видел.

— Я тоже, — шепотом ответила Ситара, — давай не будем спешить, посмотрим тихонько из леса.

Справа раздался потрясенный вскрик. Анри резко обернулся, там вдали под сенью леса стоит молодой воин дрожащей рукой указывает на плывущие по волнам глыбы. Тихо лязгнула сталь, Ситара шагнула вперед уже с оружием наголо. Воин вновь прокричал что-то на незнакомом языке, невысокий, в остроконечном, радостно сверкающем на солнце шлеме. Лицо открыто, начисто выбрит, смугл, больше и не разглядеть. Кожаный доспех, в отличии от шлема, перепачкан грязью, местами залатан. Будто воин снял его с убитого, или нашел на дороге.

— Кто это? — спросил Анри почему-то шепотом.

Взгляд Ситары был суров, лицо стало жестоким и непреклонным, а тело напряглось, костяшки пальцев побелели.

— Аккариец, — ответила она, с отвращением плюнула наземь.

Анри спросил в недоумении:

— Они служат Черной ложе?

— Нет, — мотнула головой Ситара, — такие как он, служат за деньги кому угодно. Грязные псы, у них нет чести.

Между деревьями в лесу заблестало оружие, показались мужские лица. Аккарийцы. Некоторые, как и первый, в островерхих стальных шлемах, остальные в забавных кожаных шапках. С другой стороны, та что ближе к океану, и где лес не такой густой, торопливо выбежала целая ватага смельчаков с нелепыми копьями. Главный, в шлеме с ленточкой что-то крикнул, войны засуетились, послышался треск, загремели конские копыта, из лесу показались желтые тенты повозок.

Анри заметил, как насмешливо улыбнулась Ситара, как в ее умный и чистый взгляд закралось презрение. Наверняка действительно мерзкий народ, подумал он, иначе не смотрела бы так. И зачем вся эта толпа тащилась с телегами через лес к берегу?

Из лесу появлялись все новые и новые войны, сновали как муравьи, и все как один низкорослые, кривоногие, с длинными почти до колен руками. Телеги со скрипом одна вслед за другой выкатывались на песчаный берег. Воздух заполнился незнакомыми визгливыми голосами, в ноздри пахнуло тяжелым животным запахом, земля вздрагивала, вскоре стал различим и терпкий аромат кожи, смазанных маслом поясных ремней.

Между рядами воинов вдвинулась в поле зрения массивная стальная гора: на черном как воронье перо коне, что и на коня уже не похож, коротконогий, но длинный как пес. — Наверняка вождь, или король, — подумал Анри. Из леса повеяло еще большим смрадом, и не удивительно, вслед за предводителем на берег выехала целая колонна всадников. Все как один в горящей на солнце броне, с кривыми мечами на поясах, островерхих, как круглые пирамидки, шлемах.

— Почему мы их не слышали? — спросил удивленно Анри.

— Они сюда пришли не сами, — ответила девушка мрачно, — кто-то открыл портал.

Анри с недовольством покосился на предводителя воинов, наверняка он и есть «кто-то». Хотя издали ничего необычного, похож на всех военных, каких Анри встречал не раз: массивный, жилистый, гордая осанка, уверенные и чуть резковатые движения. Но лицо молодое, не в пример другим генералам, и конь под ним могучий, играет, почти вытанцовывает. Значит зверь уважает его или боится, в любом случае, от таких как этот генерал хорошего не жди, наверняка опасный и сильный противник. Его цепкий настороженный взгляд сразу прощупал Анри, казалось, предводитель ищет что-то. Руки нервно теребят широкий с металлическими вставками пояс, где справа кривой меч, а слева — боевой топор, наверняка не терпится пустить и то и другое в ход.

— Что им нужно? — спросил Анри напряженным голосом, — не нравится мне этот генерал.

— От него веет злом, — сказал Ситара медленно. — Нам и так надо уходить, правда я не думала что так скоро.

— О чем ты? — произнес Анри нахмурившись.

— Этот берег, зовут берегом костей. Не самое хорошее место, но только здесь ты

сможешь узнать..., - она не договорила, торопливо развернулась в сторону, откуда скакал всадник.

Сердце Анри забухало часто и мощно. Запела сталь, всадник вытащил из-за пояса кривой меч. Сзади от моря идет холод, сверху горячим обдаёт солнце, блестящие волны отшвыривают лучи, те припекают еще и снизу, прямо под колени. Ветер с суши дул все нещадней, поднимал тучи брызг, те горели искрами, как самоцветные камни переливались всеми красками радуги, рассыпались градом по берегу.

Анри стоял как зачарованный, всадник уже перекосялся на левую сторону, на лице звериный оскал, раскосые глаза кровожадно блестят, меч, будто объятый пламенем, горит на солнце. Еще миг и голова маркиза шлепнется на сырой песок.

Ситара черной молнией пронеслась в дюйме от Анри, залиvisto и красиво зазвенела сталь, конь испугано заржал, галопом пронесся дальше, обдал Анри горячим дыханием, а всадник глухо как мешок зерна, свалился прямо под ноги. На сапоги маркизу брызнуло алым, мелкие капельки быстро впитались в ворсистую замшу. Ситара отерла клинок о кожаный доспех поверженного воина, тот еще дышал, грудь поднималась тяжело, с хрипами. Он не стонал, не кричал, тихо смотрел затуманенным от боли взглядом в небесную высь. Анри еще раз про себя отметил, насколько длинны руки у аккарийца. Хоть и низок ростом, а от плеча до кончиков пальцев ничем не короче его собственных.

— Ты убила? — изумленно спросил маркиз, — это же против твоих правил.

— Он жив, — процедила Ситара сквозь зубы, больно пнула лежащего по ребрам. — Просто двигаться не может.

— Спасибо за точный удар. Он мог стоять мне головы.

Анри положил руку девушке на плечо, легонько с благодарностью сжал.

— На здоровье, — кивнула она бодро. — Будем пробиваться к лесу или рискнем залезть в воду? Тебе решать.

— Мне? — пробормотал Анри, удивленно вытаращил глаза, — это почему же?

— Тебе пора вновь взять судьбу в свои руки, — серьезным тоном сказала она.

— Ладно, — сказал он шепотом, словно там, у леса его могли услышать. — Полезем в воду.

И не зря таился, вдалеке грозно протрубил рожок, воины забежали как мыши в чулане, сбились в кучу вокруг полководца. Свирепый ветер дул Анри прямо в лицо, забрасывал песком, слезы из глаз вышибал. Он поднял руку, поспешно убирая волосы с глаз, в этот момент генерал достал из-за пояса громадный топор, взмахнул в сторону берега и пришпорил коня. Колонна конников резво устремилась вслед за ним.

— Теперь к лесу все равно не пробиться! Остается вода! — прокричала Ситара. — Только осторожно, одному творцу известно, что это за глыбы.

Всадники держались в седле спокойно, уверенные в своих силах, ведь превосходят числом, в полной броне при оружии, только несколько задних, наверняка самые молодые, оглядываются по сторонам возбужденно. Но все до единого с опаской поглядывают на качающиеся, на волнах черные холмы. Кто знает что там? Только предводитель взглядом впился в Анри, так и мечет глазами молнии, ничего больше не замечает. Топор держит чуть позади себя, готовится на полном скаку, да со всего размаху...

Маркиз отвернулся, осторожно ступил ногой в воду, замшевые сапоги быстро потемнели, внутри захлюпало. Ситара следила за Анри внимательным взглядом, искоса поглядывала на конников, те выставили вперед кривые мечи, летят во все опор, земля

содрогается от топота конских ног.

Анри внимательно смотрел на широкие зеленоватые спины волн с белыми барашками пены, на зловещие глыбы, в сердце заползало сомнение. Не страх, маркиз не из пугливых, но опаска: А вдруг там верная смерть? Даже вода вокруг плавучих островков потемнела, покрылась черной маслянистой пленкой, не говоря уже о том, что может находиться внутри, под покровом черной слизи.

Анри горестно вздохнул: Проклятая земля, берег костей, слуги колдунов..., во что я ввязался! Позади уже слышно взволнованное ржание лошадей, тревожные возгласы воинов. Не меня же они испугались?

— Стой! — крикнул зычный голос, оттуда сзади. Анри расслышал даже сквозь топот конских копыт. — Стой! Там смерть!

Маркиз шагнул вперед, теперь уже по колено в воде, штаны намокли, облепили тело. Вода в океане еще по-утреннему холодная, обжигает кожу, но и бодрит. Лезть дальше совсем не хочется, тело пробирает озноб, кожа вся покрылась мелкими пупырышками, волосы на руках торчком. Анри сказал зло:

— Вот сейчас и остановлюсь, чтоб голову рубить было с руки.

Мало того что лезешь головой в пасть зверя, так еще сзади иглами тычут, давай, мол быстрее, не мешкай. Хочется ведь посмотреть как он тебя хрясь, и нету!

— Стой, глупец! — прозвучал настойчивый возглас уже ближе. Анри затылком чувствовал колючий, как копье взгляд, вода подрагивала от могучего топота целого табуна лошадей.

— Анри, они совсем близко, — взволновано прошептала Ситара.

Он понимал, от его выбора зависит и судьба девушки. От этого только хуже на сердце, на лбу прорезались глубокие складки, губы сжал напряженно, даже побелели. Так погиб дурак, и господь с ним, так нет, и Ситару с собой на дно потащит.

— А, была не была! — с досадой выкрикнул Анри и с разбегу прыгнул на встречу волнам.

Глава 13. Морские дьяволы

Иноземье. Остров Варрант. Побережье костей.

В воздух взмыли тучи мелких брызг, засветились на солнце живым золотом, градом шумно упали на воду. Там где стояли двое теперь лишь пляшут круги на воде, да насмешливо журчит пена. Генерал, не спешиваясь, зашел в море, хотя конь противился, недовольно фыркал, трусил головой. Но острые шпоры больно впивались в бока, и гордый скакун опустил голову, пошел вниз, остановился уже по брюхо в воде. Следом двинулась пара всадников, из самых смелых, что ищут славы и одобрения предводителя.

Воин, с красочной лентой на шлеме, спрыгнул с седла нарочито шумно, с показной удалью. Коня оставил у берега, а сам резвее всех двинулся прямо к ближайшей глыбе. Меч поднял над головой, вода доходила уже до груди, волны с насмешкой хлопали по лицу, заливали соленую воду в разинутый рот. Сотник гневно сплюнул на сторону, двинулся дальше. Генерал развернулся к всадникам, поднял вверх правую руку, дал знак ожидать, незачем всем соваться, разумный командир всегда бережет своих воинов.

Вода вокруг отважного сотника внезапно потемнела, там, в глубине что-то тяжело и страшно бухнуло. Он испугано округлил глаза, губы задергались, головой, как сорока, вертел по сторонам, стараясь увидеть, что находится под непрозрачной пленкой.

— Все назад! Быстро! — проревел генерал. — Выйти из воды!

Сотник пронзительно вскрикнул, рубанул мечом воду, попятился как рак, назад. Маслянистое черное проникало сквозь доспехи, жгло кожу, точно яд. На лице воина жуткая гримаса, смесь страха и ярости, глаза живо бегают. Он попытался отогнать черноту от себя ладонью, слизь налипла на руку, вздулась мелкими пузырями. Сотник глядел зачаровано как липкая грязь растекается по руке. Черная пена медленно капает с пальцев вниз, вот уже видны кости, между ними белесые хрящи, и совсем не больно...

— Выходи! — рвал горло генерал, — Сейфул, выходи из воды! Выходи быстро!

Но сотник не слышал, стоял как оглушенный, под ногами забухало еще громче, по маслянистой пленке побежала дробная рябь, из глубины донесся утробный животный рык, протяжный и долгий, даже у генерала затряслись поджилки. Дикий страх заставлял сжаться в комок даже отважное сердце. В мозгу стреляло, конечности не желали двигаться. Рычанию вторило заунывное пение тысяч мертвых нечеловеческих голосов.

— Шайтан! — закричал Сейфул, опомнившись, — Шайтан!

Генерал быстрее ветра схватил из седла аркан, кожа седельного ремня с треском лопнула, пряжка, обиженно звякнув, отлетела в сторону, а он уже раскручивал над головой петлю. Бросил быстро, сноровисто, петля обхватила несчастного сотника точно за руку. Сейфул выпустил из рук меч, тот с тихим всплеском пошел на дно, радостно ухватился за спасительный канат, рана на руке почернела, покрылась мелкими неопрятными комками, под которыми виднелась мутная водичка.

Генерал понимал: медлить нельзя, что угодно может прятаться там под водой, но бросить верного сотника... Да никогда! С силой дернул аркан на себя, мигом развернул коня и лихо хлопнул шпорами в бок. Скакун заржал, молнией рванул вперед, радуясь, что оставляет страшный берег позади.

Громко всплеснуло, вода фонтаном ударила в воздух, черные жирные брызги дождем

обрушились на берег. В глубине вновь заревело, ряды воинства дрогнули, как испуганное стадо конники побежали прочь, сырой песок комьями полетел испод опыт.

Воины испугались, уронили честь, но отступили не зря. Там, где капли слизи попадали на лица, открытые руки, шкуру лошадей — мигом вздувались уродливые волдыри ожогов.

Один лишь генерал остался на берегу, Сейфула теперь не видать, веревка натянулась, зазвенела от напряжения как струна, будто не человек на том конце, а целая гора. Конь закусил удила, с силой рванул вперед, генерала потянуло на бок, связки жалобно затрещали, в локте жгло каленым железом. Но аркана из рук не выпустил, стиснул зубы, гневно оскалился, хотя и понимал: Так можно и руку потерять, и самому в воду угодить, а там — верная смерть.

Ненадолго на берегу все затихло, ни рева, не ужасного воя, даже волн не стало, океан разгладился, будто спит. Только по-прежнему дрожала земля, но черные воды уже не бурлили, замерли, если не считать мелкой ряби на поверхности.

Конь генерала, странно захрипел, с удил срывалась густыми комками кровавая пена. Предводитель обеспокоено глянул на скакуна. Тот уже закатывает глаза, а на шее, как раз под челюстью налился крупный, с кулак размером, гнойный пузырь, видно слизь попала когда подошел близко к берегу. Генерал начал было слезать, ему то не так просто рукой все еще пытается вытащить на берег сотника, как вдруг веревка ослабла, вернее, даже провисла.

Замерев, воины следили за предводителем встревоженными взглядами, но ни один не рискнул слезть с коня и ухватится за аркан рядом с генералом. А тот уже начал отчаиваться: вытянуть не может и бросить тоже, от воинов помощи не жди, как же, слезут с седел...

Тут внезапно пара воинов набралась смелости, или глупости — отважились помочь, видно как страшный рев умолк, стало стыдно за минуты слабости, хоть и наемники — а все равно мужчины, ну а где же видано, чтоб воин как дитя прятался от врага? Короткие, длиннорукие всадники живо соскочили на землю, ухитрились даже лихо перебросить ногу через седло, вон, мол, какие удальцы, не то что вы, со страху хвосты поджали.

Предводитель стоял возле бездыханного тела могучего коня, услышав сзади шлепанье сапог по мокрому песку, не оборачиваясь, прокричал:

— Не подходить!

Всадники оба встали как вкопанные. Удивленно повертели головами, переглянулись.

— Что прикажешь делать, сейид? — спросил более рослый, и сообразительный.

— Видишь что случилось с моим Джохаром! — воскликнул предводитель сокрушенно. — Черная вода погубила его в мгновение ока! Если Сейфул еще жив — я вытащу его сам! А если нет — то хватит и одной смерти!

— Да, сейид, — кивнул торопливо всадник, отступил на полшага назад.

— Вернитесь в седла, — сказал он твердо, закинул веревку на плечо и налег всем телом.

Канат поддался, черный и маслянистый, он все удлинялся и удлинялся, каждый шаг требовал от генерала нечеловеческих усилий, вены на толстой шее вздулись, лицо красное, как жаровня, кажется пар так и повалит из широких ноздрей. Но начатого не бросал, руки намертво вцепились в аркан, будто вплелись прямо в конский волос.

В глубине снова зарычало, низко, басовито, земля под ногами заходила ходуном. Храбрость у всадников иссякла и они припустили обратно к коням, да так что только и видали их.

Генерал упал на одно колено, но тут же поднялся, потянул аркан к себе. Мускулы на руках закаменели, раскалились, налились кровью и уже болели от напряжения. Из черной

слизи, испод корявых глыб выступили длинные темные фигуры, тихо пошли вперед, молчаливые и страшные, безгубые как жаба или вообще безротые, не разглядеть. До груди существо хоть и уродливое, но как человек, а от пояса — змей!

Генерал оскалился, до крови закусил губу. Сил в теле почти не осталось, и он закричал, вызывая в себе ярость, нагнетая во всем теле, пальцы уже совсем белые, крепче сомкнулись на тугой веревке.

Он рванул что есть сил вперед, с яростным криком:

— Всем отойти! Вперед не лезть!

Ноша внезапно утратила вес, он упал лицом в песок, что-то по ту сторону маслянистой пленки отпустило сотника. Генерал проворно потянул на себя, из воды показалась почерневшая, покрытая волдырями рука, и все... От плеча торчали наружу желтоватые кости, лохмотьями свисали измочаленные мышцы, будто там под водой их терзал какой-то зверь. Сейид отбросил веревку с омерзением, сплюнул досадно наземь:

— Те за кем мы шли, наверняка уже мертвы.

* * *

Анри открыл глаза. Под водой темно, кончика носа не видно. Руки натыкались на длинные ленты водорослей, скользкие, гниющие на корню, они расползались под пальцами, неприятно касались тела слизкими стеблями. Маркиз нырнул еще глубже, до самого дна, пальцами пробежался по гладким камешкам, взглянул вверх, в поисках просвета в темной пленке. Далеко-далеко впереди виднелся танцующий в воде световой столб. Лучи там проникали сквозь прореху в маслянистой пленке и радостными пучками светились, играли, подсвечивая мелких и прозрачных рачков, что тянулись к живительному свету. Анри тоже поспешно загреб руками, оглянулся на миг — Ситара плывет за ним, волосы развеваются черной кометой, почти сливаются с темными водами, так что кажется девушка и водная стихия — одно целое.

Воздуха в легких не осталось, внутри пекло огнем, выкручивало наизнанку, в животе судорожно дергалось, требуя вдоха. Анри с силой сжал зубы, в мозгу трещало и пульсировало, сердца билось все медленней, но каждый удар как молотом по голове, перед глазами темнело, но до поверхности рукой подать.

Анри выставил наружу лишь нос, жадно со свистом втянул ноздрями воздух, даже в мозгу закололо. Вот он поток жизни! Но хоть и надыхался всласть, а сердце все стучало беспокойно в грудину, выпрыгивало. Он услышал испуганные голоса оттуда с берега, и поспешил спрятаться за широкой спиной плавучего островка. Ситара как раз подплывала к просвету. Девушка спокойно вынырнула на поверхность, выдохнула остатки воздуха и только потом спокойно вдохнула. Анри вытаращил глаза, удивленно захлопал ресницами: Как такое может быть, он мужчина с громадными легкими, вон какая грудь широкая, а девушка его обставила. Мало что грудь у нее ходуном не ходит, так еще и улыбается хитро.

Анри осторожно повертел головой по сторонам, не видать ли врагов? Громадные глыбы, облепленные слизью, закрывают от взглядов с берега, черная корка на воде, иногда покрывалась буграми, пузыри с жутким звуком лопались, и тогда приходилось зажимать нос от невыносимого смрада.

То тут, то там виднелись небольшие просветы в мутной жиже, но и они постепенно

исчезали, под натиском дрейфующих глыб. Гнилая затхлая вода подступала все ближе к лицу Анри. Зловоние становилось сильнее, от него в носу крутило, слезились глаза.

Чистой воды почти не осталось, Анри нырнул и проплыл еще несколько сотен ярдов, к другой обширной световой луже.

Слой маслянистой дряни тут сменился ровным покровом коричневых водорослей. Они покрывали поверхность воды толстой, зловонной коркой. По ней тучами ползали мелкие мошки, черные блестящие жучки. Крохотные панцирьки поблескивают на солнце как латы рыцарей, отливают красивой синевой, так и хочется прикоснуться. Анри улыбнулся: Значит, эта гниль не ядовита, жучки от нее недохнут. Следом за маркизом вынырнула Ситара, отерла ладонью воду с лица, оправила волосы.

— Тут безопасней — радостно сказал Анри.

— Ты прав, — улыбнулась в ответ девушка, — но не следует задерживаться здесь надолго. Я чувствую их присутствие. Они где-то рядом.

— Кого? — спросил маркиз, удивленно повел бровью.

Из глубин донесся страшный рев, будто сотни горных львов одновременно разинули пасти, или вострубили могучие слоны. Вода в океане вскипела от яростного рыка, в небо ударили сотни, если не тысячи фонтанов. Один с треском и шипением пробил гнилую корку совсем рядом. В лицо полетели комья бурого. Анри проворно нырнул на глубину, подальше от смрадной слизи и плавучих холмов. Со дна шла волна такой лютой злобы, что сердце маркиза на миг остановилось, к горлу подошел комок. Вдалеке на самом дне блеснул в лучах солнца чешуйчатый змеиный хвост. Наги! — догадался Анри, но как же они плавают при свете дня? Ситара говорила...

Следом тускло сверкнул еще, и еще один. Они плыли к берегу, могучее войско подводных существ.

Вскоре зазвучало хоровое пение, голоса нечеловеческие, мертвые. У Анри вся кожа пошла пупырышками, по спине пробежал холодок. Вместе с Ситарой он вынырнул наружу, нужно вдохнуть, легкие жжет изнутри каленым железом.

Одна из глыб с треском раскрылась. Наружу свисают проржавевшие, громадные цепи, крюки вбиты в широкие каменные плиты, что уже наполовину погрузились в рыхлое тело глыбы. Сам же плавучий холм сплошь закрыт густым бурым мхом. Или может водоросли такие короткие и густые.

Анри заглянул внутрь, и еще не успел понять, что тревожит, как за ногу что-то дернуло, не сильно, но настойчиво. Он едва успел вскинуть руки, пальцы правой сомкнулись на ржавых звеньях, корявый металл больно оцарапал кожу. Но на плаву удержался, под воду не ушел.

— Ситара! Меня схватило за ногу, быстро вылезай из воды! — позвал Анри, стараясь перекричать гул мертвых голосов.

Девушка все не появлялась, снизу потянуло уже сильнее, Анри напряг мышцы, старался высвободиться — никак!

— Ситара!

Ногу будто обвила петля, тугая и толстая, сквозь бурю кашу не видно. Вдруг дернуло сильно, едва не выдернуло ногу из сустава, в паху стегнуло плетью. Анри упал, больно ударился о тяжелую цепь, во рту стало солоно от крови, гнилая вода уже у подбородка, кисло воняют водоросли.

Он с трудом повернулся, одной рукой еще держится за каменный выступ, ухватился

двумя... и в этот миг схватило за обе ноги. Анри закричал от страха и омерзения, стал болтыхать ногами.

Он чувствовал, что сил не хватит, пальцы медленно, но сползают по скользкому и мокрому камню, он все еще держится, но руки дрожат от натуги, хватка слабеет. Не удержаться, камень слишком скользкий, а там внизу тянет неистово, и тяжелое, как гора...

Вновь раздался ужасный рев, под ногами взбурлила вода, Анри испугано дернулся: Вдруг откусит ноги! Зловонная грязь струей ударила в лицо, попала в рот. Он закашлялся, сплюнул на сторону, в последнем отчаянном усилии чуть подтянулся, вот еще чуть и дотянется до спасительной цепи, и тогда тот внизу не утянет, не утопит.

Анри напрягся из последних сил, тело вынырнуло из воды всего на дюйм, правой держался за уступ, а пальцами левой проворно ухватился за ржавый крюк, вбитый в камень.

На мгновение воды успокоились, все затихло, даже дергать перестало, Анри проворно вскарабкался вверх по цепи, почти вынул поврежденную ногу из воды. Внезапно прямо перед ним из воды на заросшую мхом глыбу вынырнула толстая, с руку шириной, склизкая щупальца. Серо-розовая, извивается как змея, один конец гладкий, а на поверхности другого в три ряда круглые как монеты присоски.

У Анри похолодело в животе, от дурного предчувствия: Это громадный спрут, мне конец. Но даже сейчас, перед лицом смерти он больше всего думал не о себе. Ситара, как же она, неужели погибла? Неужели мерзкая тварь утащила ее на дно?

Скользкое щупальце медленно, с тихим плеском, поползло по гнилой жиже вперед, в каменному выступу на котором стоял Анри. Повеяло тухлой рыбой и гнилью. Следом появилась еще пара серо-розовых конечностей. Толстые как удавы, они ощупывали все, до чего могли дотянуться. Выглядело так, будто ищут кого-то или что-то. Маркиз осторожно прикоснулся ладонью к раненой ноге. Щиколотка посинела, распухла вдвое, вся перепачкана смрадной слизью, что тянется за пальцами как клей.

Анри тряхнул рукой, липкая дрянь с пальцев слетела. Внизу, у самих ступней, извивались толстыми клубками щупальца, острый как стрела кончик, уже скользил по краю каменной плиты, еще немного и коснется носка обуви. Выбора не оставалось, или ждать пока спрут ухватит за икры, или рискнуть и войти внутрь глыбы. Но что там? Анри оглянулся. Черный проем, две ступени из такого же старого и замшелого камня, как и тот, что под ногами. Возможно, внутри во тьме поджидают наги, или в черной жиже сварисься живьем? Но может это путь к спасению?

Анри поднял лицо к небу, взглянул ввысь. Ярko и красочно разливается солнечный свет по краям облаков, причудливые белые фигуры обрамляет золотистое сияние, так и хочется вспорхнуть, как птичка и туда, подальше от зловонной жижи, солдат, щупалец...

Пока размышлял, спрут подобрался ближе, жуткие присоски уже почти касаются голенища правого сапога. Смрад становился невыносимым, в желудке задергалось, к горлу подкатила горечь. Анри отодвинул ногу, шагнул ближе к темному колодцу входа: Нужно уходить сейчас, через мгновение будет поздно.

Неожиданно на плечо шлепнулось мокрое и холодное, сжало крепко, до боли. Анри перепугано дернулся, от страха даже в висках заломило, сердце сжалось в комок: Как тварь успела подобраться сзади? Маркиз резко обернулся, занес для удара руку. Что бы там ни было, спрут или иная тварь, а без боя не сдамся.

Нечто проворное перехватило кулак, потянуло на себя, больная нога не выдержала, подвернулась, Анри понял, что падает вниз, в темный колодец. Мысль, что потонет в

зловонной черной жиже, разбудила ярость, в груди загремело, по телу побежал жар. Он зарычал, второй рукой зацепился за выступ в стене, ветхий камень жалобно захрустел под пальцами.

— Анри, — успокойся, — донеслось из черноты, это друзья.

— Ситара? — спросил он удивленно, но пальцев не разжал.

— Я здесь, внизу, — ответила она весело. — Хватит висеть там как болван, спускайся.

Анри устал, как пахотный конь, каждую мышцу ломило, кости ноют, а правая нога так просто огнем горит. Будто в раскаленную лаву окунул. Он с недовольством взглянул на свое облепленное грязью и липкой жижей тело. Тот, в темноте, отпустил руку и Анри остался на своих двух, сделал несколько шагов по ступенькам, не удержался, кубарем полетел вниз. Крепкие руки заботливо подхватили под грудь, поставили обратно.

— Спасибо, — крикнул Анри с досадой.

Она, подошла ближе. Уже различим тонкий запах ее тела, несмотря на кислую вонь вокруг, но ни лица ни очертаний фигуры не видно. Через мгновение из тьмы вынырнуло знакомое лицо. Ситара сама едва держась на ногах, глаза измученные, на прекрасные щеки, лоб налипла грязь. Она молча поцеловала его в переносицу, наверно самое чистое место, обняла лицо ладонями.

— Я так волновалась.

Она дышала тяжело, отрывисто, красивая грудь ходила ходуном. Анри вяло улыбнулся, ее тонкие красивые пальцы уже ощупывали распухшую ногу, заботливо отерли слизь с раны, бурую грязь, налипшую под содранную кожу. Когда села рядом, на заросший мхом камень, Анри молча притянул ее к себе. Долго лежали молча, прикрыли глаза, ждали пока дыхание выровняется, восстановятся силы. Ситара положила голову на его широкую мускулистую грудь, нежно пробежалась пальцами по натруженным мышцам. Касание было легким и свежим, от него даже боль в ноге унималась, Анри улыбнулся.

Наконец он собрался с силами, приподнялся на локтях, взглянул в ее синие, глубокие как океан глаза:

— Как ты здесь оказалась?

— Я увидела источник Жизни, — ответила тихо Ситара, — думаю это то, что мы искали.

Глава 14. Скользящие дела

Иноземье. Побережье костей. Темный портал.

Яркие ленты голубого света скользят по пористым стенам пещеры, откуда-то сверху льется черно-синее свечение, перевивается со светлыми лучами, вспыхивает крупными брызгами. Там, в глубине туннеля, тьма рассеивается. Лучи прорезают ее раз за разом, будто пульсирует громадное сердце, качает густой свет и тот разбрызгивается фонтаном по изрытым оспинами сводам.

Анри медленно спускался по кривым и скользким от мха ступеням, на правую ногу не опирался — все равно что кол в рану вогнать. Ситара поддерживала его под руку, губы сосредоточено поджала, ноша не из легких. Следом, с тихим чавканьем, скользил по камню громадный сизый наг. Человек-змей по собственной воле согласился помочь им, именно он заметил Ситару в воде, и спрятал от жадных щупалец кракена.

Анри напрягал мозги, силился понять, почему громадный змей пришел им на выручку. Конечно, с нагами он не знаком, но ведь Ситара говорила — людоеды и дикари, почти животные. И выглядят как звери. И вот тебе на, спрятал их в этой плавучей глыбе. Очень странно.

— Тебе не удивляет, что он нам помогает? — прошептал он девушке на ухо.

— Угу, — кивнула она торопливо, скосила глазами на нага.

Анри нахмурил брови, заморгал удивленно:

— Он что, все понимает?

Ситара не ответила, дернула легко за рукав.

— Ос-сторожно, — прошипел сухой голос сзади. — Камни с-скольс-ские. Люди могут упас-сть. С-слар не упадет. С-слар очень внимательный. А люди могут. Люди час-сто падают, С-слар видел как они катятс-ся внис-с. Много видел.

Анри уставился под ноги, глаза только привыкли в темноте, но среди черного полотна уже угадывались кривые линии — края ступеней, кое-где лежат камни, или еще-что круглое.

Луч холодного света торопливо пробежался по стене, стали видны поросшие водорослями камни. Густая бурая поросль покрывала ракушник как ковер. Меж густых ворсинок сновали мелкие жучки, перебирала ножками крупная сколопендра. Анри оглянулся, проводил взглядом убегающий кусочек света. Хоть и маленький он радовал душу. Идти во тьме, израненный, уставший, и не зная куда — разве не красота?

На сизом лице нага блеснули серые, как сталь, глаза. В них горит затаенный огонь, как в печи, где багровых языков уже не видно, но угли еще живые, прячут пламя внутри. Стоит лишь подбросить соломы и вспыхнет. Надбровные дуги Сслара толстые и тяжелые, как раз как свод печи. Глаза находятся там, в глубине, и потому их блеск настолько яркий, что хочется отвернуться. Наг смотрел на мир как-то свирепо, с силой, что Анри пошатнулся, Ситара тут же подставила плечо.

— Устал?

— Нет, я в порядке. Только нога беспокоит, — соврал Анри.

— Человек не доверяет С-слару, С-слар чувс-ствует. Вс-се чувс-ствует, — прошипел наг, все тем же спокойным шелестящим голосом.

— Анри, Сслар наш друг, — сказала Ситара серьезно, — ты можешь смело доверять

ему, — похлопала ладонью по широкой спине маркиза.

— Нет-нет, я доверяю, просто осторожничаю немного, — пробормотал он смущенно. — Так что там внизу светится?

Любопытство жгло Анри изнутри, но сколько во тьму не вглядывайся, виднее не становится, только глаза болят. На пробегающие время от времени лучи тоже надежды нет, вспыхнут как порох, и тут же гаснут, ничего кроме стен да ступенек не разглядишь.

— Вот вос-сьми, — сказал наг, снял с длинного пальца кольцо. Металл серый, невзрачный, хотя во тьме и золото не блещет. Но на гладкой поверхности нет ни узора, ни драгоценного камушка, что хоть как-то разбавил бы серую простоту.

— Вос-сьми, — повторил Сслар, протянул вперед покрытую мелкой чешуей руку.

Анри прищурился, старался разглядеть что лежит на широкой как весло ладони нага. Почти носом в пальцы уткнулся, с удивлением заметил, что те никак не пахнут, хотя представлялся противный рыбный дух или еще хуже... Узкое колечко выглядело крохотным и невзрачным, какое-то селянское украшение.

— Что это? — спросил Анри. Брать кольцо не спешил. Мало ли что? Хотя, если не возьмешь, а наг обидится? Кто знает, какие у них обычаи.

— Бери, бери, — сказала живо Ситара, подтолкнула под локоть.

Анри осторожно взял кольцо двумя пальцами, поднес к глазам. В самом деле, неказистое, из простого, неблагородного металла. Тусклое и серое, вроде бы из железа даже, но слишком легкое, так что не железо точно, и не бронза — та зеленее.

Анри примерил колечко на средний палец. Руки у него не то чтобы мелкие, широкие ладони, и пальцы длинные, однако кольцо оказывается, для него великовато, болтается как обруч. Видно пальцы у нага намного толще.

— Кольце-со пос-сволит смотреть в темноте, — сказал Сслар все тем же размеренным тоном. — С-слару кольце-со не надо. С-слар и так видит, а человек нет. Человек не видит сквос-сь темноту. Ему будет полес-сно. Человек не будет падать. Будет видеть.

Анри повертел кольцо на пальце, пожал плечами: раз полезно, то пускай будет.

— Спасибо, Сслар, — сказал Анри, широко улыбнулся, — спасибо.

Наконец-то увидел, что происходит вокруг. Под ногами пористые изъеденные временем и водой ступени. Поросль, которую принял за мох, на деле оказалась водорослями, да еще и разными. Одни более короткие и бурые напоминают действительно обычный мох, другие с длинными стеблями и широкими листьями даже и не водоросли будто, а трава. Лестница вела вниз, там, в глубине, все так же мигал яркий голубой свет.

Анри взглянул на Ситару с нежностью и тревогой, слишком хороша она для таких мрачных мест. Ей бы в замке сидеть, в окружении угодливых служанок. Волосы черные, как ночь, перепачканы грязью и илом, даже на прекрасном личике налипли кусочки бурой жижи. Но все равно прекрасна как заря, ему даже почудилось, что она вся светится, контуры тела очерчены дивным сиянием, будто сзади кто-то зажег костер. Большие блестящие глаза смотрели с добротой и лаской. Анри мечтательно поджал губы, тяжело вздохнул:

— Нам обоим нужен отдых.

— Не сейчас, Анри, — печально ответила Ситара. — Сслар проводит нас к portalу.

— А что за портал?

— Темное месс-сто, с-старый проход в город мертвых. Давно нет там человекoв. Только мертвец-сы, — прошипел Сслар зловеще. — Отетс-с С-слара хранил месс-сто. И дед хранил. И С-слар хранит.

— И зачем нам туда? — спросил Анри с омерзением в голосе, по спине будто дунул холодный ветерок.

— Там с-сила, С-ситара с-снает, — тихо ответил наг.

— Да, это единственное место, где ты можешь закончить инициацию, — подтвердила она.

— А если нет, если я не пойду туда?

— Тогда рано или поздно Черная ложа найдет тебя и поработит, или убьет. Третьего не дано, — сказала девушка, голос дрогнул от волнения.

— Значит, ты изначально знала, что мне придется лезть в этот некрополь? Знала и ничего не сказала. Это очень вежливо с твоей стороны, — с обидой произнес Анри, глаза недобро загорелись, мускулы под одеждой напряглись, затвердели, вздулись шарами.

— Нет, не знала, — печально ответила Ситара, — но я догадывалась. Никто не знает, я же говорила...

— Человек найдет с-силу, — произнес терпеливый и спокойный Сслар. — Морс-ской народ ис-счит человека, но не с-снает кто он. С-слар с-снает, потому что С-слар хранитель.

— Кого вы ищете?

Анри едва не зацепился ногой о ступеньку, мягкая порода расползалась под ступнями.

— Морс-ской народ потерял рас-сум. Многие слуш-шат с-слу. С-слар не с-слуш-шит. С-слар хранитель.

— Это я понял, — сказал Анри, пристально взглянул в серые глаза нага. — Но зачем я тебе?

Сслар удивленно почесал шипастый гребень на затылке, произнес твердо:

— С-слар помош-шет тебе человек, а ты помош-шешь С-слару.

— И как же? — спросил Анри, продолжая осторожно спускаться вниз.

— Ты найдешь вес-счь в мире мертвец-сов. С-слую, очень с-слую вес-счь — прошипел наг без утайки. — Вернешь вес-счь С-слару и мы в рас-счете.

У Анри в груди закрутило, будто ковыряет кто внутри пальцем.

— Вот так, значит — прошептал он.

Голос дрогнул, хотя и старался говорить тихо, думал, не заметят. Надо было вообще смолчать. Но как тут промолчишь, должен же ответить... Анри со страхом и стыдом ощутил в животе предательский холодок. Только дважды он чувствовал подобное: когда еще юнцом потерялся в горах, и когда видел, как из его пробитой груди толчками хлещет кровь. Сейчас же в целостности сохранности, если раны на ноге не считать, но душа в тревоге, словно вновь, как в детстве, оказался один среди голых скал, и под ногами пропасть...

— Вот как, — повторил Анри мрачно, — Вы знаете... Скажу честно, я ничего не понимаю. В один миг простой, пускай и не совершенный, но родной и близкий мне мир смели одним ударом... как коса срезает траву. И вот я срублен под корень, и ничего... ничего не понимаю, меня хотят убить! И оказывается я колдун, или чародей. Так что же, все это время я жил... я существовал не в том месте? Не там, где должен?!

— С-смирис-сь, — спокойно ответил наг, — думаеш-шь С-слар хотел быть хранителем? Нет, С-слар не хотел. Но его никто не с-спраш-шивал. Это жис-снь. Так хочет творет-с.

— А чего хочу я, меня кто спросил?

Анри гневно сверкнул глазами. Грудь вздымается отрывисто, ноздри как у быка дышат жаром. Ситара подумала: В самый раз водой окатить, чтоб остыл. Даже держать его стало неприятно, горячий, липкий.

— А кто ты? — прошипел вкрадчиво Сслар.

— Я Анри де Ланьяк, маркиз, — более спокойно произнес он, понял, что нет смысла ярится на нага, он то здесь ни при чем. Хотя это как сказать, злую вещь ведь мне доставать, не ему.

— Нет, ты напуганный человек. Напуганный неис-свес-снос-стью, — рассмеялся Сслар. Анри впервые слышал смех нага, зловещий булькающий, будто пузыри под водой пускаешь. — Ты творет-с, и ты так с-сахотел.

Маркизу стало стыдно за свой страх, щеки залились красным. Говорил же наг, что видит насквозь. И не удивительно, сам спокойный, бесстрастный как статуя, и взгляд внимательный холодный. Змей одним словом.

— Мы сами творцы своей судьбы, может мы и не понимаем, как мы это делаем, но..., - Ситара тяжело вздохнула. — Меня тоже выдернули из моего мира, родного города. Хотели убить... Но это часть жизни, нельзя останавливаться на этом. Нужно идти дальше. Искать причину того кто мы, зачем это?

— И как, удастся? — с недоверием спросил Анри, поднял глаза.

— С переменным успехом, — улыбнулась в ответ девушка.

Туннель внезапно закончился, последняя ступень осталась за спиной. В квадратной просторной комнате все заполняет черно-синее сияние. Свет идет откуда-то сверху, льется равномерным но не сильным потоком. Гладкие блестящие каменные плиты на полу подсвечены темным огнем, и кто их тут полирует? Все вокруг покрыто толстой коркой водорослей, а эти начищены до блеска, словно стальные рыцарские латы.

На лицо Анри пала прозрачная пепельная тень, он поднял глаза. Высоко под самым потолком, горит громадный темно-синий камень, даже не горит, тлеет как угли в отгоревшем костре. От него исходит страшный тусклый свет, загадочно выплясывает на острых как клинки гранях кристалла. Длинные тени ползут по стенам, полу, растворяются в ярких вспышках голубого сияние, что идет от центра. Там вращаются три громадных обруча, любой знает, что такая тяжелая вещь не может висеть в воздухе, да еще и вращаться. Но она висит без всякой опоры, и кружится, хотя никто не вертит. Когда все три обруча сходятся, зал растворяется в голубом сиянии, в глазах колет от яркого света, кажется ты и сам этот свет, но лишь на миг. Мгновение спустя вспышка гаснет, и ты вновь оказываешься в темном и тусклом зале, где кисло пахнет сыростью и водорослями.

— Это вход? — спросил Анри первым.

— Да, — ответила она, — это тот портал, о котором я говорила. Предки Сслара умели строить такие, но сейчас знание утеряно, а его цивилизация деградировала.

— Как инки? — переспросил маркиз.

— Есть некое сходство, — кивнула Ситара.

Анри недовольно скривился, посмотрел на обручи портала, на лбу прорезались складки:

— И зачем я должен туда идти? Как завершится инициация, что за злую вещь хочет Сслар?

Ситара вздохнула с облегчением, в глазах блеснули искорки, разгорелись, уже сияют глаза целиком, крупные губы налились краской, стали ярче, чуть дрогнули уголки рта, губы маняще приоткрылись. Анри застыл замороженный, взглядом ловил каждое мгновение. И не зря, вот он жемчужный блеск, яркий и живой, на мгновение обнажились два ряда ровных и красивых зубов.

Значит все-таки пойдет, не побоится. Сейчас все зависит от его воли, если желания

будут эгоистичными, воля слабой — зло поглотит его и изменит. Слишком близко подобралась тьма к сердцу, и хочется по-дружески предупредить, но нельзя, иначе появится страх. А страх сковывает лучше любых цепей, тогда точно шансов нет.

— Анри, только ты, из всех кого я знаю, можешь пользоваться Харнскими артефактами. То о чем говорит Сслар, та злая вещь, один из них. Черная Ложа собирает любые вещи той эпохи, возможно, они знают и об этом предмете. Может это опасно, но это единственный путь...

— Ладно-ладно, — улыбнулся Анри натянуто, — я понял, что легко не будет, чем дальше, тем хуже. Как это выглядит, и что завершит инициацию. Хочется скорее покончить с этим.

— Мертвые хранят с-сферу. Черный шар, в с-золотой оправе, — ответил Сслар так спокойно, что Анри зевнул. — Шар находится во двотс-се. Ты увидишь-шь, там много мертвых вокруг. Очень много.

— Просто замечательно, — съязвил Анри, — я подойду и прошу и скажу: Мсье, вы не против, если я одолжу ваш шарик?

— Не получится, они будут против, — ответил Сслар незлобиво. Видно чувство юмора нагам не свойственно, а может, и нет его вовсе.

— Анри, Сслар хочет помочь, не надо колкостей, — строго сказала Ситара, нахмурила красивые брови. — В городе располагался Храм, в нем проходили инициацию многие из тех, кто искал Силу или Жизнь. Но этот ритуал никто не совершал уже много тысяч лет назад, потому что город погиб, и жрецы тоже. Но есть еще путь, о нем мне рассказывал Аллор. Это пройти инициацию самому. Это очень сложно, но возможно. Тебя будет ждать испытание, какие я не знаю.

— Значит храм и дворец?

— Да, но это очень опасно и ты должен будешь отправиться один. Я не могу, — грустно сказала Ситара, — сразу погибну, а Сслару нельзя входить в портал.

— Почему?

— С-слар не может, С-слар должен держать проход открытым или человек не вернется. Человек с-станет как все — мертветс-сом. Злым мертветс-сом.

— А почему эту сферу до сих пор не забрал никто из светлых? — спросил Анри, задумчиво почесал подбородок.

— Это инструмент некроманта. Она обращает человека в бесплотный дух, — сказала девушка мрачно. — Никто из светлых не может такого коснуться.

— А я могу? Это точно?

— Теоретически да..., ты же держал скларт, открывал его. Это могут только темные, — сбивчиво ответила Ситара. — Но ты не такой как все, я это чувствую, но объяснить..., объяснить сложнее.

Анри скрестил на груди мускулистые руки, мышцы бод коричневой кожей взбугрились. И Ситара и Леонор пользовались разными колдовскими штучками. Он и сам пользовался, а значит и он обладает той странной мощью, что за гранью человека. Но как этим управлять?

— Что я могу? — прошептал он, едва шевеля губами. — Я всего лишь человек. У меня есть, пускай были, власть и имение, положение в обществе. Это не у всех есть, не совсем как все, но все же — человек. Не колдун...

Кровь прилила к лицу, Анри опустил взгляд. Не мог он сейчас смотреть Ситаре в глаза. Не мог и все... Ведь уверен же, она смотрит разочарованно, с упреком. Да что там, сам

чувствовал, что оправдывается, ищет объяснения слабости, хочет спрятаться от жизни, а не принимает ее такой, какая есть.

Сслар свирепо блеснул исподлобья серыми глазами, руки потянулись к поясу.

— Вот, вос-сьми... Выпей, — сказал наг тихо, но напряженно, будто собирался сказать грубость, но сдержался. Медленно протянул руку вперед.

— Что это? — переспросил Анри озадаченно, с опаской взглянул на вздувшиеся желваки на лице нага. — Вода?

— С-спирт, — ответил Сслар мягко, на безгубом змеином лице прорезалось улыбка, обнажились два ряда крупных, острых как ножи зубов. — Ис-спугалс-ся? Мор-ской народ умеет шутить.

Анри отер рукой пот со лба.

— Да..., хорошая шутка.

Анри взял из рук нага небольшую металлическую, плоскую фляжку. В стальной, глянцевой поверхности отражалось как в зеркале, и его лицо и яркие вспышки портала, и темный свет жуткого камня. Он открутил крышечку, принялся, сказал усталым голосом:

— Действительно спирт.

— Видишь, Сслару для тебя ничего не жалко, — добавила Ситара жизнерадостно и улыбнулась.

— Это чтоб умирать было не страшно, солдатам всегда дают перед боем — сказал Анри укоризненно. — Спасибо.

Кольца портала завращались быстрее, в ушах слышимо зазвенело, вспышки света стали таким частыми, перед глазами замельтешило, пошла рябь, казалось, быстро-быстро моргаешь. На землю лился нежный лазурный свет, глянцевый камень засверкал как океан в лучах солнца. Тяжелые обручи двигались быстрее и быстрее, гудело, гул становился все громче, из середины портала полетели искры. Тонкие и длинные, почти молнии, словно некто невидимый щелкал громадным огнивом.

— Ты вс-се равно тот, кто ты ес-сть, — прошипел Сслар.

Из безгубого рта наружу показался длинный черный раздвоенный язык. Наг, как все змеи, быстро пошевелил им и спрятал.

— Вериш-шь ты или не вериш-шь, не важно. Ты тот, кто ес-сть, от этого не с-сбеш-шать.

Анри отстранился, в глазах проблеснула решительность. Черные брови надвинулись грозно, а голос прозвучал сдержанно, но с нотками стали:

— Маркиз де Ланьяк никогда не сбегал, и никогда не бросал друзей в беде. Пускай мне не приходилось видеть разных колдовских штучек... Но это ничего не меняет, штучки штучками, а люди остаются людьми, и обстоятельства — обстоятельствами.

— Хорош-шие с-слова, человек, — кивнул Сслар. — Как рас-с пора идти.

Ситара проворно отстегнула ремень с ножнами, протянула вперед:

— Возьми, Анри, тебе пригодится. Этот металл может разить и мертвых. Я получила это оружие после инициации. Ты уже брался за его рукоять, и клинок принял тебя.

— Спасибо, для меня это честь, — сказал он твердо, легонько поклонился. Шершавая кожа на рукояти клинка приятно терлась о ладонь, на душе становилось легче. Хоть и идешь на верную смерть, но с оружием в руках. А значит, без боя не сдашься, а это уже не мало, уже не позор. И кто знает, быть может, он пройдет инициацию и этот кошмар кончится. Тогда его жизни не будет угрожать никакая Черная ложа, никаких убийц и колдунов. В детстве Анри припоминал, как восторгался рыцарями из романов, читал и про злых

колдунов, что похищали принцесс. Но почему-то никогда не думал, что придется влезть в шкуру такого рыцаря. И пускай нету принцессы, нет того лоска и пафоса, а все-таки рыцарь. Какой никакой, а все-таки...

— Ты настоящий рыцарь, Анри, — сказала Ситара, красивые пухлые губы растянулись в улыбке, в глазах мелькнули отблески нежности. Или, может, показалось, и это был голубой свет портала?

Маркиз не знал куда деваться, кожа на щеках потемнела, глаза поспешно отвел в сторону. Сердце так бухнуло, что закололо в мозгу, перед глазами поплыли темные круги. Может с разбегу сигануть в портал, чтоб не видела моего конфуза?

Но не прыгнул, сдержался, приложил ладонь ко лбу, сказал решительно:

— Тогда за меч, и на ристалище.

Сслар вновь обнажил крупные острые зубы, видать оценил фразу, или так улыбнулся на прощание.

— Ус-спехов, — прошипел он мягко. — Ус-спехов тебе, человек.

* * *

Анри не помнил, как вошел в портал, в уме отложилась яркая вспышка, тело пронзили копия света. Уже не видел, зрение угасло, вспышки слишком яркие, в глазах выплывают мелкие цветные точки, грудь распирает изнутри неведомая сила, могучая страшная. Кажется, вот-вот взорвешься, и тут будто дернуло за ноги, хотя ступни стоят на твердом, но тянет вниз, свирепо, рывками. Как зверь что ухватил жертву, разве что не рычит. Анри испугался, выхватил меч из ножен. Не ясно испугались ли меча, но дергать перестали.

Конечности дрожат как на лютном морозе, земля под ногами расползается с треском, всасывает как тряпина. Может она и тянула? Анри глянул вниз, под ноги, голова наклонилась, а чувство будто глядит вверх, и глаза есть и там на макушке. Мир словно перевернулся, и он как в песочных часах сыпется сверху вниз по песчинке, а каждая песчинка он сам. Маленькие части сморят, видят себя и другие части и все в целом. Такое трудно представить, Анри пробовал потом, но не получалось, в уме такое не уместается.

Когда песчинки слиплись воедино, в ушах пронзительно загудело. Гул нарастал и нарастал, пока не превратился в тонкий комариный писк. Под ногами затряслось, заходило ходуном, будто в недрах просыпается громадный змей, толкает могучим телом земные пласты. И ничего не видно, перед глазами темно, как в подземелье, лишь трепещет вдалеке серая тряпка, растет понемногу, уже не тряпица-простыня.

Анри свернулся калачиком, обхватил руками колени. Вокруг вновь полыхнуло голубым, яркая вспышка обожгла глаза. Страшно завыл мертвый, нечеловеческий голос. Свет был ослепительным, а когда погас, Анри видел только темно-красную завесу век, и мелкую сетку капилляров. Думал ослеп, осторожно прикоснулся руками к глазам, пальцы наткнулись на теплое и мокрое. Неужели кровь? Неужели ослеп? Но нет, веки медленно двинулись вперед, взгляд наткнулся на что-то серое и широкое. Поднес ладони к лицу, на пальцах мокрые следы слез. Ну, слава богу, не кровь, и то хорошо.

Зрение еще не вернулось, перед глазами плыло, но все же, Анри успел увидеть, как громадная туша, высокая, с двух быков размером, двинулась там, вдалеке. Глухо чавкнуло, будто дубиной ударили по сырой земле. Наступила мертвая тишина, серые вихри слева и

справа двигались тихо, словно звери на ночной охоте. Туша растворилась среди широких белесых колец тумана.

Анри торопливо нащупал на земле саблю, произнес дрожащим голосом:

— Там что-то есть.

Сказал, и только потом понял, что говорит вслух.

Глава 15. Радужный прием

Иноземье. Мир мертвых. Некрополис.

Анри накрыл ладонью рот... и ощутил, как по спине к затылку змеем ползет жуткий холод, обкручивает длинным хвостом каждый позвонок, волосы на теле встают торчком, в груди застучало чаще, ноздри громко, со свистом втянули воздух. Захотелось и их прикрыть, но чем тогда дышать? Там впереди затаилось что-то громадное и страшное.

Ветер дул слабо, будто умирал, едва вздымалась под ногами серая пыль, или пепел. Сухой и безжизненный воздух странно пах кислятиной, шелестел от прикосновения к коже, как иссохшие листья. От него в легких колело, во рту вмиг пересохло, вот-вот перехватит горло и закашляешься. Анри медленно поднял взгляд, те же серые полосы, солнца не видно, но жарко как в пустыне, на лбу и висках быстро проступили крупные капли пота, следом намочила спина. От рук, по ребрам вниз побежали липкие струйки.

Из белесого марева выступили новые очертания. Жуткие, неживые лица, потемневшие от времени, ссохшаяся плоть коркой покрывает кости. В следующее мгновение лики пропали, туман стал гуще, а сердце Анри дернулось. Он с силой сжал рукоять сабли, зубы стиснул, даже в ушах стрельнуло. Остаться на месте бессмысленно, ждать пока те из тумана подберутся ближе? Анри поднялся на ноги и осторожно двинулся вперед, туда, где еще не видел оживших кошмаров.

Так и шагал, неспешно, постоянно оглядывался. Саблей без разбору рубил все, что попадалось под руку, но никого не задел, лишь раз клинок наткнулся на что-то твердое, раздался хруст, показалась уродливая костяная рука. Анри решил — мертвый воин, ударил снова, а когда пригляделся, оказалось — засохшее дерево, черное как уголь. И не рука это вовсе, а корявая ветка.

Через три сотни шагов, белесый туман кое-где прорвался, поредел, и Анри увидел что стоит на краю утеса, а под ним, внизу развалины поистине огромного города. Еще шаг и он бы сорвался в пропасть. Под подошвами сапог хрустели тонкие желтые кости. Анри понял, это останки одного из жителей, рядом лежал дырявый старый череп, оторванная челюсть валялась неподалеку. Этот уже никого не потревожит, но те другие, которые прятались во мгле...

Руины тянулись до самого горизонта, что-то более громадное трудно было представить. Даже Тулуза вдвое, а то и втрое меньше чем эта громадина. Но здесь в отличие от жемчужины Франции — все разбито и изувечено. Ни одного целого здания, лишь голые кости дворцов да почернелые трупы цивилизации. Темнеют окна зданий, словно рты, разинутые в беззвучном крике, впавшие стены занесены тем самым пеплом, что шуршит под ногами.

Анри рассмотрел края утеса и понял что это полуразрушенная лестница, кое-где ступеней нет и под ногами чернеет бездна, но можно переступить, на худой конец, перепрыгнуть. Но лучше не прыгать, ступени покрыты глубокими трещинами, между краями можно палец просунуть, с таких сорвешься, только и засвистит...

Вдалеке, среди серых змеистых тел тумана, вновь что-то шелохнулось, крупное, по форме напоминает громадного кабана. Анри перекрестился и ступил на лестницу. Как бы жутко не выглядели ступени, а то неведомое страшней, тело пробирает дрожь.

Первые сто с лишним ступеней дались легко, Анри пробовал их считать, но на седьмом десятке сбился. Тем не менее, первая сотня далась легко, а вот дальше... Он посмотрел вниз, носки сапог уже зависли над пропастью, а до следующего камня ярдов семь, не меньше. А прыгнешь опрометчиво, и только след на земле останется мокрый, и еще одна горстка изломленных костей... С такой высоты и кот убьется, тут только если крылья за спиной, а так — нечего и пробовать.

Нет, прыгать нельзя, слишком рискованно, нужно искать другой путь. Анри развернулся и зашагал обратно по лестнице. Если есть один спуск, должен быть и второй. Не может же такой громадный город обходиться одной лестницей? Наверняка, жители поднимались и другими путями.

Назад поднимался быстрее, уже знал, какая из ступеней устойчивая, а где камень предательски хрустит под ногами, норовит сорваться вниз и увлечь за собой в могилу горепутника. Не выпуская сабли из рук, медленно продвигался вперед, второй рукой держался за выступы в скалах, хоть и малая, но страховка. Рукой придерживаешься за скалу, и щупаешь ногой, трещит или нет, не скалывается ли камень под ногами? Если нет, вперед к следующей ступени.

Вниз старался не смотреть, хотя и подмывало разглядеть подробней руины, но решил повременить. Вот если спущусь, тогда и рассмотрю, а пока, какой смысл. Все равно не понятно где там дворец, где храм.

Анри ступил ногами на монолитную глыбу утеса, натруженные руки гудели от напряжения, пальцы правой ободрал в кровь об острые скалы. В груди ломило от постоянной сутулости, он распрямил плечи, поднял взгляд и замер. Впереди, на расстоянии удара саблей, стояло страшное существо. Это его Анри видел в тумане, жуткая громадина, мертвый великан.

Тело раздутое, рыхлое все в синих и черных трупных пятнах, будто долго лежало в сыром месте, кое-где видны уродливые раны, сквозь прорехи виднеются внутренности, сизые и склизкие. Вдоль жуткого пуза, змеей тянется грубый шрам, рана так и не успела зажить, края расходятся, и наружу сочится зеленая жидкость. Может кровь такая, а может гниль? Анри поспешно отступил назад, камень под ногами затрещал, чудовище повернуло уродливую голову, противно затрещали позвонки.

На круглой как мяч голове виднеется один молочно-белый глаз, с выцветшим зрачком, вторая глазница пустая, внутри черноты копошатся толстые мерзкие черви. Нос у чудища отъеден, наружу проглядывают желтые кости, губы изодраны в клочья, щека свисает вниз как грязная тряпка, за нею видны кривые, но крупные зубы, каждый с палец размером.

Чудище посмотрело на Анри слепым глазом, шагнуло вперед, протянуло к нему громадную руку. Ладонь была шириной с голову, такому и оружия не надо, пальцем может по камню размазать.

Маркиз попятился как рак, вперед путь отрезан, такую громадину не обойдешь. Великан с противным шарканьем передвинул кривые ноги, громко плюхнуло, будто тяжелый камень шлепнулся в жидкую топь.

Теперь Анри понял, что хлюпало там, в тумане — гнилые внутренности. Он осторожно отступил вниз на пару ступеней, глаза не отрывались от клинка, мышцы напряжены, пускай только сунется, сразу познакомится с саблей. Великан яростно вращал мутным глазом, понимал, что добыча уходит, но идти по ступеням не осмелился, застыл на краю обрыва. Хоть голова и дырявая, а видно соображает, что с такой высоты и его гнилую тушу по камню

размажет.

Анри поглядывал гневно на великана, думал, может, уйдет. Но тот стоит, как вкопанный, ни шагу не делает, только глазом вращает дико, сопит. Какое-то время смотрели друг на друга со злобой, маркиз понял, что чудище не двинется, пока его видит. Но может если спуститься, ниже и подождать, оно уйдет. Недолго думая, осторожно переступил на следующую ступень, оглянулся. Монстр стоял, как и прежде, уже даже глазом не шевелил, мертвое тело будто окоченело.

Анри с опаской подступил ближе, сапог продвинулся всего на дюйм. Так чтобы и чудище не дотянулось длинными руками, и увидеть его реакцию: пошевелится, нет? Мертвая тишина, все вокруг замерло, даже серые хлопья пыли под ногами не шелохнутся, лежат толстым пластом, покачиваются мерно как тополиный пух. Он осторожно передвинул ногу еще на полшага, пыль облачком взлетела вверх, камень затрещал под ступней, как черепки битой посуды. Анри мысленно выругался, поднял взгляд.

Внезапно раздался страшный скрежет, металлический звон. Маркиз только и успел, что отклонить голову назад, перед самым носом промчалась широкая корабельная цепь, тяжело врезалась в монолитную глыбу. Камень с треском разлетелся, мелкие каменные осколки дождем градом брызнули во все стороны. Мелкие и острые они ранили лицо и руки Анри, кожа покрылась тонкими алыми полосочками. Благо что убрал голову, иначе треснула бы как перезрелый арбуз.

Анри оскалился, стараясь не выглядеть перепуганным, хотя страшно было до жути, сильнее сжал рукоять сабли. Чудище смотрит неотрывно, в мутном глазе лютая ненависть, даже подрагивает от злости, разорванный рот что-то хрипит неясное, а толстые как колбаса пальцы дергаются, потрясают тяжеленной цепью.

Анри сплюнул на сторону, медленно отступил назад. Глаза прищурил, взглядом цепко держал врага: хоть и мертвец, а хитер как лис. Он рисовал в уме, как брошенный клинок вырвется из руки, со свистом повернется в воздухе и по самую ручку, с хрустом войдет точно в уцелевший глаз. Изувеченное чудище заревет, как циклоп ослепленный Одиссеем, а он тем временем, прошмыгнет наружу...

Надо только прицелиться хорошо и бросить правильно, чтобы сабля вращалась быстрее, до цели всего ничего, можно попасть рукояткой.

Рука великана конвульсивно подрагивала, цепи звенели непрерывно, тяжелые кольца сталкивались, терлись, ударялись друг о друга и о каменную плиту под ногами. Анри приблизился к чудищу еще на полшага: пускай ударит, длину цепи уже видел, дальше, чем выбоина в стене ему не достать, а будет возвращать руку назад — метну саблю. Тут надо наверняка, чтоб не защитился, сабля то одна, да и не простой кусок стали, колдовской. Такая пригодится.

Гнилая громадина повела слепым глазом, хрюкнула недовольно, но цепь подтянула поближе. Видно готовится к удару. Анри подвинул ногу еще на дюйм, глаз не сводил с предплечья монстра. Из разбитого сустава наружу торчит желтая кость, плоть расползлась в стороны, как прохудившаяся ткань, лохмотьями свисают громадные мышцы.

Только сейчас Анри обратил внимание на жуткий смрад, идущий от полуистлевшего тела. Так пахло на бойнях, возле ям, куда сбрасывают внутренности, там еще тучами роятся крупные мухи, облепляют сизые потроха черной коркой, а противное жужжание... На великане мух нет, откуда им взяться в мире смерти, но смрад такой же. Анри шагнул еще ближе к заветной черте, еще немного и монстр сможет дотянуться цепью.

Тварь зарычала дико и яростно, от рева заболело в ушах, даже круги поплыли перед глазами. Видно понимала, что дотянуться не сможет, но громадная цепь все равно взмыла в воздух, с треском обрушилась на ветхие ступени. У Анри внутри похолодело, сердце дернулось испугано, требовательно застучало о ребра. Он понял, что удумал монстр: раз дотянуться не досуг, разрушит ступени под ногами, пускай малыш полетает.

Горячая кровь хлынула по жилам кипящей волной, застучала в висках, на израненной коже проступили алые капли. Анри крепче сжал саблю в руке, поспешно отпрыгнул назад. Камень под подошвами хоть и заскрипел, но выдержал вес крупного мужчины, лишь пара камешков осыпалась вниз.

— Что, думал самый умный?! — выкрикнул Анри гневно, — видали и поумней, дырявая башка!

Чудище вновь издало жуткий рев, бессильно махнуло цепью, звенья обижено ударились о камень, в воздух взмыла новая туча каменных брызг, пыль поднялась облаком. Анри лишь ухмыльнулся: куда тебе неповоротливому.

За спиной великана что-то шевельнулось, он подумал рука, или может еще одна цепь. Но нет, из-за дырявого раздутого великана выглянуло узкое почерневшее лицо. Сухое и безжизненное, кожа — обугленный пергамент, накрепко прилипла к тощим костям. Глаз у мертвеца нет, даже издали видны грубые швы на веках, вместо носа зияет дыра, сквозь нее видно внутреннюю стенку черепа, коричневую, как потертая кожа. Рот не закрывается, нижняя челюсть выбита, свисает набок, утыканная редкими желтыми зубами.

Мертвец злобно щелкнул кривой челюстью, шагнул вперед на тощих ногах. Этот не походил на грузного и неуклюжего сородича, тощий и шустрый он кружил вокруг толстяка как собака. Суставы противно хрустели при каждом шаге, кости стучали друг о друга, щелкали. Следом за первым появился второй, такой же сухой и черный, напоминающий скелет, лишь голова не такая длинная и челюсть на месте. Спина изогнута дугой, как у кота, посреди черепа зияет дыра. В костистой руке мертвец держал ржавый шестопер. Рукоять небрежно болталась в тонкой руке, казалось, хлипкая кость треснет под весом тяжелого оружия.

Анри решил, что эти двое напоминают мумий, которых видел в Египте, такие же ссохшиеся тела, пергаментная кожа. Один из тощих подошел совсем близко в краю пропасти, вытянул как гусь шею, клацнул недовольно челюстью и отошел обратно. Второй поспешил следом. Вместе один вслед за другим, мумии взобрались на плечо к великану. Уцепились костяными пальцами за вздутую плоть и уселись, как падальщики, на шею.

Толстяк неряшливо схватил одного за голову, размахнулся от плеча. Анри удивленно нахмурил брови, посмотрел исподлобья: что эта тварь делает? Он чувствовал, как озноб ползет по телу от страшной догадки: великан будет бросать скелетов сюда, ко мне. Не смог дотянуться сам, достанет чужими руками.

С треском первый мертвец взмыл в воздух, великан бросил хорошо, навесом, не пожалел силы. Скелет растопырил конечности в стороны, как паук, готовился свалиться на голову. Анри глянул вверх, вытянул вперед полусогнутую руку, тугие мышцы напряглись, под кожей задвигались крупные бугры.

Громко ударились кости о каменные ступени, взметнулись вверх крупные лохмотья пыли, Анри стоял с саблей над головой, готовый к удару. Существо проворно прыгнуло, прямо на него, выставило вперед когтистые руки. Он прижался спиной к стене, рубанул наотмашь, клинок бесшумно разрубил кости как гнилую веревку, отрубленные конечности

попадали вниз.

Мертвец оказался на удивление шустрым, Анри едва успел вновь замахнуться саблей, как скелет вскочил, бросился с разинутым ртом. Видно хотел вонзиться зубами в горло. Но маркиз не растерялся, лишь брови сдвинулись на переносице, да рукоять сжал посильнее.

Череп лопнул с сухим стуком, осколки костей жалостно защелкали по каменным ступеням. Обезглавленное тело шлепнулось под ноги, беспомощно заскребло культами, силилось подняться. Анри для уверенности рубанул по позвоночнику. Правду говорила Ситара, сабля разила мертвецов наповал, скелет тут же замер. Теперь под ногами просто груда старых черных костей. Но обратного пути нет, теперь только вниз. Сверху возвышается над землей гнилая туша великана, а под ногами пропасть, которую не одолеть. Но и там внизу такая же прореха, правда, сверху вниз легче прыгать чем наоборот.

Великан размахнулся снова, земля затряслась от неистового рева, ступени под ногами затрещали, с них посыпалась мелкая крошка.

Анри затаил дыхание, немигающим взглядом следил за каждым движением чудовища. Скелет взлетел в воздух, тяжелую булаву вскинул над головой, разинул рот в беззвучном крике. Несколько мгновений маркиз не двигался, лишь смотрел печально, казалось, смирился с уготованной участью. А в последний момент, перед тем как сухой скелет упал перед ним, лихо крутнулся, ударил саблей снизу вверх.

Шестопер просвистел точно над ухом, послышался сухой хлопок. Анри негромко выругался, ржавая сталь оцарапала плечо. Но скелету досталось больше, сабля даже не задрожала в руках, позвонки лопнули, как старая бечевка.

Грузное чудище яростно взвыло, закатило мутный глаз, затрясло цепью. Анри пнул сапогом черные кости, останки второго скелета посыпались в пропасть вслед за первым, разломанные ребра закружились, почти как семечки клена, скрылись где-то среди руин.

— Ну что, съел!?

Под ногами паутиной расходятся широкие трещины, ветхие ступени после схватки едва держатся. Крупный кусок камня откололся от края, с тихим шелестом посыпалась мелкая крошка. Анри понял, все, пора двигаться вперед, чем дольше стоишь на одном месте, тем больше шансы, что земля уйдет испод ног. Он нервно облизал губы, посмотрел вниз с опаской: среди руин двигались черные точки, но если присмотреться узнаются сухие тела мумий. Там внизу его уже ждут, но выбора нет, либо спускаться вниз, либо падать туда же.

Спускался быстрее чем в первый раз, ноги уже знали куда ступать, где трещины хоть и шириной в палец, но не глубокие, а значит не свалишься, а где хоть и тонкие волосинки раскола, но скол глубокий и камень как живой дрожит под ногами, вот-вот прыгнет вниз. Анри даже помнил номера опасных ступенек, триста четвертая, триста одиннадцатая, триста двадцать вторая...

Анри замер над широкой прогалиной, до следующей ступеньки семь-восемь ярдов, не меньше, а с собой нет ни веревки, ни крюка. Внизу уже видны очертания огромных статуй. Вылитые из темного материала, они тускло отблескивают металлом, высоко воздетые руки, судя по всему солдата, держат странной формы мушкет, и мундир на воине также дивный. Таких Анри прежде не видел, но детали не разглядеть, скрывают полосы подвижного тумана. Вот если спуститься, можно внимательно оглядеть. Но сначала надо решить, как преодолеть пропасть? Прыгать? А место для разбега? Где его взять? Под ногами лишь просевшие от времени ступени, свалишься вниз еще до того, как прыгнул. И расстояние громадное, почти четыре человеческих роста, как такое перепрыгнуть? И не проломится ли

плита, когда приземлишься? Отсюда не видно, крепкий ли камень, да и самый крепкий не выдержит, лопнет от удара.

Анри присел на краю пропасти, спиной уперся в скалу, как раз там, где вбиты железные штыри, что держат ступень. Железо изъела коррозия, пруты покрыты толстой рыжей коркой, местами вздутой, железо похоже на слоеное тесто, кое-где надкушенное, с темной начинкой — сердцевинной штыря.

Маркиз устало прикрыл глаза, стук сердца слышался громче. Мимо воли различаешь, как шумит кровь в голове, воздух надувает легкие, а в голове тишина, ни одной мысли. Даже мыслишек нет. Вот так всегда, когда ничего не надо, от них не избавишься, в уме что-то вертится, пляшет, скачет, просится на язык. А когда нужно поработать — тишина. Или может и нужна тишина, чтоб все обдумать, чтоб пришло верное решение. Сейчас же думаю, — поймал себя Анри.

Внезапно в уме возникли яркие краски, живые брызги цвета, будто праздничные фейерверки вспыхнули, и рассыпаются тысячами красочных искорок. Но вокруг тишина, не трещит порох, нет веселого свиста ракет, все та же мертвая тишина. И запах прежний, кислый спертый воздух... А искры все летят и летят, одна другой ярче. Анри боялся открыть глаза, вдруг видение растает.

Брызги дождем осыпались вниз, собирались в крупные пятна, почти лужицы. Маркиз продолжал жадно следить за происходящим, жидкая краска зашевелилась, цветные медузы устремились друг к другу. Медленно и вальяжно они дрейфовали в черноте, пока не соприкоснулись яркими боками. Цвета грели ярким светом, смешивались, переливались как жидкий металл в кузне, Анри даже жар ощущал, хотя картинка — чистой воды иллюзия. Цветная поверхность металла задрожала, подернулась мелкой рябью, как вода в тазу, по которому стучишь ладонью. Постепенно рябь утихла, металл стал вязким, густым как глина. И подобно тому, как под руками мастера на гончарном круге возникают фигуры, стали появляться черты лица, сначала рот, прорези глаз, нос, брови... Картина притягивала взгляд, и лицо знакомое, его собственное, но иное, то, что видел на карте, те же бездонные глаза, хмурые брови.

В спину Анри дыхнул прохладный ветерок, в мозгу закололо от неприятных воспоминаний. Лицо смотрело прямо на него, Анри даже хотел открыть глаза, но сдержался. Почему это он должен бояться, нет, не станет!

Взгляды двух маркизов, пересеклись, как и тогда, на вилле, но теперь в темных глазах Мага больше доброты, взгляд не такой тяжелый, не грызет душу, и молнии не блещут. Но все так же горит ярким светом синее пламя, втягивает и манит, как глупого мотылька.

— Что тебе надо? — мысленно спросил Анри.

— Ты звал меня, — ответил холодно голос.

— Нет, не звал, — возразил он. — Ты сам возник. Я просто думал.

— Ты хозяин карты, и ты позвал.

— Хорошо, ладно, — согласился Анри. — Зачем тогда я тебя звал?

— Как преодолеть пропасть? Прыгать? А место для разбега? Где его взять? — насмешливо повторил Маг. — Это не ты?

— Посмеяться пришел, ну так бы сразу и сказал, — ответил Анри с обидой.

— Я уже спас тебе жизнь однажды, мог бы и спасибо сказать, — произнес голос небрежно.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Места для разбега нет, негде взять. Прыгать — безумство, тут двадцать четыре фута, с половиной. Только если ты чемпион по прыжкам в длину. А ты не чемпион. Да и чемпионы начнут так прыгать не в твое время, гораздо позже. На все нужно время, опыт...

— Какой умный, страх берет, — с сарказмом сказал Анри. — Лучше что-то дельное посоветуй. То, что прыгать — безрассудство я и без лекций сообразил.

Лицо Мага напряглось, на лбу пролегли глубокие складки, в глазах зло полыхнуло синее пламя, рот искривился в гневной гримасе. Он сказал свирепо:

— Не забывайся, Анри де Ланьяк. Хоть ты и хранитель карты, я вовсе не обязан тебе помогать. Я не твой слуга, и даже не твой личный советник! И напомню — ты не у себя в замке!

— Извини, — пробормотал маркиз, от возмущений Мага у него заломило в висках, — не подумал. Подскажи, пожалуйста, что делать.

— Они тебя послали самого, знали, что меня отыщешь, — сказал недовольно Маг, улыбнулся натянуто. — Знали, плуты. Никак Плут и насоветовал...

— Какой плут?

— Не важно.

— Так что делать? — Обожаю этот вопрос, — ответил Маг, обнажил крупные белые зубы, захохотал громко и грубо, даже щеки затряслись. — Поверь мне, Анри, ответ тебе не понравится.

Глава 16. Черное крыло

Иноземье. Харшавр. Черная башня.

Черная башня давно перестала быть просто башней. Она и не строилась как укрепление, скорее — крепость, неприступная твердыня. Достаточно только взглянуть на узкие зловещие щели бойниц, десятифутовой толщины стены из зачарованного камня, чтобы понять — тут не поможет даже могучий лучемер, не говоря уже о банальном таране.

Черная башня — вне времени, она не стара и не молода, неизвестно кто строил ее, кто заложил камень в основании. Кто — то из Архонтов, или она возникла даже до них? Ответить мог только один человек — хранитель башни. Хранитель старшего аркана — Архонт, один из двенадцати владык пространства и времени.

Больше всего зачарованный камень напоминал черный гранит, отполированный до ослепительного блеска, гладкий как стекло. А как же привлекал безупречный цвет, никакой примеси, никаких вкраплений красного или серого. Только черный.

Многие знали, что крепость перестраивалась, и не единожды. С каждым разом твердыня становилась все массивнее, неприступнее, а стены поднимались выше. Но только хранителю известно: к гляцевому граниту не прикасалась рука смертного, его не ломали ни ломом ни кайлом, в каменоломнях не рубили новых блоков. Черная башня растет, сама, без помощи строителей, и рабочих.

Твердыня, просто несокрушима, ее невозможно взять ни приступом, ни осадой, со всех сторон башню защищают зоны искривленного пространства и временные петли, а это все равно, что непроходимое болото. Любой, даже умелый маг обязательно угодит в западню, где потеряет силы и либо бросит напрасную затею, либо погибнет, обескровленный и слабый, в мире — ловушке. Единственная дорога, ведущая в континуум Черной башни настолько узка, что найти может лишь хранитель. Это место, в котором можно прятаться тысячелетиями, не страшась никого и ничего, или вечность томится в заточении, не имея и малейшей надежды на побег.

Хранительница смотрела на свое прекрасное отражение в зеркале. Длинные золотистые волосы широким водопадом сбегают до середины плеч, прикрывают высокую и полную грудь. На чистом, молодом и ухоженном лице нет и малейшего изъяна. Большие серые глаза тонко подведены черным, что подчеркивает их яркость. Крупные губы выглядят сочно, ярко блестят от помады, их так и хочется коснуться, поцеловать, ощутить их жар.

Леонор с огромным усилием отвернулась от зеркала и взглянула на стоящего позади мужчину. Хватит любоваться собой, она обязана сегодня предстать перед советом старейшин, где уже на равных будет вести разговор с остальными одиннадцатью. Теперь она Архонт, держатель одной из карт всевластия. В ее распоряжении могучая Сила и Черная башня, с ее желаниями придется считаться. Не зря держателя Башни считают одним из самых непредсказуемых магистров. Башня — источник разрушительной мощи, но ее сложно контролировать такому новичку как она. Она обязана научиться подчинять себе эту Силу, Башня это не Королева мечей, здесь полагаться на удачу — подобно смерти.

От раздумий на душе становилось тяжело, свет в глазах тускнел, Леонор сказала невесело:

— Дорогой, ты отправишься со мной на совет, или подождешь здесь?

— Я иду с тобой, — твердо ответил Фарамонд. — Пускай ты и Архонт, но я по —
прежнему люблю тебя. А может и сильнее. Сила делает тебя еще желанней, еще краше.

— Да, власть красит кого угодно, — промурлыкала довольно Леонор, прикрыла
глаза. — Но вот вопрос, любишь ли ты меня, или ту власть, что со мной? Ту Силу, что теперь
моя по праву?

Фарамонд едва не подавился воздухом, приложил ладонь к груди, сказал хрипло:

— Как ты могла такое сказать? Разве я когда — либо давал тебе повод так думать?

— Нет, — ответила она примирительно. Хотя знала, Фарамонда давно гложет жажда
власти, он никогда не обладал даже младшим арканом. Любая из карт для него как кусок
хлеба для голодающего. Но голодным опасно давать пищу, желудок, отвыкший от еды, не
справится, и человек, вместо того чтобы наполниться жизнью, забьется в агонии. Так и
Сила, не привыкший к ее потокам сгорит как восковая свеча, поднесенная к дикому,
ревущему пламени.

— У меня есть для тебя подарок, — сказала Леонор, хитро сощурила глаза.

Фарамонд удивленно повел бровью:

— Подарок? Какой же?

— Королева перейдет к тебе, — ответила она мягко, подошла к барону вплотную.

— Королева, ко мне? — низким грудным голосом произнес Фарамонд, нежно
прикоснулся к обнаженной груди, маркизы, провел пальцами по нежному светло —
коричневому соску. — Ты моя королева.

— И все — таки, — прошептала сладко она, — ты примешь мой дар?

— Да, — сказал он твердо, чувствуя, как внизу живота заиграла кровь. — Я приму твой
дар.

От такого щедро подарка Фарамонд не мог отказаться, да он как и прежде обладает
могучим Харнским артефактом. Скларт дает возможность странствовать по мирам, этого не
может ни один из младших арканов. Скларты создавали Архонты древности, могучие
чародеи Харна. Кроме того, он слышал, доска имеет несколько уровней, и мастер может
путешествовать между ними, открывая миры прошлого и будущего. Скларт — это такой же
источник Силы как и младший аркан. Но если соединить их вместе...

Фарамонд загадочно улыбнулся, обнял Леонор за плечи:

— Это больше чем я мог себе представить, ведь королева была с тобой с самого детства.
Она сделала тебя такой, какой ты есть. Даже не верится, что ты можешь расстаться с ней
ради меня.

— А ты поверь, — сказала она серьезно, — теперь она твоя.

Леонор подняла правую руку вверх, расставила в стороны пальцы, веки плавно
опустились, длинные пушистые ресницы легли на щеки. Фарамонд залюбовался ее красотой,
дыхание стало горячим, жгло ноздри, во рту вмиг пересохло.

В воздухе, в дюйме от кончиков пальцев маркизы, вспыхнул ослепительный свет, будто
маленькая звезда загорелась прямо под сводами башни. В стороны брызнули яркие белые
лучи, красочные искорки закружились, как снежинки в зимнем танце, плавно осыпались на
глянцевый черный пол. Когда свет угас, в ладони лежала потертая, потемневшая от времени
бумага.

Фарамонд прищурился, глаза еще болели от сильного света. Леонор держала в руках
карту — Королеву мечей.

— Это мой дар, — сказала она, протянула руку.

Барон кивнул, в глазах было сомнение, все еще не верил:

— Спасибо.

Карта коснулась его пальцев и исчезла, будто растворилась в воздухе, над ладонью лишь закружилось маленькое облачко серебристой пыли. Пылинки подрагивают, как живые, будто рисуют дивный орнамент из света.

Фарамонд даже рот открыл от удивления:

— Куда она делась?

— Аркан всегда внутри, если ты знаешь, как направлять Силу. Но будь осторожен, умелый мастер может перехватить аркан, разрушить связь. Так я отрезала Бриана от башни.

Барон прикрыл глаза, лицо внезапно замерло, стало спокойным:

— Да, да я чувствую внутри. Вижу ее лицо. Как же она хитра...

— Хорошо, — кивнула Леонор, — нам пора идти.

Она знала — Королева, дает самодостаточность и хладнокровный характер, при этом развивает и силу духа. Ее хитрость всегда проявляется там, где это необходимо, и никогда не перехлестывает границ дозволенного. Находчивость всегда приходит на выручку, а неприступность заставляет врагов уважать тебя. Для честолюбивой ведьмы хранительницы лучше не придумашь. Эти качества помогли бы справиться и с непредсказуемой, как буря, Черной башней, но королева могла возжелать...

Леонор как никто другой знала, о чем втайне мечтает Королева мечей, и по какой причине дала столько Силы на схватку с Брианом. Она хоть и помогает, на самом деле движется лишь к своим собственным целям — авторитету и власти. А ими Леонор не намерена делиться. Пускай лучше жажда вольется в Фарамонда и поможет отыскать Анри. Пускай королева отыщет Мага.

Фарамонд, спустя мгновение, вышел в просторный зал башни уже одетый, даже шнуровку на сапогах затянул, и воротник рубашки поправил. Все — таки на совет идти, не на прогулку в парке. Леонор про себя отметила знакомый стальной блеск в глазах барона. Перед ней как будто иной человек, даже мимика переменилась, лицо спокойное, будто резали из мрамора, и жесты плавные, исчезла импульсивность, уже не мечется как загнанный зверь.

Оно и верно, теперь, когда над головой не нависает коса костлявой, и дышится и думается легче. Но добычу отпускать далеко нельзя. Анри нужно найти и убить. Карта теперь в его власти: но что толку дураку с золотой короны? Силой распорядиться Анри не может, бесценный артефакт в руках глупца лишь клочок старой бумаги. И почему она досталась ему?

Леонор облачилась в длинное, до самого пола, черное блистающее платье. Тонкая прозрачная ткань едва скрывает наготу, горит и искрится, как драгоценные камни, от живых огоньков даже в глазах щиплет. Тусклый свет масляных ламп и тот становится ярче, когда касается зеркальной поверхности платья. На спине и на бедрах, глубокие вырезы, больше для изящества, чем эпатажа, ведь ткань и без того — прозрачный шелк.

— Ты великолепна, Леонор, — с восторгом произнес Фарамонд, губы сами растянулись в улыбке, — просто великолепна.

— Спасибо, дорогой. Я готова идти.

Маркиза, а теперь и хранительница черной башни немигающим, как у змеи, взглядом, уставилась ни собственную ладонь. Длинные красивые пальцы широко расставила, кисть слегка подрагивала от напряжения. Фарамонд уже знал, так она обращается к Арканам. У

каждого личный способ, кто — то прикрывает глаза и сосредоточивается, как он, а кто — то как Леонор, смотрит на кончики пальцев, пока перед глазами не возникнут белые дорожки. Длинные и тонкие они струятся вверх, как дым над угасшей свечой, оттуда, где заканчиваются ногти. Их легче увидеть, если смотришь на темном фоне. Черные глянцевые стены тут очень кстати. Можно поступить и как Бриан, громко, перед самым носом хлопнуть в ладоши, так чтоб в мозгу стрельнуло. Тогда мысли перестают блуждать и моментально выстраивается канал связи с Арканом.

Пока Фарамонд размышлял, на ладони Леонор проступили тонкие, прозрачные как дымка, очертания башни. Мгла наливалась темнотой, холодным блеском камня. Спустя мгновение твердыня выглядела как и снаружи: черная, гордая, неприступная. С высокими зубчатыми стенами, что копиями пронзают небо, узкими щелями бойниц, глянцевым лоском зачарованного гранита.

Леонор повела рукой, фигурка башни задрожала, прямо перед ней из воздуха возник тонкий серебристый луч, следом за ним еще, и еще один. Стальная поверхность лучей ярко блестела, живо переливалась цветом, как ртуть. Подобно нитям они сплетались воедино, края соединялись. Прямо на глазах сеть лучей превращалась в туннель. Края прохода крутились вихрем, в его центре заплясала черная как ночь воронка.

Фигурка башни уже не дрожит, как осина, но от верхушки к туннелю побежал тонкий ручеек сизого дыма, струйка соприкоснулась с чернотой воронки и мигом расширилась, уже не тонкая ниточка, а широкая лента змеится в воздухе. Очертания фигурки становились все прозрачней, они истончались и скоро совсем растаяли. Лишь облачко светящейся пыли на мгновение зависло там, где была башня. Но голодный вихрь втянул и его.

— Это портал к Харну? — спросил Фарамонд, голос дрогнул от удивления.

— Да, — кивнула Леонор, — а та башенка, что ты видел, это ключ. Иначе попадем в мир — ловушку, и застрянем в туннеле времени навечно, или пока не умрем.

— Тогда не смею вас больше задерживать, мисс Архонт, — улыбнулся он, заговорщицки подмигнул. — Дамы идут первыми.

— А слуги в хвосте, — ответила Леонор холодно.

Она первой коснулась танцующей воронки в центре вихря и исчезла. Даже звука не издала, только что стояла на блестящем каменном полу, загадочно мерцала ткань ее платья в свете ламп...И вот пропала. Наверняка Аркан работает как скларт, — решил Фарамонд. Если бы я мог считать настройки портала, то в будущем сам смогу перемещаться на Харн без помощи Леонор и ее башни.

Барон запустил руку во внутренний карман камзола, зрачки округлились, чернильным пятном заполнили радужку. Из груди наружу вырвался тяжелый вздох, даже в легких закрипело. Фарамонд с болью и разочарованием вытащил руку обратно, на ладони лежал сдутый и плоский кожаный мешочек. Легкий, почти невесомый он не оттягивал привычно ладонь, кожа не чувствовала знакомой теплоты черного кубика.

Скларта нет! Хотелось закричать от обиды, ударить ногой в стену, а еще лучше отстегать кого —нибудь плетью. Ладони Фарамонда сжались в кулаки, лицо напряглось, на скулах вздулись крупные бугорки. Темные глаза барона горели холодным огнем мести, черные языки пламени могли испугать даже несокрушимую башню. Медленно, будто веки отлиты из бронзы, он закрыл глаза, глубоко вдохнул, разжал дрожащие от напряжения кулаки.

Фарамонд настраивался на источник Силы. Медленно представил меч, широкую и

удобную рукоять, обмотанную шершавой кожей, украшенную литой львиной головой, длинное прямое лезвие из вороненой стали, с двойным кровостоком и гербом на эфесе. Он видел даже тусклый блеск металла, утончения лезвия на режущей кромке и загадочный блеск на острие. Барон выбрал для себя такую настройку на Аркан. Для того чтобы использовать Силу, сплести чары, нужно проводить ритуал, но сейчас у него иная цель...

Вслед за мечом из темноты возникли глаза, большие, серые, холодные как сталь, следом за ними тонкие, но красивые губы, прямой аристократический нос. Лицо королевы, королевы мечей.

— Зачем, ты искал наше королевское величество, виконт? — спросила она черство.

— Никогда, слышишь, никогда не называй меня виконтом! — рыкнул Фарамонд гневно, даже забыл, что королева слышит мысли, а не слова.

— Как хочешь, но независимо от желания королевы остаются королевами, а виконты виконтами. Это не то, что мы можем изменить, — ответила хранительница Аркана с насмешкой. — Так что ты хотел, смертный?

— Ты! Ты взяла скларт? — трясась от гнева, спросил Фарамонд. Как она посмела унизить его, назвать смертным того, кто посягнул на бессмертие, того кто способен шагнуть сквозь пространство и время. Он осекся: Без скларта уже не способен...

— Зачем мне твоя безделушка, барон, — презрительно ответила королева, — нашему королевскому высочеству без надобности Харнский мусор.

Как же, мусор, — Фарамонд тяжело вздохнул, — Бриан головой рискнул ради такого мусора. Ничего ты не понимаешь, глупая напыщенная старуха, потому — то твой дух и хранит младший Аркан, но вслух сказал:

— Вашему величеству положено знать, что скларт очень ценная вещь в умелых руках, это не просто безделушка.

— О! Я мы знаем, наверное, потому башня и взяла его — ответила королева устало. — Ты утомляешь нас виконт, спрашивай быстрее и уходи, пока портал не закрылся.

— Отыщи куда девался скларт, — сказал Фарамонд повелительно, — я не буду сюсюкаться с тобой как Леонор, для меня ты лишь инструмент, «величество».

— Ты тоже, — ответила королева холодно, — ты всего лишь пешка, ждущая гамбита. Сегодня плоть, а завтра труп, всего то. Таких как ты я видела тысячи. Но мы поможем тебя, мы милостивы к слабоумным.

— Еще одна такая колкость, и я тебя уничтожу! — рыкнул Фарамонд. — Хоть одно кривое слово!

— Как страшно, — ответила королева спокойно, — но хорошо, это ниже нашего достоинства вести подобные беседы. Я буду помогать тебе, пока. Пока ты жив, естественно. Но если честно, барон, Мы нужны тебе, а потому ты ничего не сделаешь нам.

Фарамонд побагровел от гнева, даже белки глаз покраснели, зубы трещали от напряжения, в висках заломило, но стерпел. Королева действительно нужна ему, и старая кошелка знает это, умная стерва.

Подергивающееся полотно портала уже покрылось широкими складками, от центра к краям пролегли черные полосы. Ленты с каждым мгновением становились все шире, Фарамонд знал, когда чернота закроет весь туннель, переход станет опасным. Медлить нельзя. Осторожно, будто перед ним не временная воронка, а горячее пламя протянул руку. Пальцы соприкоснулись с холодным и влажным, по коже побежала серебристая жидкость. Фарамонд прикрыл глаза, он уже тысячи раз проходил таким туннелями, но обычно

выстраивал их сам. Тут же все во власти башни, от него ничего не зависит, но по — привычке барон сосредоточился, представлял то место, куда переместится. Он в деталях помнил пустынные степи Шахарна, сухой мертвый воздух, каменистую серую почву и небо, его никогда не забыть...Фарамонд медленно поднял веки.

В страшно лиловое, как умерший закат, небо рвалось высокое пламя. Угольно — черные языки извивались лентами, грозно выстреливали вверх. Дым, а может и само пламя, не разберешь, поднимался густым мрачным облаком над широкими кругами камней. Издали высокие, правильной формы менгиры напоминали колонны разрушенного храма. Тусклая серая поверхность камней изрезана тонкими прожилками, будто разукрасили праздничными лентами, расшили золотом и самоцветами. Тонкие полоски горят и светятся жизнью, но темный огонь затмевает и этот цвет. Колорит блекнет на фоне густой и непроглядной черноты.

Звезд не видно, а может, и нет их вовсе в этом зловещем небе. Все цвета и краски исчезли над пожаром, и пускай небо даже усыпано звездами, сейчас видно только огонь — неистовый, жадный.

Обычно пламя торопится уничтожить как можно больше до того, как успеют загасить, ведь радость огня скоротечна. Он либо гаснет сам, подышает как голодный зверь, пожрав все, к чему способен дотянуться, либо его загоняют в угол и тушат. Темное пламя никуда не спешит, высокие языки тянуться вверх гордо и независимо. Он горит уже тысячи лет при нынешних хранителях, как горел до них, и будет после. Ему нет дела до забот смертных.

Фарамонд и дальше следил бы заморожено за танцем могучей стихии, но заметил громадную кривую тень под ногами. Призрачный холодный свет луны часто рождает кошмары, даже собственная тень здесь с уродливыми длинными лапами, на пальцах будто когти, а вместо головы старый горшок. Но этот громадный фантом не его, ведь собственный, пускай и выглядит чужим, но послушный — стоит неподвижно, а этот трепещет как тряпка на ветру, скользит быстро — быстро. Фарамонд поднял голову, посмотрел ввысь.

Огромный угольно — черный дракон величественно распростёр крылья, длинная, как у лошади, голова повернулась, глянула злыми кровавыми глазами. Фарамонд оторопел, в сердце будто вогнали холодную сталь, спина задеревенела. Рукой пошевелить и то удалось с трудом. Двигался как во сне, медленно и вяло. Колючий взгляд дракона скользнул дальше, и Фарамонд с облегчением вздохнул: Так ведь и помереть можно, не каждый выдержит на себе тяжелый взгляд зверя.

Чудовище сделало над руинами круг почета и начало снижаться. Подул сильный ветер, взмахи могучих крыльев гнали холодный воздух вперед вместе с пылью и мелким мусором. Кожу на лице и руках сразу защипало, будто покалывало тысячами мелких иголок. Дракон уже широко расставил лапы, каждая с коня размером, видны жуткие кривые когти, кажется, сейчас схватит и разорвет на части. Порывы ветра становились сильнее, Фарамонд не удержался на ногах, упал на одно колено, склонил покорно голову: Пускай думают что приветствует, негоже рыцарю падать с ног как мальчишке.

С задривка дракона величественно воздел руку высокий человек с надвинутым на глаза капюшоном, пророкотал громогласно:

— Поднимись с колена, сын мой.

И хотя до земли еще не меньше сотни ярдов, Фарамонд услышал голос ясно и четко, будто и ветер вовсе не свистит в ушах.

— Да, владыка, — покорно ответил он, приложил кулак к груди. — Ваш покорный слуга

рад приветствовать Вас!

Обрамленный призрачным светом, антрацитово — черный дракон выглядел особенно страшным, чешуя угрожающе сверкает, отливая металлом, сразу понятно, что никакое оружие, ни меч ни топор ни даже Аркан не пробьют эту броню толщиной с ладонь. Дракона оберегает власть и могущество Архата, небесный скакун также неуязвим как и его хозяин.

Дракон чуть снизился, громадные кожистые крылья застлали небо, стало темно как ночью, тусклые лучи ночного светила не могли справиться с густой чернотой и глянцевым блеском шкуры зверя. Да что там, даже солнце не могло пробиться сквозь пропитавшееся мраком тело.

Высокая широкоплечая фигура в длинных черных одеждах, махнула рукой, что — то указала, дракон камнем пошел вниз, стремительно как ястреб, что увидел добычу. Сердца всех, кто сейчас смотрел на зловещего черного ящера сжимались в страхе при виде такой несокрушимой мощи над головой. Фарамонд тоже мимо воли вздрогнул, ладони стали холодными и влажными, воздух пробкой застрял в груди.

Дракон тяжело опустился на землю, та задрожала, крепкий серый гранит разлетелся в стороны комками, как самая обычная почва. В лицо Фарамонду полетели тысячи мелких каменных осколков, острые как кусочки стекла, они секли кожу. Благо успел закрыться плащом, но некоторые особо подлые осколки пробились и сквозь крепкую кожу. Когда громкий треск и скрежет утихли, Фарамонд опустил руку, пыль и каменная крошка посыпались грудой наземь.

Ящер сидел совсем рядом, чувствовалось его тяжелое смрадное дыхание. Воздух наполнился тошнотворным запахом гнили, будто засунул нос в помойную яму. Длинная рогатая голова склонилась к земле, красные глаза смотрят люто, будто ищут, кого проглотить, а из пасти наружу торчат такие же черные как и чешуя, кинжалы клыков. Каждый зуб с человека размером, а глаза — живой кошмар, человек со слабой волей просто падал замертво. Сердце не может выдержать такого страха, дикая животная паника... Фарамонд поспешно зажмурился, отвернулся от древнего чудовища. Таких как этот ящер остались единицы, реликт, пережиток прошлого. Хотя он слышал, что в отдаленных мирах есть целые цивилизации этих чудовищ.

Голос сзади прозвучал страшно, и неожиданно, как выстрел. У барона в груди все застыло, словно сердце превратилось в глыбу льда. Он даже не сразу понял, что сказал владыка:

— Добро пожаловать домой, сын мой.

Глава 17. В объятиях тьмы

Иноземье. Руины Харна. Шахарн.

Фарамонд переступал с ноги на ногу у входа. Заходить не решался, ждал, пока Владыка подаст знак. В здание совета двенадцати без позволения не зайдешь, стражи изрубят на месте, разве что ты Архонт, тем закон не писан. Они сами — Закон.

Барон окинул громадный Храм взглядом. Гладкие черные, как и все вокруг колонны блекло отсвечивают в мутном свете громадной луны. Их верхушки упираются в арочный свод, изукрашенный искусной лепкой, прямо над головой висит пара обсидиановых мантикор. Звери, точно живые, разинули жуткие пасти, оскалились, выставили наружу раздвоенные языки. Кажется вот — вот на голову закапает ядовитая слюна. Хорошо скульптор постарался, или может, статуи сотворены магией?

Двери в Храм слегка приоткрыты, сквозь щелочку видно громадного, как гора, мужчину. Фарамонд с содроганием смотрел на толстые, как бревна руки, на них видно каждый мускул, будто подведены карандашом. На бычьей шее, что пошире головы — череп размером с ведро, лицо широкое нечеловеческое, со лба торчит кривой, толщиной с кулак, острый рог. Грудь исполина выглядит шире пивной бочки, а короткие ноги — столпы столпами. В руках страж держит громадный, двухлезвийный топор, одна рукоять которого наверняка тяжелее Фарамонда, а лезвие...

Мышцы на толстой шее едва — едва дернулись. Может от ветра, что дул в щель, а может, учуял чужака. Страж, поднял тяжелый взгляд, проревел так, что Фарамонд отскочил на шаг назад от двери:

— Ты на совет? Без позволения владык ты не пройдешь!

— Я жду владыку, страж. Я не собирался входить, — ответил барон вяло. Рев исполина его оглушил.

— Вот и хорошо! Все равно не войдешь!

Фарамонд решил: лучше не раздражать великана, мало ли что у него на уме, отступил в сторонку от греха подальше. Хоть он и рыцарь храма, а страж чинов спрашивать не будет. У него разговор короткий, топором по голове или герданом в грудь, иному не обучен.

Фарамонд все размышлял о страже, когда рядом возникла стройная фигура в прозрачном черном платье. Леонор легонько, как ветерок, подошла к нему, тронула за плечо:

— Меня ждешь?

Барон удивился, но не содрогнулся, голос у Леонор мягкий, таким сложно испугать.

— Да, дорогая, — улыбнулся он в ответ, накрыл ее ладонь своей, легонько сжал пальцы. — Я видел владыку Абраксаса. На драконе. Он уже ждет внутри.

Фарамонд вздохнул тяжело, даже в легких скрипнуло, хотя и думает сейчас о скларте, а все равно глаза так и косятся на красивую полную грудь Леонор, на красивые бугорочки сосков, что проступают сквозь легкую ткань.

— Давно он прилетел? — спросила она с интересом, провела ладоням по волосам, грудь соблазнительно приподнялась. Смотри, мол, мне не жалко.

— Нет, совсем недавно.

— А где же тогда Фрасиаб? Его я не вижу, — хмыкнула Леонор.

— Дракон улетел сразу, как Владыка вошел в Храм, — ответил он сухо. — У меня скларт пропал, до сих пор не могу поверить...

— Как пропал? — Леонор удивленно захлопала ресницами.

Так я тебе и поверил, решил Фарамонд, строй не строй глазки, а известно кто взял куб. Знать бы еще зачем?

— Королева сказала это все башня, временные петли... Может, они каким — то образом влияют на скларт. Надо спросить на совете, — хитро сказал барон.

— Не стоит, — уклончиво ответила она, взглянула Фарамонду в глаза. — Я думаю, мы сами разберемся. Верно?

— Хорошо, так и сделаем, — сказал он твердо. — Зачем башне куб?

— Она его изучает. Кажется, наш скларт не так прост, как кажется.

Да уж, наш. С каких это пор он стал нашим, подумал Фарамонд, но вслух сказал:

— Она его не испортит?

— Нет, что ты, только посмотри, — сказала Леонор нежно, положила руки ему на плечи, прижалась упругой грудью. Фарамонд ощутил жар ее тела даже через рубашку. Внизу живота сразу заиграла кровь, нега растеклась вниз по ногам, затем поползла вверх по спине, легонько защекотала в затылке. Хитрая стерва, но ведь как хороша, умна и властна...

— Ладно, пускай изучает, — сказал он недовольно, наморщил лоб. — Но поскорей, куб мне нужен.

— Пойми, милый, она взяла его без спросу, а я когда увидела, не знала, как поступить. Ты ведь мог подумать..., — прошептала Леонор виновато.

— Так я и подумал, — кивнул Фарамонд, — ну да ладно, это в прошлом. А почему ты спрашивала о владыке?

— Мне надо с ним поговорить. Даже не мне, а нам.

— О чем? — спросил Фарамонд, приподнял удивленно бровь.

— Об Анри де Ланьяке, беглеце, — пророкотал властный голос из храма, — входите.

Внутри исполинский храм выглядел еще страшней чем снаружи. С первых же шагов сердце Фарамонда сжалось в комок. И дело не в стражах — великанах, те хоть и похожи на подземных демонов, а все — таки люди. А вот храм... Острый свод уходит в таинственную высь, утопает в черноте. Кажется, там вверху сидит громадное нечто, разинуло пасть, и внимательно следит голодным взглядом. Места там много, хватит и Фрасиabu... Вдоль стен на, расстоянии локтя друг от друга, стоят мрачные статуи. Вырезанные из дивного мерцающего камня они горят мертвым светом, их глаза и рты раскрыты, внутри тлеет холодное пламя. Статуи выглядят живыми... живыми мертвецами. Фарамонд слышал что Архонты могут повелевать и мертвыми.

На высоте человеческого роста, над статуями видны широкие проемы, в таком легко мог спрятаться даже исполинский страж. Для чего использовались эти туннели, Фарамонд не знал, но спрашивать не хотелось. От дыр веяло студящим кровь дыханием смерти. Под подошвами сапог гладкий черный гранит, с виду не отличающийся от того что в башне. Но когда ступаешь на громадную плиту, вся поверхность камня покрывается странным светящимся туманом. Но стоит убрать ногу, и свечение пропадает, как и холод что приходит вместе с ним.

Фарамонд чувствовал плавающий в воздухе аромат. Так пахло в сырых и заброшенных помещениях. Терпкий запах древности смешался с кислым и сырým духом камня.

Леонор шагала позади, таилась за широкой мужской спиной, зловещие статуи ей тоже

не приглянулись, он даже чувствовал ее дрожь. Как и Фарамонд, маркиза здесь впервые. Никогда прежде не позволяли Владыки входить в святую святых — Зал Совета Двенадцати. Но теперь Леонор одна из них, она пока лишь кандидат, не инициирована, но это вопрос времени. Карта есть, дело за малым, Архонты проведут ритуал и посвятят.

Вслед за Абраксасом двигались из зала в зал. Высокий, в два человеческих роста Владыка, двигался впереди, даже походка у него иная, скользит над землей, как бесплотный дух. Плиты под ним не загораются, не проступает тот дивный мерцающий туман.

Леонор даже принялась пальцами тыкать, Фарамонда это развеселило, едва не рассмеялся. Маркиза в ответ недовольно наморщила носик.

Владыка внезапно остановился, застыл посреди зала как могильная плита. Только черное одеяние легонько вздымается в такт глубокому дыханию. Фарамонд едва не налетел на него, но маркиза вовремя ухватила за пояс. Он в очередной раз убедился, насколько сильны хрупкие на вид женские ручки.

— Здесь, — сказал Абраксас мрачно, — будем говорить здесь. Нас не услышат.

— Кто? — вырвалось у Фарамонда.

— Те, кому не следует, — ответил владыка спокойно. — Присаживайтесь.

Не успела Леонор оглянуться, как прямо перед ней из воздуха сплелось красивое, с высокой спинкой кресло из темного южного дуба. Такое же, но чуть шире стояло позади Фарамонда. Сам Абраксас опустился в громадный трон, свитый из клубящегося дыма. Черные густые струйки неспешно бежали вверх, расстилались в стороны, создавая сидение, затем скользили дальше вверх, расширялись, там возникали поручни. Крупные, с длинными пальцами, руки владыки покоились на свитых из дыма черепах, подлокотники в виде позвоночных костей змеились дальше. Хребты как веревки в канате сплетались воедино и струйками черного тумана устремлялись вверх.

— Расскажите мне, как вы упустили Мага? — сильным голосом спросил Абраксас.

Леонор от волнения закусил верхнюю губу, лицо побледнело, глаза оживленно забегали по сторонам.

— Он спрятал Аркан, о высочайший, а затем использовал его, когда я отлучилась. Я не знала, что он способен на такое. Ведь он обычный толпарь, невежда... Таких тысячи.

— Таких единицы, — поправил Владыка. — Одиннадцать, если точнее. Вы упустили прекрасную возможность. Старший аркан, принадлежащий Белой ложе. О таком можно только мечтать.

Надвинутый на глаза капюшон скрывал от взглядов лицо Абраксиса, хотя может оно и к лучшему, решил Фарамонд. Ведь он древнейший из Архонтов. Мало ли что скрывается там, в темноте под тканью? Наверняка Фрасиаб по сравнению с ним — просто душка.

Будто услышав мысли барона, Владыка поднял руки к голове и отбросил капюшон назад. Леонор охнула. Перед ним на жутком троне восседал ослепительной красоты мужчина. Молодой, не старше тридцати, длинные темные волосы гладкими волнами ниспадают на могучие плечи, кожа на лице гладкая, ни одной морщинки или складочки. Правильные черты, длинный прямой нос, тонкие аристократические губы, острый, устремленный вперед подбородок. Только глаза, выдают возраст, черные как ночь, глубокие бездны. Словно черные дыры они втягивают внутрь, им нельзя сопротивляться, воля тут же размякает, в голове становится легко, тела не чувствуешь.

— Для вашего же блага, дети мои — произнес Абраксас повелительно, накинул капюшон обратно. — Вы убили Бриана, почему?

— Чтобы выжить, о высочайший — сказал Фарамонд осторожно. — Я был смертельно ранен. Только повелитель старшего аркана мог спасти меня.

— Это хорошо. Совету это понравится. Нам нужна молодая кровь. А башне нужен новый господин, или госпожа, — Абраксас повернулся в сторону Леонор.

— Черная башня всегда рада служить Вам, о высочайший, — пролепетала Леонор угодливо. Склонила голову, чтоб не видеть страшных глаз.

— Это хорошо, дочь моя. В том, что Маг сбежал, нет вашей вины. Он хитер и силен, вы недооценили его. Я даже посылал за беглецом отряд, со склартом. Все они погибли, так что Анри не так слаб, как вам думается. Возможно даже, он уже умет пользоваться Арканами. Возможно, нет. На все нужно время. Мы очень близки, дети мои, очень близки к тому, чтобы сбылось то, для чего мы рождены.

— Что же это, высочайший? — спросил Фарамонд кротко, как ученик, что стоит перед строгим учителем.

— Бессмертие и власть. Власть над жизнью и смертью во множестве миров. Объединие все двадцать два старших аркана, мы сможем изменить саму ткань мироздания. Мы станем бессмертными богами, дети мои. Повелителями времени и пространства. Вы будете вечно молодыми, могучими творцами и разрушителями миров. Ваши мечты сбудутся, — сказал Владыка могучим рокочущим голосом.

— Что мы должны сделать для этого, о высочайший? — спросила Леонор торопливо. Ей уже не терпелось обрести то сказочное могущество. Ведь это так прекрасно — не стареть, повелевать народами. И все трепещут перед тобой в ужасе, преклоняют головы. Воспевают в песнях, ищут твоей милости и защиты. И только ты волен решать: жить или умереть. Бессмертие — великий дар! От такого кружится голова, тело и ум заполняются огнем желаний. Еще не много и полыхнет.

— Найдите беглеца и отнимите Аркан. Вы уж проделали подобное с Брианом. Мне понравилась ваша ловкость и трезвость ума. Они пригодятся вам, дети мои. Но не все так просто. Сила скрывает Анри от моего взгляда. Он будто закрыт облаком, а потому нам нужна помощь. Артефакт.

— Глаз демона, о высочайший? — голос Фарамонда дрогнул, хотя старался говорить твердо.

— Да.

— Но альфарцы ни за что не отдадут его. Кроме того владыка Самхар, не позволит...

— Если узнает, не позволит. Самхар не желал, чтобы вы отобрали карту у Бриана. Но вы отобрали. Откуда вам знать, дети мои, что у Самхара на уме? Возможно, он уже подыскивает вам замену? — сказал Абраксас спокойно, но так что Фарамонда пробрала дрожь.

— Что же нам делать, высочайший? — спросила Леонор взволновано. — Я не могу противостоять такому могучему чародею, как мастер Самхар.

— Старый некромант не ваша забота, дети мои. Отыщите глаз, и возвращайтесь ко мне, я скажу что делать.

— Но как мы отыщем вас, владыка? — спросил Фарамонд.

— Высшие арканы связаны, любой из Архонтов может воззвать к другому, зная имя, карту и лик. Мои вы теперь знаете, — пророкотал Абраксас.

Фарамонд запнулся, подыскивая слово. В отличие от Леонор, у него нет высшего Аркана, а скудных способностей королевы не хватит на подобное...

— Я найду тебя сам, сын мой. Любой из арканов повинуется моей воле.

Барон устало зажмурил глаза, вздохнул с облегчением. Хоть и владыка, а и о нем подумал, прежде Фарамонд полагал, что Архонтам нет дела до таких как он, заурядных рыцарей. Что вся их жизнь проходит, утопая в роскоши и золоте, как у королей. А на деле оказалось, что могущественный Абраксас носит простые черные одежды, напоминающие монашескую сутану, и никаких тебе самоцветных камней, драгоценных металлов. Все богатство у владыки внутри, магия, чародейство, что для него какие — то побрякушки, пускай с ними смертные глупцы забавляются.

— Вы так великодушны, о высочайший, — сказал Фарамонд воодушевленно. — Для меня честь служить Вам.

— Теперь ступайте, скоро придут остальные. Подробности сообщу вам через арканы, — повелительно произнес Владыка.

Фарамонд первым поднялся на ноги, низко поклонился перед черным тронem. Абраксас снисходительно коснулся ладонью его головы, что — то прошептал на страшном древнем языке, в темечке закрутило, зачесалось так будто давно не мыл волос, но тут же прошло. Леонор подошла следом, подняла край изысканного платья, оголились стройные длинные ноги. Фарамонд жадно впился в них взглядом. Она медленно, будто во сне, опустилась на колени и преклонила голову перед стопами древнейшего из Архонтов. Длинные волосы красавицы растелились по полу золотистым покровом.

— О высочайший, прошу, иницируй меня до того как я покину этот дивный храм, чтобы вся сила аркана была послушна мне, и послужила тебе, о высочайший.

— Да будет так, — произнес Абраксас властно, положил широкую ладонь на голову маркизы. Громадная фигура в черном на мгновение застыла, казалось само время остановилось. Фарамонд отчетливо помнил, как сердце замерло у него в груди, кровь в жилах застыла, стала густой как кисель, а затем твердой как лед. Воздух в легких заledenел, мышцы превратились в камень. Даже мысли в уме и те умерли на несколько мгновений.

Мир за секунду поблек и утратил краски, безжизненная серость расползлась как пятно во все стороны. От нее не скрыться, не убежать. Он испугался, думал пришла смерть. Тот же холод в жилах, на грудь, словно камень взвалили, не вдохнуть. И даже закричат нельзя, гортань сжалась в тонкую трубку, горло словно залили воском. И вот все вернулось назад. Мир обрел прежние краски, черное стало черным, живо задвигались струйки дыма над тронem, зашевелились золотистые локоны на полу. Леонор поднялась на ноги. Все как прежде, те же округлые бедра, тонкая талия, изумительная полная грудь, пухлые, зовущие губы, аккуратный носик. Но нет, чего — то не хватает. Ее глаза, что — то не так с глазами Леонор. Фарамонд вздрогнул от ужаса. С милого личика маркизы на него смотрели подернутые черной маслянистой пленкой. Чем — то они напоминали те, что видел когда Абраксас снял капюшон, но не такие глубокие, мягче. Но мягкость эта как между сталью и железом.

— Леонор, что с тобой случилось? — прошептал Фарамонд испугано, губы его дрожали.

— Владычица Леонор, рыцарь, — холодно и сухо ответила маркиза, лицо ее казалось неподвижным, лишь губы шевелились медленно и лениво — ступай к выходу, у нас важная миссия.

Фарамонд рванул по коридору как подпаленный, зорко вглядывался в холодный свет горящий под ногами, лицо окаменело, а брови сдвинулись. Он даже задержал дыхание, будто этим мог развеять зло и черноту древнего храма. Что сотворил Абраксас с его прекрасной

женщиной? Какое чудовище теперь живет в ее шкуре?

Фарамонд выбежал наружу и всматривался пристально, очень пристально, в черты лица своей возлюбленной, с растущим разочарованием замечал по ее лицу, что перед ним стоит чужой человек. Холодный отстраненный могущественный и незнакомый. Леонор действительно напоминала одного из магистров ложи — настоящий Архонт, кажется, даже в росте прибавила, или это величие делает ее выше? Что теперь делать ему, Фарамонду, не отмеченному ни Силой, ни властью, ни мудростью Владык? Остается одно — полагаться на удачу и хитрость, на опыт и на то, что судьба его не оставит.

— Не бойся, дорогой, — произнесла Леонор игриво, вскинула бровь, — я тебя не брошу. Я все та же, но немного иная.

— Но твои глаза..., — Фарамонд не выдержал, отвернулся. В груди громко забухало. Темные горящие мертвым огнем очи будто прожигали взглядом, копьём пронизывали насквозь, докапывались до самых грязных уголочков внутри. До того, о чем сам забыл, о чем не хочешь помнить. Как жить с такой женщиной?

— Не бойся, это пройдет. Через девять дней глаза станут прежними. Это часть инициации. Я сейчас зрю сквозь время, вижу Харн, его величие, те дни когда Сила наполняла нас от макушки до кончиков пальцев на ногах, — прошептала она с тоской в голосе. — Знания веков входят меня с каждым вдохом. Я должна побыть здесь еще немного, чтобы связь с прошлым не разрушилась.

Фарамонд безвольно кивнул, тяжелой, как казан головой, опустил тусклый взгляд. Его рвение угасало, засыпалось серыми хлопьями пепла: неверием и разочарованием. Нет уже той пламенной устремленности, веры в успех, остались лишь черные, еще теплые, дышащие алым угли. Огарки упрямства и воли. Они говорили: ты должен идти, должен. Не все утрачено, ты потерял много сил, но ты справишься.

— Ты справишься, милый, — сказала Леонор уверенно. — Владыка выбрал тебя не зря. Вот возьми.

Она протянула вперед руку, на ладони лежал черный, правильной формы куб. Грани острые, так и горят темным внутренним огнем. Глянцевая поверхность мечет яркие вспышки, того и гляди посыплется жар. Кажется, что тонкие стенки не смогут удержать бурлящую внутри мощь, и она побежит наружу, сметет все на своем пути, как лавина что сходит с гор, или поток лавы, изливающийся из жерла.

— Это мой скларт? — брови Фарамонда поползли вверх, лоб покрылся глубокими складками.

— Не узнал?

— Нет, он здорово изменился. Как и ты..., — проворчал барон.

— Бери, он твой по праву. Я лишь немного улучшила его. Теперь, если ты окажешься в опасности, стоит лишь подумать о Черной башне и ты очутишься внутри, за ее неприступными стенами.

— Спасибо, Леонор. Ты очень добра, — сказал он невесело, тяжело вздохнул, но скларт принял.

Теплый куб приятно оттягивал ладонь, острые грани врезались в кожу, но Фарамонд знал, не порежут. Кого — то иного, может быть, но не его. Их слишком многое объединяет. Скларт прирос к нему, привык, как привыкает зверь. Сначала он дикий и строптивый, норовит схватить зубами, показывает когти, но со временем приручается, проникается уважением к хозяину, даже копирует его. На душе стало теплее, ведь уже не с пустыми

карманами, и даже выгода есть — скларт стал могущественней. А ведь этот черный кубик хранит множество тайн. Даже Архонты и те не знают всех его свойств.

Поговаривали, что старик Бриан собирал знания о склартах, но наверняка записи погибли вместе с замком. Хотя кто знает? Если бы не поиски Ока, он, Фарамонд с радостью бы отправился к руинам и разузнал, что за наследство скрывается под камнями твердыни де Реца. Наверняка хитрый вампир не хранил журналы в одном месте, это глупо и не предусмотрительно, а Бриан был не из таких. Хотя и награда Абраксаса за службу обещает быть щедрой. Так чего отчаиваться, клинок при нем, скларт на месте, могущественная колдунья — его союзник и возлюбленная.

Разве судьба не улыбается ему во весь рот? Еще недавно он был при смерти и сгибался на ветру как сухая ветвь, а теперь гордо расправил плечи и смотрел в глаза самому Владыке Абраксасу!

— Я понял, Леонор. Мне нужно немного времени, как и тебе. В голове все уляжется. А то я сам не свой, — признался Фарамонд.

— Я вижу, — на красивых губах Леонор заиграла улыбка. — Будет лучше, дорогой, если ты подождешь меня в башне, это место угнетает тебя.

— Согласен, — кивнул Фарамонд резво, уже потирал широкие ладони. — Вот и испробую новый скларт.

Фарамонд по привычке прикрыл глаза, разогнал в уме блудные облака мыслей, дождался полной тишины и черноты, затем сосредоточился на скларте. Медленно и осторожно он поднес куб к губам и подул. Тот привычно дернулся, по мерцающему гляncу побежала рябь, грани постепенно расходились в стороны, раскрывались, как лепестки черного лотоса. Черные квадратики разбежались как жуки, во все стороны: вверх, вниз, влево, и даже по диагонали. Такого прежде Фарамонд не видел, обычно скларт открывал пространственную доску, но теперь перед ним в воздухе завис громадный куб, разбитый на маленькие ячейки.

— Вот чудеса, — прошептал он ошеломленно, — кто бы мог подумать?

— Это только начало, мой милый, только начало.

Глава 18. Победителей не судят

Иноземье. Альфарские степи.

Сырой и холодный встречный ветер безжалостно стегал лицо, раздувал ноздри. В уголках глаз Фарамонда стояли слезы, но не от жалости, о чем жалеть! Холодные и мощные струи воздуха хлещут по глазам! Горячее и яростное солнце припекает сверху, спина накаляется как сковородка, скоро зашипит. И получается что сзади жарко, а спереди лицо немеет от холода.

До самого горизонта простирается степь, ровная, живая, травы колышутся волнами, ветер играет, ими рисует линии, и кажется что там, в густой траве извивается исполинский змей.

Далеко впереди темнеют пирамидками высокие горы со снежными верхушками. Словно крепостная стена они преграждают стремительный бег широкой и вольной степи. Фарамонд так и видел, как она накатывает зелеными волнами на неприступные каменные стены, ударяется яростно, шипит и расстилается бессильно у подножия. Но ничего, время возьмет свое, мелкие хилые стебли проберутся в трещины, пустят корни, и со временем камни застелет мягкий живой ковер. Время всегда берет свое...

Фарамонд гневно сплюнул на сторону. Будь оно проклято, это время! Сколько смертей и боли лишь за то, чтобы взять над ним верх, и все равно без толку. Время берет свое. Оно бежит по одной линии, от начала к концу, как река. Все верно, реку вспять не повернуть. Но есть и другой путь. Абраксас знает о нем, а он, Фарамонд лишь слышал, но и слух греет сердце. Бессмертие. Время может двигаться по кольцу, как во временной ловушке, а может течь сразу в нескольких направлениях, и тогда живешь сразу несколько жизней. Тяжело представить, а еще тяжелей сделать...

Там, под этими каменными великанами — подземные города альфарского народа. Темные колдуны и чернокнижники, кровопийцы и демонопоклонники. Без мерзкой бесовской мощи и магии крови альфарцы давно бы погибли под натиском степных племен. Злобные и опасные, как загнанный в угол зверь, они засели в пещерах, в руинах того, что было алмазом их цивилизации, бесценным сокровищем. Теперь лишь хладный и гнилой труп... Но некоторые осколки того алмаза до сих пор находятся под землей, в руках жрецов. Тяжело расставаться с властью, привилегиями и богатством. Жречество всеми силами старается не упасть с трона. Оно готово скормить весь альфарский народ демонам, но не отступит.

Справа медленно, будто плывет, выдвинулась черная морда благородного скакуна. Грохот копыт становился громче, сливался в знакомую громовую дробь. Но это всего два всадника, а когда скачет добрая сотня, то под ногами лошадей дрожит земля, степь знает и любит этот грохот.

Конь маркизы уже взмок, но пена еще не капает с губ, не свисает неряшливыми лохмотьями, хотя скачут уже не первый час. Конечно Леонор могла прибегнуть к чарам и переместить себя и Фарамонда ближе к подземным городам, но тогда возникал риск что жрецы их заметят.

Фарамонд приподнял голову от конской гривы, развернулся к спутнице:

— До заставы осталось совсем немного!

— Я уже чувствую их, — ответила Леонор, не оборачиваясь. Может и к лучшему, от взгляда черных глаз барона до сих пор лихорадит.

Копыта гулко стучат по сухой серой земле, узкая дорога лентой петляет по высоким зарослям травы. В этом зеленом море легко можно притаится и всаднику, прильнул к коню, потянул за узду, чтоб тот морду опустил к земле, и все, не видать. Степняки подчас так и поступали, ох как же альфары их ненавидели.

Шустрые, коварные, и неуловимые воины степей нападали не только днем, но и ночью, не стеснялись бить в спину, набегут гурьбой, выпустят сотню другую стрел — и обратно в степь. А ведь альфарцы не люди, их жизнь может тянуться и тысячу лет, а тут подлая стрела в грудь. Много слез и крови пролито на этой земле.

Бойня между альфарцами и степными племенами тянулась уже не одну сотню лет. Долгая жизнь позволяла годами копить злобу и взращивать страшные планы мести. Не прошло и десятка лет с «ночи младенцев». Лучшие из лучших, альфарские воины — храмовники под покровом ночи напали на стан кочевников, кого смогли — убили, остальных угнали в плен. Жертовные алтари в ту ночь стали алыми от крови детей и младенцев, она реками бежала по каналцам на плитах ритуальных раков. Если верить легендам, то под могильными камнями покоились останки демонов, некогда правивших альфарским народом.

Жрецы пустили под нож всех, до единого. Демоны глубин собрали обильную жатву. Их око теперь неусыпно следит за кордонами альфарский владений. Ни один колдун или даже молодой шаман не сможет пройти незамеченным. Око ловит даже тень колдовства, видит сквозь любые чары, злой взгляд пронзает пространство и время. Именно оно поможет отыскать Анри, но как пробраться в подземелья незамеченным? Как ускользнуть от взгляда «Ока демонов»?

Фарамонд молнией несся по степи, снова уткнулся лицом в конскую гриву, иначе подлый ветер саданет копьём в широкую грудь, выбьет с седла, словно юного сквайра, что еще только учится ездить верхом.

Ветер уже не холодный, но и не жаркий, что сушит и обрывает кожу, как раз золотая середина. Дуновение хоть и свежее, но не колет морозными иголками. Солнечные лучи беспощадно пекут спину, плечи, конь уже весь блестит от пота, горячее тело несется по дороге паша жаром, как раскаленный в горне молот, брошенный демоном глубин. Леонор скачет рядом, тоже прильнула к скакуну, хоть и могучая колдунья, а законы природы есть законы природы, встречный ветер не спросит колдун или нет, опрокинет наземь, осыплет пылью, засмеется лихо.

Маркиза внешне не изменилась, все та же гордая осанка, роскошные золотистые волосы, но внутри, оттуда, из глубины, на мир смотрит другой человек. Мы все меняемся, со временем, при разных обстоятельствах, но перемены, так или иначе, закономерны. Много в людях не изменяется никогда, только внешняя оболочка, привычки, вкусы. Человек не может измениться кардинально. И все же может... Фарамонд внимательно наблюдал за переменами в характере Леонор. Время шло, и она отдалялась, становилась чужой, незнакомой и страшной. Фарамонда пугало такое быстрое преобразование, ему нравилась прежняя Леонор, пускай и жестокая, и хитрая, но готовая на все ради них. На все... Теперь готова на все, ради себя, а он остался за границей круга. Неужели снова один, вновь сам по себе?

В груди неприятно защемило, сердце билось как — то тихо, будто боялось что услышат.

А ведь действительно, Леонор может слышать шепот его мыслей, стук сердца. Лучше сосредоточится на миссии.

Фарамонд поднял голову вверх, ноздри жадно задрожали, с восторгом втянули свежий, пахнувший травами воздух. Вот она жизнь! Ты один, бескрайняя степь и конь мчится галопом к далекой полосе горизонта. Как тут не понять альфарцев, что не жалеют долгой жизни, сражаясь за эти земли! За такое и жизни не жалко. Особенно чужой...

Впереди появилась призрачная дымка, спустя минуту превратилась в темно — зеленую полосу. С каждым ударом сердца она становилась все шире, выше, отчетливей. Фарамонд крикнул:

— Это здесь!

Маркиза скакала чуть позади, в двух сотнях шагов. Фарамонд потянул за узду, пустил скакуна рысью, ногами сильнее уперся на стремяна, привстал. Лихой ветер тут же обдал разгоряченное тело свежим дыханием, он усмехнулся, мокрая рубашка прилипла к груди, рукава надулись как рыбы пузыри, захлопали по рукам. Лицо мокрое от пота, тут же высохло, хотя от щек еще веяло жаром.

Леонор быстро поравнялась с ним, сказала хитро:

— Это и есть твой план?

— Да, — ответил он твердо. — Скачи за мной!

Темно — зеленое быстро разрасталось, превращалось в лесополосу. Издали угадывались кроны и стволы деревьев, сочная зелень листьев. Воздух становился гуще, дышал сочной свежестью. Отяжелевшая от сырости пыль больше не взлетала облаками, лениво стелилась по земле серой дымкой.

Деревья становились все больше и больше, уже размером с палец, рядом вырастала прямоугольная сторожевая башня приземистые плоские как тарелки дома. На верхушке деревянного укрепления можно было различить пока еще малую фигурку сторожевого, наверняка лучник, или следопыт, таким в дозоре самое место: не так скучно как мечникам, и толку больше.

Дорога забирала к востоку, коленом загибалась прямо к сторожевому посту. Всадники пришпорили лошадей и во весь опор помчались к пограничному посту.

Деревянная башня высилась только с одной стороны ворот, на другом конце — обветшалые приземистые бараки. Фарамонд всей кожей ощутил, как от лагеря веет колдовской мощью. Над воротами чернеют узкие прорезы, острые глаза барона сразу заметили торчащие оттуда наконечники стрел, лучники прятались за стеной, там их не достать, одно неверное движение и стрелы сорвутся с тетивы.

Засов отлетел в сторону, ворота с глухим треском отворились, заблестали наконечники копий, показались мужские лица. Из плоских пристроек, что прижались к южной стороне лагеря, торопливо выбежало несколько воинов с длинными узкими мечами. Такие Фарамонд видел на раз — альвские клинки, оружие храмовников. Значит, в лагере есть хоть один колдун или жрец. Храмовники просто так в лагере не сидят.

— Сложите оружие, вы входите на земли, принадлежащие альфарскому народу! — громко произнес худой как скелет, высокий храмовник, судя по всему он в лагере за старшего.

Фарамонд всмотрелся в его жесткое, высушенное ветрами лицо, сказал на альфарском:

— Я приветствую великий Альфарский народ, и тебя отважный воин. Мы пришли сюда не для войны, и потому смиренно сложим оружие. Мы пришли с миром!

Он демонстративно отстегнул от пояса ножны с мечом и отбросил их в сторону, оружие исчезло в густой и высокой траве.

Храмовник поколебался с ответом, взглядом пробежался по широким плечам Фарамонда, мускулистым руками, уперся в соблазнительные полушария груди Леонор. В красных глазах блеснули тусклые огоньки зависти. Ни одна альфарская женщина не могла похвастаться такой красотой. Два других храмовника молча, сверлили предводителя удивленными взглядами: чего прикажешь с ними делать? Или может, ждут сигнала от колдуна, что так и не вышел из лагеря и робко прячется там, в башне.

— Кто вы, и зачем проделали столь дальний путь? — спросил, наконец, храмовник.

— Мы друзья, которые хотят предупредить вас об опасности, — сказал Фарамонд с тревогой в голосе, придал лицу обеспокоенный вид, тягостно вздохнул. — До нас дошли слухи, что к вашим границам приближаются могущественные колдуны.

— Колдуны? — переспросил альфарец. Всем видом он старался скрыть волнение, но скулы едва заметно дрогнули. — Откуда вы знаете?

— Я два дня и две ночи иду по их следу, — ответил Фарамонд твердо. — Мое имя Анри де Ланьяк, а это моя спутница и супруга — Леонор. Мы зарабатываем на хлеб тем, что ловим опасных преступников, и доставляем на суд. Эти двое, что едут к вам, давно в розыске. Кровожадные убийцы и воры. За их голову назначена щедрая награда.

— Так значит вы крысоловы, то есть охотники за головами? — даже без тени уважения спросил храмовник. Хранители тайных знаний и элитная охрана жрецов, презирали наемников. Альфарцы вообще плохо относились ко всем, кто торгует военным ремеслом, для них оно священо. Тем более удивительными кажутся поступки Дордаора. Ему, Фарамонду, об этом известно, на их пренебрежение рассчитывал. Небрежность лишь на руку, пускай чувствуют себя уверенными, способными управлять ситуацией.

— Верно, мы именно те о ком вы говорите, — кивнул он сдержанно, но скулы напряг, легко прищурился, пускай думают, что заделали самолюбие.

Двое других храмовников отступили назад, ближе к воротам лагеря. Оттуда удобней держать оборону, спину прикрывают длинные копья солдат. Лица застыли, будто на морозе стоят, сосредоточенные взгляды устремлены вдаль. Внешне альфарцы выглядели спокойно, как воды ночного озера, но мышцы под кожаными доспехами вздулись буграми, дрожат от напряжения. Оружие, держали перед собой, готовые бросится в бой по кивку предводителя.

— Наверняка награда большая, раз вы выползли на свет, — хохотнул храмовник.

— Да, золота обещают много. Но плата соразмерна опасности. Как всегда, — развел руками Фарамонд. — Но сегодня мы ваши друзья, мастер меча. Больше никто не сможет вам помочь. Вы либо примите помощь из рук крысолова, либо умрете до того, как солнце опустится за горы.

Леонор внимательно наблюдала за колдуном, что притаился в башне. Напряженно и взволновано жрец прощупывал пространство вокруг нее и барона. Нервничал, искал следы чар. Что ж пусть ищет, глупец. Магию высшего аркана могут чувствовать лишь владыки, или обладатели могущественных артефактов, таких как Око Демона. А скларт Фарамонд оставил в башне. Теперь их не отличить от обычных охотников за головами и искателей сокровищ, которые сонмами рыщут по степи в поисках золота альфарских князей.

— Думаете мы не справимся с каким — то колдунишкой, вы ничего о нас не знаете, — фыркнул молодой храмовник, видно не сдержался, эмоции взяли верх.

Предводитель сделал вид, что не расслышал, предупредительно воздел руку, правда

Фарамонд отметил как расширились от гнева зрачки альфарца, но более ничего, лицо как и прежде стальное. Отличная выдержка, не зря храмовник землю топчет.

Юнец поспешно закрыл рот, закусил губу от негодования. Глаза смотрят в одну точку, но в них нет прежней жесткости, играют эмоции, блестит обида на самого себя. Фарамонд читал альфарца как раскрытую книгу.

— Вы не справитесь. Колдун — мастер иллюзий, он с легкостью смутит разум таких юнцов как этот. А ведь он храмовник, а остальные обычные солдаты.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Хорошо, — ответил сухо посрамленный предводитель. — Вы доказали правоту своих слов. Возможно, нам и понадобится ваша помощь. Но это зависит от того что вы предлагаете.

Уже возможно, уже не пошел вон крыса продажная, — улыбнулся в мыслях Фарамонд, — еще немного и ты будешь кланяться говорить спасибо добрый сэр! Как были рубаками, так и остались, а ведь как долго живут, а толку не прибавилось. Пустоцветы. Наверняка все дело в догматичности их культуры, неспособности принимать новое.

— Мы предлагаем убить колдуна, когда он сунется на ваш пограничный пост. Вы останетесь живы, а мы получим свое золото, — сказал Фарамонд с таким искренним выражением лица, что даже Леонор ему поверила.

— Ты хитер, наемник, хочешь получить награду, а пожертвовать моими солдатами? — предводитель нахмурил тонкие брови, в алых глазах блеснула сталь. — Сперва докажи, что ты незаменим.

На бледном, не смотря на солнце, лицо вновь застыло каменное выражение. Надбровные дуги альфарца толстые и тяжелые, брови на них узкие, и потому глаза сверкнули настолько ярко, свирепо и с такой силой, что Фарамонда перехватило дыхание, взгляд будто тяжелый кулак ударил под дых.

Барон и маркиза мельком переглянулись. Лианор демонстративно вскинула бровь, на лице появилась снисходительная улыбка: твой, мол план, ты и думай, а я подожду. Фарамонд легонько кивнул, посмотрел вверх ушей коня на храмовника, сказал с притворной неохотой:

— Я превосходно владею мечом. Этот колдун тоже. При помощи магии и своего мастерства он победит любого из вас. Только я могу его остановить.

Тонкие и бледные губы храмовника растянулись в усмешке:

— Подними свое оружие, наемник и готовься к бою. Я лично проверю, так ли ты хорош как поешь!

Солдаты громко захохотали, один даже лихо присвистнул, они не сомневались: мастер меча одержит верх, откуда им знать что этот самоуверенный крысолов уже однажды победил величайшего из мастеров меча — Дордаора, черную молнию, как прозывали его альфарцы.

— Тогда да будет тебе известно, что моим учителем был сам черная молния, — произнес Фарамонд пафосно, проворно соскочил с коня на землю.

Храмовник и ухом не повел, стоял напротив него величавый и неподвижный, как гора. В левой руке блещет на солнце длинный альвский меч, пальцы правой сжимают рукоять короткого кинжала, из — за спины выглядывает эфес еще одного, тоже обоюдоострого и прямого, но покороче.

Те, кто увлекается клинками, знают: у альвов, дальних родственников альфаров — лучшее в мире боевое оружие. Голубоватая сталь никогда не тупится, рассекает железо как

тряпку, а иную благородную сталь щербит и скалывает, что же касается доспехов, то альвский меч пробивает любой шлем и срывает его с головы вместе с костями черепа. Кирасы и латные доспехи клинок рубил не хуже чем топор дрова.

— Будем драться до первой крови, наемник Анри. Я не был учеником Дордаора, но мне приходилось скрестить с ним меч. Не скажу, что победил, потому что это ложь. Но скажу: он отметил мое мастерство. Но с тех пор много воды утекло.

— Как же тебя зовут мастер, сумевший удивить самого Дордаора? — спросила Леонор сладким голосом.

— Хариэль, железная рука.

— А за что же прозвали так? — все так же мягко сказала она.

— Вот за что!

Храмовник отодрал кожаный наруч на левом предплечье, поднял руку вверх, сталь вспыхнула на солнце ярким огнем, лучи отскакивали от зеркальной поверхности металла, как от зеркала. До самого локтя рука Хариэля — металлический доспех, только живой. Пальцы шевелятся, даже мышцы перекачиваются под стальной кожей.

Леонор сразу смекнула: отмеченный демонами. Наверняка выслужился перед рогатыми бестиями, длинноухий. Простым храмовникам такой чести не видать. И как такого занесло на пограничную заставу? Наверняка, маг в башне тот еще субъект. К обычному жрецу охрану из меченых не приставляют.

Фарамонд округлил глаза, произнес с уважением:

— Какие еще секреты вы прячете, мастер Хариэль?

— Много разных, — ухмыльнулся в ответ храмовник, прищурил алые глаза, — готовься к бою наемник и узнаешь.

Они налетели друг на друга с грохотом столкнувшихся гор, пыль поднялась в воздух серым плотным облаком. Мелкие кусочки земли полетели в лицо, будто не два человека дерутся, а громадные змеи сбились в клубок и извиваются в пыли. Леонор прикрыла ладонью рот. Но даже она не видела, жив Фарамонд, или железнорукий изрубил его на куски? Воины вытянули шеи, словно гуси, интересно ведь кто победит. Через мгновение из пыльного облака послышались частые удары стали о сталь. Значит, оба живы...

Пыльный туман рассеялся, стало видно, что бойцы неумоимо наносят друг другу сильные удары. На лицах обоих — зверские гримасы, все перепачканы серым, только глаза горят бешеным огнем. Ветер растрепал седые волосы Хариэля, они падают на глаза, мешают смотреть. Фарамонд часто моргает правым глазом, наверняка соринка попала. Но оба целы, на теле ни царапины.

— А ты не дурен! — воскликнул Хариэль. — Ну же, к бою!

Они неспешно разошлись в стороны, перевели дух и продолжили бой. Оба знают, один — единственный удачный удар решит всю схватку... И не важно, что бой до первой крови, это ничего не меняет, когда сражаются два мастера удар всегда один, сегодня он будет щадящим, не смертельным.

Хариэль ударил первым, лезвие меча пошло по кривой дуге, не отскочи Фарамонд в сторону, остался бы без руки. Он тут же контратаковал. Молниеносный выпад в шею, альфарец не менее быстро вскинул правую руку, парировал кинжалом. Со свистом альвский меч прошел над самым ухом, срубил несколько волосков, но дальше не достал, Фарамонд ушел глубоко вниз, выстрелил оттуда хитрым ударом в пах, и опять Хариэль перехватил его меч кинжалом.

Фарамонд не стал дожидаться, пока храмовник ударит, поднырнул под левую руку, рубанул с разворота. Казалось, альфарец не успеет развернуться, сам Дордаор не успел бы, удар обязательно пройдет по бедру, или руке. Но когда барон развернулся, то увидел лишь разрубленный пополам наруч, и тонкую как волос царапину на стальной руке Хариэля.

— До первой крови, — хохотнул храмовник.

Фарамонд не ответил, лишь зло сверкнул глазами и бросился вперед. Он крутанулся вихрем в воздухе, ударил с такой силой и скоростью, что у солдат перехватило дыхание. Леонор довольно улыбнулась, вот он настоящий рыцарь! Хариэль даже не рискнул парировать, проворно отскочил назад, собираясь достать барона на контратаке. Но Фарамонд не позволил, как только нога коснулась земли, взмыл в воздух еще быстрее, чем прежде. Толпа ахнула, такого они еще не видели. Такое мог вытворить разве что черная молния.

Фарамонд подпрыгнул высоко — высоко, на рост человека, кувыркнулся через голову и всей мощью тела обрушился прямо на голову ошарашенному Хариэлю. Храмовник лишь успел вскинуть руку, закрывая голову от удара. В этот момент Фарамонд повернул лезвие меча, и острие обошло защиту, впилося точно под локоть старого альфарца. Хариэль закричал страшно, ухватился за рану. Кровь струйками брызгала из рассеченных вен, а блестящая рука все еще шевелилась у него под ногами.

— До первой крови, — прохрипел устало Фарамонд, вытер пот со лба ладонью. На коже пролегли длинные грязные полосы.

— Ты победил, наемник, но ты дорого заплатишь мне за такое оскорбление!

Горячая кровь широкими струями текла между пальцев храмовника, ручьем сбегала по локтю на землю. Два младших стояли позади, бледные, как смерть, будто сами руки лишились. Толпа замерла в безмолвии, лишь удивленно хлопала веками. Где это видано крысолов победил меченного демонами!

Из ворот лагеря, расталкивая в стороны ошарашенных солдат вышел высокий седовласый альфарец с молочно белыми глазами, сухим и темным, как пергамент лицом и длинной до пояса бородой. Старик опирался на длинный, черный посох с навершием из отполированного до блеска человеческого черепа. Глазницы тускло светятся алым, по блестящей поверхности посоха то и дело пробегают крохотные молнии.

— Идемте. Я выслушаю вас, — сказал жрец холодно.

Леонор легонько кивнула, она уже думала о том, куда поставить в Башне альфарский артефакт. Может в тронном зале?

Глава 19. Брошенные судьбой

Иноземье. Руины замка «Блутитайн».

Руины замка окутало облако плотного бурого тумана, от бывшего величия герцогской твердыни не осталось и тени. На склоне горы чернеет лишь груда бесформенных камней, неприступные башни и стены давно обрушились во тьму. То, что осталось уже не трещало, не грохотало. Лишь мелкие камешки все еще продолжают легонько стучать, скатываясь в бездонную глотку пропасти. Земля под ногами дрожала в ужасе перед такой страшной мощью.

Блан взглянул на рубин: алое свечение становилось сильнее, уже не то тусклое мерцание, но и не сполохи яростного пламени. Медленно, но неотвратимо маленький огонек внутри камня разгорался. Рубин вытягивал Силу из рушащегося мира.

В груди клином засела боль, шевелилась, сердце обливалось кровью: его брат остался там, в туннеле, а теперь наверняка лежит у подножия гор, под толщей земли и грязи, изувеченный тяжелыми камнями. Блан хотел похоронить брата, самое меньшее, что мог сделать — насыпать из камней на могиле, но времени оставалось лишь на спасение себя. Нужно вначале спасти живых, а тогда уже хоронить мертвых. В груди остро кольнуло жгучей болью, сердце не принимает доводов разума, сколько не говори что прав...

— Что нам теперь делать? — спросил Даргор. Тонкие губы альфарца едва заметно дергались, в уголках глаз стояли слезы.

— Она осталась там, моя жена..., — сдавлено прибавил он. — Я не сумел тебя спасти, Тирувьель, не знаю, простишь ли мне...

— Она то простит, — ответил угрюмо Блан, — а вот ты себе — нет. Я никогда не прощу себе гибели брата.

— За что же мне такое? — горестно произнес Даргор. Его уже не радовало собственное спасение, даже о жуткой метке на груди забыл.

— Не знаю, но я этого так не оставлю. Я отомщу.

Даргор взглянул в глубокие, полные печали глаза оборотня, на мрачное, извоженное в грязи лицо, сердце начало стучать чаще, а пальцы судорожно сжались, будто завис на них на краю пропасти. Теперь их двоих связывает нечто большее, чем просто цель или общий враг, у каждого на сердце кровоточит рана, оба потеряли дорогих им людей. Даргор был уверен, оборотень ощутил что — то подобное, он видел по его острому взгляду, вздувшихся на лбу венах, напряженных скулах.

Блан медленно кивнул альфару, будто прочел мысли, или заглянул в душу.

— Теперь мы команда, Даргор. Ты и я. Больше у нас никого нет, больше никого.

— Да. Я буду с тобой до конца, — ответил альфарец хрипло.

Земля под ногами треснула со страшным грохотом, кромки быстро расходились в стороны, будто снизу разинуло пасть исполинское чудовище. Затряслось, крупные комки земли посыпались внутрь. Раскол быстро ширился, один из краев резко пошел вверх, раздался громовой треск, казалось там, внизу великан сломал руками скалу.

Блан проворно вскочил на торчащий и земли камень, обвил вокруг ногами, теперь точно не свалится. Даргор не успевал запрыгнуть следом, раскол норовил схватить его сухими кривыми губами, утянуть вниз на дно.

— Хватайся за руку!

Блан свесился с камня вниз и потянулся к перепуганному альфарцу. Тот цепко, будто краб клешнями, впился пальцами в предплечье, благодарно кивнул.

Земля под ногами Даргора протяжно и жалобно ухнула, целый громадный пласт скололся, еще мгновение и утонет во мраке бездны. А заодно утащит с собой бледного, как стена, альфарца и Блана, что держит его за руку.

— Прыгай, болван! — выкрикнул в сердцах оборотень. — Прыгай или нам конец!

Земля дрогнула сильнее. Из глубин донесся тяжелый грохот, громадный пласт затрясся, будто не тяжелая глыба, а стог сухой соломы, на который дохнуло сильным ветром. С треском обвалились края, от них к центру, где все еще стоял Даргор, поползли толстые как змеи трещины.

— Не могу! Ты не удержишь, упадем!

С грохотом полетели комья земли из — под ног, там открыла черный рот трещина. Лопнула каменная корка мостовой, вдалеке падали во мрак останки замка. Рушилось все вокруг, камни улетали вниз с тяжелым грохотом, земля непрерывно дрожала, из глубины неслась непрерывный гул.

— Прыгай, кому говорю!

Даргор прыгнул. Оттолкнулся что было сил от еще твердой земли, дрожь от камня передалась ногам, в груди сжалось в комок, забухало громко. Мощные толчки погнали кровь в голову, перед глазами заскакали озорные черточки. Альфарец не верил, что сможет запрыгнуть так высоко, никто не смог бы. Он понимал, вскоре полет прервется и тогда земля с силой потянет вниз, туда во тьму, в недра, куда уже обрушился замок, туда, где среди разбитых камней, ждет жена...

Ноги бессильно болтались в воздухе, Даргор уже ощущал, как движение вверх прекращается, а до края, где висит на глыбе оборотень еще далеко. Он не допрыгнет, сорвется в пропасть, а заодно утащит и того, кто хочет его спасти. Нет, этого допустить нельзя! Сейчас он разожмет пальцы и полетит вниз. Такова значит судьба.

Хват альфарца стал мягче, Блан посмотрел ему в глаза, сразу понял, что тот удумал. Сказал сурово:

— Даже и не думай, хореk красноглазый! Вместе вляпались, вместе и выберемся!

С силой оборотень потянул вверх, мышцы под толстой кожей вздулись крупными шарами. Сил в руках хватит и еще одного такого вытянуть, а вот ноги, те могут соскользнуть. Если бы альфарец допрыгнул до края, риску тогда меньше. А так не угадаешь, одно неверное движение и только засвистит!

Даргор радостно вскинул вторую руку вверх, силился дотянуться до края, еще немного и достанет, пальцы уже чувствуют под собой опору. Схватиться пока не удастся, но то, что не скребешь бессильно воздух, радуется больше, чем, если нашел грудку золота на дороге. Он поднял ногу повыше, там сбоку виднеется узкий выступ, не шире двух пальцев, ступней на такой не станешь, а вот оттолкнутся в самый раз.

— Давай! Еще немного! — выкрикнул Блан.

Даргор уперся носком сапога в выступ, толкнул тело вверх, рука, что уже ныла от напряжения, скользнула дальше, за край, пальцы железной хваткой впелись в выступ.

— Есть! — воскликнул он радостно, — тяни!

Блан отодвинулся чуть назад, чтоб ноги плотней обхватили валун, теперь замок прочный, точно не свалишься. Дернул сильно, даже кожу на руке ободрал об острые края

камней. Альфарец почувствовал силу, оттолкнулся ногой, напряг вторую руку, так что камень под ногтями закрипел. Тело выскочило на уступ, как пробка из бочки!

Даргор поднялся на ноги, с завистью глянул на могучие мышцы предплечий оборотня, сказал тихо:

— Куда мне браться, ты одной левой вытащил меня как рыбу из реки! Будто я весом с перышко!

— Да что я, ты бы видел моего брата! Он бы поднял тебя одним пальцем, — ответил Блан грустным голосом. — Хватайся за валун. Нужно поскорей убираться, скоро и эта глыба пойдет на дно.

Снизу затряслось, донесся страшный гул, будто подтверждал правоту слов оборотня.

— А как же мы уйдем? Разве нам есть куда?

— Как — как, дверью об косяк, — ответил Блан раздраженно. — Камень герцога — могущественный артефакт, но он очень слаб. Я жду, когда он пробудится к жизни. А пока еле светится, мы должны выживать!

— И как он, еще не загорелся? — спросил альфарец с надеждой.

Блан достал рубин из — за пазухи, посмотрел внимательно на идущий изнутри свет. Сполохи уже яркие, кроваво — красные. Свет бежит густыми пучками, даже пальцы просвечивает насквозь, те становятся смешные розовые, как уши на солнце.

— Уже гораздо лучше, но не то, — ответил Блан недовольно. — Жаль некому горло перерезать, он живо бы заблестал!

— Может..., — произнес Даргор сдавлено.

— Не может! — отрезал Блан. — А за Торивьель твою, кто мстить будет, я?

— Тирувьель, — поправил альфарец, — ее звали Тирувьель. А какие у нее были глаза...

— Какие — какие, краснющие как у вас всех, — перебил Блан. — Ты думай лучше как выжить!

Вокруг серыми стенами поднимались густые облака пыли, за ними не видать ничего, но Блан был уверен: там ничего и нет. Замок, со всеми стенами, башнями, статуями и двором давно обрушился на дно пропасти. Осталась только эта одинокая гора, они сидят на ее верхушке, как диковинные жирные птицы на дрейфующей льдине. Только их айсберг не плывет, а норовит окунуться в черный бездонный океан.

Едкая пыль набивается в нос, режет глаза, противно скрипит на зубах, но не она тревожит. И даже не жуткая дрожь земли под подошвами сапог, не голодная, черная как ночь, пасть бездны. Более всего Блана беспокоил блеск, сияние рубина. С каждой секундой пламя внутри камня становилось ярче, сочнее. Но и с каждым мигмом все ближе смерть, уже всем нутром чувствуешь холодное дыхание, по спине гурьбой бегут мурашки.

В груди у Блана остро кольнуло, он буркнул с неудовольствием:

— Да разгорайся же ты, волчья сыть.

Со всех сторон напал двигающийся, но абсолютно плотный туман. Теперь не серый и даже не бурый, а странного грязно — лилового цвета. Марево выглядело то монолитным, как скала, то в нем возникали тени, символы, призрачные лица, что пугали, очаровывали, и тут же исчезали, уступая место иным иллюзиям.

Даргор следил немигающим взглядом за проплывающей мимо женской фигурой. Стройная и высокая она напоминала ему жену.

— Тирувьель? Тирувьель это ты?

Призрак легонько вздрогнул, будто услышал знакомый голос, но поплыл дальше,

скрылся за темными сгустками тумана.

— Ты зовешь меня за собой? Я иду, иду, милая, — прошептал альфарец безвольно.

Даргор покорно разжал пальцы, выпустил из рук единственную опору и шагнул вперед, за край спасительного островка. В уме сладко шептал женский голос, мягкий и приятный он звал за собой, манил.

— Я иду, милая, — повторил Даргор.

В ухо ему, молотом тут же впился тяжелый и твердый кулак Блана. Альфарец как мешок с грязной ватой повалился обратно на валун, оборотень для уверенности прижал его ногой, процедил сквозь зубы:

— Куда собрался, тюфяк. Без моей команды сидеть как мышка!

Над ними сверху появился широкий просвет, то ли ветер развеял жуткую мглу, то ли пыль стала оседать наземь, Блан не знал, но навстречу из тумана выпукло выступили черные, изукрашенные лепкой башни. Следом за ними показались призрачные очертания исполинского дворца, или даже не дворца, а скорее храма. Мглу прорезало множество благородных островерхих башен, причудливых, с парапетами, арками, высокими остроконечными шпилями.

Очертания наливались цветом, краской. Уже виден богатый блеск золоченых крыш, колоритные витражи, искусные барельефы на гладких как стекло стенах.

Блан закричал радостно:

— Это он! Камень не подвел! Даргор, мы спасены!

— Что? — прохрипел альфарец, поднял тяжелую голову. — Что там?

— А ты сам взгляни.

Даргор потрянул головой как конь, захлопал ресницами, старался прогнать темные кружки перед глазами, но те лишь разбегались в стороны, распадались на другие, поменьше. Кровь в ушах била кузнечим молотом: хорошо Блан приложился, долго теперь болеть будет. Но ведь удар спас ему, Даргору, жизнь. В который раз оборотень выручает, даже неловко как — то:

— Спасибо что спас меня, не знаю что нашло...

— Мираж, — ответил Блан, небрежно махнул рукой. — Но ты взгляни на это!

Даргор прищурил глаза, надоедливый танец кружков прекратился, прояснилось, взгляд уперся в дрейфующий над головой собор. Он даже узнал архитектуру, острые как клинки шпили, высокие арки, витиеватые орнаменты. Завитушки символов не спутаешь ни с чем, нигде больше нет таких... Уж кому, как не альфарцу знать.

— Древние, — дрожащим голосом произнес Даргор. Волосы стали торчком, как шерсть у волка на загривке. — Этот собор строили древние. Не может быть... это мираж. Блан скажи, что это лишь мираж!

— Нет, собор настоящий. И он наша единственная надежда, — ответил оборотень грозно. — Давай руку, нет времени на болтовню!

Сердце Блана стало бухать громче, кровь разогревалась все сильнее и сильнее. Даже в груди затрещало, спина вытянулась струной, а плечи раздвинулись, он глубоко вздохнул, грудь высоко поднялась, воздух хлынул так глубоко, что в глазах потемнело.

Он достал яркий, будто живой камень из — за пазухи. Грани распирает от густого алого цвета, недобрый огонь идет изнутри, там в самом центре пульсирует маленькая звездочка, от нее вверх тянутся широкие лучи.

— Повинуйся мне, проклятый камень! — прокричал Блан громовым голосом. — Я твой

новый властелин!

— Что — то мне кажется, он не слушает, — пробормотал Даргор скептически. — Слишком поздно...

Все ближе и ближе подступали уродливые, изодранные как тряпка тени, раньше они пугливо прятались в грязный туман, вязкий и густой как кисель, а теперь лишь на миг блекли, и снова наливались темнотой, вытягивали вперед кривые когтистые лапы. Один из призраков завис над головой альфарца, взглянул на него черными глазами.

Даргор чувствовал, как тело остывает, сердце замедляет удары настолько, что почти не слышишь, в мыслях и образах такой же грязный кисель как и вокруг. Жизнь увядала, теряла краски. Он в полном безразличии понимал, что скоро наступит забвение, и он как соломенный сноп свалится в пропасть, его тело перемелют камни, кровь смешается с пылью, а дух будет бесплотной тенью метаться над руинами, протягивая черные лапы ко всему, в чем еще теплится жизнь.

— Я вижу их, они пришли за нами, — прошептал Даргор болезненно. Кожа на его лице стала высыхать, укрылась гадкой коркой, в глазах проступила пелена грязного тумана.

Блан быстро ухватил его за руку, та была сухой и легкой как у старика. Казалось, сожми пальцы сильнее и кости треснут как тонкие веточки. Слабая воля альфарца могла сыграть злую шутку, еще немного и он сам растает в тумане как голодный призрак. Погибающий мир вытягивает Силу из всего, до чего дотянется. И только камень, что такой же вампир как и прежний хозяин, отчаянно тянет часть мирка на себя, потому еще живы! Кровавый рубин не желает делиться могуществом, но ему придется, иначе голодная пропасть проглотит и его, раскрошит красивые ровные грани, достанет до бьющегося внутри сердца.

Блан знал, камень понимает: теперь нет друзей и врагов. Без него они погибнут, как и он без них.

— Повинуйся мне, заклинаю! — прокричал Блан страшно. — Я твой новый властелин! — Повинуйся!

Рубин ответил, алая звездочка внутри затрепетала сильнее, казалось, вот — вот взорвется, яростные сполохи вырвутся наружу, ослепят, искалечат. Но нет, камень на мгновение замер, а затем выстрелил тонким, но ярким как молния лучом в лоб Блана. Оборотень конвульсивно задергался, будто вонзили стальную иглу прямо в мозг, глаза закатились, рот безвольно распахнулся, оттуда наружу вырвался сдавленный хрип.

— Блан, что с тобой, Блан? — сказал Даргор вяло. Сухой язык не слушался, казался чужим и гадким. Он попытался выволить руку, но пальцы Блана вцепились крепче капкана.

Оборотень не отвечал, все сипел глухо, но камень ухватил, как утопающий соломинку, не отпускал. Под глазами пролегли черные круги, от них по лицу поползли гадкие мелкие трещинки, наружу выступили крупные капли темной крови. Даргора охватил страх, ему казалось, что оборотень распадается на куски, что камень пожирает его.

Будто учуяв его мысли, луч истончился и угас, но сияние камня увеличилось, он разгорелся как костер, кода плеснешь масла.

Блан сжал рубин дрожащей рукой, медленно, будто тот весом с гору, поднес к лицу.

— Теперь ты мой, — прошептал он ликующе, — ты мой.

Черные, страшные башни, повинуюсь незримой руке, распахнули ворота. Мгла бессильно расступилась в стороны, будто дыхнул сильный ветер, даже тени и те попрятались в темных углах. Наружу из ворот потянулась призрачная лестница. Прозрачные ступени начинались точно у носков сапог Блана. Он поднял взгляд, посмотрел на вычурные своды

собора, крыши с высокими остроконечными шпилями, чернеющую арку ворот, сказал властно:

— Вперед.

Ступни коснулись жесткой, холодной как лед ступени. Блан с недоверием глядел на тонкий прозрачный материал: можно ли ему доверять, не иллюзия ли? Кровавый рубин коварен. Но твердь под ногами не трещала, хотя и тоньше первого льда, не скалывалась, не исчезала, как образы вокруг. Уже уверенней он шагнул дальше, ступени держали, как каменные, хотя сквозь них видно жуткую черноту бездны внизу. Сердце дергалось, его пронизывал холод, хотелось присесть, ухватится руками, ведь вдруг ветер подхватит, сорвет с лестницы вниз?

— Я боюсь высоты, — прошептал Даргор в страхе. — Что же мне делать?

— Не смотри вниз! — крикнул Блан яростно. — Давай руку!

Даргор наморщил лоб, упрямо закусил губу: жить то хочется, протянул дрожащую ладонь оборотню. Блан сгреб ее своей, и потянул бледного беднягу вверх по лестнице. Шагал осторожно, но на месте не топтался, мало ли, вдруг ступени так же проворно исчезнут, как и возникли.

По тонким, прозрачным как стекло ступеням проплыла размытая тень. Блан инстинктивно вскинул голову. Прямо над головой, среди темно — лиловых колец тумана, проступала жуткая зубастая пасть. Одни клыки длинной в рост человека, морда узкая и длинная. Чудовище выглядело свитым из сумрака и дыма, от головы в стороны расходились тонкие черные струйки, дымка бежала и от зубов, как пар из котла с вареным мясом.

Чернота живо, уродливой кляксой расползалась по небу, по спине Блана пробежали мурашки, а Даргор так и вовсе оторопел, тело сделалось деревянным, ноги намертво прилипли к ступеням. Чудовище наверняка заметило людей внизу, и теперь движется, раскрыло страшную пасть, заслало половину неба. Зверь свирепо сощурил глаза, хотя и глаз то нет, дыры в черном как ночь теле.

Блан беспомощно шарил глазами по темному телу чудовища, что он мог поделаться, бежать вперед? До ворот собора не меньше трехсот ступеней. Сражаться? С жуткой тенью, которая и не тень вовсе, а порождение Силы, фантом. Чем одолеть такое? Разве что рубин справится, но как знать, на что способен кровавый камень, остается лишь надеяться.

Он взвесил в руках рубин, в глазах блеснул гнев. Тонкие брови сдвинулись грозно, а голос прозвучал хоть и не твердо как прежде, но с нотками грома:

— Ты либо отойдешь тварь, либо ярость крови испепелит тебя!

Густая тень скользнула по граням камня, яростные отблески затихали и гасли там, где касались зловещей черноты. Но и чернильный призрак светлел, выцветал, уже местами серый как дым. Из рубина во все стороны брызнули густые снопы алых искр, будто ударили точилом по щербатому железу.

Блан содрогнулся всем телом, болезненно зажмурил глаза, зубы скрипели от натуги, ноги подогнулись, точно по нему ударили незримой плетью, но устоял, не свалился в пропасть. Исполинская пасть нависала, почти касалась его длинными острыми зубами, и хотя тварь не из плоти и крови, а рождена сумраком и мглой, но боль жжет тело самая настоящая. Он понимал, разрушенный мир лакомый кусочек для тварей как эта, а теплое человеческое мясо и кровь — тем более. Такие блюда не подают каждый день, а тут деликатес сам идет в рот.

Оборотень смотрел немигающим взглядом на угасающий блеск рубина, тень брала верх,

еще немного и алая звездочка внутри камня перестанет трепетать, остановится, грани нальются чернотой, тепло и свет исчезнут, а следом за ними как лед на солнце растает и прозрачная лестница под ногами.

Рука сама потянулась к поясу, двигалась медленно, вяло, будто в воде, пальцы вот — вот сомкнутся на рукояти палаша, но чернота уже заполняет ум, образы в уме костенеют и блекнут, голова гудит как колокол на утренней службе. Но до оружия дотянулся, и с ужасом понял, что не успеет, времени уже нет, громадные зубы все ближе, до них можно дотянутся рукой. Из последних сил Блан схватил палаш ладонью за клинок, резко потянул вверх, пальцы заскользили по острой как бритва кромке, за ними протянулся широкий алый след.

Он даже не ощутил боли, сдавил еще сильнее, пока все лезвие не стало багровым от крови. Тонкими струйками она сбегала по кровостоку и кромке, а рубин вспыхнул прежним гневным огнем. Пламя в сердцевине ревело и ширилось. Еще бы! Ведь сам повелитель пролил кровь! Прежний хозяин уже поступал так, выпустил наружу бешеную стихию, пламя способно пожрать столько крови сколько ему потребуется.

Блан высоко воздел руку с камнем, лучи алого света пучками выстреливали вверх, опадали яркими искорками, резали тени и сумрак живее, чем полуденное солнце. Чудище задергалось, как пробитый копьем зверь, яростно щелкало пастью, в лестницу, позади Даргора ударила длинная струя черного дыма, ступени мигом обуглились, превратились в пепел.

— Вперед! — выкрикнул Блан слабеющим голосом. Кровь из его тела вливалась в камень, с каждой секундой ее становилось все меньше, а до спасительных стен собора еще идти и идти.

Даргор проворно, будто и забыл о страхе высоты, подхватил оборотня под руку и поволок к воротам.

Каждый шаг казался последним, каждая секунда — длиною в жизнь, сердце в груди билось все тише, уже не стучит яростно в ребра, иссохшие вены проступили черной сеткой, плоть стала тонкой и прозрачной, глаза запали внутрь черепа. Жуткая тень над ними поблекла, сжалась, хоть и меньше в два раза, но все равно громадная, но уже не подлетает близко, боится багрового огня крови!

Блан не верил, что уйдут живыми, рубин выпил его до дна, осушил как кубок, жизнь едва теплилась в груди. Темнота и холод подбираются все ближе, глаза ничего не видят, только тонкую белую линию там вдалеке, она ширится, вырастает в полосу, яркий свет льется из нее режет глаза, но опустить веки не выходит, их будто срезали ножом.

— Мы спасены, Блан! Мы ушли! — донесся издали тихий как шуршание листьев, голос. — Не умирай, слышишь, не умирай! Мы ушли!

— Не буду, — ответил твердо и живо его собственный голос, но показалось: говорит кто — то другой, чужой, ведь он же молчит! Блан чувствовал, как лихорадит и трясет тело, по венам вместо крови растекается колючий жидкий лед. Ему стало страшно.

Глава 20. Шаг в пропасть

Иноземье. Мир мертвых. Некрополис.

Над головой грязно — белый туман уже не застилал все небо, его заворачивало в страшный гигантский смерч. Над городом навис опрокинутый вверх дном серый штормовой океан с исполинской воронкой в центре.

Вихрь вращался с сумасшедшей скоростью, его длинная и единственная нога извивалась змеей, подхватывала с земли куски разрушенных зданий, яростно пинала их, разбивала вдребезги. Серые струи мглы вытягивались длинными пасмами, рвались, исчезали в страшном небесном водовороте. В воздухе витал смрадный запах смерти, от него желудок скручивало в комок, горло судорожно сжималось.

Анри сидел недвижимо на краю обрыва, казалось, дремлет, спиной уперся в монолитную глыбу, чтобы не свалится, глаза прикрыл, но те все равно беспокойно бегают под тонкой кожей век. В уме звучал уже знакомый голос:

— Тебе не понравится мое предложение, я уверен. Но пропасть придется одолеть, иначе тебе не спуститься, — поучительным тоном заявил Маг, тонкие губы растянулись в улыбке, обнажились крупные белые зубы.

Анри захотелось надавать ему оплеух по наглой физиономии, хорошо так шлепнуть, чтоб алый след на щеке от пальцев остался.

— Какая грубость, — фыркнул Маг. — И это я берусь его выручать. Очень — то надо...

— Извини, не сдержался, — ответил Анри виновато. — Но может, перестанешь ехидничать, и перейдем к делу?

— Как только ты станешь слушать, — огрызнулся хранитель. — Тебе не понравится, что я предложу. Это я говорил, да..., тебе уже не нравится.

— Не в бровь, а в глаз. Ты сама проницательность, — ответил Анри саркастично.

— Ты делаешь успехи, но сарказм — уродливая форма гнева, — отозвался Маг. — Тебе надо прыгнуть в вихрь. Да — да в тот громадный смерч. Иначе можешь просто идти камнем на дно.

— Ты сошел с ума, я думал какое — то колдовство придет на выручку, — ответил ошарашенный Анри. — Прыгай в вихрь..., вот сам бы и прыгнул.

— Я говорил, что тебе не понравится. И не забывай, я слышу все, о чем ты думаешь. Ты человек смысленый и обычно думаешь, что говоришь. Но теперь это не проходит. Теперь думай, что думаешь, — улыбнулся маг с прежним ехидством.

— Вот дерьмо, — ругнулся маркиз. — Извини, вырвалась мысль.

— Ничего, привыкнешь, со временем.

Анри попросился по — английски, устало открыл глаза. Никогда прежде не думал, что сидение с закрытыми глазами может так утомить, будто день напролет мешки с сырым песком таскал.

Громадный смерч, который еще недавно кружился на том конце разрушенного города, приблизился, занял половину неба. Крупные камни, куски ржавого железа, деревянные щепки все перемешалось в сером теле вихря, могучая сила так быстро вращала их, что Анри сколько не старался, искал взглядом пролеты — тщетно. Сплошная серая масса, из которой выглядывают то обломок статуи, то деревянная балка.

Анри осторожно подошел к краю обрыва, проверил сапогом ступеньку на жесткость, вниз посыпалась мелкая каменная крошка и пыль, но держит, ноги не проваливаются. Он глянул вниз. Там торчат острые как копья, штыри железного каркаса. На такие насадишься, как свинья на вертел, и глазом моргнуть не успеешь.

— Я не понимаю, как это прыгать в вихрь, — сказал Анри со злостью. — Он перемелет меня на порошок. Даже нет, и праха не останется, разбросает по округе!

Голос Мага сказал с нервным смешком:

— Не понимает он. Что тут понимать, не высшая математика же. Вон там с уступа...

Из монолитной стены, на уровне нижних ступеней, выступала длинная металлическая жердь. Широкая, толщиной с руку, Анри прикинул, что на ней можно легко повесить и быка, хотя края и изъела ржавчина, поверхность покрылась рыхлой рыжей шелухой.

Анри бросил раздраженно:

— Если я взберусь на эту жердь, и прыгну, что со мной будет?

— Известно что, — ответил Маг с тем же смешком. — Или рассказать подробно?

— Тогда сам прыгай, — отрезал Анри. — Я не сумасшедший.

— Не сумасшедший он, — хмыкнул Маг. — А кто ходит тут вдоль пропасти и сам с собой вслух разговаривает?

— Что хочешь говори, все равно прыгать не стану!

Вихрь подступал все ближе, сухой горячий воздух опалял лицо, веки. Воздушные потоки подхватывали пыль с земли, яростно швыряли в глаза. Анри прикрылся ладонью, вжался спиной в стену. Понимал, если не прыгнет, струя воздуха сама сорвет и бросит как игрушку вниз. А если прыгнет, то все равно расшибется. В чем же смысл?

Он набрался смелости, шагнул к жерди, разъяренный ветер все стремился помешать, подхватил со ступеней горсть песка, швырнул прямо в лицо. Анри закашлялся, но затеи не бросил, прыгать так прыгать, все — таки маг уже спасал ему жизнь, зачем тогда убивать теперь? Значит и сейчас выручит, вот только темнит негодник...

Крепко уцепился руками за ржавую, но крепкую жердь, свесил ноги. Вниз смотрел без охоты, нечем любоваться кроме ржавых штырей, от которых мороз по спине бежит. Страшный вихрь двигался прямо на скалу, будто специально кто — то вел его громадной рукой.

Широкая серая воронка заслонила весь остальной мир, исчезли серые безжизненные руины, статуи людей в дивных костюмах, дома и храмы, длинные ленты улиц. Только вверху все тот же серый океан продолжает вливать дикую мощь в вихрь, что связывает небо и землю. Он ревет и завывает как тысячи голодных зверей, в ушах свистит, внутри все холодеет.

Яростный ветер отрывает от земли громадные, размером с борова валуны, играет ими, бросает небрежно в стороны. Ветхую башню, что повалилась на правый бок как подстреленное животное, смерч разобрал по камешку за несколько мгновений. Анри видел, как отрываются тяжелые каменные блоки, кружатся в воздухе будто пылинки, а затее пропадают в толще серой мглы.

Но темная воронка в небе выглядела страшней всего, громадный свинцовый океан, не видно ни начала ни конца, ненасытная утроба втягивает и втягивает с диким ревом все, к чему прикасается ее вихревая рука. Как можно противостоять небу, ты маленький и бессильный, что муравей. Нет, и муравей может многое, но не сейчас и не здесь.

Вихрь потянул Анри к себе, все мышцы в теле напряглись, тронь — разорвутся. Сапоги один за другим слетели с ног, их проглотила серая воронка, от грохота и воя в ушах стрельнуло, заломило в висках. Острые песчинки и камешки плетью секли кожу, горячий сухой воздух, что уже не воздух, почти пар, опалял лицо, губы. Жилы на руках натянулись как струны, Анри почувствовал: если не отпустит шест, то вихрь оторвет пальцы.

— Я прыгаю, слышишь, я прыгаю! — воскликнул Анри, стараясь перекрычать вой смерча. Но куда там, даже сам собственно голоса не расслышал.

— Прыгай, — ответил Маг спокойно. — Давно пора.

Анри, как рыба, хватал ртом воздух, глаза зажмурил так сильно, что гудело в ушах, горячий ветер бил молотом в грудь. Была ни была! Он разжал пальцы, и полетел..., не вниз как думал, а куда — то вверх и в сторону. Тело вертелось как мяч, подброшенный в воздух сильной рукой.

В голове роем вились страшные мысли: Расшибет, разорвет на части: сердце колотилось часто — часто, только и слышал, как ходит ходуном грудь, бухает кровь в ушах и жуткий вой ветра. Тело уже не дрожит, не может, потоки яростного ветра сдавили так, не шелохнешься, будто не в воздухе, а под землей лежишь, под завалом из камней. Дыхание из груди пошло горячее, как из раскаленного горна.

— Держись, не расшибет, — ответил Маг.

— Ты все слышишь...

— Держись, мне хватит сил, и тебе должно.

Анри каждый раз содрогался всем телом, когда налетал на твердое, в уме громко стреляло, воображение рисовало кровавые картинки. Вот он натывается на тяжеленный валун, глухой шлепок, кости лопаются, тело превращается в алые лохмотья мяса... Нет еще живой, еще дышит, хотя кажется уже умер, но боль в теле, иссеченное лицо, обожженная кожа и сотни ушибов каждый миг напоминают что жив, что еще здесь, не на том свете. Там не болит, хотя кто знает? Правда чему там болеть, если тело остается тут.

— Душа болит, — нервно хохотнул Маг. — Еще немного и доброшу.

— Что добросишь? — спросил Анри судорожно.

— Не что, а кого! Тебя, естественно! Глаза не открывать!

Он взмыл вверх, над ухом затрещало, ухватило за плечи. Ноги мелькнули в воздухе, рывком швырнуло влево, как щенка. Анри зарычал, ему казалось, сейчас столкнется с землей, шлепнется как жаба на камни, но глаз открывать нельзя, правда руки уже слушаются. Маг выдернул его из вихря, дивясь тяжести тела. Отводить в стороны каменные осколки да балки было и то легче.

— Ну ты и боров! Худеть надо, — проворчал Маг.

— Я похудел с зимы, — возразил Анри рьяно, — тем более я в хорошей форме.

— В хорошей — хорошей, мяса много, как раз мертвякам на обед, — ехидствовал Маг.

— Нет, чтоб просто вниз опустить, надо было меня через весь ад протянуть.

— Умник нашелся, а смерч как обойдешь, пешочком?

Анри почувствовал опору под ногами, радостно разлепил веки. Перед глазами плыло, но он крутил головой, осматривался, не обращая внимания на ушибы и порезы, покрывающие тело. Даже про боль забыл, грудь распирала хмельная радость, прорывалась наружу громким хохотом.

— Ну — ну, чего разошелся, ржешь как конь — произнес в уме знакомый голос. — Нет, чтоб спасибо сказать.

— Спасибо, тебе. Уже второй раз меня спасаешь.

— дождался благодарности. Третий, на самом — то деле, — проворчал Маг. — Но ничего, и на том спасибо.

— Не помню третьего. Когда это было?

— Было, было...еще до первого, на охоте..., — ответил Маг.

— Что ж тогда и за него благодарю, — сказал Анри.

— Молодец. Уже вслух не болтаешь. Дальше сам, я и так сил потратил изрядно. Давно пора научиться арканами пользоваться, а не старика гонять!

— Так ведь я..., — возразил Анри, но почувствовал, что разговор окончен. Тонкая нить связующая его и Мага разорвалась.

Под ногами валялись разбитые камни, острые осколки больно кололи босые израненные ступни. Пол холодный, будто не из камня, а ледяной, неприятно морозит кожу. Анри протер руками глаза, навел резкость и еще раз, уже ясным взором пробежался по руинам.

Со всех сторон его окружал полуразрушенный и заброшенный зал. В стенах зияют дыры, вместо крыши страшные свинцовые тучи в жутком водовороте, а впереди, разбросаны груды упавших глыб, колонн, разломанные ударами металлические каркасы... И комки бурого мусора, похожие на изувеченные человеческие тела, что потемнели от времени, присохли к земле. Кое — где угадывались очертания лиц, обезображенные временем, они напоминают жуткие рисунки.

Внимание привлекла блестящая полоса металла на одной из стен, глянцевая поверхность чудом сохранилась, не покрылась рыжей коркой ржавчины, нигде не сломана не разбита. На фоне трещин на стене, уродливых дыр в полу, она выглядела сказочной вещью из другого мира. Хотя как раз он сам не принадлежит этому мертвому городу, но уже так похож на все вокруг, избитый, ободранный.

Анри подошел ближе. Полоска красиво отливает благородной синевой металла, похожа на широкий клинок, прислоненный могучим воином к стене. Но сам удалец давно сгинул, а его славное оружие до сих пор осталось там, где оставил. Потому что никто не смеет даже коснуться его. Красиво..., но вряд ли так. Анри провел пальцем по гладкому металлу. Холодный и твердый, ни единой ямочки, ни трещинки. Из такого бы выковать оружие! Но попробуй вынуть из стены, спина лопнет. Края утопают в стене, даже ногтем не подцепишь, не говоря уже чтоб руками уцепится.

Внизу металлической полосы тускло мерцали самоцветные камни. Синий и красный, оба овальной формы, но не граненые как часто бывает, а гладкие, выпуклые словно яйцо. Такой рубин, но поменьше, носил отец на перстне. Действительно, стальное полотно напоминает исполинский меч, изукрашенный на эфесе камнями. Анри тщетно искал взглядом стыки между стеной и сверкающей полоской, везде ровные края, будто камень оплавился и застыл, как воск.

Он присел на корточки, провел рукой по гладкому металлу, коснулся пальцами самоцветов в основе. Синий камень робко задрожал под пальцами, скользнул вниз, как живой, внутри него загорелась маленькая звездочка. Чародейство! Анри проворно одернул руку, не успел и глазом моргнуть, земля под ногами вздыбилась, прямо на глазах выросстал широкий холм. Во все стороны побежали тонкие как волос трещины, внизу загудело громко, каменный горб с треском лопнул.

Анри отскочил к стене, спрятался за широким обломком колонны, осколки градом

полетели вслед, лихо и с щелканьем ударялся камень о камень. Он видел, как следом брызнул еще один снап мелких как семена, железных колючек. Одна из них впиалась в стену совсем рядом с коленом.

Страшный грохот внизу затих, Анри с подозрением осматривался. Огромная металлическая коробка выползла наружу из трещины, оттуда же торчат, будто выглядывают из норы, длинные железные набалдашники, так похожие на конские головы. Бока коробки горят ярким красным огнем, маленькие свечечки вспыхивают и гаснут в одно мгновение, мерцают. Черное жидкое медленно вытекает из трубочек внизу, густое будто мертвая кровь, но все уходит в щели между камнями.

Чудеса да и только! Интересно, хочется выйти осмотреть все, прикоснуться к загадочным огонькам, но и страх берет, а вдруг вновь выстрелит железными гвоздями? В груди громко бухало, в животе нервно подергивалось, воздух из ноздрей бежал горячий и сухой.

Почудилось, что на босые ступни дыхнуло теплом, даже горячим паром. Думал, мерещится, но взглянул на лужу черной жидкости под ногами, по ней бежит крохотная рябь, а из трещин вырываются белесые струйки дыма.

Анри осторожно приподнял голову над колонной. Воздух хоть и горячий, но по шкуре побежал мороз. Этот холод шел изнутри, как предупреждение, где — то там впереди поджидает опасность. Казалось, он попал во внутренности огромного трупа, размером со здание. Но голос внутри шептал, иди вперед, или может, чья то злая воля манит, затягивает на шею петлю?

В голове трещало, хотелось спросить мудрого совета, хотя бы поговорить с другом. Сейчас пригодятся даже ехидные слова Мага. Скверный характер хранителя сглаживался добрым нравом, он всегда приходил на выручку.

Стена коробки разделилась пополам, железные края разошлись в стороны как шторы. Серая крупная голова, вся отливающая металлом, появилась из проема. Следом выскользнул весь зверь. Железное тело напоминало собачье, но в два раза крупней даже самого матерого волкодава.

Чудище двигалось на четырех лапах, длинных и толстых, когти с металлическим звоном впивались в каменные плиты, высекали искры. Громадные передние лапы яростно ударили по земле, камень под ними лопнул будто и не горная порода, а тонкая доска. Анри, взглянул на морду твари, из узких прорезей глаз рвется наружу пламя нечеловеческой злобы.

Зверь рыкнул, Анри не успел и за оружие схватится, как перед глазами мелькнула широкая лапа. Блеснули длинные железные когти в тусклом свете, слева прогрехотало, в стороны брызнули обломки камня, в воздух взметнулось облачко пыли.

Анри торопливо выдернул из ножен саблю, отскочил к стене. Морда зверя совсем рядом, гладкая металлическая, из пасти наружу торчат громадные клыки, блестят как новенький нож. Кроваво — красные глаза смотрят на него, Анри, с интересом, неужели зверь способен мыслить? Почему застыл и глядит, может, прикидывает с какой стороны наброситься?

Анри выставил клинок перед собой, приготовился к бою, хотя шансов против такого чудища нет, одна лапа чего стоит, такой пришепнет как муху, и не заметит. И спрятаться негде... остается драться, но это безумие.

Одна лапа зверя поднялась вверх, молниеносно цапнула маркиза за плечо, рубашка потемнела, окрасилась кровью. Царапины пускай не глубокие, но правой уже не взмахнешь, мышцы рассечены. Такое впечатление, что зверь играет с ним, ранит, но убивать не хочет.

— Чего тебе надо тварь? — спросил Анри твердо.

В ответ зверь широко раскрыл пасть, обнажил страшные клыки. Снова сверкнул металл, победно и страшно, стены содрогнулись от дикого рева. Анри, хоть и не из пугливых, мимо воли вздрогнул.

— Собирался убивать, нападай! Чего стоишь! — выкрикнул он в сердцах.

Зверь опять медлил, протяжно застрекотал, вытянул короткую шею. Огромная как бревно лапа, впилаясь в пол, камень жалобно заскрипел, громадная горсть гранитной стружки появилась из — под саблевидных когтей. Анри взглянул на глубокие борозды в плите, вздохнул тяжело: чего же ждет? Сердце просто выскакивало наружу, правду говорят: не так страшна смерть как ожидание.

Анри перебросил саблю в левую руку, быстро и точно рубанул по лапе. Отсеченный коготь со звоном покатился по земле. Стальное чудище взглянуло на раненую лапу, оскалилось злобно, но не напало.

— Назовите себя, — произнесло чудовище нежным женским голосом на чистом французском.

Анри удивленно заморгал, нахмурил брови: чудовище не открывало рта, звук шел из узких прорезей на шее. Издали они напоминали рыбы жабры. Да и откуда оно знает его родной язык?

— Что? — спросил Анри настороженным тоном.

— Назовите себя. Анализ вашей крови дает основания полагать, что вы все еще живы.

— Анри де Ланьяк.

Чудище замолчало на мгновение, затем произнесло живо:

— Запись найдена. Контр — адмирал Филипп — Анри Ланьяк. Сходство с исходными образцами тридцать два процента, прошу следовать за мной. Возможно, вы были подвержены мутации.

Анри с недоверием взглянул на сумасшедшего зверя: что он удумал? Зачем зовет за собой, и кто такой контр — адмирал Филипп Ланьяк? У него есть кузен Филипп, живет в Реймсе, но тому недавно исполнилось шестнадцать, точно не он. Кто же тогда, однофамилец? Далекий родственник?

— Мсье, контр — адмирал, прошу следовать за мной, — повторил зверь все так же монотонно.

Из темной широкой дыры в стене вынырнул, как из проруби, бурый череп, плотно обтянутый сухой кожей. Следом внутрь скользнуло тощее тело мумии, костлявые пальцы сжимали ржавый длинный меч. Анри узнал уродливую фигуру, точно такие же мертвья нападали на лестнице.

Анри быстро нанес удар, отпрыгнул обратно, на пол шлепнулась отрубленная голова, худящее, как швабра тело, упало следом. По ту стороны каменной кладки кто — то пронзительно вскрикнул, врезал мощно, словно молотом, по стене. С такой силой мог ударить лишь великан, перед глазами Анри уже стоял образ раздутого чудища, что яростно вращает затуманенным оком. Неужели нашло и тут, или там за стеной другое такое же?

Громадное тело не появилось в дыре, мертвие усвоило урок, осталось стоять снаружи. Там, на той стороне, продолжало визжать и глухо стучать по зданию, на пол осыпалась мелкие камешки. Анри не спешил высовываться наружу, хорошо помнил, насколько длинна и тяжела цепь великана, такой можно и стену сокрушить при желании.

— Вашей жизни угрожает опасность, мсье контр — адмирал. Прошу следовать за

мною, — сладко промурлыкал зверь.

Пока Анри размышлял идти или нет, огромная, как бревно, рука пошла на него с неумолимостью тарана. Сбоку блеснула широкая металлическая спина зверя, он изогнулся дугой, вскинул могучие лапы, ударил сильно и красиво. Пол вздрогнул, на каменные плиты упали два громадных чудовища. Черная, смрадная кровь брызнула тугими струями, окрасила стену, залила пол.

Анри, стряхнув оцепенение, бросился на помощь железному зверю. Твари не жалели друг друга, били люто, стальные лапы разрывали тело великана как тряпку, ошметки гнилой плоти комками летели во все стороны. Анри тоже рубил саблей, что — то кричал в запале боя, метким ударом рассек чудовищу бок, наружу поползли толстые, как удав, зеленые потроха. От гнилостного запаха становилось дурно, в глазах темнело, желудок бился в судороге.

Зверь разорвал великану толстое плечо, Анри слышал, как лопнули кости, громадная рука шлепнулась на пол. Чудище, наконец, выронило корабельную цепь, упало на колени, но и тогда пыталось отбиваться уцелевшей рукой. Анри рискнул, бросился вперед, извернулся и разрубил широкое колено. На пол брызнула темная кровь, великан взвыл, яростно сверкнул единственным оком.

Железный зверь уловил момент, могучим ударом лапы снес последнюю руку. Туловище на одной уцелевшей ноге зашаталось, как подрубленное дерево. Победно блеснул металл зубов, саблевидные клыки впились в уродливую голову великана, громко затрещали кости черепа, в стороны брызнула серо — зеленая каша, из широких ран потоками хлынула черная смрадная кровь.

Великан издох, усталый, забрызганный темной зловонной жижой Анри, устало присел на раздробленную колонну. Руки, грудь, даже лицо все перепачкано липкой и гадкой кровью. Стальной зверь стоит рядом, тоже весь черный от вражеской крови, уже не бегают яркие отсветы на блестящем панцире, на правом боку появилась крупная вмятина. Но в узких прорезях глаз не читается боль, зверь выглядит совершенно здоровым, будто не его обхаживал толстой цепью грузный мертвяк.

— Еще одной бойни я не переживу, — произнес Анри тяжело. — Куда ты меня собрался вести?

— Ваш запрос обрабатывается. Подождите, мсье контр — адмирал.

— Что он лепечет? Бог его знает... — буркнул маркиз себе под нос.

— Место назначения — подземный жилой модуль «Транквилити», с автономными системами жизнеобеспечения, — выдало чудище, все тем же сладким голосочком.

— Опять белиберда какая — то, — хмыкнул Анри. — А на храм оно похоже, твое подземное жилище? Мне в храм нужно.

— Запрос послан, подождите, пожалуйста, мсье контр — адмирал.

— Да жду я, жду, непонятно только чего? То сам с собой разговариваю, то с зверюгой, размером с быка. Скоро с ума сойду с вами всеми.

— Архитектурное сооружение, предназначенное для совершения богослужений и религиозных обрядов, находится в разрушенной части города. Проход туда небезопасен, мсье контр — адмирал. Вы нуждаетесь в срочном лечении в связи с заражением, — выдал зверь после паузы.

— Какое еще заражение? Я болен? — спросил Анри взволновано, поднялся на ноги. Слабости не чувствовал, только боль от порезов и ран, и холод каменного пола, да слегка

поташнивает от трупного смрада.

— Результаты бета — сканирование указывают на частичное заражение вашего организма некровирусом, мсье контр — адмирал, — промурлыкал женский голосок.

Глава 21. Когда завтра становится вчера

Иноземье. Мир мертвых. Некрополис.

Анри ругнулся, посмотрел на широкую рану на плече, иссеченную кожу на руках и груди. Будто нещадно секли батогом, ни одного живого места нет, лицо и то щемит от боли. Зверь может и прав, как тут не подцепить заразу, весь залит смрадной кровью. На войне случалось, что грязь попадает в раны, и все — гниешь заживо. И хорошо если рука или нога, ту отрезать можно, а если грудь, сердце же не вырежешь, новое не поставишь.

— Что за заразу я подцепил? Гангрена? — спросил Анри мрачно.

— Мионекроз также имеет место, мсье контр — адмирал, но угроза аденонекроза гораздо выше. Вас срочно нужно поместить в лечебную капсулу.

Анри задумался: мало ли куда зовет железный демон, голос то у него приятный, а с виду — тварь тварью. Конечно, защитил от великана, но кто знает зачем? Что на уме у железного зверя? Но если действительно гангрена? Тело изранено, в раны понабилося и пыли и грязи, и спрятаться нужно, отдохнуть.

— Ну и куда ты меня потащишь, под землю, в свое жилище? — с недоверием в голосе спросил Анри, тяжело выдохнул.

— Подземный жилой модуль «Транквилити» расположен на третьем жилом слое. Остальные слои частично или целиком разрушены, — объяснил зверь.

— Ладно, веди, — сказал он спокойно, — все равно где помирать, тут или под землей.

Зверь первым шагнул внутрь металлической коробки, громко застучали длинные когти по железной решетке пола. Анри зашел следом, ноги согревала теплая поверхность: вот значит откуда бежал струйкам пар. На гладких и блестящих стенах нет ни одного изъяна, металл ровный и гладкий. В углу видна такая же полоска, как та на стене снаружи, только тут не два, а семь разноцветных камней. Руки Анри зачесались от желания потрогать магические самоцветы.

— Какой камень приведет в жилище? — спросил он с интересом.

— Пожалуйста, повторите запрос, мсье контр — адмирал.

— Ну, какой из этих камней потрогать, чтобы карета поехала вниз, к тому жилищу?

Анри указал пальцем на разноцветные, гладкие и выпуклые кристаллы.

— Зеленая кнопка, мсье контр — адмирал.

— Можно коснуться?

— Да, пожалуйста, мсье контр — адмирал.

— А ты слуга, или охранник? — спросил Анри осторожно, прищурил глаза.

— Я обслуживающая программа Венус две тысячи сто пятьдесят семь.

— Слуга, значит. Потому, наверно и говоришь так странно. Слуги всегда говорят на своем языке, — губы Анри разошлись в улыбке, тонкая корочка на ране треснула, по подбородку побежала алая струйка. — Вот, черт.

Анри прикоснулся пальцами к гладкому зеленому самоцвету, надавил легонько, тот, загорелся нежным светом изнутри, скользнул вниз, точно жук в норку. Дверцы кареты бесшумно закрылись, будто и не металл вовсе, а тонкий шелк. Он почувствовал легкий толчок, сверху затрещало громко, Анри слышал, как тяжело падают камни на крышу коробки. Но той хоть бы что! Он даже не понимал, движется та вниз или в сторону, или

вообще замерла на месте.

Также легко створки разошлись в стороны, Анри вышел наружу, вокруг гладкие стены из дивного отливающего голубизной металла, на напоярированном до блеска полу ни пылинки, очень странное помещение, будто подметають каждую минуту. Воздух пах свежестью, сверху, из прорезей в потолке, лился мягкий, похожий на дневной свет. Громадный зверь остался сидеть на задних лапах внутри кареты.

— Ты не идешь, слуга? — спросил он, повел бровью.

— Защитное оборудование будет направлено на дезинфекцию, мсье контр — адмирал, — ответил знакомый голос из — за спины. — Но не беспокойтесь, я буду сопровождать вас и дальше.

Анри взглянул на громадную стальную морду зверя, что — то изменилось, красные глаза уже не горят тем алым огнем ярости, угасли как угли в костре, такие же черные и сухие.

— Он умер? Жалко, хороший был зверь, сильный.

— Нет, мсье контр — адмирал, юнит дееспособен на девяносто два процента, но обшивка заражена некровирусом, ее следует продезинфицировать.

— Ну и словечки, язык сломать можно..., — вздохнул Анри. — Ты можешь говорить по — человечески. Это приказ, раз уж я мсье контр — адмирал.

— Пожалуйста, подождите, идет настройка голосовой библиотеки, — произнесла Венера.

— Да ты не спеши, Венера, я пока осмотрюсь, — отмахнулся Анри.

Он отошел от кареты к стене, стальные двери тихо захлопнулись. На чистом полу появились грязные следы, перепачканные грязью и кровью ступни оставляли за собой темные отметины. Впереди на самой широкой из стен, огромная круглая дверь. К ее центру и краям от стены тянутся тонкие стальные трубочки, те, что ближе к середине напоминают канаты. Слева от дверей, из стены выступает небольшой квадрат, на нем ярко горят красочные огоньки. Наверняка без магии не обошлось, Анри подошел ближе, прикоснулся рукой, поверхность гладкая как хороший клинок, но не металл и теплая.

— Библиотеки загружены. Теперь я могу разговаривать с вами по — человечески. Вы в порядке, мсье контр — адмирал?

Анри поднял руку, чтобы оглядеть плечо, от резкого движения струпья треснули, открылись раны. Кровь струйками потекла по коже, запятнала гладкие плиты, где показалась почти черной.

Он выругался, цокнул языком, произнес недовольно:

— Нет, я не в порядке, и перестань называть меня контр — адмиралом, просто мсье Анри.

— Как вам будет угодно. Не желаете ли залечить свои раны, мсье Анри? Болезнь очень опасна и может вызвать серьезные нагноения, — произнес приятный женский голос.

— Да, Венера, надо промыть раны и бинты наложить. Чем скорее, тем лучше. А где ты, почему я тебя не вижу?

Шум в череде становился громче, там будто бегали маленькие насекомые по шершавой бумаге. Из раны на плече сочится уже не кровь, а сукровица, на груди темнеют длинные струпы... Перед глазами расплывалось, качалось, накатывала темнота. Веки казались неподъемными железными заслонками, начали опускаться.

Анри понимал что схватка закончилась, в крови уже нет того запала и тело начинает

медленно понимать, что из него выжали все соки. Он с силой открыл гала, заставил себя смотреть прямо: нельзя засыпать, тогда болезнь и смерть возьмут верх. Темнота и холод их стихия, пока двигаешься, говоришь, до тех пор и жив.

Пальцы вслепую нашарили на поясе рукоять сабли, сжали. Перед глазами стоял образ Ситары, как же он соскучился по ее стройным загорелым ногам, красивой высокой груди, очаровательному голосу. А какое доброе сердце, и синие глаза, в таких можно утонуть...

Анри нахмурил брови, на лбу пролегли складки. Мужчина должен умирать с оружием в руках, а не с мыслями о женщине!

— Вам срочно нужна помощь, — произнесла тревожно Венус.

Он не ответил, лишь сильнее нахмурился, внезапно темная завеса колыхнулась перед самыми глазами. Ноги предательски подогнулись, в грудь пахнуло холодом, и все провалилось в черноту.

Очнулся от дуновения прохладного ветерка, звон в ушах пропал, в висках не грохочет молотом кровь, но все тело налилось ужасной слабостью. Жутко хотелось есть. Он заставил себя открыть глаза, поднять голову. Лежит на мягкой и удобной кровати, под стеклянным колпаком, а рядом бегают по прозрачным трубочкам разноцветные жидкости. За ними широкий блестящий шкаф, рядом несколько поменьше, все в огоньках, блесках. Огоньки мигают, будто переговариваются друг с другом на одном им известном языке.

Еще дальше, в колонне мягкого голубого света, стоит девушка, если это девушка, конечно, больше на призрака похожа. Тело просвечивается, сквозь него видно стену. Но выглядит приятно, длинные ноги, тонкая талия, грудь хоть и не большая, но красивой правильной формы, и глаза очень выразительные. Одежда напоминает ту, что носила Ситара, очень уж короткая юбка, не достает и до середины бедра и узкая полоска ткани, скрывающая наготу груди. Если и призрак то обаятельный.

Анри удивленно взглянул на свою грудь, там где все было покрыто ранами и струпями, зарастает молодой розовой кожей. Он несколько мгновений рассматривал себя от плеч до пальцев ног. Покрутил руками перед лицом — все цело, ни царапинки, везде заросло как на собаке! Анри понял, что полностью здоров, хотя тело и ноет от усталости, как побитое. Опять без колдовства не обошлось!

Он хотел позвать девушку, спросить, что произошло? Куда подевались раны, грязь, почему нет бинтов, и сколько времени тут лежит, но потом заметил, что совершенно наг, и залился краской. Широкими ладонями прикрыл срамоту, произнес нерешительно:

— Э — э, мадмуазель, вы не могли бы мне помочь?

— Да, мсье Анри, — ответила девушка сладким голосом.

— А, это ты Венера! — обрадовался он. — Выпусти меня из этого кокона, и где моя одежда?

— Выполняю.

Стекло проворно скользнуло в сторону, скрылось под перилами кровати.

— Лечебная капсула открыта, вы полностью здоровы, мсье Анри, но вашу одежду пришлось уничтожить.

— Как уничтожить! — выкрикнул маркиз, в груди кольнуло холодом. — Там же сабля, ты что!

— Ваше оружие в целости и сохранности ожидает вас в арсенале.

— Ладно, — успокоился Анри, покачал головой. — А в чем же мне теперь ходить? Не пойму, зачем сразу выбрасывать, что нельзя было постирать?

— Я подготовила для вас новую одежду, она рядом с капсулой на столике, — ответила Венус все тем же приятным голосочком. Ну как на нее обижаться, все простишь.

— Ладно — ладно, — пробурчал Анри недовольно. Развернулся, действительно на столике лежит аккуратная стопочка одежды, он взял ее в руки, необычная гладкая ткань чем — то напоминает шелк, но растягивается под пальцами и сбегается обратно. Чудеса, да и только.

Он торопливо натянул штаны из темного сукна и такого же цвета рубашку. На одежде нет ни пуговиц, ни застежек, плотно облегает тело как вторая кожа, и теплая, теплее, чем шерстяная.

— Я в ней не упрю? — спросил Анри с подозрением.

— Нет, мсье, одежда подходит под любые климатические условия, она сохранит вас одинаково хорошо и от перегрева, и от переохлаждения.

— Ну да..., прям уж. Такая тонкая, — с не доверием в голосе произнес он.

— Что — то еще желаете, мсье Анри?

— Да, мне нужна пара хороших сапог, еда, и карта местности, — ответил Анри проворно, а потом подумал и прибавил, — И бутылка бурбона, если есть.

— Ваша обувь под медицинским столиком, пища и алкоголь находятся на складе, — ответила Венус приятным голосом.

— А карты, карты есть? — с надеждой спросил Анри. — Без них я год этот храм искать буду.

— Все карты есть в центральной базе данных, но вам понадобится ваш код доступа.

Анри взглянул на добротные сапоги из черной кожи, или может не кожа вовсе, а что — то колдовское. Они напоминали те, что видел на ногах у каменного воина, на площади. Правда, те не разглядел... Натянул обувь на ноги, сидит как на него шитая, ни жмет нигде, и не болтается.

— Сапоги — прелесть, а что там за база? Что надо? — спросил Анри, заправляя штаны в голенища сапог.

— Пароль, — промурлыкала Венус, — только тот, кто знает пароль может воспользоваться базой.

— Понял, больше вариантов нет?

— Нет, мсье.

Анри поднялся, радостно пошевелил пальцами ног, в обуви удобно, наконец, твердо стоишь на земле.

— Тогда веди на склад, — сказал он весело, и улыбнулся.

Они пошли быстро, соблазнительная призрачная фигура Венус, шагала впереди. Как живая покачивала бедрами, Анри засмотрелся на ее длинные стройные ноги, губы сами растянулись в озорной улыбке. И впрямь, будто не бесплотный фантом, а живая девушка, разве что шагов не слышно, и просвечивается насквозь, как чешское стекло.

Поначалу колдовские вещи будоражили его, Анри, душу, а теперь свыкся, мороз по коже не бегаёт, сердце громко и часто бухает как раньше, но внутри щекотно от любопытства. Теперь оглядывался на каждом шагу, вслушивался в таинственное урчание дивных ящиков с мерцающими огоньками, ловил присутствие магии.

Длинный коридор разбегался в три стороны, Венус повернула на право, произнесла плавно:

— Мсье Анри, склады находятся здесь.

— Отлично, — ответил он, посмотрел на широкие массивные двери. Металл полотна темный и тусклый, как сырая доска, вскрытая маслом, или вороненая сталь. Такие не вышибешь и тараном, придется с пушки стрелять, и то мало ли... магия есть магия, Анри уже понял, против нее многое оружие бессильно. Честная сталь ничего не может против колдовства.

На дверях нет ни ручки, ни кольца, как такую открыть?

— Венера, дверь на замке?

— Нет, мсье, Анри. Я уже открыла все нужные вам двери на уровне.

— О, это хорошо, — ответил он весело, налег плечом, тяжелое полотно разошлось в стороны без скрипа, и так неожиданно, что чуть не упал.

Внутри так же тихо, как и снаружи, с потолка бежит мягкий белый свет, сколько Анри не смотрел, а свечей не заметил, значит тоже магия. Вдоль стен громоздятся широкие металлические стеллажи, коробки, загадочные ящики сверкают огоньками, попискивают.

Он думал, увидит что — то похожее на склады в замке, копченое мясо подвешенное на крюки, винные полки, бочки хмельного душистого пива, запаянные воском. Ничего нет, только полки с длинными железными сундуками. В воздухе не пахло пряностями, и сыростью как в погребе, воздух сухой и теплый. Что толку с такого склада, мясо в тепле протухнет за день, да и овощи сгниют. Даже вино, и то любит холод.

— Наверное, все давно испортилось, — прошептал Анри печально. — Придется голодать.

— Нет, мсье Анри, продукты сохранили первоначальную свежесть и готовы к употреблению, — возразила Венус мягко.

— Слух у тебя хороший, — рассмеялся он. — Тогда показывай где что лежит. Или лучше сразу неси.

— Сейчас принесут, мсье Анри.

Из ниши в стене, как голубь из рукава фокусника, вылетел круглый широкий поднос, забавный, с горящими зеленым огоньком глазами. Проворно, со знанием дела диск вертелся между стеллажами, заглядывал в блестящие ящики. Спереди красиво лился ровным потоком голубой свет, отражался от зеркальных крышек сундуков, поднос бегло направлял луч от полки к полке, ощупывал им как рукой. Не успел Анри налюбоваться чудным магическим диском, как тот уже летел к нему с целым праздничным столом на макушке. Широкая спина живого подноса раздвинулась в стороны, и хотя тонкая, как бумага, а держит прочно, как дубовая столешница.

Когда наелся досыта, запахи разом пропадают, их как ветром сдувает, а сейчас, он еще не видя мог сказать, что услужливый диск, несет ему копченую куриную грудку, щедро замаринованную в вине и пряностях. А еще в носу крутит от запаха жареной на вертеле говядины. Он так и видел: мясо покрылось коричневой корочкой, хрустящей, похожей на тонкие вафли, только нежной, истекающей сладким пахнущим соком...

Желудок сжался в кулак и жалобно заурчал, как голодный звереныш, что ищет вымя, в рот набежало слюны, ноздри раздулись и жадно ловили запах жареного мяса.

— Чудеса, — произнес Анри, радостно потер ладони. — Спасибо, конечно, но даже будь я в два раза голоднее — а столько не съем. Тут помощника надо.

Он с нетерпением засучил рукава, приготовился разламывать мясо руками на куски, слушать тончайший и нежнейший хруст поджаренной корочки, а затем смачно и с наслаждением погрузить зубы в горячие, исходящие паром волокна!

Внутри похолодело, когда увидел что лежит на серебрястом подносе... нет ни поджаристого мяса, ни копченой куриной грудки, только медная жидкость в стеклянной бутылке похожа на коньяк, а остальное — длинные бесцветные полосочки, похожие на рыбы животики, но без плавников.

— Это и есть еда? — спросил Анри, недовольно скривил губы. — Так заманчиво пахнет, а выглядит как бесцветное сало!

— Мсье Анри, то, что вы видите и есть еда. Чтобы сохранить первоначальную свежесть и аромат все блюда были, изменены, — ответила сладким голосом Венус.

— Венера, и как мне есть этих змей? Глотать целиком, не жуя? — с сарказмом в голосе спросил он.

— Нет, ничего необычного делать не нужно.

— Да уж, — недовольно буркнул Анри, — ничего необычного. Глотать ломти бесцветного сала, это нормально и обычно.

Он зажмурился, будто в глаза нещадно бьют лучи солнца, широко открыл рот и проворно забросил внутрь тонкую полосочку. Та растаяла во рту как сочный, только что с вертела, кусок курятины.

— Ух, а на вкус самое то! — отозвался Анри радостно. — Хотя выглядит, признаюсь, отвратительно.

Он жадно хватал с подноса одинаковые как капли воды, бесцветные полосочки, аромат забивал ноздри. Ломти хоть и одинаковы на вид, а на вкус одни — рагу с олениной, другие рыба в кляре, третье что — то неизвестное, сладковатое на вкус мясо, чем — то напоминающее устрицы. Одурачивающий запах сводил Анри с ума. Он повернулся и перехватил с подноса сразу пригоршню прозрачных ломтиков, ему казалось мясо так и хрустит под его сильными пальцами. Он с наслаждением втянул ноздрями аромат дыма и углей, слюна во рту все бежала и бежала, и он ел, вдыхал приятные запахи яств, и ел. Наконец сытость приятной негой разлилась по телу, запахи сразу померкли, в желудке появилась приятная тяжесть.

— Ох, спасибо за трапезу. Давно я хорошо не ел, хотя ломти эти мне все равно не нравятся. Настоящая курица все равно вкусней, та обжигает пальцы, по рукам течет ароматный сок, а тут хоть и пахнет, пьянит, но чувствуешь себя обманутым. Магия магией, а настоящее все равно лучше!

— Рада, что вы сыты, мсье Анри, — ответила Венус мелодично.

— Да уж, а как я рад, — кивнул Анри. — Веди теперь в арсенал, надо забирать мою саблю и может пару мушкетов прихватить, если есть. Против мертвечины все сгодится.

Он довольно похлопал себя по животу, поднялся на ноги.

— Следуйте за мной, мсье. Арсенал находится в противоположном крыле станции.

Легкой покачивающейся походкой Венус направилась к выходу со склада, Анри поразмыслил секунду: брать или не брать, потом схватил с подноса бутылку с коньяком и побежал следом.

Они пошли по тому же коридору, будто вылитому из стали, казалось шагаешь по стальное трубке, от металлического решетчатого пола так и веет могучей твердостью, он не прогибается под ногами как доски, и блестит в разы ярче любого камня. Мягкий белый свет, плавно льется из светильников на потолке, яркие блики выплывают на зеркальной поверхности стен, как огонь в костре, сполохи стрелами бегут вперед, вытягивают длинные белые пальцы, тянутся к чему — то там впереди. Анри представлял, сколько труда

понадобилось, чтобы построить эту подземную обитель, каким волшебством владели зодчие.

Даже камень уложить и то надо уметь, а создать подобное великолепие, населенное колдовским слугами и стражами, такое под силу разве что богу!

— Венера, кто построил все это? — спросил Анри.

— Транснациональная корпорация «Морган и Стаут», — ответил приятный женский голос.

— А для чего строили? Какая цель? Это укрепление, или тайная обитель?

— Изначально «Транквилити» строилась как жилище на случай войны. Но после попадания некровируса в водоемы с пресной водой, стала убежищем для последних людей.

— Последних? — спросил Анри мрачно. — Ситара говорила, что город давно погиб, я думал, она ошиблась.

— Вы последний из живых, кого я обнаружила за последние две с половиной тысячи лет, мсье, — отозвалась Венус.

— Ушам своим не верю, так что же тут две тысячи лет разгуливают мертвецы? И никого больше нет? — голос Анри дрогнул. — А ты, ты ведь здесь живешь?

— Фактически нет, я лишь смотритель, обслуживающая программа. Я не живой человек. Кроме вас живых организмов нет, если не считать того субъекта, что я задержала два года назад.

— Кого ты поймала? — брови Анри поползли вверх. — Расскажи — ка, поподробней.

Тяжелая темная дверь арсенала разошлась в стороны с зловещим шипением, в глубине темного помещения вспыхнул свет, следом еще, и еще. Яркая световая дорожка проворно побежала навстречу, Анри даже отступил на шаг назад от неожиданности. Пахнуло тяжелым запахом масел и другим, не знакомым сладким. Он развернулся к призрачной фигуре венус и произнес.

— Хороший у вас тут склад оружия, хватит взорвать весь город.

Иноземье. Мир мертвых. База «Транквилити». Арсенал.

Даже воздух в громадном зале казался плотнее, густой и вязкий как туман над озером. Анри ощутил, что голова идет кругом, в нос ударил сладкий пьянящий запах. Он с усилием стряхнул наваждение, сдвинул ладонями виски, тер, пока не прояснилось. Глаза проворно бросали по сторонам острые взгляды. Арсенал выглядел намного богаче предыдущего зала, с полками и ящиками, тут пространства хоть и меньше, но некуда пятаку упасть. Все место занято тяжелыми многоэтажными стойками с разнообразными оружием и доспехами.

Сразу у входа, на металлическом крючке висели потертые кожаные ножны, из которых наружу торчала рукоять его сабли. Анри довольно улыбнулся, резво схватил ремень, перепоясался.

Взглядом пробежался по стенам, там барельефы поднимаются до самого свода, везде люди с оружием, картины настолько точные, что казалось, оживут и шагнут со стены прямо в зал, с мушкетами наперевес. Под самым потолком, в бесконечном полете застыли грозные птицы со стальными крыльями, летающие люди с мечами в одной руке и мушкетами в другой. На всех те удивительные доспехи, что стоят напротив Анри, на стойке. Одев такие, выглядишь страшней, чем латный рыцарь шестнадцатого века. Человек превращается в стального великана. Сразу и не поймешь, громадина больше напоминает демона из сказаний, если б не поднятое забрало так и решил бы.

Посреди комнаты гордо и одиноко высится черный столб, весь опутанный толстыми, как змеи, железными канатами, по нему вверх — вниз бегают цветные огоньки, издали доносится тихое жужжание, потрескивание, будто рой жуков весело носится по залу, стрекочет панцирьками. От столба веет мощью, надменностью, злой силой, способной раздавить человека как муху. Анри решил, что это некое изваяние божества, которому поклонялись люди в то далеко время.

— Что это, Венера? — спросил он тихо.

— Это центр, управляющий всеми военными операциями. Мы зовем его Генерал Кью, — промурлыкала Венус.

— Надеюсь, он не против, что мы войдем?

— Нет, вы смело можете входить. Он обязан подчиняться вашим приказам, мсье контр — адмирал.

— Так кого ты там нашла, кроме меня пару лет назад? — спросил Анри, пристально всмотрелся в полупрозрачные глаза Венус. Хоть и не живая, а так все равно привычней, интересней разговаривать, глядя в глаза, а не в пол. А под ноги или по сторонам пускай слуги озираются, он маркиз де Ланьяк всегда смотрел в глаза и только в глаза.

— Заключение находится в узилище. Энцефалограмма его мозга показала, что он не вменяем. Узник сумасшедший, мсье Анри, — пояснила Венус. — Общение с ним может быть опасно для вашей жизни. Лучше вам не встречаться с ним.

— А где ты нашла его? Расскажи, — нахмурился Анри.

— Как и вы, мсье, заключение был найден во внешнем кольце Некрополиса. Он сопротивлялся и был доставлен на территорию жилого модуля силой.

— Ага, значит, поймали, надавали по голове, и парнишка сошел с ума, — подвел итог

Анри, печально покачал головой. — Такое и в моем мире случалось. Но я тебя не виню. Если подумать, он ведь может быть кем угодно. Ладно, потом об этом поговорим, сперва надо выбрать пару мушкетов и потом карты. Без пароля их не взять, говоришь?

— Нет, мсье. Но вы, как контр — адмирал располагаете нужными кодами, — заверила Венус мягким голосом.

— Да я его забыл, — отмахнулся Анри, — это ж было две тысячи лет с хвостом назад.

— Именно поэтому кодом доступа является сканирование биологических образцов, — ответила Венус и улыбнулась, поняла видно, что снова говорит на неизвестной ему тарабарщине. — Центр возьмет вашу кровь и по ней определит, это вы или нет.

— А, ну тогда нет вопросов, — отмахнулся Анри. — Показывай где тут лучшие мушкеты, и доспехи, но только не такие как эти, — он указал пальцем на десятифутовые латы из толстой стали, — а поменьше и главное полегче?

— Хоршо мсье, подождите тут, пожалуйста, — Венус кокетливо улыбнулась и покачивая симпатичными бедрами, направилась к черной колонне.

Приободрившись, Анри прошелся между стойками оружия, заглянул внутрь громадного доспеха. Там внутри он выстлан мягкой кожей, видны удобные мягкие на вид подушки, вниз пучками уходят тонкие разноцветные трубочки и канатики. Спереди на уровне груди блестит серебристая поверхность магического устройства. То, что магическое понял сразу, перед ним уже знакомые самоцветы, на гладкой блестящей полоске. Наверное, рыцарь залазил внутрь и касался их, а может, использовал, чтобы забраться внутрь или вылезть обратно?

— Вот ваше оружие и броня, мсье Анри, — сладко сказала Леонор.

Он так увлекся удивительным доспехом, что вздрогнул, по спине пробежал холодок, волосы на руках стали торчком, как шерсть на загривке у пса.

— Спасибо, — буркнул Анри недовольно, неловко так вздрагивать перед девушкой, пускай и призраком. — А эти громадные доспехи для чего?

— Это боевая броня, мсье. Ей пользовались специально подготовленные солдаты.

— Понятно, мне значит не по плечу, — усмехнулся Анри. — Пошли отсюда, а то глаза разбегаются. Хочу поскорее взглянуть на карты.

Сердце трепетало, сладостное волнение с каждым ударом разливалось по венам. Еще немного и он сможет убраться отсюда, вернуться обратно к Ситаре, и жуткому Нагу с его холодной, безгубой улыбкой. Все лучше, чем пустой и одинокий мир, где люди вымерли от страшной болезни. Когда — то, во Франции также случались эпидемии чумы, и вымирало больше двух третей населения. Но так чтобы все, и чтобы никого не осталось — такого не было.

Это не мир, а кошмар ставший явью. Сколько же зла должны совершить люди чтобы навлечь такую кару? Или их смерть случайна и лишь игра судьбы?

Совсем недавно и в то же время так мучительно давно он спускался по страшной лестнице вниз, тряся как заяц, ступая по изрытому трещинами камню. Он чувствовал себя чужим в этом мире, и прятался.

А сейчас погибшие город стал ближе, родней. Пускай он не знает его, и не видел прежним, но, то что с ним случилось, заслуживает сожаления...и не только. Важно понять, что здесь случилось и почему? Ведь если произошло здесь, почему не может случиться еще где — то?

Впереди слышались тяжелые шаги, стальная решетка под ногами задрожала. Анри

затаился возле массивных дверей арсенала, осторожно выглянул из — за поворота. По коридору, напрямик на него, шагал вооруженный до зубов, закованный в те исполинские доспехи воин. Широкие ладони сжимают приклад громадного ружья, длинный ствол красиво отливает металлом, в черное жерло дула легко можно засунуть кулак, на шлеме горят яростным огнем узкие красные прорези.

— Ты же говорила никого кроме меня нет живого, — прошептал Анри удивленно. — А это кто тогда?

— Это Генерал Кью прислала охранника, чтобы провести вас к пленному, мсье.

— Генерал женщина? — брови Анри ползли вверх.

— Можно и так сказать мсье.

Оружие и доспехи лежали перед ним на широком стальном столе. Их принес, проворный магический слуга, летающий диск, похожий на того, что видел на складе.

Таких доспехов прежде не видел, когда — то рыцари прошлых веков носили подобное, но и у них глаза бы на лоб полезли, увидь они то, что лежало перед Анри. От шлема и лат исходит мягкий и дивный свет, прорези на шлеме горят, будто внутри зажгли по синему огоньку. Отблески бегут по глянцевой поверхности стен, вся столешница залита ровным уверенным светом. Анри понимал, внутри трепещет колдовская сила, мощь древних мастеров.

Он стоял, очарованный незнакомой красотой, но заставил себя сделать шаг, протянул руку. Пальцы коснулись теплой стали, что и не сталь, в общем — то, но такая же гладкая. Он ощутил легкое покалывание в кончиках пальцев, в локтях защипало, словно сквозь тело пробежала некая странная мощь. Анри довольно улыбнулся, сгреб ладонью широкую накладку, и приложил к предплечью. Наружу, как змеи, выскользнули плоские ремешки, такие же блестящие, гладкие. Сомкнулись без застежек, плотно облегли руку, Анри только успел глазами моргнуть. Следом одел вторую накладку, та так же проворно пристала к предплечью, обтянула как вторая кожа.

Анри удивленно цокнул языком, покачал головой: чудеса.

Все части доспеха застегивались как живые, и весом не тяжелее войлока, хотя на вид — крепчайшая сталь, да и на излом Анри пробовал. Мышцы на руках вздулись буграми, дрожат от натуги, а поножи даже не согнулись.

Анри улыбнулся угрюмо, приложил поножи к ногам, те живо прилипли, не оторвать!

— А как их снимать?

— Прижмете пальцами края крепежных ремней на десять секунд и они отстегнутся, — пояснила Венус.

— Разумно, — кивнул Анри. — А из чего сделан доспех, почему такой легкий?

— Полимер высокой плотности, в двадцать раз прочнее стали, и в четыре раза легче, — ответила Венус и загадочно улыбнулась. — Но больше вам ничего не скажу, мсье. Это коммерческая тайна «Морган и Стаут».

— Даже так, — хмыкнул Анри. — Хотя не удивительно, мастера дамасской стали также рьяно хранили свои секреты. У меня есть в замке несколько клинков той эпохи. Или вернее были...

— Вы все еще не передумали встречаться с заключенным, — промурлыкала Венус. — Напомню, что общение с ним может быть опасно для вашей жизни.

— О, мне интересно взглянуть на того кого ты называешь опасным, — рассмеялся Анри громко. — Наверное, не мужчина, а дикий зверь.

— Вы правы, это не мужчина, — ответила Венус коротко. — Следуйте, пожалуйста, за мной, мсье.

— А кто же, женщина что ли? — буркнул маркиз.

Венус странно засуетилась, по прозрачному телу пробежала едва видимая волна, будто кто — то подул на воду. А ведь разволновалась, вздрогнула, а говорила что не живая! Анри покачал головой: что — то не так с этим пленным? Может действительно не стоит ходить? Неужели Венера что — то скрывает?

— Расскажи подробнее про пленника, может я и не пойду к нему. Может, он мне не интересен, — сказал Анри нарочно сухо.

— Информация о заключенном засекречена, мсье, — ответила Венус тихо, опустила виновато глаза. — Доступ только по коду.

Вон как смотрит, будто кот, что рыбу стащил, а говорила я не живая, не живая.

— Только по коду, пароль значит? Тогда веди меня к тому центру, пусть берет кровь или что ему надо и рассказывает все и про пленника и карты пусть дает, — ответил Анри твердо.

Призрачная девушка послушно кивнула, плавно покачивая бедрами, пошла по коридору. Анри не переставал любоваться красотой ее походки, как заводит ногу за ногу, легко и плавно движет руками, и ноги длинные стройные, правильной формы, произведение искусства прямо. Хоть бери и рисуй, его брат Жан, наверняка и нарисовал бы. Ох, любил он рисовать с натуры, и не только рисовать... Жан — Жан. Губы Анри растянулись в широкой улыбке.

Он побежал вслед за ней, мимо гладких железных дверей, вниз по коридору, и серебристым бегущим, как живые, ступеням. Венус поджидала его у тяжелых круглых ворот. Анри как увидел — оторопел, застыл возле бегущих ступенек и смотрел широко распахнутыми глазами, словно мальчишка. Массивные черные как ночь створки будто ковали боги, сам Гефест, или Вулкан как звали его в Риме, здесь даже магия не справилась бы. За таким воротами можно цербера держать, не то, что заключенного. Анри подошел ближе к исполинским воротам приложил руку, провел пальцами, шероховатые и теплые, как кожа дивного зверя.

— Ну и тюрьма у вас, — Анри присвистнул. — Из такой, точно никто не сбежит.

— Это не тюрьма, мсье. Здесь находится центр управления, главный мозг станции.

Анри хмыкнул, отстранился и прошелся вдоль ворот. За ним по пятам бесшумно шагала Венус, он напрягся непроизвольно, но напомнил себе, что Венера ему не враг, что она и ее стальной зверь спасли от верной смерти. Она просто ходит за ним по пятам, вовсе без лишнего умысла. Правда ведет себя странно, будто не договаривает чего — то, пытается скрыть.

На стене, что над воротами, горит зловещим светом темно красный светильник, от него, как от факела тянутся длинные жуткие тени, на полу позади Анри такой фантом будто выжидал чего то. Только у Венеры нет тени, сама как тень, только не черная, а разноцветная, и не плоская как лист бумаги.

— Как войти внутрь? — спросил Анри сурово.

— Нужно приложить руку вон туда, — Венус указала на отпечаток ладони, справа от ворот на стене. — Центр проверит рисунок на вашей коже, мсье, и тогда откроет ворота.

— Не нравится мне это, — пробурчал маркиз. — Рисунки, ладони....

Он с неохотой подошел к стене, где темнел отпечаток, тот засветился мягким желтым светом, искрился, будто покрыт капельками влаги. Осторожно, как кот, Анри приложил руку к отпечатку, готовый тут же одернуть обратно. Желтый свет вспыхнул ярче, казалось, там внутри в пламя плеснули спирту, потом также быстро огонь угас. Он убрал ладонь со стены, внимательно разглядел пальцы, пошевелил ими — ничего плохого не случилось, зря осторожничал как юнец.

— Ну что, почему не открывает?

— Центр сообщает, что ваших отпечатков руки нет в нашей библиотеке. Он не может открыть.

— Но ведь я контр — адмирал? — спросил Анри настойчиво, вскинул бровь.

— Да мсье.

— Тогда скажи ему, пусть не выделывается и открывает, а то выбьем двери, и сами войдем.

— Этого нельзя делать, мсье. Центр имеет право убить любого, кто попытается вторгнуться внутрь без разрешения, — произнесла Венус как можно мягче. — Извините, мсье Анри, но мы не сможем войти внутрь.

— Убить... кто же им дал такое право... Балбес твой центр. А по — другому никак не войдем, может пролезть можно где — то? Или позовем того стального громилу, что к арсеналу прибежал, пусть он ворота выбивает.

— Нет, мсье. Другого входа нет, а всей страже отдает распоряжения центр, как и мне. Извините, но тут я ничем не могу вам помочь, — жалобно ответила Венус, развела руками.

Анри отвел взгляд, грудь изнутри распирало от негодования, руки сжались в кулаки, вздулись бугры мышц на широких предплечьях. Он покачал головой, взглянул в полупрозрачные глаза:

— Придется идти наобум. Хотя что — то ты мне можешь сказать, куда я могу выйти отсюда?

— Насколько хватит моих автономных данных, — Венус широко улыбнулась, сверкнули два ряда ровных красивых зубов. — Моих скромных знаний, мсье.

— Ага, — Анри кивнул, метнул колючий взгляд на монолитные ворота, — тогда пошли подальше от этого негодяя, чтоб не подслушивал.

— Я автономная программа, и вправе распоряжаться данными по своему усмотрению, без инструкций центра, — сладким голосом ответила Венус.

Кокетка, кокеткой! Анри вздохнул тяжело:

— А по человечески?

— Я независимая девушка, и не нуждаюсь в разрешениях центра. Мне разрешено все, что не запрещается.

— Это уже лучше, но все равно пошли от него подальше, а то так и хочется по дверям из мушкета пальнуть! — процедил Анри сквозь зубы.

Он с неудовольствием покосился через плечо на безмолвную черноту ворот, мерцание злого красного света и шагнул прочь, к бегущим вверх ступеням. Те отливают серебром, поднимаются вверх, точно лосось на нересте, по реке, и такие же блестящие как бока рыб.

Внутри клокотало, сердце стучало тяжело, будто та чернота забралась в грудь, под ребра, и сидит там, глазеет, что он Анри будет делать? Куда пойдет? Живые стальные ступени несли его вверх, но блеск и глянец вокруг уже не радовали глаз. То, за черными воротами, казалось средоточием зла, холодным и жестоким свидетелем гибели многих

людей. Какое колдовство создало такого злого управляющего, какой черный разум?

Зачем хранить секреты тех, чей прах давно развеял ветер? Для кого они ценны? Или может, оберегают от ошибок, что довели до смерти целый мир? Но тогда следовало сжечь все, в день когда испустил дух последний человек.

— Веди к заключенному, — сказал Анри сурово.

— Но центр...

— Плевать я хотел на твой центр, он хуже старого ростовщика! — ответил Анри зло, нахмурил брови. — Веди!

— Но это находится под запретом..., — растеряно заявила Венус, захлопала длинными ресницами.

— Ничего, доложишь ему когда уйду. Никто не увидит, — заговорщицким тоном произнес он.

— Я увижу, и тогда обязательно доложу центру, — объяснила Венус. — Такой я создана.

— А я создан любопытным, и терпеть не могу, когда от меня что — то скрывают за толстыми замками! — выпалил Анри рьяно. — Веди меня в тюрьму, и уходи, раз такая честная. Пусть твой центр сам со мной разбирается. Оружие у меня есть, доспехи тоже, как —нибудь выстою, не впервые.

По призрачному телу вновь пошла рябь, густая, как на ткани под ветром, Венус на мгновение застыла, казалось, задумалась, глаза смотрели в одну точку. Затем молча развернулась, быстро пошла вверх по коридору. Анри поспешил вслед за ней.

Шагали шустро, почти бежали. Венус даже изменила прежнюю походку, грациозность сменилась напряжением, длинные стройные ноги двигались вперед широкими шагами, красиво при этом округлялись соблазнительные мышцы на ягодицах, на плечах и спине также проступили контуры мускулов. Красивая девушка, хоть и призрак.

Она остановилась посреди коридора, напротив стены. Анри встал рядом, вопросительно вскинул бровь.

— Я открою вам проход на технический уровень. По туннелю вы доберетесь до места, где содержат заключенного. Но центр ва с все равно заметит. Я доложу, что вы знакомитесь с техническим уровнем. Это не запрещено офицерам. И знайте, я была против задержания, это приказ центра. Мне было приятно иметь с вами дело, мсье Анри. Жаль, что мы больше не увидимся, вы самый интересный человек за последние две с половиной тысячи лет.

— И единственный, — рассмеялся Анри. — Мне тоже было приятно, хотя половину слов, признаюсь, не понимал. Буду скучать по твоему милому голосу, Венера.

Она кивнула и исчезла, будто и не было вовсе, как сон что растает, когда открываешь глаза. Все образы блекнут, уходят внутрь, ты смотришь на мир и понимаешь, ты спал и видел другой мир, а этот реальный, оставался на заднем плане. Но ты тоскуешь, по тем впечатлениям, тем мыслям и событиям, память еще удерживает последние обрывки чувств. Так и сейчас, Анри понимал, что вряд ли когда увидит Венеру, эту девушку — призрака, одинокую и красивую, и пускай не живую, но такую человечную. Последний островок гуманности в унылом и мертвом мире смерти. Пускай они никогда не встретятся, но он запомнит ее такой, какой она была и есть: красивой, умной и толерантной.

Цепкие настороженные глаза маркиза сразу заметили распахнувшуюся посреди серебристой стены черноту. Сталь разошлась в стороны, как лед разбегается перед

раскаленной докрасна сталью. Узкий лаз расширился до размеров окна, так, что Анри мог протиснуться внутрь широченными плечами. Он выдохнул, осторожно просунул руки и голову внутрь, под пальцами холодный и гладкий металл, в воздухе витает кислый запах меди. Как только Анри втянул ноги внутрь лаза, тот захлопнулся, тихо и быстро, как пасть громадного хищника.

Анри будто попал в желудок жуткого существа, внутри густая чернота, кажется там, в глубине, что — то шевелится, со всех сторон выются змеи. Анри коснулся рукой, холодное на ощупь, металлическое. А ум напряженно рисует картины чудищ, что раздирают когтями плоть, ломают черепа, выпивают сладкую кровь из еще живого тела. Кошмар, кто бы мог подумать, всего лишь узкий туннель, тьма и кисловатый аромат, отдаленно похожий на запах крови...

Бессмысленный и глупый страх, Венера предупредила бы об опасности. Тем более живых зверей в подземном замке нет. Только магия и ее порождения, призраки, стальные солдаты и зловещий центр. И узник, где — то там впереди. Кто он, почему в темнице? Чем так опасен человек для могучих магических зверей, способных ладонями перемалывать камень на крошку? Ответы там впереди, во тьме.

Глава 23. Заговор мертвеца

Иноземье. Мир мертвых. База «Транквилити». Узилище.

Сейчас Анри, свесившись через край, следил, как внизу, под ним вертится громадный крест. Широкие и плоские железные стороны мельтешат с такой скоростью, что кажется, их нет. Когда быстро — быстро крутишь клинком в руке, то враг также видит лишь тень. Но смотрит не долго, сталь не знает жалости. Анри понимал, стоит сунуться, и стальной крест разрубит тело, как горячий нож масло, и броня зачарованная не спасет. Откуда знать может и крест чародейский, тут все вокруг пронизано магией.

Анри посмотрел на мелькающие грани, сплюнул гневно вниз, достал из — за пояса саблю. Эта режет металл как бумагу, клин клином вышибают, пускай колдовство борется с колдовством.

Рубанул быстро, без раздумия, лезвие со свистом рассекло воздух, звонко ударила сталь о сталь, широким снопом полетели искры, яркие как брызги раскаленной лавы. Руку потянуло вперед, будто с той стороны ухватил великан и тянет на себя, Анри не удержался, тело заскользило по гладкому металлу туннеля. Он торопливо расставил ноги, ухватился концами сапог за выступ, сабля застряла между острыми, как бритва стальными гранями креста, тот вздрагивал как раненый зверь, ерзал вперед — назад. Видны глубокие, на палец, зазубрины в стальном полотне, а сабельный клинок победно сверкает во тьме магическим мягким светом. На нем ни царапинки.

Анри довольно улыбнулся, причмокнул губами и проворно полез вниз, пока смертоносный крест не вырвался из плена. Когда проскользнул в отверстие, сильным движением вырвал саблю из заклиненной грани креста, и устремился дальше, там впереди тьму рассеивал тусклый мерцающий свет. Так неровно горят факелы или масляные лампадки, короткий фитиль постоянно норовит утонуть, масло трещит и горячими брызгами разлетается в стороны. Но знакомого треска Анри не слышал, только подрагивающий свет, неровный и слабый.

Туннель становился уже, плечи едва помещались, Анри протискался вперед с огромными усилиями, дыхание пошло жаркое, ноздри обжигал горячий воздух, доспехи и кости трещали от натуги, но он не отступал, дюйм за дюймом полз к выходу. Впереди видна узкая решетка, сквозь нее бежит то слабое сияние, скользит по блестящей поверхности металла, отбрасывает яркие оранжевые сполохи. Кажется по ту сторону решетки горит костер, но жадные языки пламени уже слизали древесину с поленьев, остались только черные угли, пышущие жаром. Но откуда здесь взяться костру, за все время он, Анри даже сухого дерева не видел.

По лбу сбегал тоненькими струйками пот, заливал глаза, спина и грудь тоже мокрые от пота, Анри выбился из сил, если бы не доспехи давно ободрал бы кожу до мяса, а так только натер немного. Мушкет волочил позади себя, на длинном ремне. До решетки можно дотянуться рукой, но уже отсюда видно, что закреплена намертво. Такую руками не вырвешь, придется резать. Но как до сабли дотянутся, руки сложены по швам, едва пальцами шевелишь. Не грызть же сталь зубами?

Анри пробовал потянуть руку вверх, глухо стукнуло, плечо уперлось в стенку туннеля, дальше никак. Он гневно рыкнул, дернулся, как загнанный зверь, руку обожгло болью, кости

загребали, схватился пальцами за рукоять, и все... Что же делать? Выходит, застрял как жирный кролик в норе. Такое видел на охоте, долго смеялся над глупым животным, а теперь сам как тот бедняга, ни вперед, ни назад.

Внутри клокотала ярость, испепеляющим жаром разливалась по телу, сердце в груди стучало бешено, билось об грудь, даже вены на шее задергались.

Он уже выбрал глазами место, куда вставит лезвие сабли, надавит, сталь пойдет вниз, пройдет сквозь решетку как раскаленная сталь сквозь лед. Но как вынуть оружие из ножен? Как поднимешь руку, со всех сторон давит, будто лежишь между тяжеленным молотом и наковальней, и ждешь удара.

А ведь на голове шлем! Доспехи крепче любой стали! Анри резко выдохнул весь воздух из легких, втянул плечи, грудь стала чуть меньше, но и того достаточно, стрелой вытянулся вперед. Мышцы звенели как струны, натянулись туго, толкали тяжелое тело вперед, по миллиметру.

Снова сердце стучалось сильно, но не в страхе, а в радости, дюйм за дюймом, протискался дальше, и пускай не можешь вдохнуть, грудь, будто сплющило ударом громадной дубины, а чувствуешь что впереди свобода, выход. Лицо покраснелось от напряжения, горит огнем, будто в дикой злобе, зубы скрипят как корабельные канаты, в ушах бухает кувалдой.

Голова уперлась в твердое, глухо звякнула сталь. Анри поднял голову, лицо закрыто блестящей маской, прорези шлема горят синим яростным пламенем, похож на демона из земных глубин. Но только выглядит грозно, под маской уставшее, мокрое от пота лицо, рот пересох.

Он толкнул со всей яростью и гневом, наплечники оставили на стенах туннеля две глубокие борозды, голова как таран врезалась в решетку, прутья выгнулись дугой, но не сломались. Надавил еще немного, решетка пораженно звякнула и вылетела прочь. Чудо, а не шлем! С таким можно на вражеский замок, без страха, стрелы как комариные укусы, в смоле не сварисься, стечет как с гуся вода, и ворота сам высадишь, без всякой помощи!

Арии выставил голову наружу, постепенно, с жутким скрежетом протиснул плечи, а там дело за малым, одну вторую руку, ухватился за край и прыгнул вниз, в узкий, захлащенный коридор.

В лицо пахло кислым запахом нечистот. В узком проходе почти темно, освещение слабое, маленькие красные светильники, похожие на зажженную палку, торчат над головой из стен. Под ногами тесно от груд мусора, частей диковинных магических устройств, наверняка чудовищных, сложно представить что — то хорошее из таких темных и безобразных глыб. Впереди горели мягким огнем странные знаки, начертанные на стене, похожие на таинственные руны колдунов древности. Между них вделаны знакомые крупные драгоценные камни, а под ним темнеет широкое круглое отверстие, будто замочная скважина, для громадного ключа.

Анри пробрался через завалы к двери, толстая и гладкая, будто тесанная из монолитного камня. Силой такую не взять, только магией. Глупо сражаться против колдовства грубой мощью.

Он на всякий случай толкнул рукой дверь, по прошлому опыту зная, что не двинется с места, пока не коснешься нужного самоцвета. Едва дотронулся пальцами до серой матовой поверхности, блеснула тонкая сизая молния, ударило с такой силой, будто великан бухнул тяжелым кулачищем в грудь, Анри отлетел от двери, как перышко.

Перед глазами роем вились красные мухи, из уха в ухо перекатывался колокольный звон. Анри дышал тяжело, надрывисто, правая рука вывернулась в сторону как рыба, выброшенная на берег, пальцы ощущались мертвыми, не шевелились. Из груди наружу рвался стон, Анри попытался встать, перед глазами плыло, не мог поднять отяжелевшие ноги.

Он перевалился на бок, подобрал под себя ноги, поморщился. Тело уже медленно оживает, и хотя ран нет, в каждый мускул проникла усталость, от кончиков пальцев до пят налила тело тяжестью. Анри встряхнул головой, сел, прислушался к себе. В голове шумит, сердце бьется так, что еле слышно. Неспешно поднялся, снова подошел к злополучной двери. Если бы мог, прожег взглядом, а так лишь посмотрел зло, наверняка выходки пресловутого центра. Больше некому.

Анри присмотрелся к самоцветным камням, круглые, аккуратно вставленные в металл стены, они живо блестят, как капли влаги на солнце. Какой из них открывает дверь? Зачем иные два? Пальцами левой потянулся к синему самоцвету, но в последний момент засомневался и ткнул в зеленый.

Камень проворно скользнул внутрь, засел там, как мышь в норе. Знаки над ним загорелись недобрым алым пламенем. Анри осенило, надо нажать все три камня по очереди, или может все три сразу? Напоминает ловушки, которые ставили в туннелях замков, чтобы уберечь от назойливых гостей и воров. Ступишь неосторожно на нужную плиту, из прорези в стене вылетит тяжелое острое лезвие...

Он не стал больше трогать двери, нажимать на самоцветные камни, вдруг и впрям ловушка, легко перехватил левой мушкет, правая рука до сих пор висела плетью, и выстрелил прямо в стену, рядом с дверью.

С дула оружия сорвался толстый, ослепительно яркий луч, бесшумно и быстро, как свет солнца на рассвете, прорезал тьму, в коридоре стало ясно как днем, на мгновение Анри показалось, что все вокруг объяло белое пламя. Затем впереди полыхнуло алым, прогрохотал могучий взрыв, в стороны брызнули куски горящего металла, будто оттуда дыхнул жаром и лавой вулкан. Повалил черный, густой дым, от запаха в легких горчило, едкий запах разъедал глаза.

Анри подождал, пока дым рассеется, взглянул на стену. Там впереди, посреди толстой металлической стены, чернела уродливая кривая дыра с оплавленными краями. Раскаленный металл, как воск сбегал струйками вниз, яростные красные лужицы на полу остывали, становились серыми и унылыми.

Он не стал идти дальше, вдруг вновь полыхнет. Сверху над дырой свисали толстые стальные змеи, из них с треском осыпались вниз снопы желтых искр. Из разорванных тел торчали пучки разноцветных волокон. Анри выждал, пока раскаленное железо перестанет испускать пар, и ловко запрыгнул через отверстие на ту сторону стены.

Здесь полумрак, слабый свет льется откуда — то сверху, перед глазами маячит широкий выступ, за ним не видно. От двери по земле убегает вперед аккуратная мощеная дорожка, в полу поблескивают покатые гладкие спины камней. Такая перемена бросалась в глаза. Стены и двери литые из металла, а здесь — брусчатка. По обе стороны от дорожки короткий сочно — зеленый газон, будто только вчера подстригли. Впереди темнеет полоска кустарника, ровная, гладкая.

Лицо от удивления вытянулось, он потянулся рукой к затылку, потом вспомнил что в шлеме, ругнулся тихо. Воздух плотный и пряный забивал ноздри, тяжело падал в легкие,

дышалось с трудом. Анри пошел вперед по мощеной дорожке, под ногами едва слышно скрипел песок.

Дорожка вводила дальше в сад, там широкою стеной стоят высокие деревья, округлые кроны утопают в тени, кажутся черными и зловещими. Над головой горят длинные белые светильники, но едва разгоняют сумрак, огонек внутри них горит слабо и лениво.

Запах пряностей и благовоний становился сильнее, воздух напитался ароматом ладана и амбры. Анри поравнялся с деревьями, взглянул вглубь. За широкой полосой стволов, посреди круглой поляны у костра сидел человек, закутанный в темные одеяния. От него исходило ощущение злой и могучей силы, как от горбуна и карлика, которых зарубил на утесе. Только теперь чувство стократ сильнее, от него по коже бежит мороз, спина покрывается тонкой корочкой льда. Анри застыл в нерешительности: что делать идти к пленнику? Ведь он хотел увидеть его, или лучше поскорее уйти?

Он посмотрел на огонь, ровный и спокойный, языки пламени неторопливо выплясывают по сухим дровам, те потрескивают, в воздух взлетают сотни мелких горячих жаринок.

— Подходи к моему костру, путник, — произнес властный и густой голос. — Не бойся, я не трону тебя.

— А чего мне бояться, — ответил Анри смело, — я вооружен, а ты, как я вижу, нет. Да и не сражаться я сюда пришел.

— А зачем же? — сказал незнакомец весело, развернулся лицом к маркизу.

— Я хотел увидеть узника, узнать, почему его держат в заточении. Может, ему нужна помощь?

Анри старался разглядеть незнакомца издали, но надвинутый на глаза темный капюшон скрывал лицо. Длинная жуткая тень протянулась от костра к ногам Анри, замерла у самых подошв, будто выжидала когда подойдет ближе, и тогда набросится как дикий зверь, растерзает черными когтями.

— Ты увидел меня, и что дальше? Так и будешь стоять за деревьями? Я вовсе не так страшен, как тебе кажется, или, может, ты не настолько храбр, как я подумал? — произнес спокойно незнакомец.

— Кто ты? — спросил Анри твердо, шагнул вперед, ближе к костру.

Холод надвигался сильной волной, мышцы затвердели, позвоночник превратился в ледяной столб, в мозгу покалывало острыми сосульками.

— Я тот узник, которого ты искал. Но я не совсем обычный заключенный. Я здесь по собственной воле, как и ты.

— Тогда зачем вы здесь?

— А ты? Разве ты не был снаружи? — спросил незнакомец заботливым тоном. — Там повсюду смерть, и ожившие мертвецы. Здесь внутри гораздо безопасней.

— Но вы не из этого мира, почему же не вернулись обратно?

— Да, как и ты, я странник. Ты наблюдателен, — ответил он задумчиво, — Но назад я не вернусь, пока не найду то, за чем пришел.

— И что же ты ищешь? — голос Анри хрипел, холод подбирался к горлу.

— Подойди ближе к костру, ты замерз, — произнес человек в черных одеждах. — Тут очень холодно.

Анри нутром чуял: мороз идет от незнакомца, а не от земли или воздуха, если шагнуть вперед ледяное дыхание подберется к сердцу, в груди и так стучит тихо, дышать с каждым

мигом тяжелей.

— Ты из черной ложи, — мрачно произнес Анри, — ты ждал меня.

— Умник какой! — рассмеялся громко и страшно незнакомец.

Анри твердо решил: больше ни шагу, остановился, напряженно вслушивался. Краем уха улавливал странный шепот, будто тысячи мертвых голосов, приглушенно говорят там, за спиной у незнакомца.

Анри сказал грубо:

— Ты, назвавший меня трусом, почему сам прячешь лицо как пугливая женщина, и до сих пор не назвал своего имени?

— О, да — ответил незнакомец довольно, — сколько гнева в тебе...

Анри ухватился за рукоять сабли костенеющим пальцами.

— Я убью тебя, проклятый колдун.

— Нет, парень, — ответил черный маг, ухмыльнулся злобно. — Ты отсюда не выйдешь. С каждой секундой ты теряешь силы. Скоро холод доберется до твоего сердца, и оно остановится. Ты знаешь, ты уже чувствуешь это. Ты уже все сделал.

Анри быстро огляделся. Глаза пересохли, двигались с трудом, он вздрогнул, провел рукой по лицу.

— Нет...

— Да, — ответил колдун торжествующим голосом.

Анри медленно двинулся на него, как тяжелая кованая дверь на несмазанных петлях, лицо отрешенное, ноги подгибались в коленях. Он с трудом вышел из тени деревьев, пересек лужайку. До поляны оставалось не больше двадцати шагов. Тело совсем одеревенело, кровь превратилась в ледяную жижу, каждый удар сердца будто разламывал толстую корку льда, подливал кипятка в заиндевевшие вены.

Анри не остановился, одолел еще половину пути, черный колдун не сводил с него глаз. Сидел недвижимо, будто и сам превратился в ледяное изваяние, застыл от холода. Даже языки пламени не плясали в костре, шевелятся медленно, будто умирают, над ними поднимаются жиденькие сизые дымки.

— Не может быть! — злобно прошипел маг, — ты давно должен сдохнуть!

— Может, — голос Анри прозвучал тихо, но страшно.

Он шагнул к закутанной фигуре у костра, сабля уже в руке, пригнулся, готовый к схватке. Колдун отскочил назад, будто на него кипятку вылили, достал из — за пояса темно — серый, изукрашенный рунами меч. По кромке лезвия бегут серебристые змейки молний, широкий черный эфес украшен крупным граненым рубином. Анри увидел пальцы, сжимающие рукоять. Сухие, почерневшие как у трупа, покрытые желто — серыми язвами. В нос ударил смрадный запах серы и нечистот.

— Так или иначе, но ты умрешь — процедил колдун сквозь зубы. — Здесь я хозяин, и игра идет по моим правилам!

Анри чувствовал, как лед отступает от груди, корка скалывается, наружу прорывается горячая волна от сердца. Он ловко крутанул саблей, замахнулся от плеча, клинок со свистом рассек воздух, колдун едва успел вскинуть меч, чтобы защитить голову.

Голубой мерцающий свет сорвался с острия сабли, полосонул по иссохшей руке, колдун завыл как раненый зверь, отскочил назад к костру. Анри рубанул еще раз, вложил в удар всю ярость и силу, сабля вспыхнула как факел облитый маслом, ослепительный синий свет широким лучом ударил в грудь черного мага. Его согнуло пополам, меч выпал из ослабевшей

руки, раскололся на части, будто и не сталь вовсе, а тонкий хрусталь.

Широкий капюшон слетел с головы, обнажился голый безобразный череп с пустыми глазницами, внутри них горит злой черный огонь, сухая плоть покрывает бурой коркой правую часть лица. На второй половине стальная маска. Колдун захрипел, тощее тело затряслось, как ветка на ветру.

— Этого, не может быть. Это мой мир, — сказал он зло.

— Игра больше не идет по твоим правилам, — ответил Анри сурово. — Теперь это игра без правил.

Анри замахнулся саблей, уже видел, как покатится по земле мерзкая сухая голова, злое пламя внутри черепа угаснет.

— Стой! Убьешь меня и тебе никогда не найти сферу! — прошипел колдун, яростно сверкнул жутким глазами.

— Я не оставлю тебя в живых, некромант, — ответил Анри черство. — Ты мне не нужен.

— Нет — нет, нужен. Ты не найдешь сферу, не найдешь и Храм который ищешь.

— Я ничего не говорил ни о каком Храме. Ты ошибся, колдун. И ошибся дважды, ты мне не нужен. Назови свое имя, или я убью тебя сейчас же, — произнес Анри сурово, нахмурил брови.

— Саргот, — ответил колдун, торопливо набросил капюшон на лицо. — Я отведу тебя к сфере. Ты возьмешь ее, и я лишусь своей силы. Нет нужды убивать меня.

— Отвечай как ты нашел меня?

Голос его был хмурый, раздраженный. Этот гадкий мерзавец хотел убить, а теперь еще и хочет сухим из воды выйти! Анри грубо ткнул острием сабли в тощую грудь колдуна.

— Отвечай, иначе снесу твою костлявую черепушку!

— Ты живой, я чувствую живую плоть. Я ждал..., — ответил некромант, злобно щелкнул зубами.

— Почему ты не убил меня раньше? Почему ждал?

— С тобой был старший Аркан, а тут в моих владениях, ты был бессилён...

— Как видишь, нет, — рассмеялся Анри, — теперь ты лишился силы. Твой меч разбит.

Некромант свирепо сверкнул кроваво — красными огоньками испод капюшона, скрипел зубами от злости, а когда заговорил, то голос дрожал, как лист на ветру:

— Давай заключим сделку.

— Никаких сделок, червь! Ты расскажешь мне, где спрятал сферу, или я сейчас же тебя зарублю, как бешеного пса! — ответил Анри резко, в голосе прозвучала гордость. — Я не стану договариваться с такой мразью, как ты!

— Сферу охраняют легионы мертвых. Если ты убьешь меня, мои слуги разделаются с тобой. Тебе это не нужно, мне тоже, — выдавил из себя Некромант. — Считай это не договором, а необходимостью.

— Пускай так, но я тебе не доверяю, и только шелохнись без позволения, голова покатится как кочан капусты, а дальнейшее уже не будет иметь значения. Не так ли? — произнес Анри суровым тоном, сощурил глаза.

— Да, ты прав. Ступай за мной, — кивнул некромант послушно.

Он повел через поляну, подошел к стене, взмахнул костлявой, худой как ветка рукой. Невидимая дверь отворилась бесшумно, пошел тяжелый смрадный запах, от него у Анри защипало в глазах: прямо на пороге лежали почерневшие, опухшие трупы, из черных пустых

глазниц одного сочился гадкий зеленоватый гной, края страшных ран покрывал странный белесый налет, из распахнутого рта наружу свисал черный раздутый как жаба язык. Анри торопливо отвернулся.

— Веди! — приказал он, толкнул колдуна саблей.

Некромант зашел внутрь, Анри протиснулся следом, нельзя отставать от негодая, улизнет в мгновение ока. Старался не наступать на тела под ногами, но на полу нет свободного места, везде, от самого порога до противоположной стены — тысячи мертвых тел. Они сложены кучами, как мусор. Мужчины и женщины, молодые и старые, Анри видел и маленькие, скорее всего детские. Присмотревшись в слабом свете желтого светильника на потолке, Анри решил, что это, наверное, жители «Транквилити». Оружия при них нет, ни мечей, ни дивных мушкетов.

На той стороне небольшого зала, куда хромым шагом направился некромант, из стены выступала наполовину утопленная в камне фигура огромного черепа с длинными саблевидными клыками. В глазницах сидят крупные рубины, они сразу налились тем кровавым огнем что горел и в глазах некроманта. Внизу, прямо под изваянием, гладкая блестящая плита из черного камня. На таких чернокнижники обычно приносят жертвы, закалывают младенцев, вырезают сердца из груди еще живых пленников, или разделяют красивых девственниц, но сейчас там лежит что — то настолько черное, насыщенное мраком, что камень плиты кажется серым и блеклым.

На спине проступили крупные капли холодного пота, встряхнуло, будто ухватили за шиворот, Анри с ужасом понял, что не может отвести взгляда от волшебной черноты. Она очаровывала, изнутри шла горячая волна желания, даже во рту пересохло, Анри напряженно сглотнул. Хотелось схватить сферу и никогда больше не отпускать, спрятать от всех. А иных, кто видел ее, кто захочет отнять — убить на месте!

Он шагнул вперед, глаза мутные, подернутые молочной пленкой, лицо осунулось, пошатнулся от тяжелого застойного запаха. Кроме обычных запахов грязи, и нечистот, в лицо ударили и начали обволакивать ядовитые едкие зловония гниющих тел, и иной запах, кислый незнакомый, от него слезились глаза, колело в горле.

Испарения собрались в широкое облако, похожее на злого призрака, оно светилось тусклым мертвым светом. Анри чувствовал, как ядовитая мгла жжет кожу раскаленным железом, во рту уже солоно от крови, но не обращал внимания. Жадными глазами смотрел вглубь волшебной черноты, туда, где клубится тьма, танцуют причудливые пасма. Он понял, в сфере сохранилась искра древнего, черного пламени, что дало жизнь всей нечисти, темному началу. И эта искра звала его, втягивала внутрь сферы, как мощный магнит, сердце обливалось кровью и вздрагивало, когда видел трепетный танец черноты.

Некромант застыл рядом, так же покорно и раболепно взирал на темную сферу. Над его головой, в рубиновых глазах исполинского черепа, полыхнуло яркое пламя, вниз по черным каменным костям ручьями потекли багровые потоки. Густая алая жидкость, так похожая на кровь, струилась по желобкам в камне, заполняла трещинки, крупными каплями срывалась вниз с острых, как кинжалы зубов.

Анри медленно шел вперед, под ногами гадко расплзалась в стороны гнилая плоть, противно трещали кости. Чары опутали темной паутиной его разум, он не замечал ничего, даже ядовитого облака, не видел как кожа на руках и лице покрывается страшными волдырями ожогов, как те наливаются гадкой мутной водичкой.

Некромант медленно, с усилием выбросил руку вперед, потянулся к сфере, казалось,

волочит за собой тяжелый груз, пальцы дрожали как ива на ветру.

Анри видел, колдун почти схватил сухими ладонями его сферу! Его!

— Стой тварь! — прорычал он, в мутных глазах блеснули яростные огоньки. — Стой!

Анри побежал вперед, не разбирая дороги, кости с треском лопались под массивными сапогами: никто не должен прикасаться к его сфере, она его и только его! Чувствуя, что не успеет, он оттолкнулся ногами от пола, тело стрелой взмыло вперед, будто могучая сила подбросила в воздух.

С криком Анри обрушился прямо на Некроманта, рубанул саблей яростно, даже не смотрел, сек без разбору. Колдун завопил страшным нечеловеческим голосом, под ногами затряслось, с потолка посыпалась струйками пыль и мелкие камешки.

Анри тоже рычал и рубил в боевом безумии, пока жуткий визг не прекратился. Только теперь заметил, что весь темный от крови колдуна, позади клубится ядовитый туман, тянется к нему тонкими белесыми щупальцами. Грудь ходит ходуном, из легких едва не бежит пар, обжигает ноздри, кожа на лице и руках вся в отвратных волдырях, будто сунул руки в костер.

— Где я? Что происходит? — удивленно произнес Анри.

Прямо у носков сапог лежала отрубленная рука, еще шевелилась, пальцы вздрагивали, будто силились дотянуться до сферы, что лежит над ней.

Анри заставил себя сделать шаг, осторожно протянул руку. Медлил, вспомнились слова Ситары о том, что сфера убивает всех, кто не принадлежит к темной ложе.

«Что ж узнать это можно только так..., пальцы коснулись сферы. Он ощутил мощный толчок, затем острую боль, словно в каждый палец, под ногти вошло по длинной раскаленной игле. Рука затряслась, по коже от кончиков пальцев вверх, к шее, побежали черные нити. Как толстые черви они опутывали бугры мускулов, проникали сквозь них, до самых костей.

Анри со страхом отступил, черный рукав поднялся еще выше, коснулся головы, длинные каштановые волосы тут же укрылись сединой, а затем и вовсе побелели как у альфарца. Анри засмеялся грохочуще, стены затряслись от страшного смеха, внутри сферы вспыхнул яркий черный огонь, ударил могучим столпом черноты прямо в грудь. Он согнулся пополам, закашлялся, перед глазами плыло. Внутри сферы злым пламенем горела могучая сила. Анри ощутил, как она двинулась влево, артефакт завис в воздухе над ладонью, завертелся юлой. Изнутри побежали тонкие темные, как волосинки, молнии, они касались ониксового черепа на стене, изрубленного некроманта, уродливых трупов на земле. Сфера будто ощупывала мир вокруг себя, вращение усиливалось, громко загудело, внутри зала появился маленький вихрь. Воронка разрасталась и ширилась, черные молнии, уже толщиной с палец, выскакивали из нее наружу.

Одна молния попала точно в раздутый труп, тот разлетелся на тысячи мелких кусочков, воронка тут же подхватила их, втянула внутрь. В ноздри ударил гнилостный запах, так воняло испорченное мясо, если его бросить в костер.

Гул смерча превратился в страшный вой, молнии с треском разрывали изуродованные тела, как тряпки, на клочки, могучий ветер тут же подхватывал их и всасывал голодным черным ртом.

Анри стоял в самом сердце воронки, страшные темные молнии входили в грудь, руки, одна ударила прямо в лоб, перед глазами разбежались чернильные пятна, но молнии не вредили, проходили сквозь него, будто призрак, а не человек из плоти и крови. Потоки злого

ветра тоже обходили стороной, ни один волос на голове не встрепенулся.

Анри чувствовал, как грудь распирает изнутри от могучей силы, казалось, может одним касанием сокрушать камень. Он вскинул руку, волевым усилием приказал силе двигаться от груди, сквозь пальцы наружу.

С кончиков ногтей сорвалась тонкая серебристая молния, с тресков ударила в стену, мелкие осколки, как ледяные кристаллики разлетелись в стороны.

Ветер утихал, черная воронка становилась все меньше, пока совсем не исчезла под блестящей поверхностью сферы. Анри положил ладонь на нее сверху, небрежно замотал в изодранный балахон некроманта и молча, твердым шагом направился к выходу, в его глазах на мгновение вспыхнули маленькие красные огоньки.

Глава 24. Сладкий вкус мести

Иноземье. Подземные города. Хлерогарн.

Сердце то взлетало, то падало вниз, он задыхался от бушующих волн тревоги. Совсем недавно и в то же время так мучительно давно он проезжал здесь, как и сегодня в седле, со связанными за спиной руками. Как и тогда поглядывает с презрением на разодетых, раздувшихся от высокомерия, горожан. Они напоминали ему глупых павлинов, что распушили хвосты и важно похаживают по поляне, не зная, что охотник уже натягивает тетиву.

Темные глаза Фарамонда неотрывно следили за каждым движением храмовника и жреца, их спины темнели перед мордой его коня. Леонор ехала позади, слышалась тяжелая поступь, хриплое дыхание ее скакуна. Теперь они пленники жреца крови и храмовника, таков план, такова афера.

Тогда, десятки лет назад он, Фарамонд спускался в подземные города альфаров не по своему желанию, храмовник вел на суд против воли. Дордаор его имя. И не знала земля того, кто мог управляться с оружием так, как он. Храмовник возвращался к жрецам с достойным трофеем — Салранорским колдуном! Дордаор одолел того в схватке, но насладится боем помешали. Подручный метнул в колдуна дротик, с сонным ядом, и тот свалился наземь как подрубленный. Тогда мастер меча вызвал бедолагу на поединок и отсек голову так быстро, что тот даже успел извиниться, прежде чем обезглавленное тело упало в пыль альфарских степей.

Фарамонд туманящимся взором уловил: как катится по земле срубленная голова, фонтанчиками бьет кровь из разрубленной шеи, обильно орошая алым сочные стебли трав. Он даже помнил пряный запах той травы, и сухую землю под щекой, душный воздух...

Но сегодня все иначе. Нет больше Дордаора, и Салранора больше нет, лишь он не изменился, на лице ни морщинки, кожа гладкая, будто и сам стал вечно молодым, как альфарцы.

По спине мурашками бежал мороз, он чувствовал холод глубин, но не дрожал, гордо выпятил грудь, ни от кого не прятался. Некоторые из горожан узнавали, смотрели немигающим взглядом, с почтением и страхом. Нелегко удивить альфарца, еще сложнее испугать, но ему, Фарамонду удалось и то, и другое.

Сейчас не плюют вслед, как вору или убийце, глядят молча, но все так же, как и тогда, с ненавистью и злобой. Наверняка удушили бы, или забили камнями до смерти, если бы могли. Еще бы, ведь он возлег с их единственной и неповторимой. Посмел осквернить девственную жрицу, ту которой предназначалось всю жизнь провести в заточении, в плену демона глубин, стать его наложницей. А так девочку отпустили, и пускай не окажут почестей, не будут произносить ее имя на площадях, но и возлечь с демоном не придется. Ее белое чистое тело не будут терзать жуткие черные когти, не говоря уже о страшной боли и ужасе что ждала на брачном ложе.

Фарамонд краем глаза видел однажды тварь из глубин, высокая, не меньше десяти футов, горбатая, шкура цвета крови вся в черных шипах, узкие глаза щелки горят яростным огнем бездны, и громадная пасть, утыканная безобразными кривыми и острыми ножами зубов. То был еще мелкий и безвредный, девственниц отдавали старшим.

Впереди послышался громкий топот множества ног, там, за широкой спиной утеса, виднелись высокие шпили Храма Бездн. Конь под Фарамондом вздрогнул, споткнулся о камень. С площади к всадникам спешила группа вооруженных мечами и закованных в доспехи храмовников. Впереди них двигалась высокая худая фигура жреца, длинный плащ красиво ниспадает с плеч, развевается на ветру, как знамя, на голове возвышается величественный убор, напоминает корону, утыканную золочеными черепами.

Мало что изменилось, подумал Фарамонд, нахмурил брови. Тот же унылый пейзаж, та же площадь, разве что камни под копытами коня стерлись, стали гладкими, местами в кладке темнеют дыры. И жреческая стража выглядит богаче, кроме мечей, носят на поясе длинные кинжалы, и панцири кованы из ладной стали, а не те легкие пластинчатые бриганты, что были прежде. Но стоят и смотрят все так же, глупыми коровьими глазами, и верно, что для них пятьдесят лет, альфарцы нередко живут и по тысяче. Тут, под землей ничего не меняется сотнями лет. Альфарские жрецы пропитались догмами до мозга кости.

Они подошли совсем близко, можно дотянутся мечом, если бы не связанные руки и задание магистра, Фарамонд с радостью бы оттяпал голову старшему жрецу, полюбовался бы как темная кровь заливает дорогие золоченые одеяния, тускнеет блеск в красных глазах. Он не знал имени, но помнил лицо. То же лицо смотрит на него сейчас, этот присудил скормить последнего салранорца демонам, и если бы не вмешательство Дордаора, право храмовника на поединок, кто знает...

Жрец вышел из колонны вперед и пошел дальше, уверенный, что никто не способен причинить ему вреда. Фарамонд ухмыльнулся страшно, посмотрел жрецу в глаза, тот вздрогнул, будто плетью по спине протянули. Вспомнил салранорца, красноглазый.

— Я вижу встречать меня вышел сам верховный жрец! — произнес Фарамонд весело. — Видать важная я птица!

Жрец опешил, распахнул от удивления рот, но быстро опомнился, произнес свирепо:

— Почему вы не отрезали язык презренному салранорцу! Как он смеет осквернять это святое место своей грязной речью!

— О, спешишь отрезать язык, а ведь я еще и про мать твою не вспоминал. Она особенно любила, когда я ее связывал, — произнес Фарамонд на салранорском. Никто кроме жреца его не понял. Губы Леонор растянулись в загадочной улыбке, а в алых глазах верховного хранителя бездны вспыхнула кровожадная ярость, на скулах буграми заходили желваки.

— В темницу, немедленно — прошипел он сквозь зубы. — Я лично проведу допрос.

Храмовники послушно расступились в стороны, и они вошли на центральную площадь Хлерогарна — величайшего из подземных альфарских городов. Площадь лежала прямо на дне жерла уснувшего вулкана, через громадную темную дыру, благодаря умелым мастерам, внутрь попадал мертвенно — бледный свет луны, особо почитаемой альфарами наравне с пламенем бездны.

Два клана жрецов навечно враждовали друг с другом, Жрецы Лунного лика, и Хранители Пламени Бездны. Лунатики, как называл их Фарамонд, давно выпустили из рук бразды правления, более коварные демоники еще тысячи лет назад сгребли власть когтистой лапой, и верховными становились лишь их жрецы. А со времени как альфары покинули степи и перебрались в подземные города, лунатиков уважали лишь старое поколение.

Фарамонд изучал слабые места врага, как и любой опытный стратег, именно потому условился со жрецом луны. Но кроме того не оставил выбора: либо смерть, либо возможность свергнуть заклятых врагов. Конечно, жрец выбрал второе.

Луна безжизненно сияла над головой, зависла высоко в глубине кратера, будто там не зеркало, а настоящее звездное небо, бледный диск, лил оттуда свет круглые сутки, не важно, день на улице или ночь. Уродливые и страшные тени, что отбрасывали башни Храма подземного пламени, казались настоящим входом во врата ада. Громадные сооружения зловеще нависают над головой, с них вниз смотрят каменными глазами изваяния рогатых демонов. С открытых пастей отродий наружу свисают длинные, на локоть, языки, торчат кинжалы зубов.

Фарамонд поморщился, inferнальная архитектура альфарцев его не впечатляла, больше злила. Они прошли в узкую арку, с высоким сводом. Они спешили, храмовник помог спуститься с седла Леонор, Фарамонд лихо перекинул ногу через коня, выскочил сам. Храмовник мрачно улыбнулся, уже видел этот прием в степи. Дальше жрец повел по каменной лестнице вниз, к массивным кованым дверям.

Весть о том, что к храму везут ненавистного салранорца, уже добралась до самых отдаленных уголков города, вдалеке, на том краю площади уже летели на взмыленных конях всадники. Жрец и храмовник взволновано вертели головами, быстро — быстро припустили вниз по ступенькам, подошвы сапог зашлепали по мокрому камню. Боялись, что быстрые на расправу воины подоспеют к пленным раньше суда. Тогда сгинет и надежда усесться на трон верховного хранителя Лунного лика.

Стражи на дверях в темницу напряженно переглянулись: чего, мол, бежат, все равно без разрешения никто не выйдет и не войдет. Один из караульных проворно выхватил меч из ножен, Фарамонд слышал, как угрозливо зазвенела сталь.

— Мы по велению верховного жреца, отворите! — произнес жрец величественно. — Вы не можете препятствовать нам.

— Это опасные пленники, — прибавил храмовник скупно. — Салранорцы.

Фарамонд видел, как расширились от удивления миндалевидные глаза стража, второй виду не подал, только нахмурил тонкие брови, произнес сурово:

— У нас нет приказа, вы не пройдете.

— Открывайте двери! — рыкнул Харизэль злобно, — или я собственноручно снимаю голову обоим, а семьи скормлю горготам! Для вескости ткнул стражника в бок стальной рукой. Караульный с опаской глянул на блики мертвенного света луны на предплечье, ответил примирительно:

— Мы не знали, что вас отметили великие, простите нас мастер.

Прежде узнавали в лицо, пропускали по одному слову, а теперь пришлось показать отмеченную бездной руку. Да, он Фарамонд не ошибся, жрецы луны растратили все уважение, что имели прежде. Они пойдут с ним до последнего, даже если придется рубить головы своим... Отчаявшиеся альфарцы не лучшие союзники, но иных нет.

В темнице остро пахло сыростью, сразу за дверью вниз уходила крутая лестница, Фарамонд первым шагнул в темноту, жрец так и остался стоять на пороге, переминался с ноги на ногу, боялся замарать одеяние о грязные стены узилища. Харизэль ничего не сказал, лишь покачал головой, осторожно взял Леонор под руку и повел вниз, туда, где находились камеры.

— Я подожду здесь! — крикнул жрец им вслед.

— Кто бы сомневался, чистюля, — буркнул храмовник себе под нос. — Бойтесь сутанку в грязи извозить. Фарамонд громогласно рассмеялся, звонкий смех эхом разнесся по узкому туннелю.

— Чего смеешься? Знаешь же, что прежде жрецы стояли с храмовниками в строю, и оружием не брезговали. А теперь кроме болтовни нет от них ничего! — ответил Хариэль зло.

— Прежде и храмовник не позволял себе таких речей, — ответил Фарамонд, повел бровью. — Так что вы стоите друг друга, и это смешно. Во что превращается бессмертный альфарский народ?

— В то же, во что превратился твой, салранорец, — Хариэль криво улыбнулся. — Когда то земля дрожала в страхе перед могучей некромантией твоих предков, но я не видел ни одного заклинателя смерти уже больше тысячи лет. Ты последний.

— Замолчи! — рыкнул Фарамонд яростно. — Замолчи или я заставлю тебя умолкнуть на веки, тварь!

— Довольно любезностей, мальчики, — сказала Леонор сладким голосом, — поберегите силы для боя.

Фарамонд сплюнул гневно под ноги храмовнику, ругнулся на салранорском и побежал вниз: незачем убивать Хариэля сейчас, еще пригодится, длинноухий болтун, лучше отойти от греха подальше. Он первым добрался до конца туннеля, налег плечом на кованую дверь, по прошлому пребыванию зная, что за ней стоит страж. С той стороны двери зашуршало, звонко пропела сталь. С мечом в руке стражник преградил путь широкоплечему пленнику.

— Это что за..., — произнес храмовник удивленно.

— Привет, — ответил Фарамонд, ухмыльнулся злобно, в глазах блеснула животная ярость.

Он налетел, как ураган, караульный не успел и крикнуть, с размаху влетел головой в нос, подо лбом глухо чавкнуло, кровь тонкими струйками брызнула в стороны. Сзади уже бежал Хариэль, Фарамонд слышал шлепанье мягких сапог по каменным ступеням. Храмовник тяжело упал на пол, руки и ноги задергались, тело билось в конвульсиях. Наверняка кость вошла в мозг, ухмыльнулся Фарамонд.

— Что ты делаешь? — прошипел Хариэль злобно. — Что, демоны тебя деря, ты творишь?!

— О — о! — рассмеялся Фарамонд, — я смотрю, как твой сородич выплясывает джигу. А ведь недурно выходит!

Храмовник перестал дергаться и затих, из — под него на каменный пол набежала целая лужа крови. Впереди послышался топот тяжелых сапог ног, стражники сбегаются на шум.

— Развяжи мне руки, железнорукий, или придется со всеми..., как с этим, — сказал Фарамонд спокойно, но во взгляде по — прежнему читалось яростное безумие.

Хариэль замялся, быстро взглянул на залитое темной кровью лицо погибшего, на Фарамонда: широкая грудь того раздувается как кузнечные меха, из ноздрей пашет жаром. Потом снова на мертвеца..., рука медленно потянулась к кинжалу на поясе.

— Только без глупостей, мастер Хариэль — предупредила Леонор мягко, но так чтобы альфарец понял: одно неверное движение и распластается как рыба рядом с погибшим юнцом.

— Он ведь мальчишка, ему жить и жить, — проронил храмовник скупно, но веревки на руках Фарамонда срезал.

— Спасибо, — ответил барон весело. — Пора немного размяться, старичок.

Топот каблуков стал громче, уже чувствовалась дрожь камня под ногами, Фарамонд осмотрелся: тогда, здесь была целая рота стражников, они бросили его в камеру, похожую на

каменный мешок, долго истязали, просто так, забавы ради. Каждый хотел оставить шрам на теле последнего салранорца. Сейчас же там где начинались темные залы застенка, лишь гладкий камень, будто не тут живьем выдирали внутренности из обессиленных и избитых пленников. Широкие каменные чаши заполнялись кровью, над ними поднимался тяжелый аромат смерти, а по ночам жрецы приводили горготов и те лакали кровь длиннющим языками как коты молоко!

Фарамонда до сих пор ночами посещали кошмары, где слышал жуткий скрежет когтей по камню, отрывистое хриплое дыхание, голодный вой, от которого хотелось вжаться в стену. Каждый раз, когда приводили горготов, он думал, что не увидит утра. И каждый раз просыпался с дрожью в измученном теле, могильный холод камня и страх смерти едва не сводили с ума...

Фарамонд замер на мгновение, привыкая к тусклому желтому освещению факелов и масляных светильников. Спертый воздух неприятно давил на грудь, над головой нависают мрачные своды подземелья. Привычное место для ката и демонопоклонника, ничего особенного, кроме того, что в конце темницы есть потайной ход в жреческие покои. Оттуда верховный со своими телохранителями спускается на проведение кровавых ритуалов, и служение месс.

Он шагнул вперед, его поступь была тверда, походя наступил на руку мертвому храмовнику, под подошвой противно хрустнуло, он не обратил внимания, небрежно толкнул толстую дверь, будто не из толстых дубовых досок сбита, а хлипкая фанерка.

В темном коридоре зазвенела сталь, Фарамонд остановился в дверном проеме, в руках длинный меч, отобранный у погибшего храмовника. Тусклый свет блестит на клинке, обретает новую жизнь, Фарамонд ухмыльнулся, с ревом замахнулся мечом, в теле вновь играет Сила, ярость, звериная жажда убивать, сечь, крушить. Его бы воля: стер бы с лица земли проклятое место! Как же ненавидел катов, истязавших его долгими месяцами!

Храмовники колонной вбежали в узкий коридор и оцепенели: Фарамонд видел по их лицам, что остолбенели не от блеска Силы в его глазах, не от вида вздувшихся буграми мышц или остроты клинка, все это храмовники видели и прежде. Они вздрогнули от неверия, что кто — то решился вторгнуться в темницу храма, дерзнул лезть в пасть зверю, туда, откуда все стремятся сбежать!

Он взглянул в их удивленные глаза лишь на мгновение, а сам уже ревел как зверь, крутился стальным вихрем, рубил и рассекал тела. Клинок входил в незащищенные лица, стыки доспехов, кровь фонтанами брызгала на стены и пол, одежда, все тело потемнело от вражеской крови. Лишь когда догнал и занес меч над головой последнего храмовника, услышал яростный вопль Хариэля за спиной:

— Стой, сволочь! Стой!

Фарамонд взглянул в испуганное, забрызганное кровью лицо молодого стража и понял что сам, такими же глазами смотрел на тех, кто в этих стенах тянул жилы из тела, вырезал со спины ремни.

— Ладно, живи, — сказал Фарамонд мрачно. — Я утолил свой гнев, но не ищи меня малец, или я доделаю начатое.

— Ты хуже любого демона, салранорец! Будь же проклят твой род!

— Он и так проклят, — бросил Фарамонд на ходу. — Пошли, пока я его не прирезал.

Молодой храмовник поспешно отполз в угол, забился там, как жук в норку. Хариэль посмотрел на него сурово, сказал с обидой в голосе:

— И кто учил вас сражаться, ослы, позор на головы ваших отцов!

— Пойдем, мастер Хариэль, — сказала Леонор, все тем же спокойным тоном. Происходящее ее забавляло, наконец — то Фарамонд смог выплеснуть боль и ярость из груди, это увеличит Силу, возможно даже откроет путь к памяти крови. Или погубит. Теперь, когда высший Аркан соединился с плотью, умом и мыслями она гораздо лучше понимала пути Силы.

Пока Хариэль приходил в себя, Фарамонд уже свернул по коридору направо, там, почти в конце — та самая камера. В ней не держат пленников, лишь иногда пытаются, больше для отвода глаз. С виду не примечательная, такая как все: обитая железом дверь, узкая решетка и дырка внизу, куда обычно бросают раз в день корку хлеба, чтоб не окошел с голоду.

Фарамонд толкнул пальцами дверь, та со скрипом двинулась вперед: не закрыто, возможно, ждали прихода жреца? Или ловушка? Мог ли верховный разгадать его замыслы? Догадывается ли зачем он, Фарамонд сунулся в лапы демонов? За тем чтобы добыть их глаз, могущественное Око демона, которое зрит любого колдуна, любой источник Силы.

Внутри темно, слабый свет масляной лампы сюда не достает, глаза не различают очертаний, но лишь сначала, позже свыкнуться. Заветная дверь в двух шагах, на правой стене, сразу за зловонной лежанкой из прелой соломы. Воздух в камере пропитался смрадными испарениями нечистот и гнили, дышать тяжело и неприятно, хочется зажать нос рукой.

Фарамонд нащупал на стене потайной рычаг, маленький, не больше ногтя на большом пальце. Нажал, стена бесшумно скользнула в сторону. Вверх ведут аккуратные ступеньки, на них расстелена ворсистая алая ковровая дорожка, по краям расшита золотыми завитушками, у самого входа в камеру — половик из звериной шкуры, чтобы верховный не замарал ног о грязную камеру.

Фарамонд бесшумно поднялся по лестнице, впереди квадратный холл, по углам стоят золотые курильница на треножниках, из них вверх струйками бегут жидкие сизые дымки, в воздухе плавают ароматы лаванды и другой сладковатый, наверняка чтобы отбить дурной запах внизу. Не хочется надутым жрецам дышать тем же воздухом что и пленные.

Он застыл на мгновение, напряженно вслушивался в незримое, старался потоками Силы ощутить, что ждет там, по ту сторону стены. Но слышал лишь тишину, мертвую и подозрительную.

Фарамонд двинулся вперед по дорогому паласу на цыпочках, меч выставил перед собой. Ни следа жрецов, или телохранителей, шум драки внизу мог разбудить и глухого, так почему же здесь ни души? Почему не сбежались в узкий коридор храмовники с выпученными на лоб глазами, не бегут следом за ними переполошенные, как птицы с гнезд, жрецы?

Стражники круглые сутки обязаны нести караул в этой части храма, проводить дни в моленьях и восхвалении ревущей бездны, но их нет, а внизу оставили только желторотый молодняк, который и врага видел только на картинках! Не мог же верховный жрец разгадать его замысел, или жрец луны предал?

Нет, если бы предал, их закололи бы на входе в город, как бешеных псов, а головы воздели на пики и выставили на обозрение: вот она, салранорская тварь, полюбуйте! Приободрившись, Фарамонд пошел дальше, позади уже слышались легкие шаги Леонор, и угрюмое шлепанье сапог Хариэля.

Обнаженный клинок легко покачивался из стороны в сторону, готовый в любой миг обагрить лезвие, испить вражьей крови. Впереди легко задрожала тень, будто подул легкий

ветерок, коснулся занавеси там за углом. Фарамонд напряженно облизал губы, подступил к краю стены и замер, как ягуар на ветвях, готовый в любой миг совершить смертельный бросок.

Там за стеной, послышался легкий шаг, так ступают кошки или женщины. Но в храмовники берут лишь мужчин, в жрецы также, женщины из знатных семей часто становились наложницами владык бездны. Но убийцами — никогда. Тот в темноте шагал как опытный убийца, тихим пружинистым шагом.

Фарамонд напряг чувства, направил вперед тонкий поток Силы, и едва не отлетел от стены. Как только открылся, по нему ударили арканом с силой кузнечного молота, во рту стало солоно от крови, тонкие алые струйки побежали от ушей вниз по шее. Он захрипел и как выбитый копьем из седла упал на землю. Из — за двери тут же шмыгнула низкорослая, почти детская фигура, в черном.

Фарамонд понял, что ему страшно, он как могучий скакун затрясся перед видом маленькой но ядовитой змеи.

— Лежи тихо, салранорец, или умрешь, — сказала тень на его родном языке.

Он хотел ударить ее мечом, но заколебался, а вдруг не успеет? Вдруг незнакомка и тут окажется быстрее? Гадостное чувство, девчонка опрокинула его наземь как простака, его Фарамонда! Такого он никому не прощал, все кто посмел — давно мертвы, даже Дордаор. Хотя ему меньше всего желал смерти. Одно радовало, он услышал мелкую тварь, когда кралась, и Леонор наверняка следила за ним. Она почувствует возмущение в Силе.

За спиной послышался пронзительный женский крик: у Фарамонда в груди покрылось льдом, неужели гадюка достала и Леонор? Не может этого быть?

— Конечно, не может, — рассмеялась маркиза.

Фарамонд медленно поднялся на ноги, перед глазами вращалось и тряслось, но и так различил что держит Леонор в изящных руках. Отсеченная голова салранорки, ни с чем не спутать белизну кожи, маленький аккуратный ротик и по — детски нежное лицо. Наверняка альфарцы взяли ее в плен еще совсем ребенком, выращивали, изучали, возможно и мучили, как его, пытались сломать. Может и преуспели..., наверно потому и не убила, почувствовала родную кровь. Он бы тоже не смог убить ее, уверен — не смог бы, рука бы дрогнула.

— Именно потому я ее и убила, — ответила Леонор резко, — эта сучка могла погубить нас обоих! Она знала о твоей слабости, и о моей тоже.

— Я не виню тебя, — ответил Фарамонд сухо. — Но мне ее жаль, глупый ребенок, я бы воспитал ее как дочь.

— Скорее бы она вырезала тебе сердце, — сказал Леонор, недовольно скривила губы. — Ты еще не забыл, зачем мы здесь?

Фарамонд не ответил, отер рукавом кровь с лица, подобрал меч и скрылся во тьме дверного проема. Девочка не шла из головы: как ее звали, знал ли ее родителей, может даже родственница, или кузина? Верховный подослал ее, но зачем, почему не убил раньше, когда ехали связанные по городу? Почему не заколола стража на воротах?

Ответ не приходил, Фарамонд чувствовал: совесть прогрызает в сердце дыры, как черви в трупе. Казалось, он убил себя, только иного. Того себя, который не сумел убежать из застенков кровавых жрецов, который остался наедине со страхом и смертью. Один, совсем один.

Иноземье. Хлерогарн. Храм ревущей бездны.

Дверь с треском отлетела в сторону, в проеме возникла широкоплечая фигура, с мечом в руке. Слуга выронил из рук поднос с посудой, фарфор звонко лязгнул о пол. Оцепеневший служка вытянул шею, как курица, согнанная с насеста, выкатил на лоб глаза. Фарамонд злобно улыбнулся, ударил мечом в живот, красное острие вышло у того со спины, яркая желтая одежда окрасилась кровью. Фарамонд посмотрел на падающего наземь слугу с презрением, спокойно выдернул клинок, и шагнул дальше в жреческие покои.

Где — то там ждал верховный, вот кто ответит за смерть девочки, за серые и бесконечные дни в застенке.

Сейчас, не скрывался, шагал уверенно, пускай слышат. Салранорец вернулся! Пришел как хозяин, без дрожи перед мерзкой мощью бездны, кровавой империей, сейчас он сам похож на демона, страшный, весь залитый темной кровью, только глаза горят безумным яростным пламенем.

Он стоял, не похожий на себя, но все равно узнали, смотрели, вытаращив глаза и с отвисшими челюстями, пока кто — то не выкрикнул:

— Он здесь! Салранорец! Скорее зовите стражей!

Слуги проворно разбежались в стороны, как мыши, когда учуют громкий звук. С той стороны зала ворвались высокие плечистые мужчины, с ног до головы закованные в доспехи. Длинные мечи тускло и зловеще блистали в их вороненых стальных перчатках, на груди мерцали мягким магическим светом защитные пентаграммы. Храмовники в полном обмундировании — телохранители верховного.

— Сдавайся, или умрешь, — сказал храбро храмовник с меткой демона на лице. Кривое багровое пятно на коже напоминало Фарамонду уродливый ожог.

Он ничего не ответил, ниже чести считал разговаривать с мертвецами, медленно, как крадущийся лев, шагнул к ним. Стражники проворно рассыпались вдоль стен, перекрыли двери. Двое, наверняка самые отважные, бросились на него спереди, тот с пятном на морде, и другой, его лица не видел, храмовник опустил забрало.

Фарамонд подождал пока подойдут ближе и прыгнул, звонко ударились сталь о сталь, меч вошел точно в глазницу шлема, сразу выдернул и рубанул наотмашь. Храмовник лишь увидел, как мелькнула серебристая молния перед глазами, в следующий миг уже лежал на полу с разрубленным горлом, хрипел, пытался зажать руками страшную рану, кровь фонтанчиками била из — под пальцев.

Фарамонд захохотал, его пальцы с быстротой молнии метнулись к поясу погибшего, выдернули кинжал. Еще один стражник возле стены, с грохотом, завалился на пол. Широкое лезвие торчало у него из глазницы.

— Ну что же вы? Ведь я такой же рыцарь храма, как и вы! — выкрикнул он насмешливо. — Сдавайся или умрешь, так ты сказал?

Фарамонд согнулся над умирающим, посмотрел с интересом в его раскосые, стекленеющие глаза. Лицо бледное, даже багровая отметина демонов стала светлее, ровные белые зубы залиты кровью она сбегает струйками из уголков рта, еще мгновение и жизнь угаснет.

— Так ты сказал, да? — переспросил Фарамонд, сделав вид, что не замечает, как один из стражей потянулся к кинжалу.

— Справа! — крикнул Хариэль позади, и бросился с оружием через зал.

Храмовники замерли, следили немигающим взглядом, как летит серебристой птицей длинный кинжал, еще мгновение и уткнется острым клювом в грудь страшного салранорца, напьется крови прямо из сердца черного колдуна!

Рука Фарамонда взметнулась в самый последний момент, послышался сдвоенный удар металла о металл, победно блеснуло лезвие меча, и кинжал отлетел в сторону, упал на пол, завертелся как подстреленный ястреб.

— Теперь я вам скажу, сдавайтесь или умрете. Все, — произнес Фарамонд зло.

— Я помню тебя, салранорец! — выкрикнул один из стражей. — Помню, как ты сидел в темнице. Скоро ты окажешься там же!

— Зря ты сказал, — ухмыльнулся Фарамонд и прыгнул вперед.

Его прыжок был высок и длинен, но стремителен, как порыв ветра. Подошвы сапог еще не ударились о пол, как тело описало лугу, кругнулось через правое плечо, меч лихо заплясал в воздухе. Храмовники как могли быстро кидались наперерез, их длинные мечи уже доставали Фарамонда, вот — вот дотянутся острием, собьют спесь с зазнавшегося салранорца.

Стальной вихрь метнулся прямо на загородившую дверь толпу, позади уже лежало двое с рассеченными лицами. У одного Фарамонд отобрал меч и теперь орудовал двумя. Осыпал градом ударов, храмовники только успевали защищаться. От смерти спасал крепкий зачарованный доспех, будь у Фарамонда в руках его собственный меч — давно бы лежали порубленные в лужах крови.

Фарамонд чувствовал себя как рыба среди морских волн, он наслаждался боем, в груди радостно бухало, горячая кровь вздувала мышцы, он страшно хохотал, двигался впятеро, а то и быстрее, чем любой из храмовников. Куда им, увальням в тяжелых доспехах! Потому — то Дордаор всегда ходил в тонкой рубашке, или вообще нагой до пояса. В доспехе не полетаешь.

Перевелись храмовники перевелись... Он рубил шеи, рассекал лица, сбивал с ног и вновь отскакивал раньше, чем медлительные стражники успевали вскинуть руку. Были среди них и меченые, но и те не чета даже Хариэлю. Мастер меча с ухмылкой наблюдал за тем, как Фарамонд превращает цвет храмовой стражи в кровавое месиво.

Салранорец не унимался, как только последний храмовник с разрубленным горлом уткнулся лицом в носки его сапог, ринулся вперед, прочь из залитого кровью зала.

Стены храма задрожали от ужаса, как осина на ветру, волна предсмертных криков страшным эхом катилась вперед. Слуги и наложницы разбежались как муравьи, начинали метаться и кричать, сбивать друг друга с ног. Слышались мольбы и рыдания, кто — то из младших жрецов на коленях подполз с горстью драгоценностей и золота в ладонях. Фарамонд с презрением посмотрел в испуганное лицо, плюнул себе под ноги и пошел дальше.

Он чувствовал верховный рядом, напряжение в Силе возрастало, наверняка жрец заготавливал арканы. Что ж, пускай. Колдовство сегодня на его стороне, позади шагает та, чьей воле подчиняется старший аркан, та, кого смертные зовут архонтами. И пускай он не тот салранорец, каким был его отец и дед, но та же кровь течет в его жилах, та же ярость, та же тяга к власти и могуществу!

Наверняка впереди ждут уже не храмовники, наемные убийцы, те не гнушаются и стрелкового оружия, и малых заклятий. Что ж пускай, это его игра, когда с мечом в руках, когда по — мужски, когда звон железа, смерть, кровь, мольбы слабых, предсмертные крики, удары, когда внутри ревет огонь ярости и рвется наружу грохочущий смех...

Он почти пожалел, что так быстро изрубил храмовников, и хотя кровь пролита, и воздух полнится ее сладким запахом, но сраженных мало, еще не угасла ярость, в груди кипит, не утихает боль, и распирает изнутри злоба. Все еще хочется испить крови из сердца врагов, как делали его предки!

Фарамонд криво усмехнулся: Ничего впереди ждет продолжение боя, еще успеет утолить голод. Впереди слышались знакомые шаги, тяжелые, будто не человек идет, а громадная стальная статуя топчет каменный пол тяжелыми сапогами. Так ходил лишь один, Фарамонд помнил, по коже побежали мурашки, волосы на затылке встали торчком. Волгар, мастер кузнечного дела, и музыкант страдания — как называли его в храме бездн, наполовину альфарец, наполовину демон. Многие испустили дух, под его инструментами.

— Фарамонд! Я узнаю запах твоего страха! — проревел Волгар. — Не соскучился ли мне, а?

Он вышел в коридор, откуда доносился громopodobный голос. Едва не оступился когда увидел пятнадцатифутового великана с голой до кости головой, красными громадными глазами, в каждом будто извергается по вулкану, толстые как бревна руки все в буграх и узлах мускулов. В руке Волгар держал свой любимый пятидесятифунтовый секач, которым играючи мог разрубить храмовника в полной броне.

— Малыш Фарамонд, да ты подрост! И весь в крови, будто из бездны вышел!

— Я отправлю тебя к твоим предкам, кузнец, если не уйдешь с дороги, — прохрипел он, выставил вперед меч.

— Какой грозный! Всю храмовую стражу перевел. С кем я теперь буду играть, а Фарамонд? Придется тебя наказать, — гулким голосом произнес Волгар, ухмыльнулся хищно. Тяжелый секач описал в воздухе круг и с треском впился в пол, мелкие камушки градом полетели в стороны, один попал Фарамонду в руку.

Он стал в пол оборота, один меч выставил вперед, вторую руку опустил вниз, держал оружие позади, чтобы противник не видел, откуда наносит удар. Фарамонд знал, грузный на вид великан двигается так же быстро, как он сам, даже Дорадор признавал, что чертов кузнец скор на расправу и быстр как гортот.

— Я с радостью раскрою твое брюхо, — произнес Фарамонд свирепо.

В красных, будто залитых кровью глазах Волгара вспыхнули такие яростные огни, что захотелось забиться в угол. Он оскалился, длинные клыки тускло и угрожающе блеснули в желтом свете факелов. Фарамонд даже засомневался: может зря разъярил великана?

Волгар издал страшный звериный рык, бросился вперед с прытью жителя бездны. Каменные плиты под ногами затряслись, точно снизу проснулся древний вулкан, в ушах стоял страшный грохот. Лишь мгновение отделяло Фарамонда от смерти, громадный секач с присвистом летел прямо в голову. Удары такой мощи нельзя отразить, осатетется только быстро — быстро отскакивать. Одно хорошо, как и Иву, Волгару нужно место чтоб развернуться, крупный боец не может явить все мастерство в узком коридоре.

Фарамонд поднырнул под руку великана, крутнулся и выстрелил выпадом в неприкрытый бок. Но Волгар только и ждал, извернулся, огрел в ответ тяжеленным, как молот, кулачищем в плечо. Фарамонда отбросило к стене, руку жгло раскаленным железом,

пальцы дрожали в бессилии, едва удерживал оружие, клинок стал вдруг тяжелым и неповоротливым.

Волгар засмеялся страшно, весь дышал торжествующим жаром, снова бросился вперед, широкое лезвие секача пошло снизу вверх, не позволяя Фарамонду использовать основное преимущество — прыжки.

На него сыпалась гремящая лавина ударов, только и успевал отходить. Под ногами грохотало, тряслось, стонало. Фарамонд заскочил обратно в просторный зал, где мог дать бой, и не отскакивать позорно от каждого взмаха секачом.

Волгар двинулся на него как скала, могучим ударом развалил узкие двери, ворвался следом. Великан рубился как дьявол, бешенство удесятило и без того немалые силы. Фарамонд при всей безумной ярости и жажде мести ощутил подобие страха: впервые не мог и представить, как подберется к врагу!

Волгар помчался на него, с тяжелым грохотом, массивный, в красных глазах пляшут злые огоньки, казалось, несется целое стадо, храмовников, на закованных в железо могучих конях. Великана не измучил тяжкий бой, напротив — ярость поднимается и поднимается грозной волной, а вместе с ним и сила крови, сила ревущей бездны. Теперь великан непобедим, а он Фарамонд лишь ждет когда тот совершит ошибку, но наоборот, с каждым ударом секач проносится все ближе.

По спине струйками сбегал пот, на лбу также катились градом крупные капли, мышцы наливались тяжестью, движения уже не такие точные. А Волгар дерется все так же жестоко и умело, от него несет жаром и мощью, красно — бурая кожа вся блестит от пота, но великана бой лишь раззадоривает.

— Я наигрался с тобой, Фарамонд! — произнес Волгар свирепо, — теперь будет настоящий бой!

Фарамонд со злостью швырнул в великана меч, тот отмахнулся секачом, как от назойливой мухи, звонко ударила сталь о сталь, меч бессильно отлетел в сторону. Волгар с бешеной скоростью вращал секачом, из широкой глотки вырвался страшных рев, от которого с треском лопнули витражи в храме, осыпались вниз брызгами цветного стекла. Леонор, наблюдавшая за боем из — за ширмы, накрыла ладонями уши. Хариэль уже в который раз потянулся к ножнам, но маркиза остановила стальную руку, сказала тихо:

— Жди тут.

Мастер меча нахмурился, смотрел непонимающим взглядом: зачем колдунья желает гибели салранорцу? Разве они не одна команда? Почему не сотворит заклинание, не развалит пополам мерзкую тушу кузнеца?

Фарамонд взглянул на свой меч, весь в длинных царапинах, зазубринах, будто и не меч вовсе, а пила. Отбросил бесполезное оружие в сторону, подхватил с груди зарубленного храмовника тяжелый клеймор.

Он не стал ждать, пока налетит разъяренный как бык Волгар, сам шагнул по залитому кровью полу. В воздухе на мгновение повисла тишина, казалось все вокруг затаив дыхание, следит как массивный секач и такой же тяжелый меч замелькали в руках мастеров с легкостью шпаги.

Фарамонд прыгнул, безмолвие раскололось на тысячи осколков, стены задрожали от грохота и лязга тяжелой стали. Он вновь завертелся страшным вихрем, со скоростью удивившей даже его самого, двучный клеймор описал круг и тяжело опустился на плечо великана, тот взвыл страшно. Лезвие рассекло громадный бугор мышц, раздался треск, это

лопнула кость, из широкой раны во все стороны брызнула горячая кровь, но Волгар даже не пошатнулся, могучим ударом кулака отбросил Фарамонда, к стене, тут же подхватил здоровой рукой оброненный секач и метнул. Загрохотало, осколки камня брызнули во все стороны как переполошенные жуки.

Фарамонд на миг замешкался, и едва не угодил под секач. От удара великана ребра на правой стороне промялись, торчали наружу белыми остриями, каждый вдох ножом колол грудь. Озлившись, он вскочил, кинулся на безоружного Волгара. Хариэль даже языком прицокнул когда увидел, как Фарамонд перехватив рукоять клеймора, перебросил меч на другую сторону и обрушил страшный удар на голый череп великана. Осколки костей и липкого серого брызнули во все стороны, на мгновение Фарамонд увидел изумленное, залитое кровью лицо великана. Казалось, тот хотел сказать что — то, но не успел, пошатнулся как срубленное под корень дерево. Тяжелое тело упало на колени, земля задрожала, размякшие мышцы колыхнулись могучей волной, изо рта на грудь хлынула рекой пузырящаяся кровь.

В красных глазах Волгара блеснули искорки злорадства, он умирал с ухмылкой на лице, будто знал что — то, чего он, Фарамонд, не знает, но что очень важно...

Фарамонд не выдержал насмешливого взгляда, размахнулся тяжелым клеймором от плеча и снес проклятому великану голову. Тот повалился на пол с грохотом, как рушащаяся стена замка, Фарамонд даже вздрогнул против воли.

Он посмотрел на распластанное тело громадного кузнеца, из срубленной шеи мощными толчками изливается кровь, пол уже весь залит ею, липкий, скользкий. Из толстого как у быка хребта, торчит белесый костный мозг. Кто мог подумать что ему, Фарамонду удастся одолеть такую громадину.

— Я победил! Слышишь, жрец, я зарубил твоего ручного свина! Я Фарамонд, последний салранорец! И я иду за тобой жрец!

Дышал тяжело, в груди противно булькало и покальвало, тяжелый кулак Волгара ничем не легче молота из кованого железа, а на нем лишь тонкая рубашка из шелка, да что там, и панцирь бы лопнул, не выдержал удара. От смерти спасала Сила, бегущая в его жилах.

— Жив? — спросил Хариэль с уважением в голосе.

— Меня не так просто убить, храмовник, — ответил Фарамонд мрачно.

— Я видел, ты действительно хитер и быстр как Дорадор! — произнес он восхищенно, — такого боя я не видел за всю долгую жизнь. Дордаор убивал быстро, а вы дрались целую вечность!

— Еще немного и он бы меня раздавил, — признался Фарамонд, — а малые арканы бессильны против тварей бездны, они для них как еда.

— Ты бесподобен, — сказала Леонор довольным голосом, — Сила играет в каждой клетке твоего тела. Дордаор так ненавидел колдунов, но и сам пользовался Силой, даже не зная. Он всегда думал, что это талант. Волгар — порождение бездны, под личиной грузного тяжеловеса скрывалась голодная и хитрая сущность. И ты одолел его, часть его силы и разума теперь твои навечно.

— Так вот почему он ухмылялся! — вырвалось у Фарамона. — Негодяй вошел в меня, он же демон, такие не подышают! Ты уверена, что все именно так?

— Да, я видела темный дух зверя бездн, он коснулся тебя. Но без него мы не смогли бы взять око. Теперь верховный жрец нам не нужен, ты можешь убить его или оставить жить — тебе решать, — улыбнулась Леонор в ответ.

Фарамонд радостно шелкнул пальцами, широко раскинул руки, Леонор наклонилась к нему, они обнялись. Раненый, уставший, залитый вражьей кровью он ощутил, как от избытка чувств в глазах защипало, а взор затуманился, будто Волгар хлопнул тяжелой ладонью по макушке.

— Ты..., — произнес он хриплым голосом.

Леонор сладко зажмурилась, как кошка на солнце, положила красивую голову на плечо, что с того что все в крови и пыли. Она прижалась к нему всем телом, ощутила, как бьется по ту сторону грудной клетки могучее сердце, как пульсирует боль в сломанных ребрах.

— Я исцелю тебя. Просто расслабься, — прошептала она на ушко.

Фарамонд устало опустил веки, те казались литыми из металла, только сейчас, когда ярость боя схлынула он заметил что едва держится на ногах. Тело будто сунули в кузнечный горн, оно раскалилось, дышало жаром, рот пересох. Леонор провела по его горячей груди кончиками пальцев, быстро ощупала края раны. Липкая от крови одежда пристала к телу, как пиявка, она осторожно достала из раны обрывки ткани, осколки камня и мелкие белые — костей.

— Еще больше расслабься, — произнесла Леонор приятным голосом. — Сейчас я направлю силу.

Фарамонд глубоко вдохнул, представил, что подставляет раскаленное тело под холодный поток горного водопада. Вода ниспадает на макушку головы тяжелым леденящим потоком, тело наполняет свежесть и бодрость, от него идет пар, жар и усталость отступают. Напряженные, вздутые буграми мускулы расслабились, сердце в груди забило ровно, Леонор приложила руки к широким пластинам его груди, и воззвала к старшему аркану.

Черная дымка тонкими струйками побежала из пор на теле Леонор, Хариэль с разинутым ртом взирал, как все вокруг заполняется зловещей чернотой. Потоки темного тумана сплетались подобно нитям в образы, прямо из воздуха возникли массивные зубчатые стены, затем во тьме прорезались узкие щели бойниц, в небе над черной башней вращалась черная воронка. Широкая и страшная она втягивала обрывки тумана, раздувалась как жаба.

Леонор вновь провела кончиками пальцев по торчащим из тела остриям ребер, сила переполняла ее до краев, казалось, она сама как та воронка расширилась и наполнила собой весь зал. В груди клокотала могучая сила, жаждала вырваться, обратить в пыль каменные стены, ударить так, чтоб содрогнулись недра, и даже сама бездна затряслась в ужасе перед истинной силой!

С кончиков ногтей Леонор сорвались тонкие черные как ночь молнии, ее глаза вновь наполнились темным огнем, языки антрацитового пламени заплясали с такой бешеной силой что мастер меча зажмурился, чтобы не видеть их. Даже ему, видевшему страшные пытки, колдовство и ритуалы магов крови стало не по себе, внутри груди все сжалось в комок.

Черные молнии погружались под кожу Фарамонда, длинные языки тумана слизывали кровь и грязь с его израненного тела, края ран и порезов сходились прямо на глазах, ребра с треском встали обратно.

Фарамонд ощутил, как под кожей защекотало, боль в ребрах утихла, притупилась и потом вовсе исчезла. Истощенное тело наполнялось живой силой, мышцы вздрагивали от желания бить, хватать, разрывать на части, пальцы на обеих руках сжались в кулаки с таким треском что Хариэлю показалось лопнула стена у него за спиной. Из груди вырвался радостный крик, он разлепил глаза, и увидел перед собой ослепительную улыбку Леонор, два ряда ровных зубов казались жемчужным ожерельем.

— Ты невозможна! — воскликнул он радостно.

— О нет, это ты прелесть. Настоящий мужчина, встречал открытой грудью опасность, сразил столько могучих врагов. Я всего лишь, как надлежит женщине, шагала сзади и залечивала твои раны, — ответила Леонор, хитро улыбнулась.

— Ты, как и надлежит архонту, не тратила силу напрасно и позволила мне отомстить, — сказал Фарамонд серьезно, в его голосе прозвучали металлические нотки.

— Но ведь ты рад?

— Да, очень. Но я знаю, ты могла испепелить их и развеять прах еще до того, как я взмахну мечем!

— Нет, без тебя я бы не справилась. Жрецы могли подготовиться к магическим атакам. Им хватит сил и дерзости противостоять мне, сила бездн велика до сих пор, — ответила Леонор серьезно. — А так наши козыри скрыты. Только сейчас, они заметили старший аркан в оке.

Фарамонд подошел ближе, жарко поцеловал в губы, в шею, зная что ей так приятно. Ответил с чувством:

— Если бы не ты...

— Мы сделали это вместе, — ответила Леонор довольно, зажмурилась как кошка. — А теперь пойдем, голова верховного засиделась на плечах.

На желтой земле, каждый кусочек усеян людскими костями и обломками зданий, они хрустят под подошвами его массивных сапог. Над головой поднималось тусклое светило, похожее на пятно белой краски, пролитой на затканное туманом небо. Лучи не могли пробиться сквозь плотный занавес мглы уже тысячи лет, каждый раз они яростно и свирепо ударяли горящими стрелами в молочный заслон, и каждый раз пораженно отлетали в сторону.

Анри с интересом смотрел на громадное, размером с осадную башню, зеркало, вмурованное в гладкую массивную стену храма. Выпуклое, как линза оно переливалось, играло светом, слабые лучи касались его серебристой поверхности и вспыхивали как порох, брошенный в огонь.

Зеркало казалось настолько ясным, что Анри протянул руку, чтобы потрогать стоящего там, в глубине человека. Не сразу понял, что тот седовласый, с горящими алым огнем глазами, и есть он сам. Лицо жесткое, будто закаленное ветрами войн, красивая серебристая броня закрывает каждый участок тела, так что кажется перед ним стоит стальная статуя какого — то бога войны, свирепого и беспощадного.

Он коснулся пальцами пальцев двойника. Тот, по ту сторону зеркала, улыбнулся зловеще и исчез. У Анри внутри все всколыхнулось, поспешно одернул руку, еще раз глянул в зеркало: ничего, лишь пустота на том месте, где должно быть его отражение.

Анри знал, что в храме его ждет испытание, он должен завершить инициацию, о которой говорила Ситара. Однако в глубине души оставалось неясное чувство, что совершил ошибку, что — то сделал не так и теперь идет прямо в лапы врага, в ловушку устроенную хитрым и коварным противником.

Храм не выглядел заброшенным, как все вокруг, гладкие стены украшены орнаментом, их будто каждый день очищали от пыли, заботливо протирали фигуры загадочных чудищ. Прямо напротив Анри из стены наружу выставил пасть черный змий. Камень будто живой, на теле гадюки видны маленькие чешуйки, глаза горят злым огнем. Кажется, протянешь руку

и укусит.

Кто знает, что ждет впереди, по ту сторону громадного зеркала? Сфера привела его сюда, через длинные, туннели, заваленные истлевшими останками. Анри видел брошенные наземь доспехи, похожие на те, что сверкают на груди, мушкеты, мечи. Казалось, люди спешили убежать от страшной участи, будто по пятам их преследовал ужасный зверь.

Анри знал ответы, черная сфера видела все, образы намертво въелись в черное пламя, как и мошки что попадают в смолу, остаются там навечно, смола затвердевает становится янтарем, но мы все так же ясно видим застывший полет мертвого насекомого.

Вся что знала сфера, теперь вертится там, под черепной коробкой, картинки как живые вспыхивают и растают в одно мгновение, память схватывает их, как голодное животное, утаскивает в глубокую нору, старательно прячет добычу.

Над головой молочно — грязные тучи проносились через все небо, они растягивались, превращались в фигуры уродливых мертвых лиц, бесплотные рты распахивались, из них выстреливали струи белесой мглы, тянулись к Анри.

Над храмом туман становился жиже, в прореху видно темно — красное небо, будто океан крови, оттуда же видно и раскаленный диск светила, похожий на яростное око демона, красный и злой. Казалось, солнце желает обратить в прах проклятую землю, каждый луч стрелой впивался в каменные стены храма, но тот лениво и властно поблескивал, как шкура льва.

Анри знал, могучее колдовство, живущее в этих стенах, не страшится огня, там горит такое же пламя, только темное и холодное. Любая жизнь не вынесет и искры того огня, он такой же губительный как и, голодный алый собрат.

Он шагнул медленно, в правой руке угрозиво сверкает сабля, в другой зажата черная, как ночь, сфера. Осматривался и, хотя внутренний взор видит и слышит дальше, все равно прислушивался, настораживался при каждом шорохе ветра или хрусте камешков под ногами.

Здание, которое назвал храмом, нависло над головой, заняло половину неба. Серебристое зеркало налилось темным серебром, по гладкой поверхности побежали волны, будто кто — то бросил камень в ртутное озеро. Каждая следующая волна накатывала чуть выше, и казалось, что сейчас выплеснется и накроет с головой.

Рябь прекратилась, серебристая поверхность разгладилась, стала ровная как выглаженная простыня. Анри сделал по инерции шаг, повернулся, там, среди молочной дымки, виднелась прозрачная фигура, так похожая на него самого. Она задрожала и растворилась в густом тумане.

Разозленный на причуды магии и встревоженный, он оглядывался, прислушивался к каждому звуку. Внутри живота стало тяжело и холодно, предчувствие подсказывало близкую беду. Внезапно за углом, возле ветхого здания показался человек. Он скрывался в тени, среди груд мусора и руин, горбился, явно стараясь не привлекать внимания, хотя среди мертвого безмолвия любой как белая ворона. Широкий капюшон черного балахона надвинут на лицо, наружу выглядывает лишь подбородок, даже издали Анри разглядел: тяжелый и широкий, лихо выдвинут вперед. Так похоже на него самого в юношестве, правда никогда не носил таких сутан с капюшонами, но сходство есть, и рост и ширина плеч.

Ноги будто сами понесли вперед, подбросили от земли, Анри проворно прыгнул в тень и побежал наперерез незнакомцу. Тот будто не заметил, скользнул внутрь руин. Анри двинулся следом, руку с оружием выставил вперед, готовый убить, если придется. Два острия одновременно блеснули в тусклом алом свете, следом показалась и фигура в

балахоне. Анри отскочил обратно, направил саблю в лицо незнакомца, произнес свирепо:

— Открой лицо, или умрешь!

— Неужели? — ответила фигура в черном.

Анри вздрогнул, по спине подул морозный ветерок, противное чувство холодными руками сдавило живот. Голос чересчур знаком, неужели его догадка верна? Он спрятал оружие в ножны, пальцы сами потянулись к капюшону чужака, не обращая внимания на угрожающий блеск металла у своей груди.

— Да это я, — произнес незнакомец гнусным тоном. — Ты думал, я умер?

— Жан?! Это не можешь быть ты, ведь я сам хоронил тебя! — воскликнул Анри с горечью.

— Ты забрал то, что мое по праву, Анри. Ты забрал карту, которую отец завещал мне!

Сердце тревожно дрогнуло, Анри отступил назад, рука вновь легла на рукоять сабли.

— Что же ты брат, хочешь убить меня? Я не бесплотный призрак, и не игра твоего воображения. Я Жан де Ланьяк, маркиз де Ланьяк — твой брат.

— Мой брат погиб, — ответил Анри угрюмо. — Ты не мой брат.

— Нет, я Жан. И ты знаешь это, но не хочешь отдавать ее, решил оставить карту себе! — прошипел он злобно.

Ноздри Анри гневно раздулись, стал похож на быка, перед которым размахивают тряпкой, глаза налились кровью, злой красный блеск стал сильнее, казалось наружу брызнут горячие искры. Он поднес черную сферу к лицу, внутри выплясывало темное пламя, ударялось о стенки шара, волнами опадало вниз.

В пламени тьмы любая злая магия так же видна, как и в подземелье становится светло от зажженного факела. Жан стоит перед ним, огромный и страшный с перекошенным в гнев лицом. Он не выглядит уснувшим, каким Анри видел его на похоронах. Лицо Жана темное от крови, нижняя губа оторвана, видны изодранные в клочья десна, страшные зубы, а в груди зияют две жутких дыры, через них видно кирпичную кладку за спиной. С такими ранами человек жить не может, умрет на месте. Выходит Жан, такое же мертвое, как и те другие, которых рубил на лестнице. Но что он здесь делает? Анри обращался разумом к сфере, но та сохраняла безмолвие, будто знала, но не хотела говорить? Может это и есть испытание?

— Что, не нравится то, что видишь, братец? — тем же мерзким голосом произнес Жан.

Анри стиснул челюсти, желваки вздулись страшные, рифленые, глаза защипало. Старший брат всегда казался ему неуязвимым, бессмертным, как бог. Даже в тот день, когда пришлось нести бездыханное тело в фамильный склеп, не верил, что брат погиб. Жан никогда не отступал перед трудностями, упорно рвался к цели и всегда одерживал победу, казалось, что остановить его не может и смерть. Но он погиб, не в бою с врагами, как подобает мужчине, а от рук убийцы — отравителя.

— Ты был совсем иным, — прошептал Анри, — я помню каким... Никогда ты не говорил так, ... подло. Ты был человеком чести!

Глаза защипало сильнее, под доспехом стало жарко. Дыхание пошло частое, обжигало горло, он чувствовал, как раскалились ноздри. Стоял, со сжатыми до обеления кулаками, зубы стиснул со скрежетом, повыше вскинул голову. Все равно прорвалось: в уголках глаз защекотало, по щеке вниз побежала горячая капелька, словно раскаленная струйка железа. Она была такая крохотная и жесткая, что не одолела и половины пути, замерла на щеке, не в

силах ползти дальше.

Анри быстро кулаком смахнул слезу со щеки, сверкнул яростно глазами исподлобья.

— Что бы ты не говорил, а ты не Жан. Ты лишь труп, бездыханная кукла с черной волей. Жалкая пародия на моего брата!

Два кинжала тускло блеснули в слабом алом свете, острое с быстротой арбалетного болта устремилось в грудь Анри. Он проворно отмахнулся саблей, сталь звонко ударила о сталь, ярке искры жгучим снопом брызнули во все стороны. Он видел, как выплясывает черная молния по режущей кромке кинжала, похожая змеилась на мече некроманта, но эта толще и выглядит злее, сильнее.

— Я отберу то, что мое по праву, братец, — прохрипел яростно Жан, — или мне называть тебя братоубийца?

Анри зарычал яростно, как лев, в темных глазах полыхнули алые огоньки, лезвие сабли направил по дуге, намеревался подрубить левую руку мертвеца. Сабля беззвучно рассекла балахон, почти коснулась плоти, и внезапно в лицо повалил черный, густой дым. От него пекло в горле и глазах, ядовитые едкие клубы, будто молотом били в грудь, легкие стиснуло, наружу рвался страшный кашель.

Анри выбежал назад, на улицу. Там где стоял Жан, теперь лишь затканное дымом место. Он растворился в воздухе, как призрак, но злое присутствие осталось. Анри ощущал чужой взгляд, от него, бежал холодок по коже, кололо в затылке.

Тело трясло так, что слышал, как стучат кости. С обеих сторон наползают черные, как копоть, клубы дыма, с выглядывающими оттуда головами призрачных тварей. Они напоминали громадных ящеров, с горящими глазами, разинутыми пастьями. И как с таким сражаться, оружием мглу не разрубишь, тут без разницы что колдовская сталь, черному призраку из пепла и дыма она не страшна.

Анри расставил широко ноги, изготовился к бою, но в теле появилась предательская слабость. Сейчас он жертва для невидимого врага, а призрак в сто раз опаснее даже великана с цепью — этого не видно, нападает стремительно, исподтишка ударит кинжалом, и прощай жизнь.

Призрак возник перед глазами резко и красиво. Тонкие струйки дыма свились воедино, из них проступили тонкие очертания лица, затем все тело в черном балахоне. Дым расступился в стороны, опал наземь, словно сброшенный с плеч плащ. Анри с содроганием посматривал на черные холодные глаза, широкие лезвия кинжалов. Мускулистая фигура крупнее, чем у него самого, а силы в руках столько, что хватит гору перевернуть. Злой дух прокален жаром преисподней, зноем серных пустошей, от него так и веет сухим горячим ветром и смертью.

Жан налетел как вихрь, обрушил на Анри шквал ударов. Кинжалы выныривали из тьмы, разили быстро и точно, он только и успевал отражать саблей. Каждый новый выпад призрака все ближе к телу, несколько раз черные молнии сорвались с острия, полосонули по серебристой поверхности брони, там остались глубокие черные прогалины.

Призрак страшен во внезапной атаке, ни один воин не выдержит вероломного удара в спину колдовским кинжалом, призрак бесплотен, убить его не просто, но злой дух, что не может исчезнуть или топчется на месте, теряет половину перевеса в бою!

Анри прижался спиной к стене храма, саблю держал перед собой, призрак вновь исчез, но теперь не сможет нападать сзади, а значит, часть преимущества потеряна. Он поднес к лицу темную сферу, оттуда дыхнуло холодом, лицо будто покрылось тонкой корочкой льда.

Взгляд погружался внутрь, в сердце черного огня, какое — то мгновение Анри вглядывался в сферу, а потом понял, что смотрит оттуда, изнутри пламени. Артефакт подчинился его воле, могучая сила послушно лилась потоком от кончиков пальцев, распирала грудь, он вновь, как и в склепе, ощутил ту мощь, желание обращать в пепел все до чего дотянется.

Призрак мог укрыться во мраке от глаз, но не от взгляда черной сферы. Арии увидел, как тот скользит вдоль стены, за ним широкой полосой стелиться сизая дымка, развевается как изодранный флаг. Он сделал вид, что не замечает врага, отвернулся, подставил спину под удар. Теперь точно поступит как ему, Анри нужно. Открытая спина манила призрака как кровь акулу, он проворно метнулся вперед, высоко вскинул руку в страшном ударе.

Анри выждал еще мгновение и рубанул саблей с разворота, туда, где таился призрак, тот мигом вскинул кинжалы, принял на них страшный удар, руки едва не вывернуло, вспышка голубого света больно резанула по глазам. Жан отскочил, как ошпаренный, и вновь напал. Анри не сбавил темпа, бил по тому, как по снопу, стараясь изрубить на кусочки, развеять по ветру.

От грохота и лязга стали звенело в ушах, вспышки магического света слепили глаза. Анри видел каждое движение бесплотного врага, только тот сливался с тенью, тут же находил его черным оком сферы.

Вновь грозно полыхнул синий магический огонь, кинжал разлетелся мелкими осколками, призрак закричал люто и бросился с разбегу вперед. Тело обратилось потоками мглы, вытянулась, как подзорная труба, прозрачные пальцы ухватились за темную сферу, резко потянули на себя.

Анри тоже закричал, ударил с удвоенной силой. Сшиблись так, что затрещала мостовая под ногами, по камню побежали тонкие трещинки. Он рубил неистово, удары кинжала сыпались на него, как градины в бурю, броня на груди и левом боку уже не сияла победоносно, вся укрылась черными глубокими шрамами. С них на землю текли горячие серебристые слезы.

Ноги подкашивались, каждый удар саблей отнимал силы у призрака, но тот не погибал. Анри не знал как убить его, пот крупными каплями катился по лбу, спина и живот давно промокли, стали липкими, будто в крови.

— Ты не убьешь меня братец, твои силы тают! — выкрикнул яростно призрак, оскалился страшно, во рту блеснули тускло и болезненно — желтые зубы. От мускулистого тела шел черный пар, поднимался вверх тонкими струйками, казалось, что внутри Жана горит костер, даже когда говорит, изо рта вытекают тонкие ручейки дыма.

— Верно, я не убью тебя. — ответил Анри медленно, севшим от усталости и крика голосом, — ты и так мертв. Давно мертв, Жан. Я отдам тебе карту, если ты этого хочешь. Я никогда не желал ее, и до сих пор не желаю.

— Ты лжешь! Лживая тварь! Твоя жена убила меня, чтобы ты смог заполучить аркан, а теперь, ты говоришь мне, что он тебе не нужен! Кто я по — твоему — глупец?

Призрак затрясся от злости, черный как сажа дым повалил из него широкими струями.

— Леонор отравила тебя? Мне следовало догадаться... Я был слишком глуп. Леонор почти убила и меня, но эта карта... Карта спасла мне жизнь.

— Я доделаю то, что она не смогла, братец, — процедил сквозь зубы Жан.

Анри пытался ответить, но голос вовсе растаял, губы беззвучно шлепали одна о другую, наконец, из пересохшего горла вырвался сдавленный хрип:

— Да пошел ты...

Анри опустил забрало шлема, тихо щелкнула личина, глазницы вспыхнули, синим ярким светом. Он двинулся вперед как таран, злой, мышцы перекачиваются под прочной броней. Покачивался из стороны в сторону, словно под ним колышется палуба корабля, пальцами правой с силой сжал рукоять сабли. Казалось, может голыми руками разорвать мерзкого призрака на части. Сила кипела в его крови, неистовый холод бежал по венам, желал свободы, прорваться наружу и крушить, сминать, расплющивать!

Анри сдерживал животный порыв силы, уже знал что будет. Ведь может случиться, что сила изменит его, обратного пути нет, Ситара предупреждала...

Он не уловил миг, когда земля перевернулась, мощный удар, ноги взлетели в воздух, он грохнулся навзничь, ошарашено смотрел в страшное залитое кровью лицо брата, злое алое светило подсвечивало сумасшедший блеск его глаз, от чего они выглядели еще более зловещими.

Кинжал черной молнией рванулся в груди, броня со страшным треском лопнула, наружу плеснуло алым, казалось там, под ней все превратилось в кровавое месиво. Тело будто бросили в огонь, боль широкой волной накатывала от груди, от нее в голове мутилось. Анри смотрел ошалело, на торчащее из груди лезвие кинжала, ощущал, как его заслон слабеет, и сила сферы рвется наружу, кончики пальцев уже вспыхнули недобрым светом.

— Умри! — завизжал призрак жутким голосом, с силой надавил на рукоять кинжала, тот по рукоять ушел внутрь груди.

Кровь широкими ручейками хлынула из уголков рта, Анри захрипел, сила прорвала защиту и ревушим потоком понеслась на волю, в мир, где сможет явить себя, жечь, давить, обращать в прах!

Воздух вокруг призрака задрожал, будто ударили сразу в тысячи громадных колоколов, он услышал немой звон, в черных безумных глазах блеснул испуг. Звон превратился в свист, могучая магия черной сферы затрещала в воздухе.

Страшный вихрь сорвался с пальцев Анри, подхватил призрака как старую тряпку, с силой бухнул о стену храма. Кинжал вылетел их ослабевших пальцев, с глухим бряцаньем упал на землю перед Анри, сталь стала тусклой и безжизненной. Черные змеи молний больше не извиваются по лезвию, сфера поглотила темное колдовство. Она втягивала его как сухая губка влагу.

— Не — е — ет! — завопил призрак. — Останови это, она сожрет меня, сожрет твоего брата!

— Прощай Жан, — произнес Анри страшным голосом, в глазах плясали зловещие алые огоньки, — прощай навсегда.

Черная воронка рванулась к стене разрушенного здания, кирпичи с треском полетели внутрь вихря, стена вздулась пузырем, лопнула. Анри напряг волю, потянул вихрь назад в сферу, тот рычал и сопротивлялся, еще не утолил жажду разрушения.

Темная сила хотела обрушиться на труп древнего города могучей бурей, стереть в пыль даже память о жутком прошлом. Анри на мгновение усомнился: А не стоит ли, действительно, развеять прах этого ужасного города над бездной, что и не город а лишь тень прошлой славы?

Пока размышлял, каменные стены содрогались от бешеного рева, пыль поднялась громадным желтым облаком, летела в глаза, набивалась в открытую рану. Повеяло дурно пахнущим, трупным запахом. Анри приложил ладонь к раненой груди, кровь струйками сбегала между пальцев, боль рвала на части уже не грудь, тянула жилы из глубин души, глаза

застылала черная, трепещущая при каждом ударе сердца пелена.

Наконец вихрь унялся, Анри трянуло, мир перевернулся, над ухом прогрохотало, посыпались осколки небесного свода, нет, это вихрь осыпал его градом из мелких камешков. Голова едва не треснула от боли, а зубы стучали, будто сутки простоял на лютom морозе.

Сфера лежала рядом, в темном пламени, как в зеркале отражалось его лицо, тощее, похожее на череп обтянутый кожей, в темных глазницах горят красные злые огни, трепещут, словно костер на ветру.

— Нет, — прошептал Анри сдавлено, потянулся рукой к лицу, пальцы наткнулись на привычную упругую кожу, под ней жесткие мышцы, и только потом нащупал кости.

Что же тогда в сфере? Или кто?

Рана на груди страшная, черная, с обожженными краями, похожая на те, что зияли между ребер Жана. Колдовское оружие, подобное тем кинжалам убивает сразу, он Анри жив только потому, что защищает Сфера. Могучая сила, способная вырывать деревья с корнями, струится через его тело и как горная река смывает порчу, яд темного колдовства. Пока сфера с ним, до тех пор и бьется сердце.

Анри со злостью плюнул кровью наземь. Тяжелый хрип рвался из груди наружу, внутренности будто покрывались холодным и тяжелым льдом, Анри поднялся на локтях и рухнул на пол.

Сфера приятно оттягивала ладонь, древнее колдовство разливалось по его венам, тут же воспламенялось, как масло, пролитое в огонь. Он направил его к ране, ударил потоком силы изнутри наружу, желал вытолкнуть скверну из раны, избавиться от мертвого холода внутри.

Темный крупный сгусток крови, как живой, выскочил из раны наружу, шлепнулся на землю, камень окрасился багрово — красным. По черным рытвинам доспеха побежала, как по руслу, речушка крови. Темная, сама чуть светлее копоты на серебристом нагруднике. Кровь бежала, не останавливалась, с каждой каплей жизни в теле остается все меньше, но и того, темного поубавилось. Уже не ощущал льда под кожей, но гадкое чувство инородного осталось.

Анри с брезгливостью выгнал всю темную кровь из тела, а когда последняя струйка выскользнула наружу и побежала по нагруднику вниз, щелкнул пальцами. Сияние сорвалось с пальцев, темный ручеек крови превратился в твердую корку, высох, закупорил страшную рану.

Ситара бы меня убила, ведь предупреждала, чтоб я не пользовался темной силой. Она меняет меня, уже чувствую, как внутри все движется иначе, иначе кровь бежит по телу, сердце бьется в чужом ритме.

Анри неспешно поднялся на ноги, руки положил на ремни нагрудника, подождал немного, тот щелкнул тихо, отпал. Под ним все темное, липкое от крови. От дырявой брони что толку, одна обуза.

Анри зябко передернул плечами. Подземные ходы, заброшенные храмы, некроманты и призраки — сплошной кошмар. Человек рожден жить, а не пресмыкаться в катакомбах как червь! Он должен чувствовать кожей лучи солнца, грудью вперед ломиться навстречу ветру или утренней заре. Можно и звездам. Но всякий раз, когда подынешь взор, не важно, палящее лето или лютая зима, над головой должен вздыматься огромный купол неба. Не злого и красного, как адское пламя, а голубого, чистого, к которому хочется прикоснуться.

Неправильный мир злил Анри, внутри волной поднимался гнев, хотелось скорее вернуться домой. Он искоса глянул на темную серебристую гладь исполинского зеркала и

Твердым шагом двинулся вперед.

Глава 27. Око демона

Иноземье. Хлерогарн. Храм ревущей бездны.

Фарамонд горделиво вошел в распахнутые ворота священных покоев, куда могли входить лишь верховные жрецы и посланники бездны. Он быстрым шагом направился к трону, красивый и надменный, с угрожающе выдвинутой нижней челюстью и гордо разведенными плечами, могучие мышцы красиво перекатывались под одеждой. Стражники со страхом смотрели ему в след: весь темный от засохшей крови, из — за правого плеча угрюмо смотрит рукоять тяжелого клеймора, на левом бедре — волшебным огнем сверкает рукоять меча.

Серая сталь не украшена алмазами, рубинами или сапфирами, только металл, простой и грубый. Но у многих сердце наливалось тяжестью при взгляде на эту рукоять, а в груди становилось холодно и тесно от страха. Салранорский меч, клинок некроманта. Этот крепостью не уступает альвским, но колдовской, в руках истинного мастера меч превращается в смертоносный вихрь.

Несколько стражников, из самых смелых, осторожно шагнули вслед за ним, хотя запрет на вход распространялся на всех, кто не носит жреческих сутан.

Фарамонд сидел на золотом троне, суровый и невозмутимый, не обращая внимания на храмовников с оружием, лишь когда подошли ближе, приподнял руку и слегка коснулся кончиками пальцев рукояти меча. Стражников сдуло, будто сухую листву, торопливо отбежали на расстояние полета стрелы и выглядывали из — за колон, как крысы. Уже знали, какая участь настигла Волгара.

Перед воротами на храмовой площади собралось немало отважных воинов, храмовников и просто отборной стражи. Фарамонд знал, что будут брать штурмом, головы положат, но выкинут прочь из покоев гадкого святотатца. Он знал, но не шелохнул и бровью, по — хозяйски уложил руки на широкие подлокотники, из концов которых наружу выступают золотые пасти демонов, еще одна, страшная с рубиновыми глазами нависает над головой.

Фарамонд торжествовал, он отомстил за поруганье, осквернением целого храма, и не простого — главного!

— Этот храм больше не принадлежит жрецам бездны. Они не смогли защитить его! — произнес Фарамонд свирепо. — Выберите себе нового жреца, более достойного, иначе боги проклянут вас, и вы погибнете во тьме!

Толпа за воротами загудела возмущенно, некоторые, особо недовольные, в их глазах горела ярость, бросились к распахнутым воротам с оружием в руках. Фарамонд встретил их громким и страшным смехом. А когда заговорил, голос покатылся громовыми раскатами, будто сама бездна говорила через него:

— Глупцы! Во мне бушует сила того, что вы зовете ревущей бездной! Войдите и узнаете мой гнев! В этот зал могут входить лишь высшие жрецы!

Фарамонд в одно мгновение пересек роскошный зал, соскочил на гладкий, изукрашенный золотом, мраморный пол. Кулак мелькнул с такой скоростью, что толпа ахнула, все видели: громадный храмовник, отлетел от порога, как мальчишка. Он упал и больше не двигался. Когда подошли ближе, увидели что лицо стража все залито кровью, она лилась из громадной и жуткой дыры в черепе.

— Приведите мне бывшего верховного жреца! Или я напою ваших детей вашей же

кровью! — проревел Фарамонд.

Горгадор, высокий седовласый альфарец, оцепенел, лицо пошло багровыми пятнами. Выпученными глазами смотрел то на стоящего у врат салранорца, то на толпу, что мечет пытливые взгляды в его сторону. Мало кто знает его в лицо, но ведь предатели всегда ударяют исподтишка. Его предали, но кто? Кто — то из жрецов Лунного лика, наверняка они наняли салранорца, провели его в сердце города.

В толпе сдавлено хихикнули, Горгадор испугано дернулся, будто демон протянул по спине огненным бичом.

— Я вижу тебя, жрец, иди сюда, пока я не приказал твоим прихвостням разорвать тебя на кусочки! — крикнул Фарамонд зло. — Горготов не приведут, тебя предали жрец! Ты больше не нужен бездне, разве что на корм.

Горгадор гордо вскинул длинный подбородок, расставил плечи, как старый, но еще могучий коршун, шагнул вперед, толпа перед ним расступилась, как море перед пророком.

Поступь верховного жреца еще тверда, кажется, земля под ним вздрагивает, а когда вдыхает, то втягивает в себя весь мир. Каждое движение пронизано величием, гордостью за свой народ, и властью. Больше народа Горгадор любил лишь покорный ропот толпы, восхищенные взгляды, суровую преданность храмовников. Даже демоны принимали за своего, не смотрели как на сочный кусок мяса. Стальноглазые шасрагхи, и могучие властители — гахтураты признали в нем перерожденца из мира магм и кипящего железа. Он кровь от их крови, альфарец с темной душой обитателя глубин, проводник воли бездны.

— У тебя дерзкий язык, салранорец, но я вижу на тебе печать владык подземелья. Рад, что ты, отринув падшее и наконец, принял нашу веру. Отныне ты не изгой! Бездна примет твоё кровавое подношение, — произнес жрец властным могучим голосом.

— Я взял силой то, что ты вымаливал на коленях жрец! — проревел Фарамонд, вены канатами вздулись на толстой шее, лицо покраснелось, как раскаленный щит. — Сегодня я поднесу бездне и твою голову, уверен тебя там заждались!

Глаза Горгадора сверкнули таким злым и острым блеском, что храмовникам показалось, салранорец упадет замертво. Но лишь на мгновение прорвались искры ярости, за века жрец научился управлять гневом, тот стал могучим оружием, верным помощником.

— Ты молод Фарамонд, — произнес спокойно жрец, — твоя жизнь только начинается. Не смотря на салранорскую кровь, ты не сможешь прожить и половину того, что я уже прожил. Бездна не подвластна тебе. Да я стоял на коленях перед ее мощью, но именно так завещали нам предки. Думаешь, ты смог покорить тех, кто не знает поражения?

— Я сделал то, на что ни один из вас не способен! — прервал Фарамонд гневно. На его лбу пролегли глубокие складки, верхняя губа дернулась вверх, обнажила ряд белых крупных зубов.

— И я возьму то, за чем пришел, вместе с твоей жизнью, жрец. Не важно, хочешь ты этого или нет!

Тонкие бледные губы Горгадора растянулись в усталой улыбке.

— Думаешь, если научился поигрывать мышцей, мир встанет перед тобой на колени? Ты много не понимаешь, и не поймешь, твой век слишком короток, глаза слепы, а предки покрыты золой пеплом и землей. Все что ты можешь — выполнять как пес чужие приказы, даже не зная, зачем ты делаешь то, что делаешь, и куда ведет этот путь!

— Ты ошибся жрец, — ответил звонкий женский голос за спиной.

Толпа испугано откатилась назад, разлетелась, как волна, брызгами, от крутого

скалистого берега. Гордаор медленно, будто двигался в воде, обернулся.

Там за спиной, стояла ослепительно прекрасная женщина, золотые волосы красивым водопадом ниспадают на плечи, будто действительно отлиты из благородного металла. Черное с глубоким вырезом платье открывает взгляду соблазнительную впадинку между высокими и большими полушариями груди. Полоса ткани такая тонкая и узкая, что кажется, вот — вот две половинки выпадут наружу. Горгадор задумчиво вскинул бровь: Слишком молодая и страстная чтобы накопить столько могучей силы, темной, злой, изворотливой. Теперь понял, что за игру затеял салранорец, он пришел в Хлерогарн не за мстью. Он проводник...

— Ты отдашь нам Око, жрец — произнесла женщина уверенным тоном, — и возможно мы оставим тебе жизнь.

— Вам никогда не увидеть око, — ответил старый колдун медленно и очень тихо, словно мышшь пробежала по ворсистому ковру. — Никогда, если я не укажу.

— Я выбью и него эту дурь! — рыкнул Фарамонд, глаза блеснули огнем бездны.

Чужая сила глубин только и искала возможности вырваться, а тут такой случай! Он рывком выхватил меч из ножен, сталь полыхнула темным магическим пламенем, лезвие описало дугу, уперлось точно в горло Жрецу, тот даже дернуться, не успел. Тонкая алая струйка побежала из узкого разреза на коже, жрец напрягся всем телом, на скулах проступили рифленые желваки.

— Поиграем мышщой, старик!

— погоди, Фарамонд, — произнесла Леонор мягко, ладонью отодвинула лезвие от шеи колдуна. — Не спеши.

— Ваш род давно не обладает старшим арканами. У вас нет защитника, — прибавила она все тем же сладким голосом, но так что у Горгадора по спине пробежал холодок. — Не лучше ли сохранить власть, и обрести заступника, вместо того чтобы погибнуть и обречь целую касту жречества на века унижения и бесчестья.

Толпа с затаенным дыханием следила за разговором, на другом конце площади показались всадники в сверкающей броне: металл отливает серебром, издали видны обнаженные лезвия мечей, вздымаются острия копий.

— Бездна наш щит и меч, о великая, — прошептал жрец, — тебе ли не знать.

* * *

Близилось утро, луна светила в полсилы, магическое зеркало залило площадь перед храмом тусклым сиянием. Здесь и там, вокруг храма загорелись костры, это встали лагерем рыцари лунного лика, и просто горожане, сражение на главной площади Хлерогарна не прошло незамеченным.

Там, по ту сторону кратера, брезжил серый рассвет, конные отряды храмовников собирались толпами, поглядывали на брошенные посты, посмеивались, отпускали шуточки про салранорца. К воротам Хлерогарна двигался исполинский стальной змей из доспехов мечей и копий. Мало кто заметил, как распахнулись, словно исчезли, ворота. Их снесло могучим потоком закованных в латы храмовников, их тяжелых, покрытых пластинами, лошадей.

Кровавый отблеск сигнальных костров заиграл на доспехах и вскинутых мечах. Рыцари

неслись по туннелю с тяжелым грохотом, массивные скакуны, бряцали сбруей, как и хозяева все в доспехах, под черно — красными попонами. Но отряд не сразу заметили, наблюдая за битвой на храмовой площади города.

Кто — то вскрикнул:

— Тревога! В город ворвались! Тревога!

В следующий миг смельчак упал ниц на гладкий камень мостовой, из спины торчал стальной клюв копья, острие окрасилось алым, одежда быстро потемнела от крови.

Возглас услышали лишь немногие. Отряд тяжеловооруженных всадников налетел на редкую цепочку защитников, как таран на ворота. Они даже не сбавили бешеного галопа, с грохотом пронеслись по площади, оставив за собой десятки изрубленных тел.

Храмовая гвардия, гордо вскинула двуручные мечи, встала черным заслоном, если на салранорца нападать страшились, то против таких как сами воинов выступают с радостью. Порубить врагов или погибнуть героями, для них равно. Храмовники боялись лишь неодолимого колдовства, для того есть жрецы, их дело сражаться магией против магии, а их — сталь на сталь!

— Впере — е — ед! За бездну — у — у! — заревела черная стена защитников, понеслась вперед навстречу грохочущему стальному змею.

На той стороне площади, в тылу всадников, стал собираться крупный отряд городской стражи, сотник размахивал мечем, спешно выстраивал их в ровный квадрат. Все укрыты круглыми щитами, в легких пластинчатых доспехах, между щитов выставили длинные копья, их верхушки угрожающе поблескивают.

Из окрестных домов к храмовой площади поспешно выбегали люди с оружием в руках, самые храбрые становились за линией щитов, в тылу закованных в доспехи воинов, остальные с интересом смотрели на битву у стен храма.

Всадники со страшным грохотом вломились в ряды защитников, грозно заблестел металл в увядающем свете луны, воздух заполнился криками воинов, громким ржанием лошадей. Мечи разили без промаха, звонко ударялась сталь о сталь, строй защитников дрогнул.

Землю кровавым ковром укрыли могучие тела в доспехах из вороненой стали. Но и всадники падали из седел, тяжелые клейморя защитников проминали шлемы как бумагу, алые брызги разлеталась в стороны. Даже воздух стал солоноватым на вкус от пота и крови.

Сзади послышался топот тяжелых сапог, один из всадников спешно развернул коня, но не успел и глазом моргнуть, копьё впилося стальным жалом в шею. Он захрипел, выронил меч, обе руки ухватились за копьё. Сильным рывком он вырвал острие из горла, потянул на себя. Гвардеец ошарашено смотрел как залитый кровью всадник, со страшной раной в шее, выдернул копьё из его рук. Он торопливо, ухватился за рукоять меча, но храмовник уже перехватил копьё в обе руки, ударил под щит, прямо между пластин брони. Всадника тут же проткнули, он рухнул с коня, забился о камень в агонии, но и гвардеец со стоном упал рядом, кровь мощными толчками изливалась из пропоротого брюха.

Атака храмовников захлебнулась, их догоняли и били в спины. На камень один за другим падали пронзенные копьями рыцари, кони неистово ржали, бегали с опустевшими седлами. Но горстка всадников, вместе со стальноруким предводителем, сумели прорваться за линию копий, в туннель, там бросили коней и затерялись в черноте подземелья.

Все трое, жрец, Леонор и Фарамонд спокойно следили за исходом сражения. Обе стороны разбиты, кровь страшными ручейками бежит между камнями мостовой, как вода

после дождя. Площадь завалена горами трупов, в серебристых и черных доспехах. Цвет рыцарства увял, защитники храма пали в бою за храмовую площадь. По гладкому лицу Горгадора пробежала скупая слезинка, маленькая, почти незаметная, он проворно смахнул ее пальцами, произнес сурово:

— Вы очень хитры. Я отдам сферу, но потребую взамен слово.

— Чего ты хочешь, жрец? Жизнь? — спросила Леонор холодно.

— Слово, что салранорец возьмет в жены мою дочь.

— Этого не будет, — ответила она, в голосе проступил металл, — проси иное.

— Нет иного. Или так, или вы никогда не найдете сферу, а мой род прервется. Но это уже не имеет значения, правда? — произнес Горгадор властно, вновь расправил плечи.

Знает негодяй, что у нас нет выбора! Леонор сжала зубы с такой силой, что раздался треск, серые глаза вмиг заполнились густой чернотой.

— Хорошо, жрец. Пусть будет так, — кивнул Фарамонд, — я даю тебе слово, возьму твою дочь себе в жены.

— Что! — воскликнула Леонор, — ты с ума сошел?

Голос Фарамонда упал до шепота, он нахмурил брови, что — то буркнул. Леонор покачала головой, посмотрела на него влажными от слез глазами. Она захлопала ресницами быстро — быстро, дерзко вздернула подбородок, но в глазах все равно щипало, горячая волна подкатывала к глазам, вот — вот прорвется, побежит ручейками по щекам.

Леонор молча наклонила голову, закрылась от мира золотистой ширмой длинных красивых волос. Фарамонд видел, как пара крупных капель упали к ногам, на белый мрамор.

— Ты не посмеешь этого сделать, — произнесла она мрачно.

Фарамонд легко подхватил ее за талию, прижал к себе. Хотел бы взять на руки, стройная Леонор всегда была легче перышка, но незачем проклятому жрецу видеть ее слабость. Так и подмывало ухватиться ладонями за его тощую шею, ощутить, как лопаются позвонки под пальцами, хрустят.

Он ласково провел ладонью по ее спине. Тяжело понять женщину, а тем более — могущественную колдунью: что ее так расстроило, неужели глупое требование жреца, или его Фарамонда слова. Что для него та альфарская девчонка? Как только получают камень можно снять головы обоим, и отцу и дочери. Почему тогда Леонор расстроена?

Она тихо всхлипнула и суетливо закрыла красивыми ладонями лицо. Инициация прошла совсем недавно, Леонор чувствовала, что стала ранимой, раньше раскаленным железом из нее слезы не выдавишь, а теперь ревет как дура. И только подумала, как внутри все будто заполнилось горячей сталью, захотелось, стереть в порошок всех кто видел ее слезы. Всех! Хотя нет, Фарамонда не станет, пускай живет, а вот остальных...

— Посылай за дочерью, жрец, — сказала Леонор, в голосе прозвучала сталь. — Я сама обвенчаю их. Клятвой крови.

— На меньшее я бы не согласился, — произнес жрец тихо.

Фарамонд усмехнулся, в глазах блеснуло злое веселье:

— Даже негодяи любят своих детей, да Горгадор?

— Тебе не понять. Твоя жизнь лишь мгновение.

— Вот поэтому мы не прячемся под землей, потому храбры как тысяча львов, потому идем до конца и не оборачиваемся. Именно потому ты отдашь нам око. Потому что твоя жизнь — это тягость, от нее тяжело отказаться. Тебе незачем стараться, и так проживешь тысячу лет, а может и все десять, если при власти, да за толстыми стенами.

Горгадор покачал сокрушенно головой, за долгие годы привык к человеческим мыслям, но все равно слова задевали за живое. Только что он потерял лучших из своих людей, многих знал еще детьми. Ох, с каким удовольствием он бы развернул кинжалом грудь салранорца, вынул сердце, живое, еще бьющееся, теплое.

— Калиэль вскоре придет, поле того как вас обвенчают — я отдам око.

Жрец подал рукой знак одному из стражников, высокому темноволосому альфарцу в вороненой броне. Нагрудник храмовника напоминает сито, весь в дырах, сильно проломлен, наружу сочится тоненькими струйками кровь, но подбородок гордо выпирает вперед, и шаги твердые, будто не его втоптал в землю боевой конь. На лице постоянно блуждала глуповато — счастливая улыбка, видно гордился тем, что выжил в страшном бою.

— Приведи мою дочь, Харгадур, и поскорей, — произнес верховный уставшим голосом. — Наши гости не умеют ждать.

В глазах храмовника блеснули странные огоньки, он вежливо поклонился и исчез за воротами храма. Фарамонда стали грызть сомнения: а не удумал ли старик, какую пакость. С него станется, терять нечего. Может решил уничтожить сферу?

Внутри дернулось, в животе закололо холодным иголками, он тут же схватился за меч, угрожающе зазвенел металл.

— Если будешь юлить — убью на месте! — рыкнул Фарамонд.

— Он не станет, — ответила Леонор спокойно, кажется уже пришла в себя, выглядит как и прежде уверено, лишь между бровями пролегла глубокая морщина.

Фарамонд однако, оружия не спрятал, так и стоял с мечем, когда ворота распахнулись. В комнату быстро вошел уже знакомый высокий, с темными до плеч волосами раненый храмовник. Достаточно было взглянуть ему в лицо, чтобы сразу понять: девушку он не привел.

Леонор и Фарамонд переглянулись.

— Где Калиэль? — спросил жрец, поднял тонкие седые брови.

Храмовник торопливо огляделся по сторонам, глаза живые, никакой враждебности, что уже подозрительно. Фарамонд обратил внимание на его расслабленные мышцы, руки двигаются слишком уж вяло, мужественный подбородок более не выпирает вперед, а в глазах чрезмерно много мягкости и уступчивости. Храмовник больше напоминал женщину, но не внешне, внутренне.

— Калиэль мертва, — ответила Леонор, подняла взгляд черных как ночь глаз. — Твой рыцарь зарезал ее как свинью. Она долго визжала, пока я перерезала ей глотку. — Ты принес ее голову?

— Да, госпожа, — послушно ответил храмовник, — как вы и велели.

Фарамонда будто окатили из ведра холодной водой, в голове прояснилось: так вот откуда загадочный блеск, вялые движения! Леонор подавила волю стражника арканом, и тот послужил живым орудием мести!

Губы жреца задрожали, ноздри гневно раздулись, красные глаза вспыхнули недобрым пламенем. Рука взметнулась вверх, проворно и резко, кончики пальцев загорелись кроваво — красным огнем колдовства. Леонор не стала ждать, пока жрец метнет заклятие, ударила заготовленным арканом прямо в сердце. Невидимая стрела вылетела из глаз, воздух загудел, в нем запахло грозой. Сгусток темной энергии впился в жреца, но разлетелся брызгами, как лед об стену.

Вокруг Горгадора загорелся огненный ореол, красные вспышки бежали по гладкой

поверхности мрамора, под ноги сыпались яркие горячие искорки. Он выставил руку вперед, будто держал в ней незримый меч, шагнул вперед прямо на Леонор.

— Ты заплатишь за ее смерть, — прошипел свирепо жрец.

За его спиной из воздуха возникли два громадных, похожих на драконьи, крыла. Только не кожистые, а из жидкого огня, багровые языки пламени побежали от них во все стороны, очертили круг.

Леонор воззвала к могучей силе старшего аркана, темная злая сила побежала через нее с ревом и клокотанием. Брызги черноты сорвались с кончиков пальцев, следом за ними потянулись длинные хвосты серого дыма. Раскаленные сгустки мрака налетели на жреца, как рой слепней, стали ударять в пламенный кокон, оттуда выстреливали тонкие струи огня, разрывали черноту в клочья, но и защита утончалась, с каждым ударом свечение пламенного круга все слабей.

— Ну же, Горгадор, неужели это все на что ты способен? — рассмеялась Леонор. — Это все чему научила тебя бездна за тысячи лет?

На лбу жреца вздулись от напряжения вены, проступили тугими канатами сквозь кожу, пот катился градом, заливал глаза. Он пропускал все слова мимо ушей, пускай распинается ведьма! Сейчас главное закончить связующее заклятие.

Леонор надоело играть со жрецом, она зачерпнула еще силы, на этот раз столько, что перед глазами поплыло, в висках заломило, мимо воли широко распахнулся рот. Она вдохнула, так жадно, что кольнуло в легких. Подготавливать аркан не было времени, ударила грубой силой, ее хватит, чтобы расплющить целую армию, не то, что одного жреца!

Фарамонд шустро отскочил ей за спину, чтобы не раздавило могучим колдовством, точно неповоротливого жука. Как раз вовремя, там, где стоял, поднялась стена черных как ночь копий. Острия мигом развернулись в сторону жреца, тот закрыл глаза и что — то сбивчиво шептал, его голос с каждым ударом сердца становился все тише, суше. Уже не слышно, все заглушил рев темной силы.

Наверняка молится бездне, что еще остается? — решил Фарамонд. С ухмылкой наблюдал, как тысячи толстых колдовских копий вонзаются в огненный барьер, проходят сквозь него как раскаленный нож сквозь масло. Защитный купол растаял, зашипел как облитая водой зола и опал.

Загрохотало страшно, земля задрожала, в воздух брызгами взлетели обломки благородного мрамора, вперемешку с обломками мебели и ворот. Повалил густой черный дым, там, куда ударили колдовские копья — распахнула голодную пасть широкая дыра. Фарамонд заглянул внутрь и тут же отскочил обратно, как ошпаренный, смотрел на Леонор с разинутым ртом.

— Там, там демон! — выкрикнул он наконец. — Леонор, там тварь из бездны!

Она посмотрела на него мрачно, на лице возникло озабоченное выражение: только этого не хватало.

Из разлома в полу показалась длинная, похожая на конскую голова. Со лба торчат громадные рога, вывернутые остриями вперед, глаза сверкают неугасимым пламенем бездны, и силой. Демон раскрыл громадную пасть, издал свирепый рык, от него заложило в ушах, в ногах появилась дрожь.

Леонор поняла, что придется выложиться по — полной. Сосредоточилась, даже губу закусила от напряжения. Демон проворно, как ящер, вылез из ямы, расправил огромные черные крылья. Все светильники мигом угасли, их будто задуло шквальным ветром. Стало

темно как ночью, она еще раз воззвала к черной башне, мраморные плиты закрипели под подошвами ее туфелек, как под многотонной статуей. Камень затрещал жалобно, во все стороны побежали тонкие трещинки.

Леонор видела, как тварь замахнулась громадной лапой, как рассекают воздух длинные черные когти, каждый длиной с меч! Заклинание сорвалось с ее губ в тот момент, когда острый коготь уже впился в руку, из раны струйками брызнула кровь. Она упала на пол, перед глазами закружились цветные мухи, правое предплечье жжет, будто облили кислотой. Испугано зажмурилась: сейчас тварь ударит снова, и тогда все тело стеганет жгучей болью, она вскрикнет страшно, на белый мрамор хлынет рекой кровь из рассеченного тела.

Прошло мгновение, потом второе, но удара не последовало. Леонор проворно поднялась, на ноги, перед глазами до сих пор пляшут разноцветные брызги. Каблук уперся в что — то упругое, похожее на щупальце осьминога. Она опустила взгляд, там под ногами лежал громадный, покрытый крупными волдырями язык. Рядом валялась рассеченная пополам голова, из нее наружу вытекала густая черная жидкость, похожая на деготь.

— Он мертв, я прихлопнула его, как муху, дорогой! — выкрикнула Леонор. Ответа не последовало, лишь тихо потрескивали остатки колдовства в воздухе. На ее лицо будто упала пепельная тень, глаза потемнели. — Фарамонд!

— Я здесь, — донесся слабый голос со стороны. — Я здесь, Леонор.

Она бросилась на звук, как мать к плачущим детям, там, в пыли, среди груд камня и тлеющих обломков мебели лежал человек. На его боку зияла страшная, с рваными краями рана.

— Что с тобой? — спросила она встревоженным голосом.

— Немного прижало. Так мелочь. Зато посмотри, что у меня есть! — он протянул руку с чем — то завернутым в ткань, с пальцев вниз сбегала крупными каплями кровь.

Леонор откинула в сторону обгоревшую ткань, полные губы растянулись в широкой улыбке.

— Ты наше око, ты гений!

— Я знаю, — ответил Фарамонд тихим голосом. — Но есть и плохая новость, милая.

— Какая?

Фарамонд плотно сжал губы, будто считал, что если помолчит, то дурная весть исчезнет, растворится как кошмарный сон.

— Я видел твоего мужа. Он сейчас входит в храм. Тот, о котором столько легенд. Он идет за мечом.

Глава 28. Последнее желание

Иноземье. Мир мертвых. Храм судеб.

Анри стоял на ступенях храма, мрачный, в забрызганных кровью, черных от копоти доспехах. Длинные прямые волосы ниспадают до плеч, пряди уже не просто седые — белые как снег. Глаза запали, кажется там, внутри черепа горят два злых красных огонька. В громадном серебристом зеркале отразились посеченные латы, сабля в руке горит синим магическим светом, пальцы другой сжимают само сердце мрака — черную сферу.

Он еще ничего не видел, кроме широких, как трехсотлетние дубы, колон, но в груди остро кольнула тревога. Тишина и спокойствие, не затишье ли перед бурей?

В лицо пахло мертвым сухим воздухом, легко угадывался запах тлена. Внутри храм напоминал громадный заброшенный склеп. Анри поднял взгляд, на стенах видны широкие желтые пятна слабого света, масло горит в каменных светильниках, те сработанны в виде сложенных лодочкой ладоней. Но между колонн темно как ночью. Верхушки каменных столпов также теряются во мраке.

На стенах изображены чудовищные звери, воины — скелеты с оружием в костяных руках, между ними мерцают магические знаки и узоры. Там дальше видно громадную статую змея, он будто выныривает из стены, опутывает испуганного человека тугими кольцами, пасть угрожающе раскрыта, наружу выпал длинный раздвоенный язык. Особое внимание привлекали глаза, два изумруда, каждый размером с кулак. Но нигде и следа паутины, заброшенные склепы даже за месяц так обрастают вязкими паучьими сетями, что когда идешь, налипают на плечи, голову. А здесь все иначе, гладкие мраморные плиты на полу блистают чистотой и богатством. Подножия колон отделаны золотом, в витиеватых орнаментах блещут мелкие самоцветные камни. И ни одного паучка, хоть бы один...

Анри шагнул вперед, мягкий магический свет позволял видеть дальше, из темноты вынырнули оскаленные пасти драконов, за ними потянулись узкие и длинные стойки с оружием. В тусклом свете ламп поблескивают острия мечей и копий, клинки свежие так и отбивают свет, будто вчера из кузни. Но еще удивительней, что не стоят рядом те мушкеты, не видать и диковинных лат, какие видел в подземно жилище. Все вокруг привычное, знакомое, будто попал обратно домой, в родной мир.

Он спустился по ступеням вниз, песок под ногами тихонько поскрипывал, тут внизу еще жарче, воздух совсем жесткий, от него во рту сразу пересохло. Анри ощутил, что перед глазами колышется. Он с усилием тряхнул головой, отогнал наваждение, глаза проворно бегали по сторонам, острым взглядом ощупывали каждый угол.

Зал внизу оказался еще шире и богаче предыдущего, тут нет колон, от стены до стены не меньше ста футов, но становится тесно от исполинских статуй. Черные, будто заполненные мраком, великаны в длинных одеждах, грозно нависают над головой. В широких ладонях держат тяжеленные мечи, каждый в два человеческих роста, острия гордо смотрят вверх, во тьму. Так и кажется, сейчас взмахнут и разрубленное тело рухнет к их громадным стопам. Анри недоверчиво взглянул на лица, скрытые насунутым на глаза капюшоном. Нет, на Жана не похожи, хотя издалека...

По гранитным стенам вверх ползут все те же страшные каменные твари, барельефы поднимаются до самого свода. Но даже там вверху, под аркой, уселись каменные драконы,

над головой застыл в полете грифон, рядом иные крылатые звери, даже названия которых не знает.

Анри увидел, как что — то шелохнулось впереди, во тьме за спиной каменного исполина. На шлем сверху посыпались мелкие камушки, щелкнули по макушке, он поднял голову и оторопел, там между статуй, во мраке горели красные огоньки. Следом вспыхнула еще пара, и еще...

Весь свод озарился зловещим алым сиянием, яркие отсветы заблестели на поверхности гладкого мрамора, стало светло, будто одновременно зажгли сотни колдовских свечей. Анри вскинул саблю над головой, готовый сечь и рубить врагов, но когда присмотрелся, понял, что статуи все так же неподвижны и мертвы. Он хлопнул себя по затылку: вот ведь глупец!

Теперь видел, за спинами статуй, посреди зала гордо и одиноко вздымается над землей невиданных размеров меч. Этот выше даже великанов в капюшонах, острие воткнуто в землю, а рукоять упирается наверху в арочный свод. По блестящему лезвию, шириной в десяток локтей, бегут яркие сполохи, исполненные мощи, надменности и силы. Клинок расколот могучей магией на части, она извивается змеей между осколками металла, в воздухе бесшумно вспыхивают и угасают синие молнии. По центру меча высечены тайные знаки — руны, наверняка тоже колдовские, горят уже знакомым мягким голубым огнем.

Анри молча пошел к мечу, массивные сапоги глухо застучали по полу, рука сама потянулась к лезвию, пальцы почти коснулись мерцающей колдовской стали, как над ухом прозвучал голос:

— На твоём месте я бы не стал.

Анри обернулся, глаза оживленно забегали по сторонам, там никого, кроме грозных гранитных исполинов, и их мечей.

— Зря ты сюда пришел, — произнес голос зловеще. — Назад пути нет.

Воздух в зале заполнился густым, как кисель, дымом, из него наружу проступили тонкие очертания, следом появились еще линии, между ним два огромных просвета, так похожих на глаза. Струйки дыма сплетались в ужасный узор, Анри уже ясно различал пустые глазницы, черную дыру на месте носа. Еще через мгновение над ним в воздухе зависло облако дыма, в форме громадного голого черепа.

— Кто ты? Отвечай! — спросил Анри.

Голос его был хмурый, раздраженный. Снова призрак, или еще что похуже? Неужели все вокруг, и пустынные улицы, и величественные храмы, заполнены одно лишь нежитью! Что ж, если хотят боя, посмотрим, кто победит, ведь на его стороне могучая и свирепая магия черной сферы!

— Я смотритель, а вот ты — вор. Вора́м здесь не рады, чужестранец. Ты умрешь в этих стенах, — произнес череп низким, мертвых голосом.

Анри проговорил спокойно:

— Отдайте мне меч, и я уйду. Никто не погибнет, хотя я с удовольствием сжег бы весь этот город дотла.

— Как все просто! — рассмеялся зло череп, струя дыма выскользнула из его рта, ударила Анри в лицо. — Ты даже не понимаешь что говоришь! Ты забавный человек, может мне не стоит так быстро убивать тебя?

От дыма в легких стало сухо, в горле заскребло, он закашлялся.

— Думаю, у тебя не выйдет, — сказал Анри твердо, — Можешь даже не пробовать, как по мне, то лучше договорится, я уже устал от постоянных сражений.

— А ты дерзок, человечиска! — проревел череп грозно.

— Здесь все не правильно, я устал от этого мира! Вы уничтожили его, превратили цветущие земли в унылую пустыню, города в руины, а людей в мертвецов! Я все видел! Сфера показала мне, что вы сотворили. Всему виной ваша жажда власти, желание повелевать народами!

Голос Анри звучал твердо, в нем ощущалась сила, от которой затрепетали даже каменные великаны с мечами.

— Ты убил последнего некроманта, теперь этот мир разрушится, — сказал череп мрачно. — Некому больше удерживать черное колдовство. Но меча ты не получишь, он мой, и только мой! А всякий кто коснется его — умрет.

— Почему тогда говоришь со мной, почему не хочешь убить? Разве я не твой враг?

— О, нет. Ты не враг. Ты такой же глупец, каким был я когда — то, — рассмеялся череп в ответ.

Облако дыма всколыхнулось, во все стороны брызнули тонкие струйки, похожие на лучи. Как нити, они переплетались, в воздухе появилась прозрачная фигура человека. Мужчина, коротко стриженный, с волевым, выпирающим вперед подбородком, в плечах пошире его самого, закован в броню, похожую на ту, что сейчас на нем, только новая, не в глубоких рывинах. Жесткое лицо, твердый взгляд, все выдавало в нем воина. Сразу вспомнились слова Тахукара, притча о братьях.

— Я не такой. Я не воин, — ответил Анри устало.

— Может и не такой, — ухмыльнулся череп, — но воин, сразу видно. Правда, меч все равно не отдам, хотя мне он не нужен.

— Почему же тогда?

— Я погиб, очень давно, и не здесь, но теперь сторожу меч. Я смотритель этого храма, и пока есть меч, до тех пор есть и я. Он проклят, — произнес он мрачно. — Страшные силы будут служить тебе воин, но потом и ты станешь их рабом. Не думай, что они, бесплатно дают силу. Ты заплатишь, и велика та цена!

— Тогда я возьму меч силой, — произнес Анри ровным голосом.

— Ты прав. Возьмешь..., сможешь взять..., хотя и моя сила велика! — донеслось спереди, из мрака.

Анри повернулся на звук, оттуда вышел на свет высокий, в два человеческих роста, воин. Он лишь отдаленно напоминал того, свитого из облаков дыма. Иссохшая кожа коркой облепила череп, внутри горят злым алым пламенем глаза, остальное тело покрывают старые, покрытые ржавчиной и трещинами доспехи. Но Анри был уверен, там под ним такая же сухая плоть.

— Ты мертвец.

— Да, все мы умрем! И ты тоже, воин, умрешь! Но этот меч, он заставит тебя служить и после смерти.

— Если я не завершу инициацию, то все равно погибну. Сила разорвет меня на части. Я чувствую это.

— Увы, герой, — сказал он. — Увы... И тебе, как и прежде мне придется делать выбор. Подчиниться или же дерзнуть, бросить вызов. Есть сила выше, чем сила людей.

— Что это за сила? — спросил Анри надменно, а глазах вспыхнули алые огоньки. — Ангелы? Боги?

Он выставил вперед руку, в которой сжимал полную черного огня сферу. Могучая сила

полилась через кончики пальцев в руку, лезвие сабли вспыхнуло ярким светом, будто его обили маслом и подожгли, только пламя не желтое, а сочного синего цвета.

Хранитель развел руками, произнес сурово:

— Мы ничто без богов, герой. Но даже боги не помогут тебе, если ты возьмешься за рукоять этого меча. Любой, кто коснется его рукояти, или лезвия — падает замертво. Лишь тот, чье сердце чисто, а прошлое во мраке, тот, кто идет между светом и тьмой может взять этот меч.

— Как твое имя хранитель? — спросил Анри, без страха взглянул в кроваво — красные глаза.

— Тор, — ответил мертвый гигант, — кода то многие знали это имя! Меня боялись и восхваляли, как бога! И самые великие герои преклонялись перед моей силой и силой этого меча! Я был известен во многих вселенных. Даже в истинном мире.

Голос великана угас, стал тихим как шелест листьев:

— Это было очень давно, теперь я лишь тень истинного мира, камень у его подножия. Призрак былой славы. Я устал. У меня осталось лишь одно желание.

— Что за желание, Тор?

— Я хочу, чтобы ты уничтожил этот меч! Сбросил в бездну гибель героев! О сколько отважных сердец он погубил! За него убивали, но и те, кто выжил, становились рабами меча.

Анри смотрел на него, окаменев, не в силах вымолвить и слова. Его брови сошлись на переносице, ослепительное сияние магии угасло, сабля вновь мерцала сдержанным магическим светом. Он отступил, не сводя с Тора пристального взгляда. Теперь ощущал, себя песчинкой в пустыне, маленьким и беспомощным ничтожеством. Что может он перед могучими силами, что правят мирами? Они поглотят его, как и этого, могучего героя, да что там — полубога! Ему захотелось страстно, чтобы все было как раньше, замок, хозяйство, охота и красивая жена дожидается у окна.

— Я не смогу, ты не смог, никто не смог, — произнес он мышинным голосом. — Неужели нет другого выхода?

— Я никогда не видел другого, — ответил Тор, громадной рукой по — дружески хлопнул Анри по спине. — Думаю, нет его. Но у каждого героя свои дороги.

От удара перед глазами потемнело, мир дернулся, как простыня на ветру, но Анри устоял, колени не дрогнули. От жары на лбу заблестели мелкие капельки пота, дыхание вырывалось из груди с гулким присвистом, будто ветер задувал в дуплистую корягу. Он посмотрел на великана, тот стоит без движения, издали спутал бы с изваянием, только глаза живо мерцают во мраке. Ждет, что он, Анри решит, сможет или нет? Отважится ли бросить дерзкий вызов судьбе? У него есть сфера, а значит, не лопнет как перезревший арбуз, сила сможет выходить наружу, так нужен ли проклятый меч? Но странный голос внутри нашептывал: конечно, бери, о чем тут думать, это же могущество и власть, и бессмертие! Об этом мечтает каждый!

Лоб покрылся глубокими складками, Анри надул щеки, выдохнул медленно и тяжело.

— Тор, если я пообещаю исполнить твое желание, ты отдашь мне меч?

Сказал и задумался, а правильно ли поступает, может это и есть испытание? Может надо, просто скрестить мечи, изрубить противника в честном бою, и лишь когда останки врага лежат у носков сапог — взять трофей!

Тор громко и страшно рассмеялся, Анри показалось, что по залам храма прокатывается гром, каменные исполины задрожали в ужасе, со сводов с треском посыпались вниз

шпукатурка и камешки.

— Отдам, а иначе его и не возьмешь! Кто берет для себя — подыхает на месте! Лишь тот, чье сердце чисто, а прошлое во мраке, тот, кто идет между светом и тьмой может взять этот меч, — произнес он сильным голосом. — Я же говорил тебе. Пойдем со мной.

Тор нырнул во тьму первым, Анри ринулся следом, в груди внезапно закололо, пришлось стиснуть зубы, чтобы не вырвался крик. Он приложил ладонь к груди, сердце билось сильно, вздрагивало под пальцами как пойманный сокол.

Не скоро заживет страшная рана, колдовской кинжал призрака — смертельное оружие, по капле жизнь вытекает из тела, даже если остановить кровь. Казалось, будто ему на грудь плеснули раскаленной медью, и та прожгла тело на глубину в два пальца. Сукровица из-под твердой корки уже не сочится, но уродливый длинный струп шевелится при каждом движении, как змей. От него синими и черными нитями тянутся в стороны сосудики.

Дверь на другой стороне зала с треском распахнулась, по глазам резанул яркий свет, будто там спряталось горячее летнее солнце. Палящие лучи ворвались в зал, залили все могучим колдовским светом. Стало светло как днем, статуи и барельефы засверкали как начищенный доспех, даже тени пропали, их сдуло, словно тряпки мощным порывом ветра. У Анри из глаз брызнули слезы, он торопливо накрыл лицо ладонями. Послышался громогласный хохот, земля под ногами вздрогнула, стены храма всколыхнулись от могучего звука.

— Вот он! Бери герой, если не передумал!

Анри отнял от лица ладони, глаза круглые от страха, щеки бледные как снег, хотя воздух сухой и горячий как в пекле. С разинутым ртом, он смотрел на средоточие великой силы. Рядом с ней ощущал себя мелким жучком, забравшимся на стопу великана. Как же уничтожить такое великолепие, он прекрасен!

Мел лежал перед ним, на каменной крышке древней могилы, такой же красивый и величественный, как тот громадный, в зале за спиной. Рука сама потянулась к рукояти, украшенной двумя золотыми змейками. Как живые, они кольцами обвили рукоять, длинные тела переплетаются друг с другом, маленькие блестящие головки соединяются на гарде. От них в стороны расходились блестящие стальные позвоночники, увенчанные на концах злыми черепами. Злобные прищуренные глазницы горели синим огнем, из них наружу выстреливали маленькие молнии.

Пальцы сомкнулись на эфесе, Анри вздрогнул, в грудь будто вновь ударили черным кинжалом, корка на струпе лопнула, наружу плеснуло темной кровью. Он ощутил укол в пальцы, могучий толчок, молнии пронзили тело. Во все стороны брызнули лучи ослепительного света, он горел уже не колдовским — богоравным могуществом. Анри чувствовал, что способен перевернуть мир с ног на голову, разрушить до основания, а затем снова создать за одно лишь мгновение!

Тор отступил от каменного гроба на шаг, его высокая фигура уменьшилась, будто усохла от палящего света, огонь в глазах угас, красное сияние лишь легонько поблескивало, как угольки в костре.

— Я выполнил, что должен, — произнес он усталым голосом. — Меч больше не властен надо мной, теперь ты хранитель.

— Тор! Что с тобой, Тор? — воскликнул Анри удивленно. — Ты не умрешь! Я чувствую такую мощь, что смогу вернуть тебе жизнь!

— Я говорил тебе, что есть сила больше человеческой, меч больше не имеет надо мной

власти. Я отныне свободен, мое тело умрет, а дух вознесется туда, где ему место! Но помни, что обещал мне, герой, — произнес Тор сурово. — Иначе твоя участь будет многим хуже моей!

— Нет! — воскликнул Анри отчаянно, — пойдем со мной!

Тор ничего не сказал, лишь усмехнулся криво, сухая кожа лопнула, обнажились пожелтевшие от времени зубы. Анри услышал его страшный смех, в ушах зазвенело, кровь молотом бухнула в голову.

Великан на глазах медленно превращался в черную, гранитную статую. Анри оцепенел от ужаса, тело застывало тоже, к сердцу подбирался смертельный холод. Он помнил это ледяное дыхание, темная воля высасывающая жизнь, как вампир. Только горячий меч в руке спасал от гибели, хотя даже пальцы на рукояти костенели, будто покрылись коркой льда. В последнем усилии Анри рванулся прочь от новой черной статуи. Та уже нависла над головой, на глаза надвинут капюшон, в руках угрожающе поблескивает громадный меч.

В зале полыхнул яркий свет, Анри ухватился обеими руками за сверкающий меч, в теле снова играла сила, ярость, мощь. От клинка по рукам жгучими волнами бежала сила. Она — жизнь, а остальное лишь жалкая пародия! Становилось дурно от одной лишь мысли причинить вред такому великолепию! И как он мог обещать погубить ее? Это же немыслимо!

За спиной раздался ужасающий рев, Анри с криком замахнулся сверкающим мечом, готовый убивать, крушить, обращать во прах. Та за спиной, прямо из ниоткуда возникали мертвья. Громадный, раздутый труп великана повернулся к герою с мечом, мутные, затянутые бельмами глаза поглядывали то на яростный свет клинка, то на черную сферу на поясе. Меч испепелил его одним касанием, лезвие не успело рассечь гнилую тушу, та просто осыпалась под ноги грудой пепла!

Мертвецы оцепенели: Анри видел по их тупым лицам, что застыли от страха! Он рассмеялся грозно и страшно, обе руки ухватились за рукоять, мышцы под доспехами вздулись под тяжестью могучей силы. С неистовым ревом он рубил и рассекал мертвые тела, пепел разлетался в стороны серыми облаками, ни следа крови, лишь струи трупного смрада ударили в воздух.

Он остановился, лишь когда последний живой мертвец горсткой золы опал к носкам его сапог. Каменные плиты, под ногами, стонали отчаянно, их сотрясала злая сила, дрожь уже понеслась по могучим статуям, сверху затрещало, вниз полетели крупные камни, размером с кулак. Один угодил Анри прямо в голову, благо, что в шлеме, лишь моргнул удивленно и молнией бросился к выходу.

Под ногами хрустели камни и штукатурка, перед глазами пронесся громадный меч, едва не упал, на спину. Анри отмахнулся в ужасе клинком, не хватало только погибнуть вот так глупо, когда чувствуешь, что равен богам! Но меч пронесся мимо, следом, со страшным грохотом рухнула тяжелая статуя, громадная туча пыли поднялась в воздух.

Ступени закончились, он уже не ощущал под ногами твердых гладких плит мрамора, мчался как ветер, мимо проносились величественные статуи и каменные фигуры зверей, колонны и обломки. Камни, пыль сыпались на плечи и голову, но он не замечал, закусил губу и старался бежать еще быстрее.

По дороге зацепился сапогом за обломок, нога подвернулась, тело накренилось в сторону, но не упал, ловко крутнулся, ударил по земле мечом. За спиной громыхал и раскалывался на части камень, в воздух взлетали тучи пыли и осколков, будто ледяную глыбу

дробили тысячей топоров.

Анри напрягся их последних сил, как наездник перед финишем, самое главное не замереть перед чертой, грудью пересечь ленту, и только тогда сможешь отдохнуть, насладится бурей аплодисментов. Только слабаки падают перед трудностями на колени, протягивают к небесам руки, сильные и дерзкие идут сами и достигают небес!

Он мчался вперед, к серебристой глади зеркала, та мерцала голубым волшебным светом, манила и звала его, Анри. Знал, по ту сторону его ждут, хотя и удивятся, он уже не тот, уже иной. Последний рывок и вспышка света ударяет, будто молотом по всему телу, сминает, расплющивает. Кажется, будто прыгнул с высокого утеса в реку, слышишь громкий всплеск, чувствуешь, что жив, но боль пронзает все тело раскаленными кинжалами. Так и сейчас, глаза понемногу привыкают, еще не видят, но кожей уже чувствуешь свет солнца, свежее и живое дыхание ветра касается лица, в нос ударяет соленый и радостный запах моря.

Под ногами сочная зеленая трава, кто бы мог подумать, что столько радости вызывает обычная луговая поросль. Нет больше мертвой пустоши, перед глазами — его мир, степи, леса, моря! Отсюда и начнет новую жизнь. Все что было, осталось за плечами, он совсем иной человек, в руках судьбоносный меч, вены вздувает могучая сила — а значит, с его желаниями и волей придется считаться. Судьба и небеса любят сильных, а удача — подготовленных. Он начнет свою жизнь снова — и теперь никаких правил!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

©2011, Киев